

ISSN 2409-8698

www.aurora-group.eu

www.nbpublish.com

Litera

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-04-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук,
yuhanova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-04-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Yukhnova Irina Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Шукуров Дмитрий Леонидович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорbonна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич — доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvgfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и

социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Тверского государственного университета.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира, заместитель директора Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного

транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьюцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры

"Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpo@mail.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Бааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Dmitry Leonidovich Shukurov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvgfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Tver State University.

Andrey F. Kofman — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World, Deputy Director of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze - Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art History, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpo@mail.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Shagbanova Habiba Sadyrova - Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Law Enforcement Officers, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 625049, Russia, Tyumen, ul. Amurskaya, 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

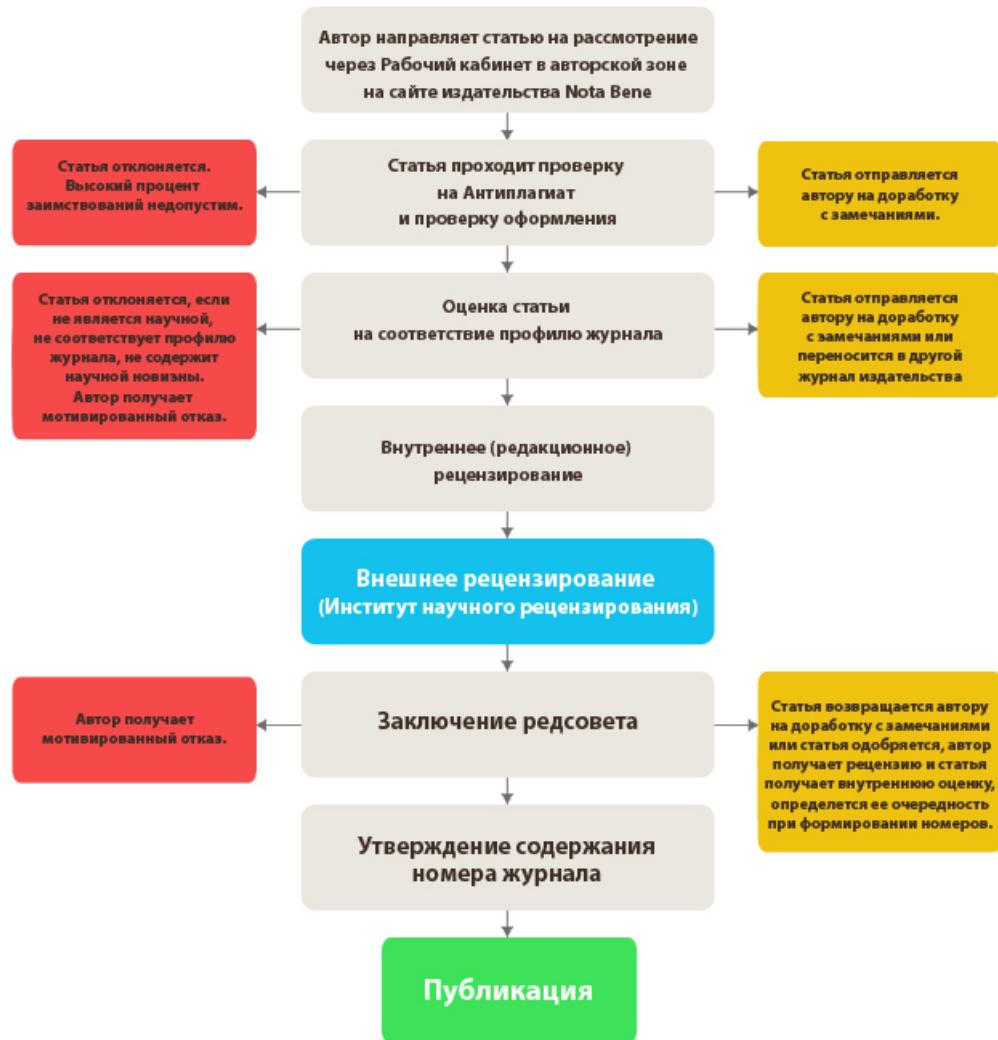
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Ван Ш., Жданова Л.А. «Потерянное поколение» в современном русскоязычном публицистическом дискурсе	1
Poursanati S., Годрати А. Русский формализм на практике: нарратологическое прочтение юности Джозефа Конрада	11
Ян Х. Освещение темы «Один пояс и один путь» в СМИ, на примере агентства ТАСС	27
Деревскова Е.Н., Дорфман О.В., Позднякова Н.В. Языковая метафора, порождающая тропы	36
Челя Д. Нarrативные приемы метамодернизма	45
Пшеничникова А.Ю. Лексика традиционных блюд регионов Испании, имеющая иноязычное происхождение.	59
Павлов Д.Н. Сказочный нарратив в медиасреде: структура и функции (на примере мотивирующего контента You-Tube)	72
Косарина А.А. Изменение семантики авторских терминов на основе научных и художественных текстов на примере термина Happening	85
Чжэн Ц. Специфики словообразования в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык	93
Цзя Ц. Национальные и культурные особенности употребления фразеологизмов в китайском и русском языке	102
Чжан Т., Жданова Л.А. Синтаксема при царе в значении 'в России до 1917 года' (по данным Национального корпуса русского языка)	109
Чэнь Ф. Реальные географические локусы и их смысл в цикле К. К. Случевского «Мурманские отголоски»	116
Захарова Е.М. Философский аспект книги литературно-критических статей как структурно-семантического единства	123
Скрябин В.Ю. Сонет «Озимандия» П.Б. Шелли	140
Кудрявцева Р.А. Марийские народные песни в художественной структуре романа С. Г. Чавайна «Элнет»	147
Богданова Ю.А. Египетская романная проза 1950-х гг. и тенденции ее развития: сопоставительный анализ	176
Щепачева И.В. Ситуация мультикультурности в романе Теджу Коула «Открытый город»	190
И Л. Мода и модное слово в научном освещении (на материале русского и китайского языков)	200
Англоязычные метаданные	217

Contents

WANG S., Zhdanova L.A. The "Lost Generation" in the Modern Russian-language Journalistic Discourse	1
Poursanati S., Ghodrati A. Russian Formalism in Practice: A Narratological Reading of Joseph Conrad's Youth	11
Yang H. Coverage of the Theme "One Belt and One Road" in the Media, on the Example of the TASS Agency	27
Derevskova E., Dorfman O., Pozdniakova N. Language metaphor generating tropes	36
Cela X. Narrative Devices of Metamodernism	45
Pshenichnikova A.Y. The Vocabulary of Traditional Dishes of the Regions of Spain, which has a Foreign Language Origin.	59
Pavlov D.N. Fairy Tale Narrative in the Media Environment: Structure and Functions (on the Example of Motivating YouTube Content)	72
Kosarina A.A. Changing the Semantics of Author Terms Based on Scientific and Artistic Texts on the Example of the Term "Happening"	85
Zheng Q. The Specifics of Word Formation in Chinese Russian-Learners' Interlanguage	93
Jia J. National and Cultural Peculiarities of the Use of Phraseological Expressions in Chinese and Russian	102
Chzhan T., Zhdanova L.A. The Syntaxeme 'pri tsare' ('in tsarist time') in the Meaning of 'in Russia until 1917' (according to the Russian National Corpus)	109
Chen F. Real Geographical Loci and their Meaning in K. K. Sluchevsky's Cycle "Murmansk Echoes"	116
Zakharova E.M. The philosophical aspect of the book of literary and critical articles as a structural and semantic unity	123
Skryabin V.Y. Sonnet "Ozymandias" by P.B. Shelley	140
Kudryavtseva R.A. Mari folk Songs in the Artistic Structure of S. G. Chavain's Novel "Elnet"	147
Bogdanova I.A. The Egyptian Novelistic Prose of the 1950s and the Tendencies of its Development: a Comparative Analysis	176
Shchepacheva I.V. Multiculturalism in Teju Cole's Novel "Open City"	190
Yi L. Fashion and the buzzword in scientific coverage (based on the material of Russian and Chinese)	200
Metadata in english	217

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ван Ш., Жданова Л.А. — «Потерянное поколение» в современном русскоязычном публицистическом дискурсе // Litera. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.3.39866 EDN: INVAEM URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39866

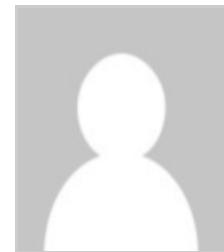
«Потерянное поколение» в современном русскоязычном публицистическом дискурсе

Van Shuin

аспирант, кафедра русского языка, МГУ им. М.В. Ломоносова

119313, Россия, г. Москва, ул. Ленинский Проспект, 89/2

✉ shoin.van@yandex.ru

Жданова Лариса Александровна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русского языка филологического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова

119191, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ zhda1a@mail.ru

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.3.39866

EDN:

INVAEM

Дата направления статьи в редакцию:

26-02-2023

Дата публикации:

05-03-2023

Аннотация: В статье рассматриваются употребления в современном публицистическом дискурсе термина потерянное поколение, исходно относившегося к писателям первой половины XX века, прошедшим Первую мировую войну и выражающим в своем творчестве ее трагический опыт, свою внутреннюю опустошенность и отчужденность от общества. Присутствие в этом идиоматическом термине атрибута с характеризующим значением позволяет ему детерминологизироваться и употребляться в современной русской речи как свободное словосочетание: по отношению к разным поколениям людей, прежде всего к современной российской молодежи. Целью статьи является

описание основных типов употребления синтагмы потерянное поколение в современной русской речи и выявление их связи с исходным значением термина. Материалом исследования являются контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка, а также результаты проведенного авторами лингвистического эксперимента. В статье используются количественный, функционально-семантический, описательный методы, используется метод компонентного анализа, выделяются основные значения и сферы употребления синтагмы как устойчиво воспроизведимой прецедентной номинации. Сопоставление результатов эксперимента и анализа контекстов Национального корпуса русского языка показывает значительную согласованность. И в опросе, и в корпусе терминологическое употребление является достаточно частотным (второе по частотности среди всех выделенных типов), однако существенно уступает совокупности нетерминологических употреблений, среди которых выделяются как близкие к исходному, так и достаточно далекие ('молодежь', 'люди, не оправдавшие надежд, возлагавшихся на них в профессиональной сфере', 'социально не защищенные группы' и другие).

Ключевые слова:

термин потерянное поколение, прецедентный феномен, детерминологизация, лингвистический эксперимент, идиоматичность, семантика, отрицательная оценка, многозначность, НКРЯ, публицистический дискурс

Формирование поколений является культурно значимым и не только переживается обществом, но и воплощается в художественном творчестве: вспомним такие разные, но объединенные «поколенческой» тематикой произведения, как «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова, «Отцы и дети» И. С. Тургенева, «Generation R» В. Пелевина. В результате художественного осмыслиения коллективного исторического опыта появляются авторские наименования, которые со временем становятся прецедентными феноменами [2, с. 82]. Так, например, выражение *дети XX съезда* принадлежит Е. А. Евтушенко [3, с. 11], величайшее поколение взято из названия книги американского журналиста Т. Броуна [4], выражение *потерянное поколение* приписывается Гертруде Стайн, в широкое употребление оно было введено Э. Хемингуэем [5, с. 773].

Семантика и сочетаемость лексемы *поколение* описана в [6, с. 121-131], однако рассматриваемый нами аспект в данной работе практически не затрагивается. Выражение *потерянное поколение* является литературоведческим термином. Процитируем «Литературную энциклопедию терминов и понятий»: «П. п. обычно называют людей, прошедших через первую мировую войну, духовно травмированных, разуверившихся в ура-патриотических идеалах, некогда их увлекавших, подчас внутренне опустошенных или остро ощащающих свою неприкаянность и отчужденность от общества» [5, с. 773]. Термин употребляется по отношению как к самим писателям (Э. Хемингуэю, Э. Ремарку, Р. Олдингтону и другим), так и к их персонажам и современникам. Термин достаточно широко известен и может считаться устойчивой прецедентной номинацией, точное значение которой, однако, не всегда известно современным носителям языка, отметим, что в исходном значении термина не содержится отрицательной оценки обозначаемого поколения.

Для выяснения того, как современные молодые образованные носители русского языка употребляют и интерпретируют данную номинацию, нами были проведен лингвистический

опрос, в котором участвовали 35 респондентов – студентов гуманитарных факультетов МГУ. Лингвистический опрос включал задания: *Знакомо ли вам выражение «потерянное поколение»? Если Вы ответили на предыдущий вопрос утвердительно, то укажите, с какими годами Вы соотносите это поколение, и дайте его краткую характеристику.*

На первый вопрос 100% респондентов ответили положительно. Ответы на вторую часть задания представлены в Таблице 1. Нумерация отражает объединение однотипных ответов в инварианты (по убыванию частотности ответов). Подчеркиванием выделены фрагменты, важные для дальнейшего анализа.

Таблица 1.

Годы в ответах	Краткая характеристика поколения в ответах
1. С годами <u>своего поколения</u> (2000-2005 гг.). / Дети XXI века. / Поколение нулевых. / Поколение Z с 2000-х гг. и дальше. / 2003-2015-е гг. / Связываю с людьми, рожденными с 2001 г. по настоящие дни. / Поколение подростков от 2000 г о д а до нынешнего дня. / Начиная с 2000-х гг. 2000-е гг. / с 1999 по 2010 гг.	1. Слышится от представителей поколения <u>родителей или бабушек и дедушек</u> . 20-25 лет, <u>безответственные</u> люди. Поколение <u>Интернета</u> . В основном подростки, которые <u>знают мало</u> об искусстве и науке, <u>ничем не увлекаются</u> . Пользовались <u>компьютером</u> с рождения. Поколение, которое увлекается по большей части <u>только компьютерами, телефонами, соц сетями</u> . <u>Современная молодёжь, поглощённая интернетом, по мнению старших</u> . Редко обращаются к книгам, изменились их ценности. <u>Бестолковое, ленивое, не имеющее перспектив.</u> Быстрее воспринимают <u>информацию</u> , цель – самореализация, деньги, уделяют внимание психологическому здоровью. Поколение, воспитывающееся <u>на новых, несоветских традициях</u> .
2.1941-1955-е гг. / Послевоенные годы . (1940-1950- е гг.) / 1920-1940-е гг. / 1920-е -1950-е гг./ 1920-1930-е гг. / годы великой депрессии. / 20-е гг. / 1900-1930-е гг. /	2. <u>Молодые</u> люди, пережившие Первую мировую войну в очень раннем возрасте и не сумевшие устроиться в жизни после её окончания. Поколение, заставшее мировые войны и переживающее кризис убеждений. Время после Первой мировой войны, люди, которые потеряли себя, цель и смысл жизни. Ровесники Хемингуэя. Те, кто жил в период между двух войн. Между Первой и Второй мировыми войнами.

<i>1890-1900-е гг.</i>	<i>Столкновение с глобальными переменами в стране, привычка к насилию и сдержанности в эмоциях.</i>
<i>3. Это перманентный термин</i>	<i>3. Молодое поколение. Юные ребята. Каждый взрослый, каждое взрослое поколение называет менее взрослое потерянным, поэтому здесь трудно установить временные рамки.</i>
<i>4. 2020-2022-е гг.</i>	<i>4. Ребята, которые только идут в школу, очень сильно отличаются от предыдущих выпусксов. Раньше ребята читали больше книг, а теперь все зависли в телефонах.</i>
<i>5. 90-е годы XX века / 90-е / 1985-2000-е гг. / 1975-1985-е гг.</i>	<i>5. Так называют поколение, родившееся в перестройку. Поколение перестройки.</i>
<i>6. 1825-1855-е гг.</i>	<i>6. Времена Николая I, после восстания декабристов. Эпоха правления Николая I, ужесточение режима. Люди не имели чёткой цели, после войны 1812 года не было четкого курса направления страны.</i>

Из Таблицы 1 видно, что терминологическое значение не является самым распространенным в ответах респондентов, его опережает отнесение характеристики *потерянное* к своему собственному поколению и понимание ее как отрицательно оценочной (что расходится с коннотациями исходного термина). Граница *потерянного поколения* в большинстве согласованных ответов обозначена как *рожденные в ХХI веке / после 2000 г.* Так как все респонденты относятся к возрастной группе 16-23 года, *потерянным* они считают именно свое поколение, правда, иногда отмечают, что отрицательная оценка является не их собственной, а высказанный представителями предыдущих поколений (родителей, бабушек и дедушек). Основные черты своего поколения, обозначенные в ответах, являются попыткой мотивировать отрицательную оценку, выраженную в атрибуте: *безответственные, мало знают, ничем не увлекаются, ленивые, не имеют перспектив и т. д.* (в Таблице 1 подчеркнуты соответствующие фрагменты ответов). Значимая характеристика поколения – хорошее владение компьютером, Интернетом и прочими современными технологиями. Даже это вроде бы положительное свойство в ответах подается как отрицательное (молодежь, которая *увлекается только компьютерами, поглощенная интернетом*), что, как кажется, является не столько самокритикой, сколько пересказом чужих слов. Таким образом, можно предположить, что использование синтагмы *потерянное поколение* по отношению к современной молодежи не принадлежит собственно молодежной речи, а распространено в речи более взрослых возрастных групп.

К рассмотренному выше самому частотному значению 'современное поколение' близки еще два, которые представлены в меньшем количестве согласованных ответов, нежели исходное терминологическое значение, поэтому получили в Таблице 1 нумерацию 3 и 4. Четыре респондента полагают, что негативную оценку со стороны предыдущих поколений получает каждое новое, молодое поколение (один из ответов – это *перманентный термин* – мы указали в Таблице 1 вместо дат, которые по очевидной причине в ответах этих респондентов отсутствуют). Два респондента отнесли негативную характеристику не к

своему поколению, а к следующему, более юному (ребята, которые только идут в школу).

Вторым по количеству согласованных ответов является исходное терминологическое значение (в более или менее точных формулировках). Отметим, впрочем, что в совокупности ответы, в которых термин понимается не как идиома, а как детерминологизированное свободное словосочетание с оценочным атрибутом, существенно частотней (соотношение 29 / 6).

В четырех ответах респонденты считают потерянным поколение соотечественников, родившихся или взрослеющих в период перестройки, в трех – эпоху после восстания декабристов.

Сравним данные, полученные в результате лингвистического эксперимента, с данными, полученными в результате анализа контекстов, выбранных из Национального корпуса русского языка [1]. По запросу потерянное поколение в основном подкорпусе найден 31 контекст, в газетном подкорпусе – 81 контекст. Таким образом, нами проанализированы 112 контекстов. Терминологических употреблений среди них 18, например: *Потерянное поколение: в Лондоне почтили непохороненных солдат Первой мировой* [1, 2018]. Термин в большинстве таких употреблений используется для проведения параллелей с современностью, хотя и в соответствии с исходным значением (отсылки в контекстах к 1920 гг. ХХ века, Первой мировой войне, Э. Хемингуэю, Э. Ремарку, Гертруде Стайн и под.). Однако подавляющем большинстве контекстов термин потерянное поколение детерминологизируется (превышение над терминологическим употреблением более чем в 5 раз) и применяется по отношению как к разным поколениям людей в российской истории и современности, так и более узко – применительно к отдельным сферам деятельности (футбол, биатлон, рок-музыка, театр и т. д.).

Анализ контекстов позволяет выделить следующие нетерминологические значения, представленные в Таблице 2 .

Таблица 2.

Тип употребления	Примеры из корпуса
1.'Молодежь' // 'Молодежь, которая не имеет цели и идеалов'	<u>1. В каждом поколении существовала проблема отцов и детей, и всегда твердили, что растет потерянное поколение</u> [1, 2003]. <u>Отовсюду летят фразы «потерянное поколение», «поганая молодежь» и т. д. Это именно то «потерянное поколение», которое <i>Вы, взрослые, лишили бесплатного образования и нормальной работы. Все зло - от взрослых!</i></u> [1, 2001]. // <u>...возникает <u>очередное</u> потерянное поколение», обремененное знаниями, но <u>не понимающее, зачем и кому они нужны</u></u> [1, 2010]. <u>К счастью, эта молодежь — <u>не потерянное поколение, а люди, знающие, чего хотят</u></u> [1, 2001].
2.'Люди.' не	2. «Потерянное поколение» — так многие тренеры

<p>—... люди, ... оправдавшие надежд, возлагавшихся на них в профессиональной сфере, неудачники' (о спортсменах, актерах, музыкантах и т. д.)</p>	<p>любят <u>объяснять провалы</u> последних лет [1, 2010]. <u>И хотя</u> нашими однокурсниками, да и пришедшими из Студии позднее, <u>было все-таки сыграно много удачных ролей</u> и в театре, и в кино, но считается, что...это — «потерянное поколение» в театре [1, 2010]. <u>Мне кажется, нынешние</u> молодые парфюмеры — потерянное поколение [1, 2016]. <u>Потерянное поколение.</u> На фоне <u>неудовлетворительных результатов</u> <биатлонистов> особняком стоят победы [1, 2014]. <u>"Потерянное поколение "</u> (как позже окрестили группу игроков, <u>прогремевших на весь мир на молодежном уровне, но ничего не выигравших на уровне взрослых сборных</u>) [1, 2011]. <u>Э то потерянное поколение, от которого можно ждать разве что единичных удач</u> [1, 2002].</p>
<p>3.'Люди, участвовавшие в локальных войнах XX-начала ХХI веков'</p>	<p>3. ...американцы после Вьетнама составили потерянное поколение [1, 2005]. <u>В Сирии и Ираке</u> уже появилось свое «потерянное поколение», которое с детства вилит лишь разрушения и смерть [1, 2015]. <u>Потерянное поколение...</u> Ему-то и нужно помочь найти себя и отучить от войны как от единственного образа жизни [1, 2003]. <u>П о т о м запутался, сломался, стал киллером.</u> <u>Потерянное поколение, свинцовые мальчики.</u> <u>Герои и жертвы чужой войны</u> [1, 2004]. <u>«Брат»</u> первый Алексея Балабанова- фильм про потерянное поколение [1, 2006].</p>
<p>4.'Соотечественники, детство, юность или молодость которых пришлась на эпоху общественных перемен 1980-1990 гг.'</p>	<p>4. ...отдувается за «потерянное поколение» рубежа 1980-90 гг. [1, 2010]. <u>Потерянное поколение девяностых годов</u>— это все-таки клише [1, 2014]. <u>Одно «потерянное поколение»</u> у нас уже есть — дети 90-х, которые сейчас сами стали «непростыми родителями» и приводят в школы собственных детей [1, 2010].</p>
<p>5.'Социально не защищенные группы</p>	<p>5. В городе существует «потерянное поколение»: люди, которые только-только вышли или вскоре</p>

людей'	выйдут <u>на пенсию</u> [1, 1984] .
	<u>Потерянное поколение пенсионеров</u> [1, 1998] .

Прокомментируем выделенные типы употребления.

1. В связи с тем, что материал в Национальном корпусе русского языка представляет достаточно широкий временной диапазон и вводится с некоторым отставанием, контексты, в которых реализуется значение 'молодое поколение', соотносятся не с современной молодежью в узком смысле (как в опросе, отраженном в Таблице 1), а с более широким временным диапазоном. Основанием для объединения контекстов разных лет в один инвариант является эксплицированное противопоставление «отцов» и «детей» с отрицательной оценкой «детей», эксплицированное указание на повторяемость (очередное поколение), отнесение номинации к современной авторам контекстов молодежи (при достаточно широком временном диапазоне). Все это позволяет выделить значение 'молодежь' без хронологической атрибуции.

В рамках типа употреблений выделен подтип (оттенок значения, отделенный двумя косыми чертами) в связи с тем, что в большом количестве контекстов присутствует объяснение того, почему молодое поколение является потерянным, и основная мотивировка – отсутствие цели и идеалов, которое связывается обычно с недостатком внимания и воспитания: *Дети не ходили в школу по три-четыре года, это потерянное поколение* » [\[1, 2001\]](#). В большинстве таких контекстов атрибут выражает отрицательную оценку, которая является синхронной или проспективной (присутствуют дейктики *нынешнее* или *будущее*, глагольные формы в настоящем или будущем времени *теряем, вырастим* и под.). Ср.: *Вот что значит – потерянное поколение... У молодых людей явно отсутствует внутренний стержень.* можно отметить отсутствие надлежащего семейного воспитания, у них не сформировались должные модели поведения. [\[1, 2012\]](#); *Если мы сейчас немедленно свою молодежь, своих детей не будем разворачивать, поворачивать, то мы просто поколение можем потерять* [\[1, 2012\]](#). Значительное количество контекстов, связанных с темой воспитания, являются проспективными, однако в целом в выборке преобладают ретроспективные контексты или контексты, где предполагается «оценка из будущего», например: *Думаю, историки отметят нашу молодежь как «потерянное поколение* » [\[1, 2002\]](#); *Потерянное поколение, представителями которого, как опасались многие родители и учителя, станут родившиеся в начале 90-х годов, демонстрирует недюжинную глубину мысли* [\[1, 2011\]](#).

2. Следующий тип употреблений выражения *потерянное поколение* достаточно далек от исходного терминологического значения и является специализацией значения 'молодежь'. Номинация ретроспективно обозначает неудачи, профессиональный неуспех в какой-то узкой сфере, в основном в спорте. Здесь можно выделить два подтипа: 1) с негативной оценкой и объяснением в контексте: молодые люди подавали большие надежды, но не оправдали их – примеры в Таблице; 2) с объяснением исторических обстоятельств, вызвавших профессиональный неуспех и с сочувствием: *Потерянное поколение русского рока. Эта книга рассказывает о группах и музыкантах, которые были слишком молоды, чтобы пополнить нестройные ряды андерграунда, но появились слишком рано, чтобы выступать на стадионах и на радио* [\[1, 2014\]](#).

3. Тип употреблений 'люди, участвовавшие в локальных войнах XX-начала XXI веков' в наибольшей степени семантически связан с исходным терминологическим значением. В большинстве контекстов речь идет о тяжелых последствиях опыта войны и о проблемах с

адаптацией в социуме. Следует отметить наличие контекстов, относящихся к разным странам, и то, что номинация не применяется по отношению к людям, пережившим Вторую мировую войну.

4. Единственное четко хронологически атрибутированное в большом количестве контекстов поколение (кроме обозначенного исходным термином) – это поколение 1980-90 гг., или «поколение перестройки» (и один контекст в выборке относится к эпохе «оттепели»). Отметим, что в таких контекстах, как и в исходном термине, обычно отсутствует отрицательная оценка, обычно выражается сожаление или сочувствие к поколению, чья молодость совпала с «эпохой перемен». (В атрибутивных синтагмах со словом *поколение* в качестве хронологических ориентиров чаще всего используются указания на значимые события мировой или отечественной истории, которые приходятся на пору взросления, а не рождения людей, составляющих данное поколение. Ср.: *Восьмидесятники – это не люди, рожденные в 80-е годы, это люди, которые социально родились в 80-е годы* [1].) Заметим также, что членение череды рождений / взрослений людей на поколения обычно происходит по прошествии некоторого времени, которое позволяет осмысливать социально-исторический контекст, сформировавший общность. В ряде контекстов дается мотивировка, объяснение того, почему поколение оценивается именно так. Ср.: 1985 год. Он, с сочувствием: Вы – «потерянное поколение». Я, с молодым задором: «Почему это?» Он, умудренно: «Сложившаяся культура рушится, будет – не знаю уж, что там будет, но вы попали меж двух огней [1, 2010].

5. Редким (всего 4 контекста), но примечательным является отнесение выражения *потерянное поколение* к социально не защищенным группам людей (безработным и пенсионерам – примеры см. в Таблице 2). Интересно здесь то, что обычно выражение *потерянное поколение* применяется к молодым людям (даже в тех случаях, когда автор явно немолод, ретроспекция высвечивает период его молодости или зрелости...*мое поколение – потерянное поколение, прожившее счастливые годы «оттепели»* [1, 2010]). В двух контекстах, однако, речь идет о пенсионерах, то есть о старшей возрастной группе. В этом случае может иметь место языковая игра, однако приведенных в корпусе контекстов недостаточно, чтобы утверждать это уверенно.

Выводы. Рассматриваемый калькированный термин представляет собой двусловную идиому, включающую существительное *поколение* и атрибут с характеризующим значением, поэтому может употребляться безотносительно к исходному значению и культурно-национальной специфике и таким образом детерминологизироваться. Термин является прецедентным феноменом: 100% респондентов опознали его как знакомую воспроизведенную составную номинацию, то есть слышали его раньше. Сопоставление результатов эксперимента и анализа контекстов Национального корпуса русского языка показывает значительную их согласованность. И в опросе, и в корпусе терминологическое употребление является достаточно частотным (второе по частотности среди всех выделенных типов), однако существенно уступает совокупности нетерминологических употреблений. Единственное четко хронологически атрибутированное поколение (кроме обозначенного исходным термином) – это «поколение перестройки». Детерминологизированные употребления в подавляющем большинстве случаев относятся к молодому поколению, актуализируется оппозиция «отцов» и «детей», а атрибут *потерянное* становится отрицательно оценочным. Примечательна специализация значения, представленная в значительном количестве контекстов: 'люди, не оправдавшие надежд, возлагавшихся на них в профессиональной сфере'. Таким образом, выделяются две линии семантического развития

деэтиологизированного термина: с сохранением семантического компонента 'неблагоприятные для молодого человека внешние условия' (война, эпоха перемен) и с выдвижением в ядро значения 'отсутствие цели, неуспех' и отрицательно оценочного компонента.

Библиография

1. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 20.02.2023).
2. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. – М.: Филология, 1997. – Вып. 1. – С. 82–103.
3. Евтушенко Е. А. Выступление на Пятом съезде писателей СССР 1 июля 1971 г. Напечатано: «Литературная газета» №28, 7 июля 1971 г., – С. 11-12.
4. Brokaw T. The Greatest Generation. Random House, 1998. – 390 с.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий // Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. – Москва : Интелвак, – 2001.
6. Чурилина Л. Н., Позднякова Н.В. Фразеологизация как лингвокогнитивный процесс: формирование концептуальной структуры «поколение» // Фразеология и культура. – 2020. – № 2 (60). – С. 122-131.
7. Медведев С. «Восьмидесятники»: победители или потерянное поколение. URL: <https://www.hse.ru/news/1163625/10922923.html> (дата обращения 12.02.2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье рассматривается актуальное употребление термина «потерянное поколение» в публицистическом дискурсе, а также представления о его содержании, сформированные в сознании молодых образованных носителей русского языка. Исследование производилось в два этапа: на первом авторы статьи провели опрос о содержании термина среди 35 респондентов – студентов гуманитарных факультетов МГУ – и выяснили, что принятое определение прецедентного термина не является самым частотным в сознании образованных молодых людей 16–23 лет, уступает определению «потерянного поколения» как поколения нынешней молодёжи, т. е. того, в которое входят сами респонденты. Интересно наблюдение авторов, что в понимании молодых людей термин приобретает отсутствующую в исходном значении отрицательную оценочную коннотацию, а также скорее воспринимается как внешняя оценка, регулярно получаемая от представителей старших поколений – родителей. На втором этапе авторы статьи сопоставили результаты опроса с общей тенденцией употребления термина в актуальном дискурсе, для этого были использованы данные Национального корпуса русского языка. Результаты второго этапа исследования в целом совпали с данными, полученными в ходе опроса, и позволили сделать интересные выводы об особенностях детерминологии прецедентного термина: «Термин является прецедентным феноменом: 100% респондентов опознали его как знакомую воспроизведимую составную номинацию, то есть слышали его раньше. Сопоставление результатов эксперимента и анализа контекстов Национального корпуса русского языка показывает значительную их согласованность. И в опросе, и в корпусе терминологическое

употребление является достаточно частотным (второе по частотности среди всех выделенных типов), однако существенно уступает совокупности нетерминологических употреблений. Единственное четко хронологически атрибутированное поколение (кроме обозначенного исходным термином) – это «поколение перестройки». Детерминологизированные употребления в подавляющем большинстве случаев относятся к молодому поколению, актуализируется оппозиция «отцов» и «детей», а атрибут потерянное становится отрицательно оценочным. Примечательна специализация значения, представленная в значительном количестве контекстов: 'люди, не оправдавшие надежд, возлагавшихся на них в профессиональной сфере'. Таким образом, выделяются две линии семантического развития деэтимологизированного термина: с сохранением семантического компонента 'неблагоприятные для молодого человека внешние условия' (война, эпоха перемен) и с выдвижением в ядро значения 'отсутствие цели, неуспех' и отрицательно оценочного компонента».

Статья представляется исключительно актуальным, оригинальным исследованием, имеющим выраженную теоретическую ценность. Авторы демонстрируют не только продуманный подход к исследованию, но и высокий уровень научной культуры: статья хорошо структурирована, написана чистым научным языком, ход исследования подробно описан, результаты наглядно представлены в таблицах.

Единственным незначительным замечанием может быть недостаточно обширный (7 наименований) список литературы, однако, на наш взгляд, практическая направленность исследования и его реальная новизна снимают это замечание. Статья заслуживает самой высокой оценки и может быть рекомендована к печати.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Poursanati S., Ghodrati A. — Russian Formalism in Practice: A Narratological Reading of Joseph Conrad's Youth // Litera. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.3.37775 EDN: EHLTRN URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37775

Russian Formalism in Practice: A Narratological Reading of Joseph Conrad's Youth / Русский формализм на практике: нарратологическое прочтение юности Джозефа Конрада

Poursanati Susan

кандидат филологических наук

старший преподаватель, кафедра английского языка, Allameh Tabatabai
 1997967556, Иран, Тегеран область, г. Тегеран, ул. Allameh Shomali, 40, каб. руси

✉ susan.poursanati@gmail.com

Ghadri Asgar

ORCID: 0000000268038211

кандидат филологических наук

Университет имени Алламе Табатабаи, старший преподаватель, кафедра Русского языка
 1997967556, Иран, Тегеран область, г. Тегеран, ул. Allameh Shomali, 40, ауд. Университет

✉ asghar_ghodrati@yahoo.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.3.37775

EDN:

EHLTRN

Дата направления статьи в редакцию:

01-04-2022

Дата публикации:

11-03-2023

Аннотация: Более короткие художественные произведения Конрада в формалистическом анализе его критиков в основном игнорируются. Поэтому, чтобы восполнить пробел в литературе, связанный с повествовательной структурой более коротких произведений Конрада, авторы настоящей статьи подробно рассматривают идеи нарратологии Женетта к рассказу Конрада «Юность, повествование». Нарратология, метод, использованный в данной статье, является наукой о литературе,

возникшей в трудах русских формалистов и занимающейся систематическим изучением нарративов. Целью этой науки является выявление основных структур и отношений, участвующих в создании истории и ее смысла. Для достижения этой цели теоретики нарратологии ввели и определили ряд языковых правил, которые разделяют все нарративы, написанные на всех языках. Научная новизна работы заключается в том, что на практике показывается нарратологическое прочтение материала, а также показывается, как авторы применяют эти структурные правила к своим текстам. Женетт, французский нарратолог, в своей книге «Нарративный дискурс» ввел пять нарративных категорий; эти категории включают Порядок, Продолжительность, Частоту, Настроение и Голос. В настоящей статье обсуждаются нарративные категории Женетта, примененные к рассказу Джозефа Конрада «Юность, повествование», и выявляются структурные нюансы этого рассказа, чтобы помочь читателям в целом и тем, кто изучает литературу, в частности, затронуть внимательное прочтение стиля письма Конрада.

Ключевые слова:

Нарратология, русский формализм, Женетт, Конрад, нарратив, нарративные категории, нарративный дискурс, русский, английский, литература

One could argue that every narrative operates according to this double logic, presenting its plot as a sequence of events which is prior to and independent of the given perspective on these events, and, at the same time, suggesting by its implicit claims to significance that these events are justified by their appropriateness to a thematic structure. [\[13, p.107\]](#)

1. Introduction

In the second decade of the twentieth century, a new literary theory emerged in two Russian cities, Moscow and St. Petersburg. The movement was called Russian formalism as its focus was on the patterns, techniques and literary devices in a work of literature or to be more specific, in a poem [\[1, p. 126\]](#). Later on, however, some Russian formalists shifted their attention from poetry to narrative in its various forms. One such figure was Vladimir Propp whose book, *The Morphology of the Folktale* (1928), inaugurated what is called modern narratology [\[1, p. 209\]](#). In this book, Propp elaborates on the structural elements and the recurrent narrative themes and devices in the folktales and fairy tales. As time passed, the scope of narratology was expanded and its adherents, the Russian formalists and the French structuralists developed new ideas and added up new technicalities to Propp's version of narratology. In general, we can say that the narratologists attempt to reveal "the 'grammar' of narrative in terms of structures and narrative formulas that recur in many stories, whatever the differences in the narrated subject matters". Gerard Genette, the French narratologist and critic in his book, *Narrative Discourse* (1980) analyses the interrelationship between a story and the methods involved in its narration. He, specifically, highlights the treatment of point of view in the narrative of fictional works [\[1, p. 209\]](#) within the general framework of the theory of narratology.

Victor Erlich believes that the appearance of the content related to Russian formalism "in Western European or American publications were scarce, brief and more often than not geared to specialized audiences" [\[6, p. 215\]](#). But this cannot stop astute literary critics from exploring this field of study. As Russian Formalism and the movements that stemmed from it are not given enough care and attention from the literary critics around the world, it

seems necessary to have a short review of the history and the main ideas of the movement before moving on to the analysis of Conrad's short story.

Rene Wellek has considered the year 1914 as the official starting point of this literary movement:

Viktor Shklovsky's Resurrection of the Word (1914) is usually considered the first clear pronouncement but, as a group appearance, the two small Symposia on the Theory of Poetic Language, published in Petersburg in 1916/17 and after the Revolution the collection, Poetika, printed in 1919, present something like a common front. The movement became institutionalized by the founding, in October 1919 of the Society for the Investigation of Poetic Language (Opojaz). [\[22, p. 177\]](#)

Erlich summarises and explains what is implied in the statements of this group of critics about the aims of the movement as a mode of study in this way:

[It] is not the Russian variant of the supranational "formalist" trend which asserts itself periodically in art and in literary criticism. What is at issue is a more specific and more easily identifiable historical entity—notably, a school in Russian literary scholarship which originated in the second decade of the twentieth century, flourished in the 1920's and was forcibly suppressed in 1930. [\[5, p. 627\]](#)

Erlich adds that this group of formalists "favored such self-definitions as the 'morphological' approach or 'specifiers'" [\[5, p. 628\]](#) that could give a better portrayal of the preferred activities of the proponents of this school of thought. Two major proponents of Russian Formalism, Jakobson and Eichenbaum, have given an overall image of the aims and approaches of the group:

"The subject of literary scholarship," said Jakobson, "is not literature in its totality but literariness (literaturnost), i.e., that which makes of a given work a work of literature." "The literary scholar," added Eichenbaum, "ought to be concerned solely with the inquiry into the distinguishing features of the literary materials." [\[5, p. 628\]](#)

These formalist practices "were tested in acute studies of rhythm, style, and narrative structure" [\[5, p. 631\]](#). As the focus of this paper is the structure of a work of short fiction, some of the ideas of the Russian formalists about the study of the elements of a story are discussed here.

According to Eichenbaum, a work of literature "is always something made, shaped, invented, not only artful but artificial in the good sense of the word" [\[5, p. 632\]](#). Moreover, in his *Theory of Prose* (1925), Shklovsky "asserted the primacy of organization over theme, of narrative conventions over "life" allegedly reflected or deflected in the work" [\[5, p. 632\]](#). Consequently, because of its structural complexities, narrative mode can provide the formalist critic with a ripe space to explore the adherence and the deviation of the authors to and from the predefined codes of the genre.

Erlich believes that "one of the most valid Formalist contributions to the theory of fiction was the study in comparative folklore, V. I. Propp's *Morphology of the Folktale*" [\[5, p. 632\]](#). Propp, whose ideas developed the main structure of the field of narratology, "was born in St. Petersburg in 1895; his father was a German emigre. He studied at the Faculty of Letters of St. Petersburg University" [\[9, p. 25\]](#). Though, he has introduced his narratological views by referring to folktales, Propp asserts that his findings can be expanded to other

forms of narrative fiction:

I identified the law that governed a very modest field, the law of one of the types of folktale; but even then it seemed to me that the discovery of this law might also be of more general importance. The very term "morphology" was taken not from those handbooks of botany whose chief aim is classification, nor from grammatical treatises, but from the works of Goethe, who assembled under this title works of botany and of osteology. Goethe's use of this term marks a breakthrough in the study of the laws that pervade nature, and it was no accident that he moved from botany to comparative osteology. I can warmly recommend these works to structuralists. [\[18, p. 13\]](#)

Here, Propp recommends the structuralists to reconsider the functionality of his narratological ideas, and later in the same article, he justifies this claim by suggesting the analysis of the functions of the characters in a narrative form to his structuralist peers:

It is an entirely separate matter that the method of analysis of narrative genres based on the functions of the characters may turn out to be effective not only for magical folktales but also for other types of folktale, and possibly also in the study of world literature of a narrative character. But it is easy to foresee that in each of these cases the concrete results will be entirely different. Thus, for instance, cumulative tales are constructed on quite different principles from magical tales.' [\[18, p. 13\]](#)

It can be inferred that in this manner, Propp is enjoining the Russian formalist criticism to the Structuralist school of thinking, regarding narrative as the common ground for their studies. Hence, he proposes that "There are, then, various types of narrative which can nevertheless be analysed by identical methods" [\[18, p. 13\]](#). In a similar vein, McQuillan asserts that:

One could argue that every narrative operates according to this double logic, presenting its plot as a sequence of events which is prior to and independent of the given perspective on these events, and, at the same time, suggesting by its implicit claims to significance that these events are justified by their appropriateness to a thematic structure. [\[13, p.107\]](#)

With this point of view towards the plot of a story, Propp's methodology proves useful and practical in analysing other narrative modes such as novels and short stories. The analytical method proposed by Gerard, Genette, a narratologist whose ideas are influenced by Vladimir Propp's conception of narratives seems to be helpful in dissecting the structure of a narrative as well.

The study of the structure of a text does not imply that historical and cultural factors are ineffective in shaping a narrative; however, it will help to analyse the stylistic and narratological specificities of an author. Conrad's works of fiction are distinguished for their experimentations with narrative theories. His stories are original in terms of their "innovative temporalities", "the multiple agents" who transmit the narrative, and the "experiments with narrative frames and embedding as well as with audiences" [\[12, p.21\]](#). Using Gerard Genette's ideas in *Narrative Discourse*, Lothe "undertook the first systematic study" of modes and aspects of narrative in *Conrad's Narrative Method* (1989) [\[12, p.7\]](#). He asserts that the Conradian narrative mode maintains two central characteristics as on the one hand, it controls and manipulates the ways of the reading of its audience, and on the other, different readers can receive some of its passages very differently as the elements of a narrative can distort the textual experience of the them [\[10, p.15\]](#). Conrad's shorter works

of fiction are mostly ignored in this book and other structuralist analyses of other critics. For instance, while he introduces the character of Marlow in *Youth*, his importance in the narrative is mostly discussed in relation to *Heart of Darkness* and *Lord Jim*, and the critics have underrated *Youth* [20, p.37]. Nevertheless, Conrad himself was aware of the stylistic opportunities provided by the shorter forms as they could better reveal the style of an author [20, p.28]: "It takes a small-scale narrative (short story) to show the master's hand" [3, p.124]. To fill the gap in the literature related to Conrad's shorter works, the authors of the present paper apply Genette's ideas of narratology to Conrad's short story *Youth, a Narrative*.

2. Method

Genette has established five categories of narrative analysis. The first category is "Order" that depends on prolepsis or anticipation, analepsis or flashback, and anachorany for its operation. The second category is "Duration" which refers to the elisions, expansions, summarisations, and pauses of a narrative. "Frequency" is the third category that signifies the number of events and the number of their occurrences in the narrative. The fourth category, "Mood" has two subdivisions: distance and perspective. Distance addresses the manner of representing or recounting of the story, and the subcategory of perspective refers to what the critics traditionally call the point of view. The last category is "Voice" which includes the act of narration, the narrators, and the narratee [7, p.105-6]. This paper utilises Genette's categories and some of their subdivisions to underscore the narratological structure of *Youth*.

3. Results and Discussion

3.1. Order

According to Christian Metz, "one of the functions of narrative is to invent one time scheme in terms of another time scheme" [14, p.18]. This is one of the most significant characteristics of Conrad's narratives as he constantly uses "chronological distortion" [20, p.172]. In *Youth*, Genette's "temporal duality" happens as the time scheme of the narration is different from the time scheme of the narrative while Marlow intervenes in both time schemes. Genette adds that the time of the narrative is a "false time" or a "pseudo-time" that stands against the true time of the narration that is the time when the story is actually read [8, p.33-34]. However, in *Youth* the false time and the pseudo-time are not as clear-cut as Genette's formula as Conrad introduces the frame audience at the beginning of the story:

We were sitting round a mahogany table that reflected the bottle, the claret-glasses, and our faces as we leaned on our elbows. There was a director of companies, an accountant, a lawyer, Marlow, and myself. The director had been a Conway boy, the accountant had served four years at sea, the lawyer—a fine crusted Tory, High Churchman, the best of old fellows, the soul of honour—had been chief officer in the P. & O. service in the good old days when mail-boats were square-rigged at least on two masts, and used to come down the China Sea before a fair monsoon with stun'-sails set awash and aloft. We all began life in the merchant service. Between the five of us there was the strong bond of the sea, and also the fellowship of the craft, which no amount of enthusiasm for yachting, cruising, and so on can give, since one is only the amusement of life and the other is life itself. [4, p.109]

Thus, through the frame audience, Conrad may cause the readers to fluctuate between the

roles of the frame audience and their role as those persons who are currently reading the story in their own era.

Moreover, Order refers to the "connections between the temporal *order* of succession of the events in the story and the pseudo-temporal order of their arrangement in the narrative" and the temporal order of the narrative, states Genette, can implicitly or explicitly show the temporal order of the story itself [8, p.35]. In *Youth*, the temporal order of the story is explicitly hinted at by the narrative. The readers know that there is a twenty-two-year lapse between the time of the story and the time of the narrative. Interestingly, Conrad keeps us conscious of this temporal lapse through the short sentence "Pass the bottle" which the members of the frame audience enunciate now and then and interrupt the flow of the events:

At the end of that time, the captain being engaged with his agents, I carried Mrs. Beard's bag to the railway-station and put her all comfy into a third-class carriage. She lowered the window to say, 'You are a good young man. If you see John—Captain Beard—without his muffler at night, just remind him from me to keep his throat well wrapped up.' 'Certainly, Mrs. Beard,' I said. 'You are a good young man; I noticed how attentive you are to John—to Captain—' The train pulled out suddenly; I took my cap off to the old woman: I never saw her again... Pass the bottle. [4, p.113]

Another device Conrad uses to keep the readers aware of the different temporal orders of the narrative and the story is Marlow's repetition of the pronoun "you" that he uses mostly in questions which he asks from the audience. For instance, in "We put her head for home, and—would you believe it?" [4, p. 115] Marlow addresses the frame audience to distance the readers from the old story he is narrating.

While Genette, generally, defines anachorany as any "discordance between the two temporal orders of story and narrative", he reserves the term analepsis specifically for "any evocation after the fact of an event that took place earlier than the point in the story where we are at any given moment" [8, p.40]. Based on these definitions, the readers can conclude that in the narrative of *Youth* anachrony happens between the time of the narration and the time of narrative and, thus, technically speaking, this anachorany happens in the form of the analepsis or the flashback.

Marlow's flashback or the analeptic narration starts with "Yes, I have seen a little of the Eastern seas, but what I remember best is my first voyage there", but he immediately addresses his instant narratees as well as his implied audience with a general statement about life, and thus creates a fragmented version of his narrative. This type of fragmentation continues to be one of the main features of the narrative of *Youth* up to the end of it: "You fellows know there are those voyages that seem ordered for the illustration of life that might stand for a symbol of existence" [4, p.109]. After enunciating such statements, he goes back to his original narrative. Hence, Marlow explicitly refers to the temporal distinction between the time of the story and the time of the narrative: "It was twenty-two years ago; and I was just twenty" [4, p.110]. He points to the time lapse in many other occasions during his narration to keep the audience constantly conscious of both times: "the famous October gale of twenty-two years ago" [4, p.111] is one of the reminding expressions enunciated by Marlow.

When an anachorany happens between the time of the narrative and the time of the story it consists of a *reach* and an *extent*. The temporal distance between the moment of the

narration and the moment of the narrative is its reach. In *Youth*, for example, the reach of the anachorany are the twenty-two years between Marlow's adventurous youth and his maturity. Genette calls the duration of the story that anachorany covers its extent [8, p.48]. Thus, the extent of the anachorany in *Youth* is as long as the length of the parts that fill the gaps between the interruptions.

What has happened before the starting point of the story signifies as *internal analepsis*. Internal analepsis subdivides into smaller branches. One of its subdivisions is *heterodiegetic internal analepsis*. In this kind of analepsis, the storyline of the part that is an analepsis is "different from the content (contents) of the first narrative". Moreover, a character whom the author has recently introduced into the story can recount such kind of analepsis [8, p.49-50]. Thus, if the critics aim to categorise the anachorany of *Youth* in detail, they can call it a heterodiegetic internal analepsis, in which first the frame narrator introduces Marlow and then Marlow starts to recount his own narrative: "Marlow (at least I think that is how he spelt his name) told the story, or rather the chronicle, of a voyage" [4, p.109]. However, the temporal order is only one of the possible ways of distancing the narrative from the story. Lothe has introduced three kinds of distance: temporal, spatial, and attitudinal [20, p.166]. In *Youth*, the character of Marlow fits well into these three kinds. There is a temporal lapse of twenty-two years between the time of the narrative and the time of the narration; while Marlow and his audience are in England, his narrative relates events that have happened in various places; finally, the mature Marlow is different from the young Marlow in his attitudes toward youth, being old, and the East.

3.2. Duration

The category of duration signifies the connections between the real duration of the events in different sections of the story and their pseudo-duration or their textual length in the narrative. Thus, it is related to the speed with which the narrator relates the narration [8, p.35]. At the surface, it seems that in *Youth* the duration of the events of the narrative simply constitutes the time allocated to their narration by Marlow. But, deep down, the interrupting statements "Pass the bottle", or "He drank" make the duration of narrating the passages which are located among the interrupting moments remain unknown and ambiguous.

3.3. Frequency

Frequency deals with the number of events and the number of their recurrences in the narrative. In sum, this category signifies "the repetitive capacities of the story and those of the narrative" [8, p.35]. A narrative "may tell once what happened once, n times what happened n times, n times what happened once, once what happened n times". Thus, four distinct types of frequency are possible to discern in narratives: (1) Narrating once what happened once: Events that cover a singular scene are singulative narratives and belong to this type [8, p.114]; in *Youth* the whole event and its adventures are narrated once and thus they are singulative narratives; (2) Narrating n times what happened n times: Genette argues this type is a subdivision of the first type as not the number of occurrences but the equality of the number of occurrences and the number of narrations is important; (3) Narrating n times what happened once [8, p.115]: this type of frequency is absent from the narrative of the short story *Youth*; (4) Narrating one time what happened n times: this fourth type is the most relevant type to the narrative of *Youth*. Within this type of narrative frequency, the notion of *iterative narrative* in which "a single narrative utterance

takes upon itself several utterances together of the same event" is defined. To put it in more clarified terms Genette explains that the "iterative sections are almost always functionally subordinate to singulative scenes, for which the iterative sections provide a sort of informative frame or background" [8, p.116-17]. If we consider Marlow's narration of his voyage as the singulative event, the different descriptive passages about each adventure during the same voyage can act as the iterative sections of that singulative scene.

The iterative narratives have more details. Each iterative narrative is part of an iterative series. The series includes diachronic limits or *determination* and the rhythm of the recurrence of its single iterative narratives or *specification*. Finally, iterative series are defined by their *extension* that refers to the duration the narrator selects to narrate out of the whole duration of the events [8, p.127]. It is remarkable that without the determinations and specifications within a narrative, the text's flow would stop at the very first sentence [8, p.137]. The determination of *Youth* is the time limit between the beginning of the voyage and its end. However, the narrator can interrupt the determinations to mark the limits of the iterative series [8, p.140] as with the interruptions the mature Marlow makes in the narrative. The specification constitutes the events chosen by Marlow to be recounted in front of his audience (as his frame audience and the readers of his narrative cannot know what events have exactly happened to him and how many of those events he selects to narrate). The extension of the events in *Youth* refers to the extent of each episode. For example, if Marlow and other members of *Judea*'s crew had been busy pumping the water out of the ship or extinguishing the fire for many days, Marlow only narrates a few hours of those episodes. He mentions some passages of time without any description of the events happened in between. For example: "That 'ere bank that's going to Bangkok – has been here six months – put back three times" [4, p.116] and in this way adds up to the gaps of the story.

Moreover, an event is not fully identical with its repetition(s). As Genette describes it "The 'repetition' is in fact a mental construction, which eliminates from each occurrence everything belonging to it that is peculiar to itself, in order to preserve only what it shares with all the others of the same class, which is an abstraction". As a consequence, "what we will name here 'identical events' or 'recurrence of the same event' is a series of several similar events *considered only in terms of their resemblance*" [8, p.113]. Conrad refers to death and aging in various parts of *Youth*. Captain Beard and his wife, Mahon, with his white beard, and the ship itself are among the most frequent references of the narrative to the old age [17, p.53]. By and large, the most frequent theme of the narrative is the difference between youth and old age. Some parts refer to youth and some others to the oldness of the characters. But the most interesting references are those which put youth and old age side by side each other; or one as the antithesis of the other: "between those two old chaps I felt like a small boy between two grandfathers" [4, p.110]. A few lines later Marlow describing *Judea* makes another example of contrast between youth and being old: "I remember it took my fancy immensely. There was a touch of romance in it, something that made me love the old thing – something that appealed to my youth!" Another frequent theme in *Youth* is death. The motto of the ship is " 'Do or Die'" [4, p.110], and "youth, strength, genius, thoughts, achievements, simple hearts – all die . . . No matter" [4, p.112] as another example of such recurrence.

The English crew are praised elsewhere in the story, for the first time by the narrator and for the next times by Marlow. One of the most prominent episodes in which the English

seamen are eulogised is the episode in which *Judea* 's cargo has exploded [20, p.33]. In this episode, the hardworking seamen from Liverpool responsibly cooperate in the act of extinguishing the fire and the narrator thinks they manifest their difference from other seamen in their strength: "That crew of Liverpool hard cases had in them the right stuff. It is my experience they always have. It is the sea that gives it" [4, p.122]. More clearly, in one occasion Marlow praises not the crew from Liverpool in particular, but the English nation in general: "There was a completeness in it, something solid like a principle, and masterful like an instinct—a disclosure of something secret—of that hidden something, that gift, of good or evil that makes racial difference, that shapes the fate of nations" [4, p.124]. Therefore, nationalism turns out to be one of the repetitions in the story.

The name of the Eastern city Bangkok (spelled Bankok in the story) is repeated for eighteen times in Marlow's narrative. Moreover, other references represent the Orient as an exotic and romantic place. "Pass the bottle" is repeated for five times within the narrative. In relation to "Pass the bottle", "he drank" and "He drank again" are each mentioned once. Marlow ends his narrative with some generalised facts about life, youth, and aging. Thus, his narration takes longer than the narrative. At the beginning of the last paragraph, the narrator shifts from Marlow to the frame narrator, who ends the story as Marlow does his own narrative by repeating the themes of Marlow's narrative and expressing some facts about youth.

3.4. Mood

To define mood in the simplest possible manner is to define it as the different points of view from which the events and the actions are narrated by the narrator(s). To define it more technically, the category of mood concerns the "*regulation of narrative information*" through *distance* and *perspective* [8, p.161-62]. The present paper only consider perspective.

The narrator plays a crucial role in shaping the narrative as he/she "is present as source, guarantor, and organizer of the narrative, as analyst and commentator, as stylist" as well as the "producer of 'metaphors'" [8, p.167]. About first-person narration Friedman's idea that is cited by Genette is helpful to the narratological understanding of the term:

The reader perceives the action as it filters through the consciousness of one of the characters involved, yet perceives it *directly* as it impinges upon that consciousness, thus avoiding that removal to a distance necessitated by retrospective first-person narration. [21, p.113]

In his discussion of the perspective which is associated more with choice rather than point of view, Genette argues that the subdivision perspective is the answer of the following questions: "*who is the character whose point of view orients the narrative perspective?* and the very different question *who is the narrator?* – or, more simply, the question *who sees* and the question *who speaks*" [8, p.186]. If the readers want to answer Genette's questions in relation to Conrad's Youth , they will face the confusion of the perspective of both the story and the narrative. At first glance, it may seem that it is only Marlow whose point of view orients the narrative perspective, but taking the case with greater consideration and precision, the readers can realise that the frame narrator's point of view also influences the orientation of the narrative. First, he introduces Marlow and puts credit on his character, and second, he confirms Marlow's attitudes towards youth and old age in his final remarks. The question "who is the narrator?" has two answers in case of Youth : the frame narrator and Marlow, who narrate two different narratives which are both temporally and spatially distinguished. The most complicated part of the process of answering Genette's questions about the perspective of a narrative in relation to Conrad's Youth , however, is to

answer the final two questions. While it is the young Marlow who sees the events, it is the mature Marlow who speaks about them. Do the readers receive the narrative as is happened and experienced by the young Marlow, or are they the audience of the mature Marlow's comments on what is experienced by the young Marlow? The structure of the story remains silent about this ambiguous duality of perspective. Genette is attentive to such dualities. He argues that the narrator has two choices of focalisation. He/she can either focalise through "his present information as narrator and not with his past information as hero" or "the focalization through the hero" that requires he/she to suppress or neglect all the vital information he/she has acquired after the time of the narrative [8, p.198-99]. While the mature Marlow sometimes clearly passes some comments on youth, it is almost impossible to distinguish between the perspective of the young Marlow who is the hero of the narration and the mature Marlow who is the narrator.

To what Genette has categorised as perspective, Mikel Bal adds the notion of perception [2, p.143]. To put it in a clearer sense, perspective and perception are related to each other as "perspective is associated with choice (what to see or notice and what to omit and exclude)" [11, 42]. Both Conrad and Marlow choose the perspective for the readers in *Youth*. Conrad shapes this narrative in a way that the readers have no choice but to rely on Marlow. But it is not clear to what extent they can count on Marlow as a reliable narrator.

Conrad's use of Marlow as an involved first-person narrator is justified by the distinction Stanzel makes between first-person narrators and third-person narrators:

[A] first-person narrator and third-person narrator, accounts for the most important difference in the motivation of the narrator to narrate. For an embodied narrator, this motivation is existential; it is directly connected with his practical experiences ... For the third-person narrator, on the other hand, there is no existential compulsion to narrate. [19, p. 93]

Conrad's shifts among various kinds of perspectives and narrators can affect the coherence of his narrative making it "fragmented and multi-faceted" [20, p.164] or even, sometimes, confusing.

3.5. Voice

In Genette's terminology, the category of voice refers specifically to the subject and the instance of the enunciating [8, p.31-32]. Voice deals with the time of the narrating, narrative level, and the person(s) involved in the act of narration [8, p. 215]. The category of voice refers "not only to the person who carries out or submits to the action, but also the person (the same one or another) who reports it, and, if need be, all those people who participate, even though passively, in this narrating activity" [8, p.213]. In the story *Youth* the young Marlow carries out the action, the mature Marlow (the same person) reports it, and the frame narrator participates passively in the narrating activity. The temporal determinants have a more prominent role than the spatial determinants in framing a narrative as the narrator(s) should tell the story in a present, past, or future time [8, p.215]. The category of voice relates to the time of the story in terms of its "temporal position". This temporal position is of four kinds: *subsequent* or past-tense narrative which is the most frequent type, *prior* or predictive narrative, *simultaneous* or contemporaneous, and *interpolated* that is narration between the moments of the action [8, p.217]. *Youth*, a Narrative is mostly of the subsequent type. But the interrupting moments in which, for example, it is asked to pass the bottle, the narrative turns to the interpolated type. In addition, Genette defines metalapsis as: "The transition from one narrative level to another" that "can in principle be achieved only by the narrating, the act that consists

precisely of introducing into one situation, by means of a discourse, the knowledge of another situation" [8, p.234]. The time lapse between the narrative and the narration in Conrad's *Youth* is technically called *Metalapses* in terms of its voice.

3.5.1. Person

Genette argues that the point of view as a subdivision of the category of mood is inadequate to be in relation to the personal character of the narrator. In point of view the wit, presence, and the person of the narrator are disregarded. Thus, to give a voice to the narrator Genette distinguishes two types of the narration with regards to its narrator. The one in which "the narrator is absent from the story he tells" is *heterodiegetic*, and the one in which the narrator is "present as a character in the story" is *homodiegetic* [8, p.243-45]. The narrative within the story of *Youth* is thus homodiegetic. Genette defines two varieties for the homodiegetic type, as well. The narrator is either the hero of the narrative, or the secondary personage in it [8, p.245]. The first variety for which *Youth* is an example is autodiegetic. When the hero and the narrator are at one, however, it is noteworthy, that the hero is someone else, who is in a different condition from the narrator [8, p.218]. In this story, the narrator is present both inside and outside of his narrative as Marlow communicates with both the crew members of the *Judea* and his four narratees in two different times.

In Conrad's fictions the narrator or in the case of *Youth* the narrators have crucial functions in shaping the narrative [20, p.161]. As the narrators dictate the conditions of the narrative, they have a sort of authority that other characters cannot claim [16, p.58]. The accuracy of the narrator's memory is functional in rendering the narrative and the critique of the narrator. When the narrator feels authorised to comment on the actions and the attitudes of the hero, like what the mature Marlow does, according to Genette, the effect is the *ideological function* [8, p.256]. In some points of the narrative, Conrad highlights the inadequacy of the remarks of an involved first person-narrator like Marlow. Marlow has some doubts about the information he is providing for the audience. For instance, he is not sure whether the name of the steamer which damaged *Judea* was Miranda or Melissa [4, p.112]. Even the frame narrator is not wholly reliable as he is not sure about the name and even the identity of Marlow: "Marlow (at least I think that is how he spelt his name)" [4, p.109] and in this way adds up to the ambiguity and mysteriousness of the story.

The direct narratees are different from the actual and the implied readers, and the narrator and the author are distinguishable. The existence of the direct or the *intradiegetic* narratees can act like a distancing or alienating device since they are "interposed between the narrator and us" [8, p.260]. Genette's views about the intradiegetic narratees are applicable to the frame narratees of *Youth*. In this case, Conrad's use of the frame audience blurs the borderline between the narratees inside and outside the story [20, p.13]. Through a group of audience who can act as a substitute of the real audience of the narrative, Conrad also complicates the involvement and the distance of the readers with the narrative [20, p.38]. Like the frame narrator of *Heart of Darkness* whom Lothe asserts has the role of both the narratee and the reader or audience, in general [10, p.18]. The frame narrator of *Youth* who starts the story, but remains silent till nearly the end of it, plays both the roles of a narrator of part of the story and the narratee of Marlow's narrative. As Lothe argues "this narrative variation is one of the most effective in Conrad's fiction overall" [10, p.18]. In this way, Conrad complicates the relationship between the narrator, the narratee,

and the reader.

The frame narrator introduces the frame narratees as "a director of companies, an accountant, a lawyer, Marlow, and myself" who share "the strong bond of the sea, and the fellowship of the craft" [\[4, p.109\]](#). Marlow asks questions from the audience: "you fellows who listen to this yarn; and what friend would throw your years and your weariness in your face?" [\[4, p.117\]](#). In another occasion he asks the audience to imagine a specific condition and judge it: "Do you see the lot of us there, putting a neat furl on the sails of that ship doomed to arrive nowhere?" [\[4, p. 123\]](#), or they are invited to guess something: "Do you know what the rest were busy about?" [\[4, p.126\]](#), and also the utterance "do you know what I thought?" [\[4, p.127\]](#) can be considered as another example.

3.5.2. Level

If we consider first and second-degree narrators in terms of their importance and involvement in the course of the story, four levels of voice are possible for a narrative: (1) *extradiegetic-heterodiegetic* : a first-degree narrator who tells a story he/she is absent from. (2) *extradiegetic-homodiegetic*: a first-degree narrator who narrates his own story. (3) *intradiegetic-heterodiegetic* : a second-degree narrator, who is totally absent from the story he/she is telling. (4) *intradiegetic-homodiegetic* : a second-degree narrator who tells his/her own story [\[6, p.248\]](#). Based on this classification the level of the voice in *Youth* matches with the second level, in which Marlow, a first-degree narrator, tells his own story. But the problem with this level is its wide coverage of information that at least he does not know some part of it. In this autobiographical form, the author integrates the "social chronicles" into the personal chronicle of the hero/narrator "that often goes beyond the field of hero's direct knowledge" or even the narrator's knowledge [\[6, p.250-51\]](#). For instance, when Marlow uses generalised statements to describe the English crew, it is not really known that whether the members of the crew personally agree with Marlow's opinion of them. Zdzislaw Najder discusses the importance of the introduction of Marlow into Conradian narratives. He argues that Marlow:

Was the embodiment of all that Conrad would wish to be if he were to become completely anglicized. And since that was not the case, and since he did not quite share his hero's point of view, there was no need to identify himself with Marlow, either emotionally or intellectually. Thanks to Marlow's duality, Conrad could feel solidarity with, and a sense of belonging to, England by proxy, at the same time maintaining a distance such as one has toward a creation of one's imagination. Thus, Conrad, although he did not permanently resolve his search for a consistent consciousness of self-identity, found an integrating point of view that enabled him, at last, to break out of the worst crisis of his writing career. [\[15, p.231\]](#)

In his discussion on the character of Marlow in *Heart of Darkness* , Lothe claims that in this story not only is Marlow the narrator of a narrative, but also the narratee of it. Consequently, his reception of the story as a narratee influences the way that other narratees and Conrad's readers receive the narrative [\[10, p.21\]](#). The same is true about the character of Marlow in *Youth, a Narrative* . The dual presence of Marlow as a young man and as a middle-aged man develops a distance between the text and its author [\[20, p.38\]](#). As the author, Conrad differs from his unnamed frame narrator and Marlow in narratives in which he uses them. This does not mean that Conrad does not share Marlow's ideas; however, Marlow, a fictional character created by Conrad, is obviously distinct from his creator [\[10,](#)

[p.181](#). Finally, using the character of Marlow in *Youth*, Conrad could indirectly comment on the cultural attitudes of the English. Moreover, Marlow remained an insider throughout the story [\[20, p.33\]](#), while Conrad, as the author was an outsider.

4. Final Remarks

The study of Joseph Conrad's in terms of Genette's narratology can give the readers a better understanding of the style of this great author as the nuances of his way of writing in a short story are analysed. This method will be helpful to the students of literature who want to touch upon a close reading of great authors' structure of writing. However, the readers should not forget that the structuralist readings mostly focus on the precise analysis of the texts while they exclude the historical context. Therefore, while such readings help to reveal the underlying structures and the procedures of meaning-making, they cannot wholly reflect the relationship of the text with the world.

5. Suggestions for Further Research

Conrad's short story can be analysed in the light of Propp's theory of character in order to highlight the functions of the narrator and other characters in the story. A. J. Greimas's methodology can prove effective as well. Hence, the structural units of Subject, Object, Sender, Receiver, Helper, and Opponent can be deciphered in the story by other researchers. The characters of the story, their attributes, and their action can become a research topic for researchers who are interested in Tzvetan Todorov's grammatical analysis of a text.

Библиография

1. Абрамс, М. Х., и Джейфри Харфэм. Глоссарий литературных терминов (девятое изд.): Бостон: Уодсворт, 2009. стр. 109, 126.
2. Бал, Микель. Нarrатология: Введение в теорию повествования. Торонто: Издательство Университета Торонто, 1997. стр. 143.
3. Блэкберн, Уильям. Джозеф Конрад: письма Уильяму Блэквуду и Дэвиду С. Мелдраму. Дарем: Duke UP, 1958. стр. 124.
4. Конрад, Джозеф. "Молодость". Литературная структура, звук и смысл. 2-е изд. Эд. Лоуренс Перрин. Нью-Йорк: Харкорт, 1974. стр. 109-127.
5. Эрлих Виктор. «Русский формализм». Журнал истории идей, Vol. 34, № 4 (октябрь - декабрь, 1973), стр. 627-638.
6. Эрлих Виктор. «Русский формализм в перспективе». Журнал эстетики и искусствоведения, Vol. 13, № 2 (декабрь 1954 г.), стр. 215-225.
7. Иглтон, Терри. Литературоведческая теория: введение. Оксфорд: Бэзил Блэквелл, 1989. стр. 105-106.
8. Женетт, Жерар. Нarrативный дискурс. Транс. Джейн Левин. Нью-Йорк: Корнеллский университет, 1980. стр. 32-260.
9. Янович, Клара Страна. «Знакомство с Владимиром Я. Эдип Проппа в свете флоры. Четыре этюда по историко-культурной этнографии». Русская литература, Том. 12. Амстердам: Издательство Северной Голландии, 1982. С. 45-56.
10. Лоте, Яacob. «От рассказчика к рассказчику и от автора к читателю: Конрад и его аудитория». Ежегодник Conrad Studies 3 (2007): 15-29.
11. Лоте, Яacob. «Повествование и этика: Конрад, Кафка, Зебальд». AJCN без даты п.п. Электронный источник. 24 августа 2008 г.
12. Лоте, Джейкоб, Джереми Хоторн и Джеймс Фелан. ред. Джозеф Конрад: голос,

- последовательность, история, жанр. Колумбус: Огайо, UP, 2008. стр. 2-15.
13. Маккиллан, Мартин, изд. Нarrативный читатель. Лондон: Рутледж, 2000. стр. 107.
 14. Мец, Кристиан. Язык кино: семиотика кино. Транс. Майкл Тейлор. Нью-Йорк: Oxford UP, 1974. стр. 18.
 15. Найдер Здзилав. Джозеф Конрад: Хроника. Транс. Галина Кэрролл-Найдер. Кембридж: Cambridge UP, 1983. стр. 231.
 16. Ньютон, Адам Захари. Нarrативная этика. Массачусетс: Гарвардский университет, 1997. стр. 58.
 17. Питерс, Джон. G. Кембриджское введение в Джозефа Конрада. Нью-Йорк: Кембридж, 2006. стр. 53.
 18. Пропп Владимир. Я. «Структура и история в изучении сказок (Ответ Леви-Строссу)». Русская литература, Том. 12. Амстердам: Издательство Северной Голландии, 1982. С. 11-32.
 19. Станцель, Франц, К. Теория повествования. Кембридж: Cambridge UP, 1986. стр. 93.
 20. Стапе, Дж.Х. изд. Кембриджский компаньон Джозефа Конрада. Кембридж: Кембриджский университет, 2004. 13-172.
 21. Стевик Филипп. изд. Теория романа. Нью-Йорк: Free Press, 1967. стр. 113.
 22. Веллек Рене. «Русский формализм». Университет Манчестера. Электронный источник. 25 мая. 2015.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья «Русский формализм на практике: нарратологическое прочтение юности Джозефа Конрада», предлагаемая к публикации в журнале «Litera» и представленная на английском языке, несомненно является актуальной ввиду возрастающего интереса исследователей к различным литературным теориям 19-20 веков.

Непонятна логика изложения автора, который начинает повествование с некого фрагмента текста, размещенного перед «Введением» (что это: эпиграф?, превведение? И какова его цель?)

Список литературы насчитывает 17 источников на английском языке, среди которых энциклопедии, теоретические работы в области нарратологии, труды, посвященные Джозефу Конраду. Однако вызывает недоумение отсутствие ссылок на отечественных ученых, ввиду того, что статья начинается с фразы автора о том, что «во втором десятилетии двадцатого века в двух российских городах - Москве и Санкт-Петербурге - возникла новая литературная теория. Это движение было названо русским формализмом, поскольку его основное внимание уделялось образцам, приемам и литературным приемам в литературном произведении или, если быть более точным, в стихотворении». Течение зародилось в России, а теории русских лингвистов остались без внимания. К сожалению, отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации по заявленной тематике, что могло бы усилить теоретическую значимость работы. Кроме того, ссылки, в том числе цитируемого выше фрагмента даны не на первоисточник, а на статью в энциклопедии, что также не является уровнем, достойным для статьи, претендующей на публикации в журнале из перечня ВАК.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы.

Представленная статья выполнена в русле современных научных подходов. Статья структурирована, состоит из введения, в котором автор обозначает цели и задачи настоящего исследования, а также приводит историческую справку о разработанности рассматриваемой научной проблематики, основной части, включающей в себя описания результатов исследования и представления выводов. Однако из представленного материала не понятно каковы научные лакуны и, собственно, каков вклад автора в приращение научного знания.

В статье не представлена информация о возможных перспективах исследования.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц: филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов.

Считаем, что статья требует доработки в части усиления теоретической составляющей исследования, в том числе представление научных точек зрения отечественных ученых, а также приведение убедительной доказательной базы исходя из практического материала исследования. После доработки материала и повторного рецензирования, статья может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Русский формализм на практике: нарратологическое прочтение юности Джозефа Конрада» представлена на английском языке и представляет собой достаточно солидное и объемное исследование, актуальность которого не вызывает сомнений. В работе совершенно четко прослеживаются цель, задачи и предмет исследования. Содержание работы релевантно целям и читательской аудитории журнала «Litera» и будет интересно определенному кругу читателей, оно также соответствует теме, указанной в названии работы. Тем не менее, русский вариант названия статьи, возможно, не совсем корректно переведен с английского, вероятно название должно быть следующим – «Русский формализм на практике: нарратологическое прочтение «Молодости» Джозефа Конрада». Содержание работы выстроено логично, основными структурным компонентами являются введение, методология (метод), результаты и обсуждение, заключительные замечания и перспективы дальнейшего исследования. Основная часть (результаты и обсуждения) также подразделяется на несколько частей, что позволяет автору четко следовать поставленной цели и решать задачи, способствующие её достижению. В статье используются категории, предложенные Ж.Женетт, и некоторые их подкатегории, чтобы подчеркнуть нарратологическую структуру произведения «Молодость» Джозефа Конрада. К этим категориям относится порядок, временная длительность, повторяемость, модальность и залог. Автор отмечает в работе, что изучение Джозефа Конрада с точки зрения нарратологии Ж.Женетт, возможно, позволит читателям лучше понять стиль этого великого автора с помощью анализа нюансов его способа написания короткого рассказа. Такая методология будет полезна и студентам, изучающим литературу, которые хотят проникнуться прочтением структуры письма великих авторов. Тем не менее, читателям стоит учитывать, что структуристское чтение в основном сосредоточено на точном анализе текстов, оно пока исключает исторический контекст, поэтому не может полностью отражать взаимосвязь текста с миром. Выводы, полученные автором, не вызывают сомнений, они аргументированы и подкрепляются примерами языкового материала. К статье

прилагается список литературы, насчитывающий 22 наименования, все они релевантны содержанию работы. Тем не менее, оформление списка литературы не совсем соответствует предъявляемым требованиям, его оформление требует доработки. Качество представления результатов исследования на должном уровне, качество английского языка высокое, отсутствуют какие либо грамматические и лексические ошибки, соблюдаются также правила лексической сочетаемости. На основе всего вышесказанного считаю, что статья «Русский формализм на практике: нарратологическое прочтение юности Джозефа Конрада» обладает научной новизной, теоретической и практической значимостью, соответствует основным требованиям, предъявляемым к подобным работам, и может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera» после устранения незначительных замечаний, содержащихся в данной рецензии.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Цзя Ц. — Освещение темы «Один пояс и один путь» в СМИ, на примере агентства ТАСС // Litera. – 2023. – № 3.
DOI: 10.25136/2409-8698.2023.3.39949 EDN: EUOLUO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39949

Освещение темы «Один пояс и один путь» в СМИ, на примере агентства ТАСС

Цзя Цзюньвэнь

аспирант, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 596222102@qq.com

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.3.39949

EDN:

EUOLUO

Дата направления статьи в редакцию:

06-03-2023

Дата публикации:

13-03-2023

Аннотация: Предметом исследования данной статьи является освещение темы «Один пояс и один путь» в средствах массовой информации. Объект исследования – публикации информационного агентства ТАСС. Автор анализирует данную инициативу с позиции развития отношений двух стран и того, какое отражение это находит в средствах массовой информации. Восприятие СМИ этой инициативы изменилось от поверхностного и одностороннего к глубокому и всестороннему, а фокус внимания расширился от экономических интересов до национальной безопасности, все более прагматичными становятся предложения об участии в строительстве "Пояса и пути" на современном этапе. Цель – провести анализ освещения темы в российском информационном агентстве. Методология – контент анализ информационных сообщений.

Новизна исследования – на текущий момент отсутствует большое число исследований по освещению данной темы в конкретном СМИ. Можно сделать вывод, что необходимо продолжать продвигать сотрудничество в области производственных мощностей, строительства инфраструктуры и связи, вопросах модернизации промышленности и экономическом развитии. Сегодня РФ и КНР активно продвигают стыковку Национальных стратегий развития до 2030 года с инициативой "Пояс и путь". На этом фоне

исследование уровня осведомленности и меняющихся характеристик "Пояса и пути" информационным агентством может дать некоторые мысли и рекомендации для дальнейшего взаимодействия. Результаты исследования могут быть применены для анализа работы, перспектив и направлений развития двух стран в рамках инициативы.

Ключевые слова:

Китай, Россия, взаимодействие, СМИ, анализ, трактовка, контент, инициатива, исследование, ТАСС

Введение

Информационное агентство «ТАСС» - государственное информационное агентство современной России ведущее свою историю со времен СССР. Был период в истории агентства, когда оно было упразднено, но начиная с 2014 года это вновь одно из центральных СМИ страны. Как центральное информационное агентство, оно отвечает за сбор, передачу, отражение и распространение информации и документов Президента, Парламента и Правительства, а также за передачу обратной связи с этими органами. Освещение агентством инициативы "Один Пояс и Одна Путь" является репрезентативным и ценным для исследования, отражая в значительной степени уровень официальной и общественной осведомленности об инициативе в стране.

Для того чтобы представить более полную картину освещения Инициативы агентством, выборка была сделана за период с сентября 2013 года по декабрь 2019 года были найдены публикации по ключевым словам, и на официальных источниках информационного агентства.

Анализ освещенности темы

Краткий анализ освещения СМИ инициативы "Пояс и путь" позволяет выявить три особенности. С точки зрения освещаемых тем, "ТАСС" больше сосредоточился на крупных политических и экономических событиях, таких как два саммита международного сотрудничества "Пояс и путь" и отношения между Китаем и Россией, затронуты ее политические и экономические аспекты. Большинство заголовков привлекали внимание и были резко сформулированы, в них было больше анализа и комментариев, чем фактической информации^[1]. С точки зрения продолжительности и глубины освещения, материалы «ТАСС» в основном краткие, поверхностные и повествовательные по характеру, с небольшим количеством комментариев.

По мере продвижения инициативы "Пояс и путь", а также разработки и реализации строительных проектов в рамках "Пояса и пути", освещение инициативы "Пояс и путь" в СМИ обеих стран в целом растет. Количество новостей увеличивается, а содержание становится более глубоким.

Освещение инициативы со стороны «ТАСС» в основном было сосредоточено на международном сотрудничестве. Содержание, цели и планы реализации Инициативы, достигнутые результаты также неоднократно освещались, как и явная поддержка Инициативы "Пояс и путь" со стороны официальных лиц России и Китая. Инициатива продемонстрировала свой уникальный статус и осуществимость, она является конструктивной инициативой по развитию регионального торгово-экономического сотрудничества на основе взаимной выгоды, и получила положительный отклик в обеих

странах.

Кроме того, в материалах «ТАСС» сообщается, что инициатива приносит пользу странам, расположенным вдоль маршрута^[2]. С 2013 года Китай инвестировал более 50 миллиардов долларов США в страны, расположенные вдоль маршрута. Китайские компании создали 56 зон экономического и торгового сотрудничества в 20 странах, обеспечив 1,1 млрд долларов США налоговых поступлений и создав 180 000 рабочих мест, Китай подписал контракты с 61 страной на общую сумму 34,07 млрд долларов США^[3]. В материалах агентства отмечается, что дружественные отношения между Китаем и РФ расчистили путь для развития инициативы "Один пояс, один путь", что, в свою очередь, дало возможность двусторонним отношениям перейти на более высокий уровень^[4].

Инициатива "Один Пояс и путь" полностью соответствует национальным стратегиям, а механизм сотрудничества будет способствовать общему процветанию обеих стран.

Как отмечалось в ряде материалов Агентства^[5], придается большое значение сопряжению инициативы "Пояс и путь" с национальными стратегиями развития в частности в вопросах продовольственной безопасности и преодоления транспортных барьеров. Инициатива является уникальной возможностью для экономического развития стран участников, и существуют договоренности постоянно создавать новые платформы сотрудничества и двусторонние механизмы сотрудничества, которые отвечают фундаментальным интересам двух народов и будут способствовать общему развитию и процветанию обеих стран. После выдвижения инициативы "Один пояс, один путь", вопрос о том, как привлечь китайские инвестиции, стал горячей темой обсуждения среди официальных лиц и граждан^[6]. В то же время ученые вносят предложения и рекомендации о том, как согласовать стратегию развития страны с инициативой, а правительство также активно разрабатывает соответствующие национальные стратегии развития, чтобы придать новый импульс внутреннему экономическому развитию.

Во время форума саммита международного сотрудничества в Пекине в 2017 году, информационное агентство ТАСС выпустило статью "Индия решила бойкотировать форум "Пояс и путь" в Китае"^[7]. В статье цитируются слова официального представителя МИД Индии о том, что "инициатива "Пояс и путь" должна быть реализована таким образом, чтобы уважать территориальную и суверенную целостность страны", а также слова премьер-министра Индии о том, что китайско-пакистанский экономический коридор является неприемлемым.

ТАСС в своих сообщениях затрагивает тему того, что "Один пояс, один путь" направлен на создание коридора для прямой торговли между Востоком и Западом, и в этом случае Таджикистан должен быть активно интегрирован в него для развития. Затрагиваются в репортажах и моменты истории древнего Шелкового пути, а также внедрение, реализацию и достижения инициативы "Пояс и путь". Упоминаются истоки инициативы "Пояс и путь", отмечается важная роль на древнем Шелковом пути: древний Шелковый путь объединял все страны, расположенные вдоль маршрута. Председатель КНР Си Цзиньпин предложил объединить усилия стран Центральной Азии для строительства Экономического пояса Шелкового пути с целью сближения стран Евразии и создания коридора для прямой торговли между Востоком и Западом^[8]. Статья "Как Таджикистан может присоединиться к мегапроектам Китая? В статье "Как Таджикистан может присоединиться к мегапроектам Китая?" определены десять очень перспективных проектов, которые не только обеспечат развитие внутренней экономики Таджикистана,

но и имеют высокий потенциал для сопряжения с инициативой "Пояс и путь". Кроме того, Таджикистан активно продвигает согласование своей национальной стратегии развития с инициативой "Пояс и путь".

В статье "Таджикистан в программе великих держав" проводится сравнение Инициативы "Пояс и путь" с другими мировыми программами и подчеркивается превосходство Инициативы "Пояс и путь". В сравнении с Евразийским экономическим союзом утверждается, что взаимодействие могло бы предложить Таджикистану более светлые перспективы развития.

При сравнении инициативы "Пояс и путь" с американской инициативой "Новый шелковый путь" было отмечено, что американская инициатива значительно уступает китайской инициативе "Пояс и путь" в том, что она "излишне политизирована" и имеет "незначительное национальное финансирование"^[8].

В материалах «ТАСС»[отмечается, что РФ в настоящее время сталкивается со многими проблемами в своем экономическом развитии и что китайские инвестиции в настоящее время являются единственным способом компенсировать проблемы от санкционной борьбы с Западом.

Для стран Центральной Азии инициатива "Пояс и путь" не только решит их текущие проблемы, но и обеспечит им большую политическую поддержку, инвестиции и расширение торгового экспорта. Инициатива "Пояс и путь" изменит роль моря в определении мирового экономического развития со времен великих географических открытий и принесет новые возможности развития странам, не имеющим выхода к морю, находящимся вдали от моря. Инициатива "Пояс и путь" изменит решающую роль моря в глобальном экономическом развитии со времен великих географических открытий и принесет новые возможности развития странам, не имеющим выхода к морю, находящимся далеко от моря. Инициатива "Один пояс, один путь" имеет большое значение для Таджикистана, который богат природными ресурсами, но находится далеко от моря. Самой непосредственной выгодой будет изменение высокой стоимости логистики импорта и экспорта в странах Центральной Азии, экономия транспортных расходов и времени и облегчение потока товаров и капитала, тем самым повышая уровень жизни населения и способствуя модернизации.

Обсуждая инициативу, некоторые сообщения информационного агентства обсуждают проблемы, связанные с инвестициями и производством китайских предприятий в России в рамках "Пояса и пути", например, чрезмерная прибыль (более половины) от добычи полезных ископаемых китайскими предприятиями и большое количество выработанных шахт нанесли ущерб местной экологической среде^[9]. Развитие тепличного сельского хозяйства в Таджикистане не только истощит землю, но и сожмет средства к существованию местных фермеров; "Made in China" наводняет национальный рынок, но низкое качество товаров ставит под угрозу здоровье населения, продукты питания из Китая содержат вредные вещества и т.д. В то же время в некоторых докладах высказываются сомнения в мотивах инициативы "Пояс и путь", как "звоночка" в борьбе между Востоком и Западом за господство в Азии. В других материалах выражается обеспокоенность растущим влиянием Китая в Таджикистане и Центральной Азии, утверждается, что инициатива "Пояс и путь" толкает страны вдоль маршрута к образованию пузыря, что приводит к неравенству между богатыми и бедными, и что если финансовый кризис произойдет в Китае, он распространится на страны вдоль маршрута. Такие сообщения также связывали огромный внешний долг Таджикистана с Китаем,

ссылаясь на статью агентства Fitch Ratings^[10], в которой утверждалось, что Таджикистан сталкивается с высокими политическими рисками из-за внешнего долга, в первую очередь, Китая, и что разрыв отношений между двумя сторонами может привести к краху экономики Таджикистана.

На ранней стадии инициативы "Пояс и путь" «ТАСС» в основном сообщали об экономических и торговых отношениях между Китаем и РФ, не упоминая "Пояс и путь". С 2015 года "Пояс и путь" все чаще фигурирует в отчетах Агентства. С точки зрения освещения, отношение правительства к инициативе "Пояс и путь" изменилось с макрополитической поддержки на предложение конкретных мер и проектов, и с "единодушной поддержки стран Центральной Азии" на "Таджикистан ответил положительно, полностью поддержал и работал с Китаем над созданием "Пояса и пути", от подозрительности и пассивного принятия к активному участию в нем, и от абстрактного представления об инициативе "Пояс и путь". Они также изменили свое восприятие инициативы "Пояс и путь" с абстрактной концепции на конкретный проект, в котором они могут участвовать и получать ощутимые выгоды.

«ТАСС» отмечает, что инициатива "Пояс и путь" привела к развитию инфраструктуры в странах, расположенных вдоль маршрута, направлена на укрепление связей между странами Евразии и создание прямых торговых коридоров между Востоком и Западом, и что она соответствует Национальной стратегии развития до 2030 года.

Инициатива "Пояс и путь" приносит огромные выгоды Центральной Азии и является крупной возможностью решить основные вопросы энергетической независимости, продовольственной безопасности и преодоления транспортных барьеров, а также одним из важнейших решений текущих проблем, связанных с сокращением денежных переводов рабочей силы из-за рубежа и девальвацией валюты.

«ТАСС» неоднократно подчеркивает, что Таджикистан является неотъемлемой частью "Пояса и пути" с точки зрения истории, геополитики и экономического развития, и указывает на взаимную выгоду между Таджикистаном и "Поясом и путем". Во-вторых, помимо стимулирующего эффекта инициативы на экономику Таджикистана, региона Центральной Азии и стран, расположенных вдоль маршрута, его больше волнуют результаты строительства Китая в Таджикистане и проблемы, возникшие в процессе строительства, такие как огромный объем экономической помощи и кредитов, предоставленных Китаем, угрожающий финансовой безопасности Таджикистана, наплыв китайских товаров, сжимающий пространство выживания малых предприятий в Таджикистане, добыча полезных ископаемых и переработка цемента, серьезно угрожающие экологии и здоровью жителей стран и т.д.. Наконец, в материалах ставится под сомнение глобальное значение инициативы "Пояс и путь", утверждая, что она направлена на революционное изменение мирового экономического ландшафта и что Китай превращает свою экономическую мощь в геополитическую силу, которая в конечном итоге "станет опорой Евразии".

На экономическом фронте надеются, что развитие инфраструктуры экономического коридора напрямую улучшит дорожно-транспортную, логистическую и информационную инфраструктуру, разрушит транспортные барьеры и сформирует прямой наземный торговый коридор на восток, запад и юг, одновременно снижая затраты на импорт и экспорт, расширяя экспорт и способствуя движению товаров и экономическому развитию. Есть надежда, что финансовый вклад от строительства "Пояса и пути" облегчит проблему сокращения трудовых переводов, вызванных экономическим спадом в России, и создаст благоприятные условия для привлечения китайских инвестиций; есть надежда,

что продвижение "Пояса и пути" создаст огромные возможности для трудоустройства и потребительский рынок; есть надежда, что "Пояс и путь" создаст прямой сухопутный торговый коридор в трех направлениях: на восток, запад и юг. Есть надежда, что строительство "Пояса и пути" в конечном итоге будет способствовать независимому и здоровому развитию экономики.

В политическом плане есть надежда, что строительство экономического коридора укрепит политическое взаимодействие и связи между странами, расположенными вдоль маршрута, будет способствовать региональному политическому сотрудничеству и уменьшит ограничения, налагаемые на Центральную Азию соперничеством крупных держав.

С точки зрения науки и техники, есть надежда, что строительство экономических коридоров будет способствовать модернизации технологий и оборудования предприятий, а углубление сотрудничества между странами будет способствовать культурным обменам и укреплению сотрудничества в области науки и образования в странах вдоль коридоров.

Что касается социальных услуг, есть надежда, что китайские предприятия будут активно брать на себя социальную ответственность и вносить вклад в социальное развитие РФ.

Заключение

В заключение следует отметить, что существуют некоторые различия в восприятии инициативы "Пояс и путь" в разных публикациях, причина которых кроется в различном позиционировании. ТАСС находится под непосредственным руководством президента и правительства, и, учитывая сильную поддержку инициативы "Пояс и путь" со стороны высших эшелонов власти, освещение инициативы "Пояс и путь" неизбежно в основном позитивное, а единственный негативный репортаж является косвенным выражением мнения ТАСС об инициативе "Пояс и путь". "Единственным негативным сообщением стало косвенное выражение озабоченности по поводу инициативы "Пояс и путь", высказанное ТАСС. С другой стороны, информационное агентствогораздо свободнее в высказываниях, имеет более широкий спектр тем для выбора и часто имеет четкую и сбалансированную точку зрения. В то же время уровень и положение журналистов сильно различаются, что затрудняет гарантию объективности и беспристрастности некоторых углубленных репортажей. Как центральное информационное агентство, «ТАСС» отвечает за сбор и распространение информации и документов от президента, парламента и правительства РФ, а также доведение их до нижестоящих подразделений и отдельных лиц.

Некоторая негативная огласка оказала отрицательное влияние на понимание местным населением значения и роли инициативы "Пояс и путь". Однако в целом мнение информационного агентства об инициативе "Пояс и путь" было положительным, поскольку она создала большое количество рабочих мест в странах, расположенных вдоль маршрута, стимулировала экономическое развитие, разрушила барьеры недоступности, которые долгое время не позволяли странам Центральной Азии выйти к морю, и создала новые возможности для регионального экономического развития.

Наконец, одной из причин обеспокоенности, выраженной СМИ по поводу инициативы "Пояс и путь", является несоразмерность совокупной мощи Китая и РФ. Как сообщалось, экономическая помощь и огромные кредиты, предоставляемые Китаем, вызывают беспокойство у иных стран, который не в состоянии погасить свои долги, за исключением земельных и минеральных ресурсов. В результате общество как никогда

настороженно относится к Китаю. Кроме того, жители мало знают о Китае и инициативе "Пояс и путь", а некоторые сообщения даже передают неверную информацию.

За прошедшие годы с момента строительства "Пояса и пути" достигнутые результаты очевидны для всех. Только в 2018 году общий объем торговли импортом и экспортом товаров Китая со странами вдоль "Пояса и пути" достиг 1,3 трлн долларов США. Проекты Китая в Таджикистане сосредоточены в горнодобывающей промышленности, электроэнергетике, транспортной и коммуникационной инфраструктуре, сельскохозяйственном производстве и других областях. Китай не только помог Таджикистану достичь энергетической и транспортной независимости, но и помог Таджикистану достичь базовой индустриализации и даже превратить Таджикистан из страны-импортера в страну-экспортера в некоторых областях.

СМИ РФ, представленные информационным агентством «ТАСС» высоко оценили инициативу "Пояс и путь". Это свидетельствует о позитивном отношении правительства России к инициативе "Пояс и путь". В то же время, однако, мы должны трезво осознавать, что некоторым образом РФ не имеют полностью симметричного восприятия инициативы "Пояс и путь" и того послания, которое хочет донести Китай, и даже неправильно его интерпретируют. Поскольку почти все общественное восприятие инициативы "Пояс и путь" в России исходит от СМИ, информация, на которую они опираются, была переработана правительством или отдельными лицами, и ее объективность и достоверность могут быть затронуты в большей или меньшей степени. Поэтому Китай должен придавать большое значение интерпретации инициативы "Пояс и путь" и представлению связанных с ней вопросов российским СМИ.

Для того чтобы россияне правильно восприняли значение инициативы "Один пояс, один путь", в данной статье предлагается несколько контрмер: во-первых, точно донести концепцию "обсуждать, строить и делиться" до народа и углубить его понимание Китая и инициативы "Один пояс, один путь". "Во-вторых, усилить пропаганду китайской культуры в России, глубоко развивать гуманистическое сотрудничество между двумя странами в области образования, науки, культуры и спорта, восполнить недостаток внимания, уделяемого гуманистическим обменам и сотрудничеству между Китаем и РФ основными СМИ в РФ, и в то же время продвигать "контакты между людьми". В-третьих, придавать большое значение изучению общественного мнения в странах вдоль маршрута, особенно анализу общественного мнения во влиятельных частных СМИ; в-четвертых, укреплять обмены и сотрудничество с основными СМИ России, совместно играть роль руководства общественным мнением в СМИ обеих стран, освещать взаимовыгодное сотрудничество и достижения в строительстве "Пояса и пути", углублять отношения между Россией и Китаем, а также иными участниками.

Библиография

1. Грошева Е. К., Фань С. Анализ состояния китайско-российского торгового сотрудничества в рамках предложения «Один пояс, один путь» //Бизнес-образование в экономике знаний. – 2021. – №. 1 (18). – С. 30-32.
2. Исаев А. С. Сотрудничество средств массовой информации России и Китая: история, проблемы, возможности //Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – №. 2. – С. 12-20.
3. Коробов А. А., Рябов А. А. Информационные агентства как проводники государственной информационной политики (на примере ТАСС) и МИА «Россия сегодня» //Вестник Поволжского института управления. – 2020. – Т. 20. – №. 3. – С. 24-31.
4. Кулинцев Ю. В. Реализация сотрудничества между Россией и Китаем в

- гуманитарной сфере на примере СМИ //российско-китайское региональное сотрудничество. – 2021. – с. 31.
5. Муха А. В., Федосеева Н. И. Анализ новостного контента интернет-изданий (на примере материалов «РИА-Новости» и «ТАСС») //Филологический аспект. – 2020. – №. 9. – С. 216-221.
 6. Овчаренко А. А., Кандалов В. И. Российские информационные агентства на примере ИТАР-ТАСС //Россия и мир: развитие цивилизаций. Трансформация политических ландшафтов за период 1999-2019 годы. – 2019. – С. 373-379.
 7. Пономарева М. П. Принципы и технологии мониторинга новостей в СМИ (на примере ТАСС-Урал) //42.03. 02 Журналистика. – 2021.
 8. Толоконникова А. В., Лукина М. М. Конфликты в информационной повестке дня: к вопросу об объективности (на примере публикаций российских информационных агентств "Интерфакс" и ТАСС) //Меди@льманах. – 2021. – №. 5 (106). – С. 74-85.
 9. Хотимский К. В. Проект" один пояс-один путь" и ЕАЭС: перспективы развития //Иновации и инвестиции. – 2018. – №. 2. – С. 106-109.
 10. Чаолинь В. Экономические коридоры в Южной Азии и инициатива" один пояс, один путь" в 2000-2010-х гг //Вестник Томского государственного университета. – 2019. – №. 445. – С. 96-101.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый материал ориентирован на довольно дискуссионный вопрос: это освещение темы «Один пояс и один путь» в СМИ, на примере агентства ТАСС. Автор статьи практически с самого начала позиционирует мысль о том, что «по мере продвижения инициативы "Пояс и путь", а также разработки и реализации строительных проектов в рамках "Пояса и пути", освещение инициативы "Пояс и путь" в СМИ обеих стран в целом растет. Количество новостей увеличивается, а содержание становится более глубоким». Однако, «существуют некоторые различия в восприятии инициативы "Пояс и путь" в разных публикациях, причина которых кроется в различном позиционировании. ТАСС находится под непосредственным руководством президента и правительства, и, учитывая сильную поддержку инициативы "Пояс и путь" со стороны высших эшелонов власти, освещение инициативы "Пояс и путь" неизбежно в основном позитивное...» и т.д. И все же в статье осуществлена попытка объективно рассмотреть как в последнее время ИА «ТАСС» освещает тему «Один пояс – один путь». Суждения по ходу сочинения в большинстве продуманы, выверены. Например, «информационное агентство «ТАСС» - государственное информационное агентство современной России ведущее свою историю со времен СССР. Был период в истории агентства, когда оно было упразднено, но начиная с 2014 года это вновь одно из центральных СМИ страны. Как центральное информационное агентство, оно отвечает за сбор, передачу, отражение и распространение информации и документов Президента, Парламента и Правительства, а также за передачу обратной связи с этими органами», или «ТАСС в своих сообщениях затрагивает тему того, что "Один пояс, один путь" направлен на создание коридора для прямой торговли между Востоком и Западом, и в этом случае Таджикистан должен быть активно интегрирован в него для развития. Затрагиваются в репортажах и моменты истории древнего Шелкового пути, а также внедрение, реализацию и достижения инициативы "Пояс и путь". Упоминаются истоки инициативы

"Пояс и путь", отмечается важная роль на древнем Шелковом пути: древний Шелковый путь объединял все страны, расположенные вдоль маршрута» и т.д. Методология разверстки вопроса носит аналитический характер, автор ориентирован на объективную оценку проблемы. Стилевая составляющая находится в пределах собственно научного стиля: например, «в материалах «ТАСС»[отмечается, что РФ в настоящее время сталкивается со многими проблемами в своем экономическом развитии и что китайские инвестиции в настоящее время являются единственным способом компенсировать проблемы от санкционной борьбы с Западом». Фактические и терминологические нарушения не выявлены, материал достоверен и может быть использован при изучении дисциплин политico-социологического толка. Стандартные наличные блоки – вводный, основной и заключительный – поддерживаются внутренней логикой оценки. На мой взгляд, основная задача исследования все же решена, ибо в finale работы автор серьезной манифестирует следующее: «для того чтобы россияне правильно восприняли значение инициативы "Один пояс, один путь", в данной статье предлагается несколько контрмер: во-первых, точно донести концепцию "обсуждать, строить и делиться" до народа и углубить его понимание Китая и инициативы "Один пояс, один путь". "Во-вторых, усилить пропаганду китайской культуры в России, глубоко развивать гуманистическое сотрудничество между двумя странами в области образования, науки, культуры и спорта, восполнить недостаток внимания, уделяемого гуманистическим обменам и сотрудничеству между Китаем и РФ основными СМИ в РФ, и в то же время продвигать "контакты между людьми". В-третьих, придавать большое значение изучению общественного мнения в странах вдоль маршрута, особенно анализу общественного мнения во влиятельных частных СМИ; в-четвертых, укреплять обмены и сотрудничество с основными СМИ России, совместно играть роль руководства общественным мнением в СМИ обеих стран, освещать взаимовыгодное сотрудничество и достижения в строительстве "Пояса и пути", углублять отношения между Россией и Китаем, а так же иными участниками». Риторический пафос тезисов очевиден, насколько это будет отражено в деятельности ИА ТАСС все же вопрос открытый. Библиографический список актуален, формальные требования издания учтены. Тема работы может заинтересовать как подготовленного, так и неподготовленного читателя; текст не нуждается в серьезной правке, однако, ошибки тип «агентством» нужно исправить! В целом же тезирую: статья «Освещение темы «Один пояс и один путь» в СМИ, на примере агентства ТАСС» может быть допущена к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Деревская Е.Н., Дорфман О.В., Позднякова Н.В. — Языковая метафора, порождающая тропы // Litera. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.3.39953 EDN: EPSAXT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39953

Языковая метафора, порождающая тропы

Деревская Елена Николаевна

ORCID: 0000-0001-5746-4656

кандидат филологических наук

доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации Магнитогорского государственного технического университета им Г.И. Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, ул. Проспект Ленина, 26, ауд. 206

✉ august1667@mail.ru

Дорфман Оксана Вячеславовна

ORCID: 0000-0001-8621-4189

кандидат педагогических наук

доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации Магнитогорского государственного технического университета им Г.И.Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, ул. Проспект Ленина, 26, ауд. 206

✉ mandorffoks@yandex.ru

Позднякова Наталья Викторовна

ORCID: 0000-0001-5680-6298

кандидат филологических наук

доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации Магнитогорского государственного технического университета им Г.И.Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, проспект Ленина, 26, ауд. 206

✉ nvp2018@bk.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.3.39953

EDN:

EPSAXT

Дата направления статьи в редакцию:

06-03-2023

Дата публикации:

13-03-2023

Аннотация: В статье поднимаются вопросы изучения тропической системы русского языка. Задача статьи – обозначить те этапы анализа, которые необходимо пройти обучающемуся для идентификации разных тропов, в основе которых лежит узуальная метафора. Авторы предлагают для усвоения теоретического материала методику работы, которая строится на поэтапном освоении темы. Выбранная форма подачи материала определила направление заданий, объединенных в три модуля: «Языковая метафора – художественная метафора»; «Языковая метафора – олицетворение», «Языковая метафора – сравнение». Работа в модулях связана, во-первых, с заданиями, предполагающими обращение к толковым словарям, к структуре словарной статьи, выявлению тех компонентов лексико-семантических вариантов слова-полисеманта, которые позволяют определить специфику отдельного тропа. Во-вторых, предлагаются типы упражнений, включающие наблюдение за контекстами, которые помогут обучающимся переосмыслить значение слова, а в последующем правильно определить функционирование тропа в тексте. Каждый из модулей дает возможность в процессе изучения темы соединять знания теории и практический анализ объективного материала, что делает результаты исследовательской работы плодотворными, а выводы осознанными. Предложенная методика изучения сложных вопросов лексической семантики и тропической системы позволяет в ходе подготовки как бакалавров-филологов / лингвистов / учителей русского языка и литературы, так и обучающихся общего и (или) среднего общего образования выработать умения и навыки, которые реализуют профессиональную компетенцию, связанную с готовностью использовать систематизированные теоретические и практические знания для постановки и решения исследовательских задач в области образования.

Ключевые слова:

лексическая семантика, метафорическое значение, тропы, метафора, олицетворение, сравнение, система упражнений, компонентный анализ, текст, методика

Понятие метафоры в течение долгого времени представляет интерес как для научных изысканий [1-8], так и для практики преподавания филологических дисциплин [9-13].

Как показывает педагогический опыт, сложность при анализе метафоры связана с несколькими моментами. Во-первых, сам термин «метафора» функционирует и в лингвистической теории как один из видов переноса наименования, и в литературоведении как стилистический прием, имя одного из тропов. Во-вторых, метафорический перенос во многом формирует тропическую систему, что создает сложность для идентификации разных изобразительных средств.

В статье предметом рассмотрения станут такие тропы, как метафора, олицетворение и сравнение, жизнь которым в художественном тексте дает метафорический перенос значения слова. Наша задача – обозначить те этапы анализа, которые необходимо пройти обучающемуся для идентификации разных тропов, в основе которых лежит перенос по аналогии, сходству признаков разных предметов, то есть метафорический перенос именования (узуальная метафора). Новизна подхода к заявленной проблеме заключается в соединении методов компонентного анализа лексического значения, принятого в лексической семантике, с последующей характеристикой тропов,

реализующих перенос именования по сходству.

Поскольку статья адресована преподавателям не только высшей школы, но и педагогам, осуществляющим деятельность по образовательным программам основного общего и (или) среднего общего образования, в качестве лингвистического материала выбраны тексты В. Крапивина – российского писателя, журналиста, педагога, автора сценариев, стихотворений и произведений для детей. Этот выбор связан и с художественной ценностью текстов В. Крапивина, и с реализацией воспитательных задач, которые должны решаться в образовательном процессе.

Называя факторы, которые обусловливают метафорический потенциал слова, М.В. Никитин отмечает, что определяющим «является характер сильного импликационала, его объем, содержание, структура (взаимозависимости признаков) и вероятностная мера признаков (сила, ярость ассоциирования признаков)» [\[14, с. 207\]](#). Именно импликационные признаки «прежде всего вовлекаются в процесс метафорического переосмыслиния слова и составляют в разнообразных комбинациях содержание дифференциальной части производного метафорического значения» [\[14, с. 218\]](#). Эта дифференциальная часть значения, на наш взгляд, и требует внимания при анализе разных тропов, порожденных метафорическим переносом. Текстовый анализ всегда должен сопровождаться обращением к лексикографическим изданиям. Взаимовыгодное сотрудничество лингвистической теории и лексикографической практики отмечает О.И. Блинова: «Научная плодотворность содружества ТЕОРИИ и СЛОВАРЯ более чем очевидна: “выигрывают” и ТЕОРИЯ и СЛОВАРЬ. Их взаимосвязь и взаимодействие повышают теоретический уровень исследований благодаря использованию огромного материала, предварительно прошедшего лексикографическую обработку, нередко полисистемную» [\[15, с. 22\]](#).

Представляется эффективным в процессе изучения темы объединить дидактический материал в три модуля.

Первый модуль «Языковая метафора – художественная метафора». В метафорическом высказывании можно видеть сокращенное сравнение. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, без метафоры «не существовало бы лексики “невидимых миров” (внутренней жизни человека), зоны вторичных предикатов, то есть предикатов, характеризующих абстрактные понятия» [\[16, с. 9\]](#). Примером этого тезиса может служить контекст: «Усталость ровно гудела в каждой жилке» – в котором лексема «гудеть» реализует метафорическое значение, характерное для языка и отмеченное толковым словарем [\[17\]](#). Этот перенос именования разных процессов одной лексемой стал возможен благодаря сходству их признака: «длительный, протяжный» (о звуке) – «непрерывный, сильный» (о боли, усталости).

Наблюдение за контекстом создает потенциал, позволяющий обучающимся выделить метафорическое переосмысливание. Именно контекст помогает идентифицировать метафору в ряде заданий государственной итоговой аттестации, с которыми без предварительной подготовки и проработки заданий данного типа многие обучающиеся не могут справиться.

Примером работы над контекстом может послужить следующее упражнение.

Прочитайте предложение: «Обдало холодком – как в тесных улочках у Цитадели, когда рядом свистят и проносятся уланские патрули, а ты сидишь в заросшей белоцветом каменной щели, и рядом у щеки дышит Цезарь, а под рубашкой катаются колючие

шарики страха» («Крик петуха»). Выделите грамматическую основу последней части. Если бы предложение было простым нераспространенным – «катаются шарики», что мы представили бы? А в случае с «колючими шариками», с «колючими шариками под рубашкой»? Какое слово меняет смысл предложения? Пользуясь словарем, дайте толкование слову «страх». Что вы представляете при чтении? Какие эмоции испытываете?

Поиск ответов на поставленные вопросы направлен на сопоставление прямого значения лексемы «шарик», данного в толковом словаре, и текстового метафорического смысла, на выделение тех признаков, которые позволяют обучающемуся увидеть, как рождается художественная метафора.

Работа над изобразительной метафорой предполагает постепенное усложнение заданий – от наблюдения, kommentированного обоснования отнесенности выделенного средства к метафоре, самостоятельного нахождения метафоры – к ее конструированию. На это может быть направлено упражнение следующего типа.

Прочитайте текст: «*Навстречу ударило лето . Знакомое до сладкой тоски лето с высокой травой, тополиным пухом, солнцем и чистой голубизной над низкими крышами* » («Голубятня на желтой поляне»). Как бы вы могли сказать о том, что наступило лето? Изменится ли восприятие текста, если заменить первое предложение следующим образом: «наступило лето», «начался летний период»? В каком значении употреблено слова «ударило» в тексте? Дайте токование метафоре. Предложите свой вариант метафоры для осени или зимы.

Выполнение упражнения целесообразно начать с анализа словарной статьи лексемы «ударить», что позволит обучающемуся увидеть, как соотносится прямое значение и переносное, какие семантические компоненты прямого значения актуальны для переносного, а какие добавляются, что в конечном итоге делает возможным появление изобразительного средства в тексте.

При анализе метафоры как тропа нельзя не сказать об изобразительной метафоре, которая, по утверждению Н.Д. Арутюновой, глубоко отлична от метафоры словесной, поскольку она не выходит за пределы своего контекста: «Сам механизм создания изобразительной метафоры глубоко отличен от механизма словесной метафоры, непременным условием действия которого является принадлежность к разным категориям двух ее субъектов (денотатов) – основного (того, который характеризуется метафорой) и вспомогательного (того, который имплицирован ее прямым значением). Изобразительная метафора лишена двусубъектности» [\[16, с.22\]](#).

Для презентации такой разновидности метафоры приведем развернутый текстовый фрагмент: «Ну, как получился наш малыш ? – спросил Дед и поднял маленькое рулевое колесо на вытянутых руках. Он и в самом деле был как новорожденный малыш , этот никогда еще не работавший штурвальчик . Буковые выпуклые спицы и обод были такого же беззащитного цвета, как ручки, ножки и плечи ребенка. Прямо хоть закутывай в пеленку, чтоб не простудился» («Колыбельная для брата»).

Слово-метафора «малыш» организует отдельный текстовый фрагмент, эксплицирующий смысл, связанный с обозначением штурвала, или, как именует его автор, подкрепляя «малышовость» уменьшительным суффиксом -чик-: «штурвальчик». В текстовом фрагменте возникают парадигматические отношения, которые включают как лексемы, связанные с именованием частей рулевого управления (спицы, обод), так и лексемы, тематически связанные с младенческим возрастом (ручки, ножки, пеленка).

Второй модуль «Языковая метафора – олицетворение». Г.Д. Ахметова выделяет еще одну разновидность метафоры, которая реализуется в тексте, это так называемые «живые» («очеловеченные») метафоры, когда «человеческими свойствами наделяются изначально неживые предметы или явления. Таким образом, “живая” метафора одновременно и уводит от реальности, и сближается с самой жизнью» [\[18, с. 138\]](#).

«Очеловеченные» метафоры в литературоведении выделяются в отдельный троп – олицетворение, персонификацию. Олицетворение, несмотря на то что рассматривается как разновидность метафоры, все же имеет свои семантические особенности, которые очевидны и при обращении к самому термину (олицетворение, персонификация), и при знакомстве с его дефиницией «изображение неодушевленных предметов, при котором они наделяются свойствами живых существ (даром речи, способностью мыслить, чувствовать, переживать, действовать), уподобляются живому существу» [\[19\]](#).

Таким образом, в структуру лексического значения неодушевленного понятия должна быть включена сема, передающая информацию о признаках живого существа, например: «Но Кирилл знал, когда и как закапризничает корабль» («Колыбельная для брата»). При анализе лексемы «закапризничает» мы обнаруживаем семантический компонент ‘нрав’, то есть «совокупность душевных, психических свойств» [\[17\]](#). Именно этот компонент позволяет отнести подобный троп к олицетворению, отделив его от собственно метафоры.

Довольно часто при поиске олицетворения обучающихся ориентируют на нахождение в предложении глаголов и выявлении семы живого существа у неодушевленного понятия. Предлагаемый ниже тип задания направлен на работу с контекстами, позволяющими проанализировать олицетворение как троп, порожденный метафорическим типом переноса.

Прочтите предложения. Выделите в них грамматическую основу. Обратите внимание на значение глагольных форм (воспользуйтесь толковым словарем). Могут ли эти действия производить неживые предметы? Подберите имена существительные, которые могли бы быть производителями названных действий.

1) Летнее утро царствовало над тихими улицами. 2) Даже эхо увязло в мягкой духоте. Коридор, закругляясь, привел Яра в подвал. 3) Бритва ласково мурлыкала в ладони, и Корнелий ощутил сентиментальную жалость расставания с этой похожей на доверчивого котенка машинкой. 4) Стасик же все ползал по пыли, царапаясь о корзины, а душа его изнемогала от горечи («Голубятня в Орехове»).

При изучении олицетворения важна лексикографическая работа. Анализ лексических значений слова-полисеманта позволит еще раз показать возможности метафорического типа переноса именования, а также выделить у глагольной лексемы семантический компонент, несущий информацию «свойство живых существ».

Третий модуль «Языковая метафора – сравнение». Близость к метафоре образного сравнения ученых не вызывает сомнений. Н.Д. Арутюнова предлагает сопоставить предложения: Эта девочка похожа на куклу – Эта девочка как кукла. Эта девочка – настоящая кукла. И приходит к выводу о формальных и семантических различиях между образным сравнением и метафорой, которые «в большой мере связаны с различием этих двух видов логических отношений» [\[16, с. 26-27\]](#). В дефиниции термина «сравнение», которая дается в «Литературной энциклопедии терминов и понятий», отмечается, что

«сравнение по природе метафорично <...> Уберите в сравнении связку, и вы получите метафору» [20, с. 1022]. Однако если для метафоры и олицетворения аналогия, сходство представлены имплицитно, то в сравнении сходство двух объектов эксплицировано: слово вербализует те признаки, которыми обладает сравниваемый объект.

С точки зрения грамматических характеристик сравнение выражено, как правило, именем существительным, которое выступает в различных синтаксических позициях. Сравнение может быть представлено в предикате: «Мальчик был как тонкий солнечный колосок», а также выполнять функцию присловного распространителя: «Наконец загар стал прочным, как броня» («Журавленок и молнии»).

Часто можно наблюдать синкетичность лексической семантики, которая мотивирует появление дуплексов в предложении. Например: «Мускулы на худых мальчишечих ногах натянулись под загорелой кожей, как резиновые шнурь» («Журавленок и молнии»). Выделение компонентов лексического значения ('плетеное изделие', 'крученые нити или пряди', 'вид тонкой веревки' – [17]) делает очевидным атрибутивное сравнение «мускулы – шнурь», а также обстоятельственную семантику образа действия «натянулись, как шнурь».

В практике преподавания сравнение – троп, построенный на сопоставлении одного понятия с другим и реализующийся чаще всего в сравнительных оборотах при помощи слов «как», «будто», «точно», «подобно», «наподобие» и пр., сравнительной степени прилагательного или наречия, сравнительного придаточного.

Зачастую отнесенности к указанным синтаксическим конструкциям бывает недостаточно, чтобы обучающиеся могли идентифицировать сравнение, поэтому ограничиваться синтаксическим анализом неправомерно. Во-первых, необходимо провести частичный синтаксический анализ, во-вторых, найти в предложении сопоставляемые понятия, поскольку отсутствие одного из понятий может свидетельствовать о том, что перед нами метафора, а не сравнение, в-третьих, работать с лексической семантикой, которая поможет выявить очевидность сравнения. Для решения поставленной задачи предлагаем выполнить задание подобного типа.

Прочитайте предложение: «Искорка летала между нами, будто крошечный светлячок, и садилась то на ладонь, то на кончик пальца» («Голубятня на желтой поляне»). Обратите внимание на постановку знаков препинания, объясните ее. Чем осложнено данное предложение? К чему относится сравнительный оборот? Назовите сравниваемые понятия. Найдите в толковом словаре значения слов «искорка» и «светлячок». Что их объединяет?

Встречаются случаи, когда представляется сложным однозначно характеризовать изобразительное средство, поскольку оно совмещает признаки сравнения и парцеллированной конструкции: «Оказывается, спокойствие в нем было очень хрупкое. Как тонюсенькая стеклянная стенка. Сейчас лопнет эта стенка – и вся горечь, вся обида, накопившаяся в классе, рванется слезами. Как вода из разбитого аквариума» («Колыбельная для брата»). В этом случае, на наш взгляд, либо нужно отмечать совмещение двух функций, либо обращать внимание на постановку задачи, которую требуется решить при выполнении задания: анализ тропа предполагает сравнение, анализ интонационно-стилистической фигуры – парцелляцию.

Не существует единой точки зрения на такое понятие, которое в лингвистике обозначено как метаморфоза, а в литературоведении оценивается в качестве разновидности

сравнения. Так, точка зрения В.В. Виноградова заключается в следующем: «следует обособлять от метафор и сравнений в собственном смысле тот приглагольный творительный падеж, который является семантическим привеском к предикату (с его объектами), средством его оживления, раскрытия его образного фона» [20, с. 411]. Эта позиция В.В. Виноградова остается актуальной [см. 16, с. 29]. Однако «Словарь литературоведческих терминов» отмечает, что сравнение «может быть выражено: существительным в творительном падеже: "Морозной пылью серебрится его бобровый воротник" (А.С. Пушкин)» [19]. Такой же практики придерживаются составители контрольно-измерительных материалов для школьной программы, поэтому примеры типа «И комочком полетел со стула» («Журавленок и молнии») характеризуется как сравнение.

Одним из продуктивных типов упражнений для работы с названными тропами является учебный мини-кейс [22]: обучающиеся получают языковой материал для выявления метафорического переноса, необходимые для выполнения задания теоретические сведения, возможно дополнение кейса алгоритмом его выполнения в случае учета индивидуальных образовательных способностей и предполагаемых затруднений.

Таким образом, при составлении материалов для изучения тропов, созданных метафорическим переносом, необходимо учитывать следующие моменты:

- идея сходства, аналогии признаков разных объектов заложена в нескольких тропах: в метафоре, олицетворении, сравнении;
- для формирования у обучающихся умения разграничивать тропы в тексте необходима система упражнений, направленная на обращение к анализу лексических значений, представленных в словарной статье толкового словаря, выделении семантических компонентов, объективно показывающих отличие разных тропов, рожденных одним типом переноса именования; представляется важной и работа с контекстом, позволяющим проанализировать метафорический тип переноса.

Предложенная методика изучения сложных вопросов лексической семантики и тропической системы позволит в ходе подготовки как бакалавров-филологов / лингвистов / учителей русского языка и литературы, так и обучающихся общего и (или) среднего общего образования выработать умения и навыки, которые реализуют профессиональную компетенцию, связанную с готовностью использовать систематизированные теоретические и практические знания для постановки и решения исследовательских задач в области образования.

Библиография

1. Теория метафоры / Под ред. Н.Д. Арутюновой, М. А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. 511 с.
2. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. СПб: Наука, 1993. 152 с.
3. Смирнов И. Метафора как объект научных исследований // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 2. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-kak-obekt-nauchnyh-issledovaniy/viewer>
4. Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1988. 176 с.
5. Лю Го Пин Уход в метафору как основной языковой процесс в современной русской прозе // Филологические науки в России и за рубежом : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). СПб: Реноме, 2012.

- [Электронный ресурс] URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/26/1340/>
6. Осокина С. А., Карпухина В. Н., Савочкина Е. А. Лингвистические исследования метафоры: краткий обзор // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 4 (89). С. 423-427.
 7. Bardovskaya A.I. Synaesthetic metaphor in Nabokov's ideostyle (basing on the analysis of «The Gift») // Modern scientific research and their practical application. 2013. № 4. Р. 85-97.
 8. Pavlova A.V., Ustinova D.V. Metaphor in translation of british poetry into the russian language // Modern studies of social issues. 2020. № 1-2. Т. 12. Р. 35-40.
 9. Berezovskaya Maria K. The didactic role of metaphor in language teaching (learning a metaphor in an english class) // Сибирский учитель. 2021. № 6 (139). С. 132-136.
 10. Богданова Е.С. Проблемы интерпретации метафорических выражений старшими школьниками // Вопросы психолингвистики. 2017. № 31. С. 30-41.
 11. Ревенко Е.С., Шевченко М.Н. Современные подходы к изучению метафоры // Вестник АмГУ. 2009. Вып. 46. С. 107-109.
 12. Перцева Н.К. Метафоричность – одно из условий повышения культуры речи школьников // Начальная школа. 2013. № 8. С. 52-55.
 13. Комарова Ю.В. Работа над метафорой как способ формирования выразительной письменной речи учащихся гуманитарных классов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 30 (67). С. 382-387.
 14. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 819 с.
 15. Блинова О.И. Теория → Словарь → Теория → Словарь // Вопросы лексикографии. 2012. № 1. С. 6-26.
 16. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры Под ред. Н.Д. Арутюновой, М. А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. С. 5-33.
 17. Словарь русского языка: в 4 т. / М.: Рус. яз., 1985-1988. [Электронный ресурс] URL: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ.htm>
 18. Ахметова Г.Д. Языковые процессы в современной русской прозе (на рубеже XX-XXI вв / Отв. ред. М. Б. Борисова. Новосибирск: Наука, 2008. 166 с.
 19. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. СПб : Паритет, 2006. 320 с.
 20. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. 800 с.
 21. Виноградов В.В. О поэзии Анны Ахматовой. // Поэтика русской литературы: избранные труды / Ред.: М.П. Алексеев, А.П. Чудаков. М.: Наука, 1976. 511 с.
 22. Стрекалова Н.Д., Беляков В.Г. Разработка и применение учебных кейсов: практическое руководство. СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ, 2013. 80 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензент не скроет, что название статьи – «Языковая метафора, порождающая тропы»

- поначалу вызвало у него значительные опасения, поскольку оно поднимает болезненный для филологии вопрос расщепления классического (у истоков – риторического) понятия «метафора» на «метафоры языковые» и «метафоры литературные». Однако опасения не подтвердились: несмотря на то что автор работает с двумя только что названными терминами и различает метафору – перенос значения лексемы и метафору-троп, как того требуют современная школьная и – чуть реже – вузовская программы, реализации которых в первую очередь призвана помочь статья, в тексте прослеживается чёткое понимание единства феномена метафоры и попытка, без нарушения сложившейся в образовании традиции, показать это единство учащимся. Так называемая «языковая» метафора, перенос значения слова на основании сходства, рассматривается в статье как основа трех тропов – собственно метафоры, олицетворения и сравнения (с упоминанием метаморфозы как его разновидности). Поскольку исторически олицетворение и сравнение (метаморфоза) действительно являются разновидностями тропа «метафора», такой подход полностью оправдан.

Статья написана в помощь учителю и предлагает рабочий набор учебных заданий, ориентированных на распознавание в тексте и различие метафоры, олицетворения и сравнения. Автор последовательно и убедительно доказывает, что преподавание данных тем на основе знакомства учащегося с явлением метафоры действеннее, нежели установка на поиск в тексте определенных опознавательных моделей (сочетаний с «как», выделение «у глагольной лексемы семантического компонента, несущего информацию «свойство живых существ»»), часто используемая при подготовке к ЕГЭ.

Статья хорошо структурирована, написана научным, но в то же время не слишком тяжёлым языком, что делает ее содержание доступным для преподавателей не только высшей, но и средней школы. Отдельно хочется отметить удачный выбор иллюстрирующего материала и аргументацию этого выбора: «Поскольку статья адресована преподавателям не только высшей школы, но и педагогам, осуществляющим деятельность по образовательным программам основного общего и (или) среднего общего образования, в качестве лингвистического материала выбраны тексты В. Крапивина – российского писателя, журналиста, педагога, автора сценариев, стихотворений и произведений для детей. Этот выбор связан и с художественной ценностью текстов В. Крапивина, и с реализацией воспитательных задач, которые должны решаться в образовательном процессе».

Список литературы репрезентативен. Автор пользуется как классической базой, так и новыми педагогическими разработками, совмещает в тексте классическую терминологию с разовым упоминанием "учебного мини-кейса", но это, по мнению рецензента, не портит статью, а, напротив, добавляет ей живости.

Статья обладает выраженной новизной, теоретической и практической значимостью, актуальностью для практики преподавания и может быть рекомендована к печати без доработки.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Челя Д. — Нarrативные приемы метамодернизма // Litera. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.3.39942
EDN: FINHAF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39942

Нарративные приемы метамодернизма

Челя Джой

ORCID: 0000-0003-1138-9173

кандидат филологических наук

аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов
у. миклухо - маклая, Россия, москва область, г. Москва, ул. Москва, 5

✉ celaxhoi@gmail.com

[Статья из рубрики "Язык"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.3.39942

EDN:

FINHAF

Дата направления статьи в редакцию:

09-03-2023

Дата публикации:

16-03-2023

Аннотация: Теоретики метамодернизма написали большое количество научных статей о метамодернизме, но эти статьи лишь разъясняют о существовании и значении метамодернизма. Важно отразить некоторые приёмы повествования, используемые в литературе, и это способствовало бы более глубокому знакомству с метамодернизмом. Цель исследования состоит в том, чтобы предложить, проанализировать и отразить нарративные приёмы метамодернизма, дать возможность читателю лучше понять метамодернистские практики в современных романах. У каждой эпохи есть свои приемы повествования, и в этой статье будут представлены шесть основных приёмов, используемых в метамодернистских романах. Шесть техник: колебание, мышление «как будто», человек, парадокс, разрушение границ внутри глобализма и метанarrатив. Объектом исследования является анализ нарративных приёмов метамодернизма. В статье автор использовал аналитический, описательный и сравнительный методы. Автор анализирует шесть приёмов повествования, перечисляя причины их использования. В статье описывается их употребление в тексте на примерах из произведений современных писателей. Также необходимо сопоставить метамодернистские нарративные приемы с нарративными приемами предшествующих эпох. Практическая

значимость приложения при применении результатов в курсах современной русской литературы, теории и истории русской и зарубежной литературы. Практическая значимость приложения при применении результатов в курсах современной русской литературы, теории и истории русской и зарубежной литературы. Новизна исследования заключается в отражении шести нарративных приёмов метамодернизма, которые могут помочь читателю лучше понять метамодернизм как мировоззрение. В результате доказано, что метамодернизм имеет свои уникальные нарративные приёмы, отличающие его от предшественников. В статье достигается цель глубокого анализа шести метамодернистских нарративных техник как новых тенденций, появляющихся в литературе и за ее пределами. Шесть приёмов повествования — важный факт, доказывающий, что метамодернизм существует и появляется в литературе и не только.

Ключевые слова:

Метамодернизм, колебание, парадокс, человек, глобализм, метанарратив, приём, мировоззрение, постмодернизм, модернизм

Колебание

Метамодернизм всегда колеблется между модернизмом и постмодернизмом. Осцилляция — одна из основных техник, представляющих метамодернизм в его сущности, и даже осцилляция может быть отправной точкой для других нарративных техник. Метамодернизм рассматривается как маятник, который все время находится в движении, и в этой логике произведения искусства используют технику качания, что выделяет их как метамодерн.

Вермюлен и ван ден Аkker были первыми, кто описал метамодернизм как нечто среднее, которое: «... колеблется между современным энтузиазмом и постмодернистской иронией, между надеждой и меланхолией, между наивностью и знанием, чувствительностью и апатией, единством и множественностью, тотальностью и фрагментарностью, чистота и двусмысленность».

Это означает, что эта техника является посредником между современными и постмодернистскими техниками, их использование делает обе эпохи живыми через метамодернистское искусство. Этим мы доказываем, что метамодернизм не против них, а видит в них опору для дальнейшего развития. Для метамодернизма очень важна эта трехсторонняя связь модерн — метамодерн — постмодерн.

Осцилляция приносят удовольствие в метамодернизме, хотя мы знаем, что к чему-то новому они не приведут. Движение вперед и назад не делает ничего, кроме как создает гравитационный цикл, когда всякий раз, когда магнитная сила притяжения теряется, она возвращается в исходную точку.

В метамодернистских произведениях мы имеем постоянные колебания не только от текста, того вымысла, который в нем происходит, но также происходят колебания от автора и читателя. В постоянном движении находятся все, кто не знает, куда они идут, но знают, что находятся на правильном пути движения [4, с. 43].

Находясь в постоянном движении, работа выходит за собственные границы и по-разному вовлекает читателя. Возьмем обычный пример: если в своей прозе автор колеблется между прошлым и настоящим, если в модернизме он хотел бы сделать это движение

видимым, то в метамодернизме он стремится сделать его непостижимым, сентиментальным и волшебным. Он выходит за рамки времени, заставляя читателя двигаться в том же направлении, что и движение, даже если он отказывается это делать.

Персонажи также колеблются на разных полюсах. Для некоторых ученых осцилляция находится одновременно «в мыслях персонажа и за пределами его перспективы» [\[21, с. 23\]](#), а также «переговоры между антиутопией и утопией через органические колебания между ними» [\[21, с. 23\]](#).

Даже читатель находится в постоянном колебании, потому что колеблются автор и текст, и он движется в том же направлении, что и они. Это раскачивание читателя заставляет его вовлекаться в произведение, иногда сознательно, а иногда теряя связь с текстом и отстраняясь. Влияние читателя во многом зависит от среды метамодернистской произведения.

В метамодернизме, как и в отношениях модерн — метамодернизм — постмодернизм, есть и традиционные отношения автор — текст — читатель, но в этих отношениях первичен текст, который создается для автора ради читателя.

Мышление «как будто»

«...люди на самом деле не идут к естественной, но неизвестной цели, но делают вид, что идут, чтобы прогрессировать как морально, так и политически. Метамодернизм движется ради движения, пытается вопреки неизбежной неудаче; он вечно ищет истину, которую никогда не надеется найти». [\[7\]](#)

Давайте начнем эту вторую технику метамодернизма так. Идею о том, что метамодернизм всегда оставляет путь для надежды, первыми бросили два голландца, где многие другие исследователи взяли ее за основу своих исследований. Я думаю, что наречие «как будто» больше связано с надеждой и позитивностью, которыми метамодернизм наслаждается в своей перспективе с окружающим миром.

Слово «как будто» оставляет путь к мысли, что невозможное может стать возможным, если мы попытаемся двигаться вперед. Даже в менталитете «как будто» у нас как будто есть движение, которое не идет назад, а только вперед, чтобы достичь своей конечной цели. Даже если это движение не достигает своей цели, метамодернизм считает, что движение вперед необходимо, даже если оно закончится неудачей.

Движение вперед, даже если мы потерпим неудачу, может принести изменения, пусть даже незначительные. Когда два голландца говорят, что мы должны двигаться ради движения, это не значит, что метамодернизм требует движения, потому что он не знает, что еще делать, наоборот, он надеется, что это движение может принести что-то.

Слово «как будто» не означает, что в метамодернизме мы живем только надеждой и взглядом в будущее, забывая о настоящем. У нас есть и модернистский позитивизм, и антиутопия с социальными проблемами постмодернизма. Метамодернизм, по мнению значительной части исследователей, не забывает настоящее, а только надеется на лучшее, уделяя внимание тому, как его можно улучшать каждый день, чтобы достичь единственной цели — быть счастливым.

Одним из исследователей, прикоснувшихся к разуму «как будто», является Сет Абрамсон. Он связывает «как будто» глобальные кризисы, говоря: «Метамодернисты так

же осведомлены о политическом, экономическом, климатологическом и других формах хаоса, как и все остальные, но они предпочитают оставаться оптимистами и активно вовлекать свои сообщества, даже когда и где они верят». [\[1\]](#)

На мой взгляд, стремление к позитивному не всегда помогает нуждающемуся человеку. Обнадеживать — это положительная позиция, привилегия, которая требует, чтобы предки создали условия для будущего, чтобы иметь возможность надеяться на что-то лучшее. Для выхода из глобального кризиса, но и индивидуального, нужны не только действия, но и стратегия и почва, о которых в метамодернизме говорят не так много.

В положении непривилегированного индивидуума несчастен проигравший, потому что время для него течет не так, как для привилегированного. Сегодня миром правят деньги, а время — деньги, оно выливается успех и комфорт. Капитализм не добр ко всем, особенно к менее привилегированным. Последние всегда больше всех обманываются, что все будет хорошо, если мы надеемся и настроены позитивно. Это ложь, которая когда-то была сказана, и метамодернизм использует ее как технику для продвижения вперед.

Для них неизбежно движение и ради движения лучше быть позитивным, чем страдать за последующие последствия. Неудача для метамодернизма — это удовольствие, как и кантовское возвышенное, где ужас превращается в удовольствие, неудача для метамодернизма — в удовольствие и, конечно, в опыт.

Мендесия «как будто» еще раз обращает внимание на то, что реальность, в которой мы живем, становится утопической, даже сами метамодернистские произведения имеют приближение к утопии и кажется, что возвращение утопии имеет отношение именно к «как будто».

Эта утопия становится частью фантастики в художественной литературе, которая более реальна, чем обычная художественная литература. Утопия позволяет достичь чего-то мирного, даже если этого раньше не существовало. Утопия имеет бесконечную и неограниченную ось пространства и времени, где каждый может попытаться достичь определенной точки, которая может привести к разрушению или исполнению, конец всегда может быть неизвестен, но известно, что он приведет к нулевой точке, глобальному хаосу.

Иными словами, Эрнст Блох утверждал, что «Фантазия утопической функции отличается от простой фантазии именно тем, что она одна несет в себе достижимое еще не-быть; то есть оно не играет и не блуждает в пустой возможности, а психически предшествует реальной возможности». [\[2, с. 21\]](#)

Но утопия не всегда приносит хорошие результаты. В большинстве случаев это приводило к непостижимому подчинению и лишению свободы. В стране, где нет свободы и низкий уровень образования, мы столкнемся с явлением политической утопии. Когда мы стремимся к мобилизации, движение не может быть лишено прав, и мы не можем считать само собой разумеющимся что, если мы стремимся к развитию, права гарантированы. Движение и статус индивидуальных прав должны находиться в одной параллельной линии, чтобы метамодернизм функционировал, а не саморазрушался.

Стремление к лучшему не должно заставлять нас бесконечно ждать чего-то, что может никогда не произойти. Что должно быть у метамодернизма, так это оптимизм перед лицом неудачи. Философия о том, что мы идем в никуда, что в мире нет ничего хорошего, что в конце концов мы умрем, мы это знаем и признаем, но пришло время выпустить черный

дождь пессимизма и просто жить, ибо настоящее глазами из будущего, не романтизуя неудачи, как это делают Тимотеус Вермеулен и Робин ван ден Аккер в этом случае, но будучи позитивными и трезвыми.

Один из самых ранних романов Ганнибала, Лектер опровергает утверждение о том, что чудовищность Ганнибала является результатом неудачных обстоятельств: «С ним ничего не случилось. Это произошло.» То же самое происходит сегодня в метамодернизме: вещи случаются, потому что они должны происходить, и мы не можем ничего делать, кроме как действовать. В метамодернистских романах это совершенно очевидно.

Ольга Токарчук описывает всех своих героев, которые устремлены к определенной судьбе с той целью, чтобы они просто жили вне зависимости от того, что происходит в их жизни. Это как - то быстрое движение людей в аэропорту, где никто не знает их судьбы, но они уезжают куда-то, не задумываясь о том, что дальше, просто должно быть лучше.

В утопической технике или мышлении «как будто» существуют две очень важные вещи: событие и субъект. Без событий нет героя и в данном случае это субъект. Только если у нас есть субъект, тогда у нас может быть событие. Субъект всегда ждет чего-то лучшего, а из надежды всегда приходит революция. Субъект, создающий событие, не знает, когда наступит кульминация, но уверен, что она будет. Метамодернистский субъект не беспокоится о событиях в таком событии, достаточно, чтобы эти числа были в его пользу [\[17, с. 55\]](#).

Эта навязчивая идея, что субъект должен принести что-то новое и инновационное, — то же самое, что происходит с капитализмом. Капитализм — это одержимость новым и вечным обновлением форм, заставляющая людей заблуждаться в том, что все меняется и грядет что-то лучшее. В героях-метамодернистах они думают, будто совершают социальную или индивидуальную революцию, они одержимы чем-то новым, как сама метамодернизация, но эти измененные вещи суть те же, но в других формах.

Во-первых, человек есть существо социальное, существующее на основе произвольных правил и законов. В своем существовании в обществе человек движется ограниченно в рамках этих правил, создавая тем самым свой культурный и политический характер. Он обладает неограниченной свободой при движении в рамках социальных ограничений.

В конце концов он довольно точно говорит на языке этой культуры, [\[14, с. 756\]](#) (но не может точно определить, каким правилам он следует. Когда-то человек находился под непосредственным влиянием общества, такого как коллеги, друзья, семья, а сегодня метамодернистский человек находится под сильным влиянием технологий и даже следует неписанным правилам, установленным социальными сетями).

«... все они следуют довольно широкому набору правил, которые определяют, как они используют свой язык и, следовательно, во многих отношениях, как они воспринимают свой мир, но они не знают, что делают это». [\[14, с. 756\]](#)

Иначе можно назвать этих людей «органическими роботами» [\[19, с. 8\]](#) поведения. В человеческом мире человек страдает синдромом Франкенштейна. Тем, кто не помнит страшную историю Мэри Шелли, давайте вернем память. Др. Виктор Франкенштейн на грани смерти начинает создавать человека, соединяя разъединенные органы. После создания своего существа вы видите, как он встает и живет как нормальный человек, что вызывает у доктора отвращение и страх. От этого он отказывается от своего существа и оставляет его одного в диком человеческом мире. Одинокое и убитое горем

существо начинает убивать людей, в том числе жену доктора, в отместку. Чтобы остановить свое существо, доктор намеревается найти его, но в конечном итоге его убивает его существо.

Вся философия истории основана на страхе Шелли перед технологиями. Техника доказала человеку, что она не приносит улучшения, а только разрушение, обнищание и нищету. «Паровой двигатель Джеймса Уатта и многие другие изобретения, которые последовали за ним, стали неотъемлемой частью рыночных обществ только благодаря прибыли и конкуренции между предпринимателями, стремящимися к прибыли». [\[5, с. 31\]](#)

Как Франкенштейн, его тварь пришла, чтобы его уничтожить, то же самое сегодня — технологии, телефон, который мы держим в руках, социальные сети, они приходят, чтобы сблизить человечество, облегчить общение, но единственное, что они превращают человека в раба, зависимого от освещенного экрана. Никогда еще за всю историю человечества человек не подвергался большему риску, чем сегодня. Его духовный разум является частью огромной сети злоупотреблений и неправильного использования этого разума.

Что может спасти существо от рабства, так это сохранение психологической установки, которая может помочь человеку изменить чувство реальности и базовое ощущение себя.

Переживание новых чувств помогает человеку преобразиться и помочь себе двигаться вперед. В метамодернизме экспериментаторство является одной из основных вещей, поддерживающих движение вперед и в развитии [\[9, с. 11\]](#). Поэтому, когда мы говорим о любовных, эротических, духовных отношениях, мы имеем дело со спасением от рабства технологий, движением вперед и нарушением социальных правил. Пространство внутри этих отношений непроницаемо и неповторимо. Человек переживает отрыв от жестких социальных структур и, кажется, выходит из ограниченного цикла жизни [\[20, с. 39\]](#).

Во-вторых, человек есть политическое существо, потому что иначе его нельзя было бы назвать человеком. Метамодернизм — это позитивная, оптимистическая, эвфемистическая мысль, согласно которой достижения общества приведут человека к счастью [\[15, с. 20\]](#). Сама мысль о том, что человек освободится от постоянного и добровольного гнета, есть обман личности государством.

Когда Барт говорил о смерти автора, он больше ориентировался на читателя, чем на творца. Чтобы родился читатель, автор должен был умереть. Это была одна из крупнейших революций в литературе того времени, но она принадлежала постмодернизму. Постмодернизм больше ориентировался на читателя, на то, как он отреагирует на произведение, тем самым пренебрегая автором и текстом. В метамодернизме важнее не читатель и не творец, а текст. Автор будет творить независимо от обстоятельств, потому что он лучше умеет это делать, творить. Также читатель что-то почует от произведения, каким бы это произведение ни было. Что важно и за чем следует следить, так это за текстом. Текст рождает автора, рождает читателя, создает чувство. Автор и читатель будут всегда, а текста нет.

В тексте есть все, начиная от авторского стиля (мы можем узнать автора по тексту), есть художественная литература (по ней мы знаем, насколько читатель будет привязан к этому произведению). Все, что мы хотим знать, находится в тексте. Текст не пытается угодить ни автору, ни читателю. Он создается без особых намерений, а только как ценность случайного вдохновения и тогда им будут восхищаться. В книге Ольги Токарчук текст — это все, что у нас есть. В тексте мы знаем автора, но знаем и себя. Постоянные

движения, которые совершают герои метамодерна, — это движения, направленные к автору, к читателю и к самим себе. Они качаются и в нас, и в себе.

Парадокс

Парадокс — известная литературная фигура, берущая свое начало гораздо раньше изучаемых нами эпох. Чтобы понять, что мы имеем дело с парадоксом, мы должны задать два основных вопроса: «Противоречит ли утверждение?» и «Есть ли в этом правда?».

Модернизм отличается парадоксальной фразой Маршалла Бермана, одного из теоретиков, лучше всего объяснившего функционирование модернизма: «Все твердое растворяется в воздухе». Парадокс в постмодернизме был чем-то более сильным и законченным. Парадокс возник как противоречие после Второй мировой войны традиционных форм искусства, литературы и философии. Он хотел бросить вызов категоризации, но по иронии судьбы она сама стала категорией. Постмодернисты хотели осудить современную жизнь, тем самым создав темную и пессимистическую среду. Такие инструменты, как фрагмент, черный юмор, парадокс, аллюзии, сатира, были теми, которые характеризуют всю постмодернистскую литературу.

Метамодернизм, даже в использовании парадокса, стоит между двумя предшествующими эпохами. Когда мы говорим об идее «как будто», мы видели следы парадокса в объяснении этой ментальности, когда мы утверждали, что «нечто может быть возможным и невозможным» или «быть неограниченным в пределах ограниченного». Парадокс метамодерна динамичен, он ищет одновременно и то, и другое. Метамодернизм позволяет модернизму и постмодернизму существовать в одном произведении одновременно в гармонии, которую невозможно нарушить. Другими словами, метамодернизм одновременно модерн и постмодерн, но не может быть ни тем, ни другим.

Мишель Класкин-Джонсон дал определение парадокса для трех периодов:

«Для модернистского мировоззрения... [парадокс] — это противоречие, которое необходимо разрешить, выбрав ту или иную сторону. Для постмодерниста это ироническая ситуация, созревшая для деконструкции. Для метамодерниста, однако, тот факт, что существует парадокс, не означает, что один из них неправильный, а другой правильный, или что один должен быть отнесен к простой «субъективной истине». [\[13, с. 2\]](#)

Метамодернистский период находится в парадоксальной среде. Когда мы говорим людям, что у них должна быть надежда, они должны стремиться к лучшему будущему, но при этом просим их не забывать о проблемах настоящего, это парадоксальная ситуация. Быть здесь и не быть здесь. Метамодернизм не использует парадокс, парадокс существует без употребления, он просто остается как бытие и живет в неизбежных художественных произведениях. Мы имеем парадокс в постоянном колебании в разных полюсах,

Когда Тимотеус Вермеulen и Робин ван ден Аkker утверждали, что метамодернизм находится между модернизмом и постмодернизмом, они провели параллелизм таких отношений, как ирония и искренность, правильное и ложное, циничное и наивное. Таким образом, метамодернистский парадокс становится более зримым, испытывая одновременно два противоположных ощущения. Писатели-метамодернисты используют парадокс не как литературную фигуру, а как нечто необходимое, ибо метамодернистский текст не может существовать, если он не парадоксален.

Метамодернизм предполагает использовать несколько техник одновременно. Наверху у нас есть парадокс, влияние и самопознание. Герой не знает, куда он идет, не знает, может ли он существовать в одном месте, или в другом, или в том и другом одновременно, не знает, находится ли он где-то и нигде одновременно. Итак, именно эти приемы так идеально формируют художественный текст, и читатель может понять, что он находится между дилеммой и уверенностью, он находится в непрерывном движении к познанию того, кто он есть, и в конце концов видит во всем этом, парадокс.

Предпочтительный стиль метамодернизма — саморефлексия, где посредством этого создает движение и так формируется мышление «как будто». Авторы-метамодернисты используют фрагментарность как свой стиль, чтобы создать колебание из одного места в другое, от одного чувства к другому, от одной истории к другой. Фрагментизм и метанarrатив — два используемых стиля, которые противоречат друг другу, таким образом, возникает парадокс. Метамодернисты любят быть ограниченными в повествовании о событиях, писать кратко, не расширяясь, но в то же время любят быть всеобъемлющими, более универсальными. Эти два парадоксальных приема так хорошо встречаются в метамодернистских романах, как и в книге Токарчука.

Токарчук имел фрагменты из разной истории, сделав так, чтобы мы не акцентировали внимание на какой-то одной части, а на множестве разных полюсов и всем им придавалось одинаковое значение, но при этом она всеобъемлющая, универсальная. Везде, включая разное время повествования, включает в себя разные места, выходит за пределы повествования, тем самым представляя более широкую человеческую анатомию.

Наблюдение — еще один используемый стиль, и это создает парадокс. Через наблюдение достигается парадокс, наблюдение создает узнавание противоположностей, которые могут сотрудничать друг с другом, не нарушая гармонии хаоса. Мы часто сталкиваемся с нарративами, в которых отсутствует диалог, а частью истории являются только наблюдения. Наблюдение — это то, что дополняет диалог, но приводит читателя в движение, познавая окружающую среду. Движение также приносит с собой движение, и благодаря движению мы создаем колебания. У Ольги не только этот роман. Она написала два тома рассказов, в которых движение между прошлым и настоящим, правдой и мифом неумолимо, поскольку она рассказывает множество историй местных жителей, которые жили в маленьком городке, который сейчас является польским, но который считался немцами, чехами и австро-венгров в прошлом.

Растворение границ в рамках глобализма

Метамодернизм живет в мире технологий, где все оцифровано и люди настолько близки, насколько и далеки друг от друга. Все отрасли и предприятия благодаря силе технологий перешли на глобальные практики. Общество никогда не было более связанным, чем сегодня. Индивиды для каждого чувства, выраженного в широкой технологической сети, имеют огромное глобальное влияние, поэтому в метамодернизме каждое наше действие должно быть хорошо взвешено, прежде чем оно будет совершено, потому что в противном случае оно будет иметь большие последствия.

Все это в значительной степени заставляет нас понять, что метамодернизм, как правило, не имеет определенных границ или, как упоминают два голландки в своей диссертации, чувствительности с растворением «границ». Использование этого приема в художественных произведениях вносит новизну и таких произведений раньше не было [16, с. 33].

Однако главным фактором кризиса идентичности в современном обществе является глобализм. Глобализм вроде бы помогал обществу развиваться, но только с приходом финансового кризиса, миграционного кризиса общества глобализм испытал потрясение [18, с. 2]. Не более 2 лет назад Covid-19 вызвал паралич общества, нанеся еще больший удар.

Глобализм требует особого внимания, потому что через него мы можем объяснить это непрерывное движение, которое метамодерн всегда стремится совершить от одного полюса к другому, но он также помогает понять идею «неограниченного в границах». Обратить внимание здесь на роман Токарчука, который пишет о персонажах безграничных, странниках, лишенных национального чувства. Это люди с кризисом идентичности глобализированного человечества, которые постоянно пытаются найти себя.

В глобализованном мире иметь границы иногда абсурдно, поскольку границы между странами не имеют смысла, пока технологии действуют против них. Сам Токарчук испытывал нарушение границ внутри аэропорта. Для него они сами по себе город, в котором можно заблудиться и не знать, где ты находишься. «Тот, кто имеет опыт работы с границами, не только национальными, видит искусственность людей, которые проводят их произвольно», — отметила О. Токарчук в одном из своих интервью (Shotter, 2020).

Сет Абрамсон, говоря об уменьшении расстояния, признал, что Интернет сильно повлиял на человеческую жизнь, которая теперь стала жизнью, принадлежащей не отдельному человеку, а всему земному шару. «... труднее, чем когда-либо, притворяться, что мы находимся в диалектических отношениях с другими людьми или идеями — вместо того, чтобы быть в центре водоворота идентичности и убеждений, которые мы лишь иногда чувствуем, что контролируем». [1]

Видя, что все взаимосвязано и что расстояния с каждым днем становятся короче, это наводит нас на мысль, что то же самое происходит и с самими дисциплинами. В метамодернизме мы должны думать о метадисциплинах, что смягчит границы между соответствующими дисциплинами. Таким образом, можно разрешить традиционные дебаты между творцом и критиком или творцом и исследователем. При раскачивании из стороны в сторону и при уменьшении расстояний не должно быть границы между человеком, который будет и тем, и другим одновременно или только одним.

Однако это не означает, что исследователь может легко стать писателем и получить соответствующую оценку. Мы хотим сказать, что могут быть исследователи, у которых есть творческая работа или эксперименты, которые можно принять как хорошие попытки и остаться в пределах попытки. С другой стороны, от писателя не ожидается, что он будет настоящим исследователем, но он может сделать попытку, которая может стоить его области исследования.

Метамодернизм рассматривает творческие усилия как способные производить информацию, что затем может привести к знанию [12, с. 2]. Каждое усилие творца или исследователя есть усилие, дающее развитие, и движение выполняет заданную цель. Из эксперимента мы получаем информацию и чего-то добиваемся, будь то неудача или ошибка. Мы можем быть удовлетворены информацией, которую получаем в результате этих усилий.

Разделение границ в литературных произведениях началось с интертекстуальности и продолжает существовать как таковое. В модернизме интертекстуальность создала

метанарративы, постмодернизм решил их критиковать, а метамодернизм видит их измененными, запутанными, короткими и длинными, цитата часто неизвестна, но часто хорошо известна. Интертекстуальность не уважает время и пространство, они располагаются по замыслу автора без соблюдения определенного порядка.

Такие растворения допускают интертекстуальные ссылки, которые позволяют реальному перетекать в вымышленное. «Самосознательное смешение реального и вымышленного также имеет постмодернистские корни и проявляется в вымышленных повествованиях через ... интертекстуальное заимствование персонажей, металептические прыжки между мирами, нарративные противоречия и ... смешение реальности и вымысла. Примером могут служить тексты, в которых реальная фигура помещается в вымышленную ситуацию, где она взаимодействует с чисто вымышленными персонажами». [\[3, с. 127\]](#)

Метанарратив

Традиционно, великий нарратив, состоит из верований и практик, направленных на объяснение исторических сил и тем самым обеспечивающих то, что считается универсальной истиной. Действительно, литературный критик Ганс Бертенс резюмирует: «Эти метанарративы или «великие» истории в целом являются якобы трансцендентными и универсальными истинами, лежащими в основе западной цивилизации». [\[8, с. 124\]](#)

Метанарратив впервые был использован в модернизме, но только в постмодернизме метанарратив прославился благодаря Жану-Франсуа Лиотару.

По словам Аррана Гаре, у великих нарративов модернизма было много проблем, где каждое из этих великих повествований направлено на достижение великих целей и проектов, таких как «освобождение рационального, освобождение эксплуатируемых или создание богатства». [\[10, с.11\]](#) По этим нарративам модернисты судили человеческие общества, разделяя их на передовые и отсталые, где литература принадлежала не всем или, как говорится, «одним людям, а другим нет».

Метанарратив — это тот, который призван объяснить различные события в истории, придает смысл, связывая разрозненные события и явления, апеллируя к некоему универсальному знанию или схеме. Термин «великие нарративы» может применяться к широкому спектру мысли, включая марксизм, религиозные доктрины, веру в прогресс, универсальный разум и другие.

По мнению постмодернистов, эти метанарративы должны уступить место «petits récits» или другим локализованным нарративам. Для них было важно сосредоточиться на конкретных местных контекстах, которые в большей степени учитывали бы работу, чем всеобъемлющие.

В метамодернизме метанарративы уже не рассматриваются через призму модерна, а принимаются как нечто временное, как эксперимент и как будто бы истины истинны. Нарратив — это не что иное, как лекция, рассказывающая историю. В этих рассказах есть главный герой, представляющий отдельного человека или коллективную группу. В метамодернистских нарративах мы также видели, что главный герой не один, а несколько, даже все они могут быть главными героями рассказа.

Поскольку истории в некотором роде являются творением, в котором создатель рассказывает о своем мировоззрении и решает поделиться им с другими, эти истории часто считают вымыслом, но все мы знаем, что писатели берут кусочки из своей личной жизни и делают их частью из «фантазии». Создание нарратива — трудная и сложная

работа, где не каждый обычный человек может создать художественно вымышленные истории.

Каждый может испытать и иметь жизненный опыт, который затем может превратиться в нарративы. Только когда мы завершаем определенный опыт, у нас может быть законченное повествование. Все переживания и движения в повествовании имеют цель, и все цели имеют определенную цель.

Поскольку метамодернизм родился в результате глобальных кризисов и политico-экономических проблем, метанarrативы должны решать именно эти проблемы и только так они могут достичь цели большого нарратива.

Чтобы подойти к метанарративу, была также Александра Думитреску, которая высказывает мнение о том, как человечество может двигаться вперед через *коллективную эволюцию* [11, с. 5]. По ее мнению, метамодернизм должен принимать большие нарративы, но не подобные модернистским, потому что они углубляют проблемы и не решают ни одну из них. Они открыты для вызовов своим нарративам и принимают «постмодернистскую открытость к диалогу, его мультикультурализм и инклюзивность других (женщин, групп меньшинств, коренных народов)» . [11, с. 10]

Отношение к низкой культуре как к ничтожеству неприемлемо в метамодернизме. Метамодернизм всегда направлен на объединение разных культур и языков. Видеть себя непогрешимым и настолько точным, чтобы не быть изменчивым, — вот что практиковали модернисты, но это противоречит идеям метамодернизма. Метамодернисты будут поощрять других к развитию, будут принимать другие нарративы как хорошие или будут критиковать их и изменяться на основе постоянного диалога между ними. Думитреску предлагает в качестве метафоры метамодернизма: «лодку, которая строится или ремонтируется во время плавания, или дворец или дом, который постоянно строится». [11, с. 5]

Заключение

Метамодернизм – это термин, который все еще находится в разработке. Многие исследователи продолжают писать статьи о метамодернизме, чтобы читателю было понятнее, что такое метамодернизм и какие инструменты он использует в искусстве. Нарративные приемы, отраженные в данной статье, являются подспорьем для читателя в идентификации метамодернистского текста, а также подспорьем в дальнейшем развитии этого термина.

Эта статья в конечном итоге выполнила свою задачу по анализу этих нарративных приемов метамодернизма. Цель достигается использованием метода сравнения и анализа. В статье анализируются шесть приемов повествования, отражаются факторы использования этих приемов, а также некоторые практические примеры.

Метамодернизм воспринимался как колебание между постмодернизмом и модернизмом, поэтому в статье используется сравнительный метод для выделения общего и особенного черт этих трех эпох.

В конце этой статьи необходимо признать, что метамодернизм до сих пор не открыт, и каждая статья, анализирующая термин метамодернизм, выполняет задачу сделать метамодернизм более знакомым и понятным.

Библиография

1. Абрамсон С. Десять основных принципов метамодернизма // HuffPost. 2017. С. 2-3.
2. Адорно, Т. В. Примечания к литературе / Издательство Колумбийского университета. 2019. С. 4-23.
3. Альбер, Ян и Элис Б. Как важно снова быть серьезным: факты и вымысел в современных повествованиях в СМИ // Европейский журнал английских исследований Т. 23, № 2 (2019): С. 121-135.
doi.org/10.1080/13825577.2019.1640414
4. Андерсен Л. Р. Метамодерн: смысл и надежда в сложном мире / Копенгаген: Северный Билдунг (2019): С. 40-45.
5. Варуфакис Я. Разговор с дочерью об экономике — Краткая история капитализма // Тез 11. 2022. С. 2 <https://teza11.org/bisede-me-vajzen-time-mbi-ekonomine/>
6. Вермёлен Т. и ван ден Аккер Р. В некотором роде утопия: пример метамодернизма // Студия Неофилология Т. 87 (2015): С. 55-67.
doi.org/10.1080/00393274.2014.981964
7. Вермёлен Т. и ван ден Аккер, Р. Заметки о метамодернизме // Журнал эстетики и культуры. 2010. 2 (1): 5677. doi:10.3402/jac.v2i0.5677.
8. Ганс Б. Идея постмодерна: история / Рутледж. 1995. С. 124. ISBN 0-415-06011-7
9. Грэгг Х. и Герц Д. Что такое метамодернизм? // Психология сегодня. 2020. С. 1. <https://www.psychologytoday.com/us/blog/theory-knowledge/202004/what-is-metamodernism>
10. Гэр А. Постмодернизм и экологический кризис, Тейлор и Фрэнсис, 1995. ProQuest Ebook Central. С. 3-15. <http://ebookcentral.proquest.com/lib/swin/detail.action?docID=165745>.
11. Думитреску А. Предсказание метамодернизма: Реформация себя в Иерусалиме, Мессия и Rosarium Philosophorum // Университет Бабеш-Бойяи в Клуже. 2016. С. 5-10.
12. Заньковский А. Время твёрдых медуз: метамодерн, который мы заслужили // Metamodern. Журнал о метамодернизме. 2021 С. 2 <https://metamodernizm.ru/metamodern-which-we-deserve/>
13. Класкин-Джонсон, Мишель. «К метамодернистскому академическому изучению религии и более религиозному метамодернизму». Теологические исследования HTS / Теологические исследования, Т. 73, № 3 (2017): С. 2-4.
<https://doi.org/10.4102/hts.v73i3.4491>
14. Лавери Н. Сознание и расширенный разум в метамодернистском романе // Английские исследования Т. 99, № 7 (2018): С. 756.
15. Мейер И. Воскрешение модернистских связей с общественностью. ESSACHESS — Журнал коммуникационных исследований 2021.14: 15-36.
16. Мюррей Т. Метамодернизм, простота и сложность: Исцеление моделей развития посредством инволюционного спуска. В «Посланиях из времен между мирами: кризис и появление в метамодерне». Под редакцией Джонатана Роусона и Паскаля Леймана. Нью-Йорк: Барнс и Ноубл. 2021. С. 30-33.
17. Родькин П. Е. Метамодернистский аттракцион. Искусство, архитектура, дизайн, кино, политика / Павел Родькин. — М.: Совпадение, 2021. С. 55
18. Роусон Дж. Как думать о метакризисе, не слишком волнуясь. Выходят: общ. 2020. С. 2 Доступно онлайн: <https://www.whatisemerging.com/opinions/how-to-think-about-the-meta-crisis-without-getting-too-excited>
19. Саутворт Д. Имея дело с творческим/критическим разделением: эти люди как

- читатели просто не могут знать, что значит писать // Новое письмо: Международный журнал практики и теории творческого письма. Т. 13, № 2 (2016 г.): С. 278
20. Сторм, Дж. Ананда Дж. Метамодернизм: будущее теории. // Чикаго: Университет Чикаго Пресс (2021): С. 33-46.
21. Уилбер К. Передний край неизвестного в человеке // Журнал Наука и недвойственность. (2016): С. 2

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Теоретические изыскания в области гуманитарных наук явление не так часто встречающееся. Стоит предположить, что выйти на серьезную, фундаментальную концепцию оценки того или иного явления / процесса не получается ввиду малой систематизации данных. Однако, наука нуждается в новых проектах, новых сочинениях, которые формируют грейд импульсов объективной оценки как современного состояния культуры, так и уже сложившихся / классических форм. Рецензируемая статья ориентирована на возможный комментарий-разбор нарративных примет метамодернизма. Как отмечает в начале своего труда автор, «метамодернизм всегда колеблется между модернизмом и постмодернизмом. Осцилляция — одна из основных техник, представляющих метамодернизм в его сущности, и даже осцилляция может быть отправной точкой для других нарративных техник. Метамодернизм рассматривается как маятник, который все время находится в движении, и в этой логике произведения искусства используют технику качания, что выделяет их как метамодерн», «находясь в постоянном движении, работа выходит за собственные границы и по-разному вовлекает читателя. Возьмем обычный пример: если в своей прозе автор колеблется между прошлым и настоящим, если в модернизме он хотел бы сделать это движение видимым, то в метамодернизме он стремится сделать его непостижимым, сентиментальным и волшебным. Он выходит за рамки времени, заставляя читателя двигаться в том же направлении, что и движение, даже если он отказывается это делать». Достаточно смелые заявления, так или иначе, получают в дальнейшем свой аргументационный ход, причем теоретический уровень можно оценить положительно, но, можно было бы включить в исследование и практический ряд, который мог фактурно расставить акценты. Методология работы тяготеет к системно-аналитической форме, компаративный вариант также допускается при рассмотрении указанного вопроса. Материал достаточно продуман, он понятен в авторском изложении, отмечу, что фрагментарно его можно использовать при изучении курсов гуманитарного звена. Стиль данного сочинения имеет явные приметы наукообразности: например, «когда Барт говорил о смерти автора, он больше ориентировался на читателя, чем на творца. Чтобы родился читатель, автор должен был умереть. Это была одна из крупнейших революций в литературе того времени, но она принадлежала постмодернизму. Постмодернизм больше ориентировался на читателя, на то, как он отреагирует на произведение, тем самым пренебрегая автором и текстом. В метамодернизме важнее не читатель и не творец, а текст. Автор будет творить независимо от обстоятельств, потому что он лучше умеет это делать, творить. Также читатель что-то чувствует от произведения, каким бы это произведение ни было. Что важно и зачем следует следить, так это за текстом. Текст рождает автора, рождает читателя, создает чувство. Автор и читатель будут всегда, а текста нет» и т.д. Считаю, что ряд тезисов может быть активно продолжен в новых

исследованиях связанных с метамодернизмом, спецификой нарративных стратегий в данном варианте культуры. Работа дробна, параграфична, и это, пожалуй, правильно, потенциальный читатель может в такой раскладке точечно следить за развитием мысли автора. Я считаю, что основные приемы наррации метамодернизма все же обозначены: это и парадокс, и саморефлексия, и наблюдение, и цифровизация и т.д. В финале работы автор достаточно справедливо отмечает, что «метамодернизм – это термин, который все еще находится в разработке. Многие исследователи продолжают писать статьи о метамодернизме, чтобы читателю было понятнее, что такое метамодернизм и какие инструменты он использует в искусстве. Нарративные приемы, отраженные в данной статье, являются подспорьем для читателя в идентификации метамодернистского текста, а также подспорьем в дальнейшем развитии этого термина...». Таким образом, вероятностный поиск правильной оценки этого феномена еще только намечается. Текст, на мой взгляд, интересен, он открыт для диалога, должна новизна сочинения проявляется в сведение в единый блок суждений о метамодернизме. Общие требования издания учтены, однако список источников нужно привести к единому стандарту. Статью «Нарративные приемы метамодернизма» можно рекомендовать к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Пшеничникова А.Ю. — Лексика традиционных блюд регионов Испании, имеющая иноязычное происхождение // Litera. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.3.39892 EDN: CCEGOR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39892

Лексика традиционных блюд регионов Испании, имеющая иноязычное происхождение

Пшеничникова Ангелина Юрьевна

ассистент кафедры Сравнительного и типологического языкознания Российского университета дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ angelina82@mail.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.3.39892

EDN:

CCEGOR

Дата направления статьи в редакцию:

04-03-2023

Дата публикации:

17-03-2023

Аннотация: Аннотация В современном мире испанский язык в странах Латинской Америки определяется как национальный вариант испанского языка. Объектом исследования являются национальные варианты испанского языка. Предметом исследования - лексика традиционных блюд регионов Испании. В связи с этим, рассматривая происхождение лексики традиционных блюд Испании, мы выделяем цель исследования: провести анализ названий традиционных блюд регионов Испании, имеющих происхождение от названий блюд некоторых стран Латинской Америки. Испанский язык имеет широкую территориальную вариативность, что обуславливает межвариантную национально-культурную специфику коммуникации (Фирсова, 2021: 176). Задачи данной работы состоят в установлении взаимосвязей происхождения лексики традиционных блюд регионов Испании с лексикой аналогичных блюд стран Латинской Америки.

Научная новизна нашего исследования состоит в рассмотрении и анализе малоизученной лексики блюд Испании и стран Латинской Америки, таких как Перу, Аргентина и Куба. Актуальность исследования: роль испанского языка и национального варианта испанского языка являются актуальной

темой и предлагают сделать новые выводы о развитии языка, в широком понимании, как знаковой и коммуникативной системах. Выводы Лексика традиционных блюд Испании, представленная такими группами, как арабизмы, галлицизмы, латинизмы, индихенизмы, регионализмы и вариантизмы, маркирована их различным происхождением. Испанский язык в странах Латинской Америки можно определить, как национальный вариант испанского языка. Испанский язык в странах Латинской Америки носит статус государственного языка. Наряду с испанским официальным языком статус государственного языка имеют кечуа, аймара в странах Перу и Боливии, что находит свое отражение в национально культурной специфике испанского языка. В рассматриваемых нами странах Перу, Аргентине и на Кубе испанский язык, конечно, имеет свои особенности. В статье мы дали анализ лексики блюд по происхождению.

Ключевые слова:

национальный вариант, языковая картина мира, реалии, лингвистические зоны, автономные сообщества Испании, арабизмы, индихенизмы, галлицизмы, латинизмы, регионализмы и вариантизмы

Введение

В современном мире на испанском языке говорит 450 млн. человек в мире, таким образом испанский язык стоит на втором месте по степени распространенности после английского языка. Испанский язык имеет широкую территориальную вариативность, что обуславливает межвариантную национально-культурную специфику коммуникации [Фирсова, 2021: 176]. **Задачи** данной работы состоят в установлении взаимосвязей происхождения лексики традиционных блюд регионов Испании с лексикой аналогичных блюд стран Латинской Америки.

Теоретическая база

Наша работа опирается на труды отечественных и зарубежных лингвистов, таких как Анна Вежбицкая, В.С. Виноградов, Г.В. Степанов: «Этот ареал (Испания и Латинская Америка), как объект лингвистического исследования проблемы вариативности представляет собой явление уникальное. Протяженность только испаноязычных американских территорий с севера на юг составляет свыше 12 млн. км (по воздуху); общая площадь неоиспанской зоны определяется в 10,5 млн. кв. км [Степанов, 2021: 5] и др. На базе Российского университета дружбы народов сложилась методология, в основе которой труды таких отечественных ученых-лингвистов, как Н.М. Фирсова [Фирсова, 2011; Фирсова 2021], О.С. Чеснокова: «Мир испанского языка сегодня – это 470 млн. испаноговорящих, самобытные формы культуры и менталитета, национальные и региональные формы речи. Варьирование в пространстве составляет неотъемлемую форму существования испанского языка, а ее осмысление – константу научного поиска в романistique» [Чеснокова, 2021: 4].

Лингвокультурологические особенности национальных вариантов испанского языка встречаются в работах Е.В. Щербаковой (особенности никарагуанского национального варианта) [Щербакова, 2008], З.Н. Игнашиной (особенности кубинского национального варианта) [Игнашина, 2021], Е.А. Плеуховой и А.Н. Куликовской (испанский язык Доминиканской Республики) [Плеухова, Куликовская, 2017] и др. Например, диссертационное исследование З.Н. Игнашиной посвящено анализу национально-культурного своеобразия функционирования кубинского национального варианта языка

на всех уровнях языковой системы. Е.В. Щербакова в своем диссертационном исследовании комплексно подходит к изучению лексико-грамматических и культурологических особенностей никарагуанского национального варианта испанского языка. Е.А. Плеухова и А.Н. Куликовская в своей научной работе рассматривают специфичные черты национального варианта испанского языка в Доминиканской Республике, которые проявляются на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Основоположником отечественной латиноамериканистики является Г.В. Степанов. Этим ученым был разработан ряд базовых общетеоретических положений на материале испанского языка. Например, была открыта проблема языковой вариативности. На основе испанского языка ученый разработал концепцию национального варианта, под которым понимаются «такие формы национальной речи, которые не обнаруживают резких структурных расхождений, но вместе с тем приобретают автономию, поддерживаемую и осознаваемую в пределах каждой национальной общности» [Степанов, 2021: 328].

Г.В. Степанов определяет социолингвистический статус испанского языка в странах Латинской Америки как национальный вариант испанского языка.

В.С. Виноградов выделяет 6 основных типов реалий в своем учебнике «Лексикология испанского языка» [Виноградов, 2001: 104–111]:

- бытовые (жилище, одежда и уборы, пища и напитки, виды труда и занятия, денежные знаки, музыкальные инструменты, народные танцы и песни, народные праздники, игры, обращения);
- этнографические и мифологические (этнические и социальные общности и их представители, божества, сказочные существа);
- реалии природные (животные и растения, ландшафт, пейзаж);
- реалии государственно-административного устройства и общественной жизни (административные единицы и государственные институты, общественные организации, промышленные и аграрные предприятия, основные воинские подразделения и чины);
- ономастические реалии (антропонимы, топонимы, имена литературных героев, названия музеев, театров, дворцов, ресторанов, магазинов и т.д.);
- ассоциативные реалии (вегетативные символы, анималистические символы, цветовая символика, фольклорные, исторические и литературно-книжные аллюзии).

Основная часть

1. Индихенизмы

Испания / España, официально **Королевство Испания / Reino de Espana** – трансконтинентальное суверенное государство в Южной Европе, имеющее часть территории в Африке. В течение столетий существовало множество гипотез по поводу этимологии названия страны. Считается, что оно происходит от римского топонима **Hispania**, происхождение которого остается до конца невыясненным, хотя документально подтверждено, что финикийцы и карфагеняне именовали регион **Spania**.

Лексический корпус испанского языка веками формировался не только на основе латыни, но и за счет других языковых контактов с иберами, басками, финикийцами,

греками, кельтами, арабами. В 1492 г. происходит открытие испанцами Америки, что обуславливает контакты испанского языка с различными индейскими языками. Испанский словарь значительно обогащается за счет **индихенизмов / indigenismos** – слова, вошедшие в испанский язык из индейских языков.

Американский континент был населен многочисленными индейскими племенами и народами, которые говорили на множестве языков и наречий. Отсутствие связей и контактов между этими народами привело к возникновению территориальных различий. Не все территориальные диалекты были хорошо изучены в силу различных причин, поэтому в языкоznании существуют различные классификации. В испано-американистике имеется ряд исследований диалектологических исследований, например, работы Р.Х. Куэрво (Cuervo 1867), П. Энрикеса Уренья, Т. Наварро (Navarro Tomas 1948), У. Тоскано Матеуса (Toscano Mateus 1953), П.М. Бенвенутто Мурреты (Benvenutto Murieta 1936). В этих исследованиях особое внимание уделяется вопросам истории, истории языка, географии распространения изучаемых явлений, культуры. В нашей работе мы будем придерживаться классификации Педро Энрикеса Уренья, в которой представлено наибольшее число индихенизмов, оказавших влияние на испанский язык. П. Энрикес Уренья является первым испано-американским диалектологом, наметившим классификацию диалектов по зонам в масштабе всего американского ареала (Henriquez Ureña ,2003: 357 – 390).

Он предложил разделить лингвистическую зону испанского языка на пять обширных зон:

1. *Науатль* - юго-запад США, Мексика и Центральная Америка. Классический *науатль* – разновидность *науатль*, которая служила лингва-франка в долине Мехико и в Центральной Мексике до испанского завоевания Америки.
- 2 . *Тайно* - Куба, Пуэрто-Рико, Доминиканская Республика, побережье Венесуэлы и северная часть Колумбии. *Тайно* – группа индейских языков на Кубе, Гаити, Ямайке и Пуэрто-Рико, и на Багамских островах.
3. *Кечуа* - Андская зона Венесуэлы, центральная и западная зоны Колумбии, Эквадор, Аргентина, Перу, Боливия и север Чили. *Кечуамара* – группа индейских народов, говорящих на языках *кечуа* и *аймара*. *Кечуа* – язык древнего государства инков в Перу.
4. *Араукано* - Чили. *Арауканы, мапуче* (*mapuche* – «люди земли») – индейский народ в Чили и Аргентине, говорящий на изолированном арауканском языке.
- 5 . *Гуарани* - Аргентина, Уругвай, Парагвай и юго-восток Боливии. *Гуарани* – группа индейских народов в Южной Америке, говорящих на языке *гуарани*.

2. Реалии государственно-административного устройства

Административные единицы. В административном отношении Испания делится на 17 автономных сообществ / *comunidad autónoma* и 2 автономных города / *c iudades autónomas* :

Таблица 1.

N	Сообщество / Comunidad	Админ. центр / Centro administrativo
1	Андалусия / Andalucía (испанский)	Севилья / Sevilla
2	Арагон / Aragón (испанский)	Сарагоса / Zaragoza

-	— , —— (испанский),	— , ——
3	Астурия / Asturias (испанский)	Овьедо / Oviedo
4	Балеарские острова / Islas Baleares (каталанский, испанский)	Пальма-де-Майорка / Palma de Mallorca (каталанский, испанский)
5	Валенсия / Valencia (каталанский, испанский)	Валенсия / Valencia
6	Галисия / Galicia (галисийский, испанский)	Сантьяго - де - Компостела / Santiago de Compostela
7	Канарские острова / Las Islas Canarias (испанский)	Лас-Пальмас-де-Гран-Канария / Las Palmas de Gran Canaria, Санта-Крус-де-Тенерифе / Santa Cruz de Tenerife
8	Кантабрия / Cantabria (испанский, кантабрийский)	Сантандер / Santander
9	Кастилия - Ла - Манча / Castilla-La Mancha (испанский)	Толедо / Toledo
10	Кастилия-Леон / Castilla y Leon (баскский, галисийский, астурлеонский, мосарабский, андалусийско-арабский язык, сефардский, гуанческие языки)	Вальядолид / Valladolid
11	Каталония / Cataluña (каталанский, испанский, окситанский (аранский))	Барселона / Barcelona
12	Мадрид / Madrid (испанский)	Мадрид / Madrid
13	Мурсия / Region de Murcia (испанский)	Мурсия / Murcia
14	Наварра / Comunidad Foral de Navarra (баскский, испанский, арагонский, гасконский, французский)	Памплона / Pamplona
15	Рьоха / La Rioja (испанский)	Логроньо / Logrono
16	Страна Басков / País Vasco (баскский, испанский)	Витория-Гастейс / Vitoria-Gasteiz
17	Эстремадура / Extremadura (баскский, испанский)	Мерида / Merida

Каждая из территорий имеет значительные различия в кухне, которая может быть охарактеризована набором специфических лексических единиц. В нашем исследовании мы рассмотрим регион Канары и Балеары, регион Андалусия и регион Кантабрия.

3. Бытовые реалии

3.1. Гастрономия региона Канары и Балеары

Связь Испании и Перу проходит от начала открытия континента Америка Х. Колумбом. В Перу известны древнейшие цивилизации, известные в том числе развитым сельским хозяйством и кулинарией. Так же страна наравне с Чили и Боливией является родиной картофеля, Испания же – первая страна в Европе, которая стала сажать картофель, привезенный из Перу. В Испании на Канарах (официальный язык – испанский) и

Балеарах (официальные языки – каталанский и испанский) с давних времен популярно блюдо **papas arrugas** ‘сморщеный картофель’ / папас арругас. Лексема **papa** происходит из языка кечуа. А само блюдо популярно на Канарах под другим названием **papa arrugada** – картофель, приготовленный на пару в соленой воде – так регистрирует данную лексему Словарь Испанской Королевской Академии (www.rae.es). В словаре M. Moliner – **papas – еда, приготовленная из муки любого сорта, особенно на молоке** [M. Moliner, 1986: 627].

А. Вежбицкая в своих работах упоминала тесную связь «между жизнью общества и лексикой языка, на котором оно говорит. Это в равной мере относится к внутренней и внешней стороне жизни. Очевидным примером из видимой, материальной сферы может служить пища... Очевидно, что такие слова могут нам нечто рассказать об обычаях указанных народов, связанных с пищей и питьем» [Вежбицкая, 2001: 14].

Одним из древнейших канарских десертов является **frangollo / франгойо** – лексема латинского происхождения обозначает десерт с банановой начинкой. Распространен на Кубе и Пуэрто-Рико (www.rae.es). Рецепт был завезен мигрантами из Америки и Антильских островов в середине прошлого века, но похожий рецепт упоминается в документах уже с 17 века. Лексема **frangollo** имеет свое распространение и значение в различных странах Латинской Америки. **Frangollo / франгойо** на Канарах – это 1) (C anarias) вареная кукуруза с молоком; на Кубе и в Пуэрто-Рико – это 2) (Cuba, Puerto Rico) сущеный десерт из зеленого платана (измельченного); в Перу – это 3) (Perú) мешанина / revoltijo из бараньей или говяжьей требухи; в Аргентине – это 4) (Argentina) тушеная кукуруза / locro (M. Moliner, 1986: 620).

3.2. Гастрономия региона Андалусия

С давних времен в Аргентину устремлялись много испанцев, итальянцев и др. мигрантов, поэтому Аргентина – это «переселенческая страна, население которой сформировалось под влиянием массовой европейской иммиграции и впитало традиции многих народов, что наложило отпечаток на культуру, быт, нравы и обычаи аргентинцев» (Страны и народы, 1983: 160).

Alfajores / альфахорес (печенье) имеет арабское происхождение. От арабского « **al-hasu** » - (Argentina) – **сладкая масса из муки маниоки, ананаса и имбира** (M. Moliner, 1986: 127). Многие заимствованные арабские слова, обозначающие продукты питания, не только прочно вошли в активные словарные фонды европейских языков, но и надолго закрепились в них. Впервые **альфахорес** появилось в Испании во времена Аль-Андалуса. Во времена испанских завоеваний был завезен в Америку, где настолько прижился, что аргентинцы считают данное блюдо своим изобретением. Словарь Испанской Королевской Академии определяет лексему **alfajores** как – конфеты, состоящие из двух тонких ломтиков теста, соединенных друг с другом сладкой начинкой, иногда покрытые шоколадом, безе (Аргентина, Чили, Колумбия, Эквадор, Перу, Парагвай, Уругвай и Венесула) (www.rae.es).

Национальной пищей аргентинцев является – жареное мясо. В регионе Галисия очень популярным является блюдо **churrasco / чурраско** – мясо, жаренное на вертеле (www.rae.es), завезенное испанскими конкистадорами из Америки. **Churrasco** – (Argentina) – **кусок мяса, жареный на гриле** [M. Moliner, 1986: 620].

3.3 Гастрономия региона Кантабрия

Блюдо **Cocido montañes / косидо монтаньес** является очень популярным блюдом

региона Кантабрия Испании, готовится в кастрюле или глиняном горшочке из мяса, **маиса / maíz** – кукурузы происхождение слова от *mahis* языка таино, **юкки / yuca** – произошло также из языка таино, **картофеля / papa**, бекона или **морцилья / morcilla** – кровяной колбасы, овощей и бобовых – **фасоли / frijol, judía, poroto**. **Judío – однолетнее бобовое растение, приносящее удлиненные плоды и почковидные семена различной окраски в зависимости от сорта** (нет уверенности в том, что значение **judía** происходит от **judío / еврей**) [М. Moliner, 1986: 19]. Фасоль является основным ингредиентом данного блюда, была завезена в Испанию из Латинской Америки. Лексема **poroto** происходит из языка кечуа (**purutu**) – в Аргентине, Боливии, Эквадоре, Перу и Уругвае – 1) бобовое растение; 2) плоды бобового растения; 3) рагу с фасолью (www.rae.es). В словаре M. Moliner так описано приготовление **cocido (olla / горшок)** – типичное рагу Испании, которое было и остается во многих местах основным блюдом на обед. Блюдо готовится из нута, мяса, бекона, а иногда из курицы, кровяной колбасы, чоризо и овощей, особенно капусты. Из бульона готовится суп, который подается на первое блюдо, затем подаются нут и мясо или вместе, или отдельно от супа[М. Moliner, 1986: 620].

4 Популярное праздничное блюдо Латинской Америки, пришедшее из Испании. Бытовые реалии/народные не религиозные праздники

В нашей статье мы приводим пример «обратного» перехода популярного праздничного блюда Испании, прочно укоренившееся на Кубе и некоторых других странах Латинской Америки. С исторической точки зрения отношения Испании и Кубы всегда играли важную роль во многих языковых процессах. Смешение национальностей создало предпосылки для богатства культур, характеров, национальной кухни [Игнашина, 2021: 102-103].

На Кубе на Новый год / Año Nuevo (1января) принято готовить **Лечон Асадо/ Lechón Asado (Жареный поросенок)** – исп. происхождения – жареный поросенок, которого кормили материнским молоком – Словарь Испанской Королевской Академии. Является также популярным блюдом Испании. В деревнях свинину готовят на вертеле. Забивают утром и потрошат. На вертеле поросенка готовят от 4 до 8 часов. Перед употреблением мясо поливают соусом **Mojito / Мохито**, состоящим из кислого сока апельсина (**naranja agria**), лайма (**limón**) с толченым чесноком и солью. **Naranja** (от араб. **naranj** , от перс. **narang**) и **limón** (от араб. **leymun** , от перс. **limun**) – лексемы арабского происхождения. Возможно название соуса **Mojito** берет свое название от популярного на Кубе коктейля **Mojito** – оригинальный кубинский напиток, приготовленный из рома, сока лимона, воды, льда, сахара, и украшенный веточкой мяты (www.rae.es). Мясо поросенка подают с гарниром **въандя / vianda** – (франц. происхождения) съедобные фрукты и клубни, такие как батат, юква, маланга, банан, подаваемые в тушеном виде – так регистрирует данную лексему Словарь Испанской Королевской Академии (www.rae.es).

Таблица 2.

Регионализмы вариантизмы:	Арабизмы	Галлицизмы	Латинизмы	Индихенизмы:
<i>Alfajor (Argentina), Locro (Argentina), revoltijo (Perú), «Mojito» (Cuba),</i>	<i>Alfajor, limón, naranja</i>	<i>Vianda</i>	<i>Chuleta, frangollo</i>	Кечуа: <i>Papa, papa chuño, locro, poroto</i>

<i>Cocido/olla (España),</i>				
<i>Asado (Argentina, Paraguay, Perú)</i>				
				Таино: <i>Maíz, yuca</i>
				Тупи-гуарани: <i>Churrasco,</i> <i>frijol</i>

Анализ лексики блюд по происхождению.

Название блюд испанского языка является отражением жизни данного языка на протяжении долго времени. С периода завоевания Испании стран Латинской Америки и насаждения там своей культуры и религии происходит заимствование элементов культуры и быта коренных народов, издревле проживающих на территории Южной Америки: *maíz*, *yuca*. Все заимствования отражены в таблице 2.

Не обошлось и без влияния на Кубу, например, территориальной близости Гаити, и франкоязычной Луизианы. Примером такого заимствования стал галлицизм *vianda*.

Период арабского господства на юге Испании оставил испанскому языку много заимствований в области лексики продуктов питания, например, *laganja*, *limón*, и блюд, например, такое блюдо, как *alfajores*. Во времена испанских завоеваний *alfajores* было завезено в Америку, где настолько прижилось там, что аргентинцы считают данное блюдо своим изобретением (многоэтапное заимствование).

Например, еще такая особенность блюда *frangollo*: данное блюдо распространено не только на Кубе и Пуэрто-Рико, но и некоторых других странах Латинской Америки, имеющее свои территориальные и лексические особенности (регионализмы и вариантизмы): **frangollo – (Argentina) locro - тушеная кукуруза; - (Perú) revoltijo - каша, мешанина.** * *Locro* – нет сведений о точном значении блюда; гастрономический термин *locro* происходит из языка кечуа. В мифах народов кечуа блюдо *locro* было подарено богами людям. В некоторых засушливых и холодных районах индейцы добавляли в блюдо **papa chuiño / картофель чуньо** – лексема происходит из языка кечуа и переводится, как очищенный и высушенный на солнце картофель. В Боливии и Перу – это картофель, лишенный влаги, часто используемый в креольской кухне андских регионов (www.rae.es).

Лексика индейского происхождения, пришедшая из Перу, говорит о сильном влиянии языка кечуа на нее: *papas arrugas*.

Блюдо *churrasco*, пришедшее из Аргентины в Испанию, имеет под собой происхождение из языков тупи-гуарани, проживавших на территории Аргентины и оказавших влияние на лексику различных блюд страны.

Выводы

Обращение к испанскому языку и культуре является актуальной вследствии

возрастающего интереса к данному языку во всем мире. А тема национальной кухни с точки зрения происхождения лексики является недостаточно изученной областью. Раскрытие лингвокультурологического своеобразия лексики национальных вариантов испанского языка позволит еще глубже познать историю и культуру Испании, Перу, Аргентины и Кубы.

Рассмотренная в данной работе лексика национальной кухни является одним из фрагментов, наряду с остальными, входящими в состав языковой картины мира испанцев, перуанцев, аргентинцев и кубинцев.

Лексика традиционных блюд Испании, представленная такими группами, как *арабизмы, галлизмы, латинизмы, индихенизмы, регионализмы и вариантизмы*, маркирована их различным происхождением. Испанский язык в странах Латинской Америки можно определить, как *национальный вариант испанского языка*. Испанский язык в странах Латинской Америки носит статус государственного языка. Наряду с испанским официальным языком статус государственного языка имеют *кечуа, аймара* в странах Перу и Боливии, что находит свое отражение в национально культурной специфике испанского языка(см. Таблица 2).

В рассматриваемых нами странах Перу, Аргентине и на Кубе испанский язык, конечно, имеет свои особенности, просматривается взаимосвязь данной лексики по происхождению и употреблению. В статье мы дали анализ лексики блюд по происхождению, показали влияние на нее различных языковых факторов. Лексический уровень языка отражает воздействие на него исторических и культурно-мировоззренческих факторов: индихенизмы, арабизмы, латинизмы, галлизмы, заимствования, синкетизм культур, исторические факторы отражают развитие лексической системы национальных вариантов испанского языка как под влиянием объективных факторов, так и под влиянием факторов естественного развития языка.

Библиография

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1969. С. 381.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 7 – 35.
3. Виноградов В.С. Введение в переводоведение. М.: Издательство ИОСО РАО, 2001. С. 104 – 111.
4. Виноградов В.С. Лексикология испанского языка: учебник. 4-е издание. – М.: КДУ, 2015. С. 70.
5. Ганзелка И. Зикмунд М. Там, за рекою,-Аргентина. Молодая гвардия, 1959. С. – 429.
6. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 324.
7. Игнашина З.Н. Национально-культурологические особенности испанского языка Кубы. Дисс. ... канд. фил. наук. Москва, 2021.
8. Культура Аргентины. Академия Наук СССР. Институт Латинской Америки. Культура Аргентины. М.: Наука, 1977. С. 367.
9. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001.
10. Плеухова Е.А., Куликовская А.Н. Испанский язык Доминиканской республики – от истоков до современного состояния// Фил. науки. Вопросы теории и практики, 2017. № 5.
11. Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и

- Америки. Изд. 3-е. – М.: Ленанд, 2021. С. 328.
12. Строганов А.И. Латинская Америка. Страницы истории 20 в. М.: Книжный дом "Либроком", 2015.
13. Фирсова Н.М. Испанский язык и культура в испаноязычных странах. Изд. 2-е. – М.: Ленанд, 2021. С. 176.
14. Фирсова Н.М. О межвариантной фразеологической синонимии и омонимии в испанском языке // Вопросы иберо-романистики. 2011. № 11. С. 171-177.
15. Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики. Языковая картина мира. Изд. 2-е, М.: ЛЕНАНД, 2020. С. 204.
16. Чеснокова О.С. Колумбия в мире испанского языка. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2021. С. 76.
17. Шемякин Я.Г. Латинская Америка: традиции и современность. М.: Наука, 1987. С. 136.
18. Щербакова Е.В. Лингвокультурологические особенности никарагуанского национального варианта испанского языка. Дисс. ... канд. фил. наук. Москва, 2008г.
19. Энциклопедический справочник. В 2-х т. Латинская Америка. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 656.
20. Henríquez Ureña P. Estudios Linguísticos y filológicos-Obras completas. Secretaría de Estado de Cultura, 2003.
21. M. Moliner. Diccionario de uso español. Т. 1-2. Madrid: Editorial Gredos, 1986: 5924.
22. Real Academia Espanola. Diccionario de la lengua española. Versión en línea (www.rae.es).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Лексика традиционных блюд регионов Испании, имеющая иноязычное происхождение», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению испанского языка как в нашей стране, так и в мире в целом. Кроме того, изучение иноязычного происхождения лексики в национальном языке всегда вызывает интерес. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Отметим скрупулёзный труд автора по отбору практического материала и его анализу.

Однако, автор не приводит информацию насколько обширен языковой корпус, взятый для изучения, каковы критерии отбора текстового материала, к какому временному периоду относится материал, какими методами проводил отбор: сплошной выборкой или специализированными.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Для решения исследовательских задач в статье использовались следующие методы: качественный отбор языковых реакций, лингвистическое описание языковых явлений, сематический анализ, логический переход от частных характеристик к общему свойству сложного текстового образования (индукция), обобщение экспериментальных данных. Исследование выполнено в русле

современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Однако, считаем некорректным название пункта «методология» или потерю части текста, так как в названном пункте читателю предлагаются типы реалий по учебнику (!).

Библиография статьи насчитывает 21 источник, среди которых представлены труды как на русском, так и на испанском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как кандидатские и докторские диссертации, а список изобилует учебниками и пособиями, что неподходящ для написания научной работы уровня ВАК журнала. Считаем, что Большее количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/ или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы.

В ряде случаев нарушены требования ГОСТа к оформлению списка литературы, в части несоблюдения общепринятого алфавитного выстраивания цитируемых трудов. Кроме того, источники 20 и 21 явно содержат неточность и набраны прописными буквами. Кроме того, оформление списка литературы, в целом, небрежное, источник 18 представлены не все данные статьи.

Ссылки на википедию являются нонсенсом в научной статье! Википедия - это не научный источник! «Считается, что оно происходит от римского топонима Hispania, происхождение которого остается до конца невыясненным, хотя документально подтверждено, что финикийцы и карфагеняне именовали регион Spania(www.wikipedia.org)».

В тексте работы отсутствуют надстрочные знаки, принятые в ряде испанских букв (к примеру, «Cocido montanes»), в некоторых местах пропущены пробелы, например, ReinodeEspana.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Практическая значимость исследования определяется возможностью применения данных статьи в курсах по лингвокультурологии и практике испанского языка. Наряду с этим, материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении специальных курсов, посвящённых проблеме текста, вопросам прикладной лингвистики. Статья «Лексика традиционных блюд регионов Испании, имеющая иноязычное происхождение» может быть рекомендована к публикации в научном журнале только после исправления технических ошибок в иноязычных примерах, актуализации списка литературы и приведение его в соответствие с требованиями ГОСТа, а также усиления выводов по итогам исследования.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Лексика традиционных блюд регионов Испании, имеющая иноязычное происхождение не так часто рассматривается в рамках лингвистических исследований. Данный вопрос имеет определенную научную новизну, актуальность исследования, следовательно, маркирована и верифицирована. Универсальность данной работы заключается не только

в выявлении объективных составляющих вопроса, сколько в пролонгации дешифровки указанной в заглавии темы. Основная проблемная доминанта исследования выдержана на протяжении всего текста, причем автор акцентно это обозначает. Привлекает в работе строгая структура: вводная часть, основной аналитический блок, заключение. Как отмечается в начале данного труда, «в современном мире на испанском языке говорит 450 млн. человек в мире, таким образом, испанский язык стоит на втором месте по степени распространенности после английского языка. Испанский язык имеет широкую территориальную вариативность, что обуславливает межвариантную национально-культурную специфику коммуникации». С этим сложно не согласиться, ибо фактическая статистика констатирует это. На мой взгляд, целевой компонент работы выверен и уточнен: «задачи работы состоят в установлении взаимосвязей происхождения лексики традиционных блюд регионов Испании с лексикой аналогичных блюд стран Латинской Америки». Методологический комплекс сориентирован на аналитические и компаративные принципы. Стиль рецензируемой статьи наукообразен, терминологически ровен. Например, «основоположником отечественной латиноамериканистики является Г.В. Степанов. Этим ученым был разработан ряд базовых общетеоретических положений на материале испанского языка. Например, была открыта проблема языковой вариативности. На основе испанского языка ученый разработал концепцию национального варианта, под которым понимаются «такие формы национальной речи, которые не обнаруживают резких структурных расхождений, но вместе с тем приобретают автономию, поддерживаемую и осознаваемую в пределах каждой национальной общности», или «лексический корпус испанского языка веками формировался не только на основе латыни, но и за счет других языковых контактов с иберами, басками, финикийцами, греками, кельтами, арабами. В 1492 г. происходит открытие испанцами Америки, что обуславливает контакты испанского языка с различными индейскими языками. Испанский словарь значительно обогащается за счет индихенизмов / *indigenismos* – слова, вошедшие в испанский язык из индейских языков» и т.д. В работе умело расширен иллюстративный фон, приводимые примеры интересны, нетривиальны, ситуативно полновесны. Табличный корпус помогает системно вместить наработанный материал, вывести ряд важных примет «лексического многообразия» блюд регионов Испании. Ссылки и цитации даны в верном конструктивном режиме: «А. Вежбицкая в своих работах упоминала тесную связь «между жизнью общества и лексикой языка, на котором оно говорит. Это в равной мере относится к внутренней и внешней стороне жизни. Очевидным примером из видимой, материальной сферы может служить пища... Очевидно, что такие слова могут нам нечто рассказать об обычаях указанных народов, связанных с пищей и питьем» [Вежбицкая, 2001: 14]». Топографические контуры анализируемой лексики также полновесны, это и Андалусия, и Кантабрия и т.д. Автор создает с читателем непринужденный диалога, что также можно оценить максимально положительно. Итоговая часть исследованияозвучна основной, здесь отмечено, что «в рассматриваемых нами странах Перу, Аргентине и на Кубе испанский язык, конечно, имеет свои особенности, просматривается взаимосвязь данной лексики по происхождению и употреблению. В статье мы дали анализ лексики блюд по происхождению, показали влияние на нее различных языковых факторов. Лексический уровень языка отражает воздействие на него исторических и культурно-мировоззренческих факторов: индихенизмы, арабизмы, латинизмы, галлицизмы, заимствования, синкретизм культур, исторические факторы отражают развитие лексической системы национальных вариантов испанского языка как под влиянием объективных факторов, так и под влиянием факторов естественного развития языка». Работа самостоятельна, оригинальна, точечна; материал можно использовать в вузовской практике. Общие формальные требования издания учтены,

серьезной правки текст не требует. Цель исследования достигнута, основная поставленная задача решена. Считаю, что рецензируемая статья «Лексика традиционных блюд регионов Испании, имеющая иноязычное происхождение» может быть рекомендована к открытой публикации в научном журнале «Litera» ИД "Nota Bene".

Litera

Правильная ссылка на статью:

Павлов Д.Н. — Сказочный нарратив в медиасреде: структура и функции (на примере мотивирующего контента You-Tube) // Litera. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.3.39837 EDN: CMIDGI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39837

Сказочный нарратив в медиасреде: структура и функции (на примере мотивирующего контента You-Tube)

Павлов Дмитрий Николаевич

аспирант, кафедра истории журналистики и литературы, Московский университет имени А.С. Грибоедова

111024, Россия, Центральный федеральный округ, г. Москва, ул. Ш. Энтузиастов, 21

✉ dima2011211@gmail.com

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.3.39837

EDN:

CMIDGI

Дата направления статьи в редакцию:

24-02-2023

Дата публикации:

20-03-2023

Аннотация: В статье выдвигается и обосновывается понятие мотивирующего контента. На примере четырех наиболее репрезентативных видеороликов, размещенных на видеоплатформе You-Tube, рассмотрены его специфические особенности. Так, во-первых, выявлена специфика композиции анализируемых роликов, доказано, что их структура восходит к нарративным архетипам волшебной сказки. Во-вторых, определен порядок следования нарративных элементов и описаны ключевые особенности складывающегося синтагматического сюжетного единства. В-третьих, установлена функциональная специфика мотивирующего контента, которая заключается в том, что он выполняет психолого-терапевтическую функцию (мотивирующий контент помогает в разрешении личностного психологического кризиса, временно заменяя реальную психологическую помощь). В качестве метода исследования выступает метод функционального анализа сказочного нарратива, разработанный В. Проппом. В основе данного метода находится принцип декомпозиции произведения, который позволяет разделить материал на составные части и проанализировать инвариантные особенности текстового ряда. Новизна работы заключается в том, что в ней представлен

функциональный анализ нарративных матриц, обнаруженных в медиапроизведениях, выполняющих в обществе психолого-терапевтическую функцию. В качестве результата исследования автором делается вывод о полезности МК как для блогера (прирост аудитории), так и для зрителя (первая, но времененная психолого-терапевтическая помощь).

Ключевые слова:

нарратив, мотивация, мотивирующий контент, волшебная сказка, контент, кризис личности, структура, медиасреда, медиатизация, медиаплатформы

Статья посвящена комплексному исследованию нарративной составляющей мотивирующего контента (далее МК), представленного на платформе You-Tube. Мотивирующий контент не выделялся в качестве отдельной исследовательской единицы, при этом исключительная популярность такого рода материалов их структурно-функциональное своеобразие указывает на возможность академического анализа. Следует отметить, что в данном исследовании рассматриваются три You-Tube канала, на которые подписано более двух миллионов человек, они обозначены в аналитической части.

Главная **функциональная особенность** МК заключается в том, что он выполняет психолого-терапевтическую функцию. Говоря иначе, блогеры создают МК для помощи в разрешении личностного психологического кризиса, временно заменяя реального психолога [\[1, с. 14\]](#).

Структурная специфика МК, являющаяся производной от его функции, заключается в его специфической нарративно-сюжетной организации. По нашему предположению, материалы, относящиеся к этой разновидности контента, реанимируют повествовательные архетипы волшебной сказки. Использование сказочных нарративов в рамках МК, на наш взгляд, объясняется относительной простотой сказочного сюжета, который оказывается своеобразным сценарием действия для решения кризисных ситуаций [\[2, с 34\]](#).

Связь структуры нарратива и психологической функции сама по себе является интересным объектом междисциплинарного исследования (ср., например, такое направление в психологии как «сказкотерапия» [\[3; 4\]](#)). Однако мы в настоящей работе остановимся только на структурном аспекте этого вида материалов.

Отсюда и **предмет** исследования – принципы организации нарратива в роликах, относящихся к категории МК.

Объектом исследования стали четыре видеоролика, размещенные на 3 каналах для русскоязычной публики. Выбор именно этих роликов связан с высокой степенью их репрезентативности. Так, количество комментариев к этим роликам косвенно свидетельствует о серьёзном эмоциональном отклике на затронутые темы. При этом, отметим, выбранные автором нарративы вызывают как положительные, так и отрицательные эмоции, затрагивающие человеческие проблемы (на прим. первого видеоролика).

Методологической основой исследования стала теория В.Я. Проппа, который рассмотрел литературное произведение через морфологическую призму и выявил

инвариантные схемы организации сказочного повествования [5, с. 19]. Перечислим инвариантные функции, выделенные В.Я. Проппом на сказочном материале:

Отлучка, запрет, нарушение запрета, разведка антагониста, выдача сведений, подвох, пособничество, вредительство (недостача), посредничество, начинающееся противодействие, отправка, первая функция дарителя, реакция героя на действия будущего дарителя, получение волшебного средства, перемещение в иное царство, борьба, клеймение, победа, ликвидация беды или недостачи, возвращение, погоня, спасение, неузнанное прибытие, необоснованные притязания, трудная задача, решение, узнавание, обличение, трансформация, наказание, свадьба, воцарение.

Для построения сюжета блогеры используют не все функции, причины «выбора» тех или иных функций зависят, по-видимому, от цели ролика [6, с. 4].

Обратимся к анализу материала.

Первый канал, рассмотренный в рамках данного исследования, называется «Эван Кармайкл» (987 тысяч подписчиков). Блогер изучает личностные кризисы, тематика которых связана с поиском себя. Эван (владелец канала) является не только автором контента, но и участником съемок. Мужчина выступает одним из рассказчиков истории.

Один из его видеороликов называется «Так Я Придумала Гарри Поттера» | Джоан Роулинг «Правила успеха» [7].

Изучив каждую часть ролика, мы пришли к выводу о том, что весь МК имеет как инвариантную, так и вариантную структуру [8, с. 3]. Вариантами являются персонажи, кризисы личности, способы решения проблемы на пути к успеху. Инвариантами же выступают повествовательные схемы, которые восходят к волшебной сказке. Рассмотрим в этом аспекте композиционную структуру ролика [9, с. 286].

- Неудача помогает тебе познать себя – первая глава истории содержит следующие инвариантные мотивы: «Запрет» и «Нарушение запрета». Мы узнаем о начале истории Джоан Роулинг. Она сталкивается с непониманием в семье. Женщина хочет сбежать: «Возвращение сюда (в воспоминания о том времени) - это встреча с призраками прошлого... Эта часть истории уже затерта до дыр, но это была моя жизнь, и она была очень тяжелой, я не могла спокойно дышать, но в случае чего я бы сюда вернулась, это было бы моей исходной позицией». Сама ситуация «нарушения запрета» выражена в словах писательницы о том, как она сбежала: «Я уехала из этого места, потому что хотела писать. Я помню, как ехала на поезде из Манчестера в Лондон, и нам меня снизошло озарение. Как же я загорелась написать об этом, я вышла из поезда и сразу же кинулась писать».

Мы узнаем о том, что у писательницы была неудачная попытка построить семью. Джоан сбежала, она поставила в приоритет собственную мечту. Женщина говорит: «Осознание того, что испытания сделали тебя сильнее и мудрее, означает, что ты можешь быть уверен в своей способности выжить».

- Воплощай свои идеи в жизнь – вторая глава истории. Инварианты, которые удалось обнаружить:

«Подвох». Подтверждением этому служит цитата из видеоролика: «Один раз, когда я шла из кафе, и вдруг мне в голову пришла мысль, будто чей-то голос сказал, что сложнее всего будет добиться публикации именно этой книги (первая книга из цикла о

«Гарри Поттере»), если ее опубликуют, тебя ждет большой успех».

«Вредительство». Эван Кармайкл рассказывает о том, как Роулинг пыталась воплотить свои идеи в жизнь, однако ее постигла неудача. Антагонистом произведения выступает общество, которое не верит в человека. В видеоролике мы видим, что Джоан начинает работать над собственным произведением «Я хотела писать, я писала книгу, и я ее написала. Самое ужасное, что могло произойти после этого - это то, что ее никто не принял, мою книгу везде отвергали, буквально все издательства, которым я ее предлагала».

- Не бойся критики; и помни, откуда ты начинал - третья и четвертая главы видеоролика, которые содержат следующие инвариантные конструкции: «Отправка», «Реакция героя на действия будущего дарителя». Здесь зрителю рассказывают о том, какие активные действия предпринимала Джоан Роулинг для продвижения рукописи.

Инвариант «Отправка» выражен в словах писательницы: «Вы должны проявлять упорство, писательская карьера тяжела, но награда значительно велика. Я понимала, что заработать только на историях для детей не получится, поэтому я благодарна судьбе за то, что со мной начало происходить, я работала».

«Реакция на действия будущего дарителя»: «Я благодарна тому, какие люди меня окружают, они мне помогали на этом пути, но ваши отношения должны быть проверены временем. Вы никогда не узнаете то, насколько прочны ваши взаимоотношения с вашими друзьями, пока не пройдете через всевозможные невзгоды».

- Верь и не поддавайся тревоге – кульминационная часть произведения, в которой мы обнаружили следующие инварианты:

«Получение волшебного средства», выражено в цитате: «Я назвала это вспышкой дара ясновидения, конечно, если бы все не воплотилось в действительность, то я бы выглядела сумасшедшей... Все дело в том, что нужно верить. Я никогда не была уверенным человеком, но в том, что я делала, я была уверена. Я твердо верила, что могу написать хорошую книгу».

«Перемещение в иное царство» - «На пути к своей цели беспокойство всегда Присутствует. Каждый раз, когда я выпускала новую книгу, на меня давили ожидания. Чем большую я получала популярность у моего творчества, тем сильнее я погружалась в эту тревогу».

«Борьба» - «Голос в моей голове говорил, что если твою книгу опубликуют, то тебя ждет большой успех... Груз ожиданий, который на меня давил, мне нужно было бороться с ним. Но я соревновалась с собой, они (ожидания) не раздавливали меня, испытывать это было удивительно. Ожидания не должны на меня влиять».

- Главы «жизнь – это не список достижений», «проявляй упорство», «мечты могут сбываться» – развязка медиапроизведения, которая включает такие инварианты, как «Победа». Данный инвариант выражен в словах писательницы: «Господи, когда я здесь жила, это место было настоящей свалкой. О, посмотрите, там стоить книги о Гарри Поттере, жутковатое ощущение. Иногда мне кажется, что все это было давным-давно (начало пути), а иногда вопросом - а было ли это все в действительности?»

«Трансформация» и «Узнавание» объединены в один блок. В видеоролике Джоан Роулинг стоит на сцене перед аудиторией и дает наставления: «Жизнь не подчинена контролю кого бы то ни было, и смирение с этим поможет вам пережить все тревоги».

«Этот этап просто нужно пройти, пока вы не нашупаете свой талант»

«Воцарение» - «Меня часто спрашивают молодые писатели, что бы я посоветовала тем, кто хочет стать писателем. Но я могу сказать только о том, что делала я. Вы должны читать больше, потому что только так вы сможете понять, что такое хорошая, а что такое плохая литература...И упорство, вы должны проявлять упорство, потому что писательская карьера полна разочарований». Эван Кармайкл показывает, что на примере модели поведения Джоан Роулинг зритель может достигнуть успешного результата и искоренить собственную проблему.

Таким образом, очевидно, что на экране представлен продукт, отвечающий всем признакам сказочного повествования.

Контент Эвана Кармайкла не только композиционно художественен, он также и глубоко психологичен, об этом свидетельствуют эмоциональные комментарии зрителей:

- «Я плачу вместе с ней, потому что мою книгу тоже никто не принимает... Я знаю, через что она прошла».
- «Фраза: «никогда не говорите детям, что не получится...Это и убило во мне писателя...».
- «Не надо верить словам родителей, нужно решать самим, кем вы хотите быть».

Эван Кармайкл в большей степени работает с личностными кризисами, которые направлены на поиск себя, исполнение мечты, получение быстрой славы. Фактически блогер позиционирует себя как человека, который способен решить личностный кризис при помощи собственного контента. Это можно заметить из описания в разделе «о канале»: «Найти свой успех вам помогут советы от лучших предпринимателей нашей планеты. Эван собирает лучшие советы предпринимателям и подает их в компактном скомпилиированном виде. Если вам необходима мотивация для бизнеса, да и для жизни в целом, то мы поможем вам ее найти». Из биографии, представленной там же, мы понимаем, что образования психолога мужчина не имеет, однако является успешным предпринимателем.

Следующий видеоролик также представлен на канале Эвана Кармайкла. Он называется «Воплоти Свои Мечты – Мадонна – Правила успеха»[\[10\]](#). Мужчина рассказывает о главной героине в начале ролика. Блогер также обозначает 10 правил успеха певицы:

- Держи боксерские перчатки наготове. История начинается с того, что главная героиня обозначает начало своего пути. Инварианты «Нарушение запрета» и «Отлучка» раскрываются в цитате: «Я покинула Бей-Сити, штат Мичиган и переехала в 1977 году в Нью-Йорк, чтобы начать карьеру танцовщицы, вы столкнетесь с множеством проблем на своем пути, поэтому будьте готовы надеть боксерские перчатки».
- Выбирай непроторенный путь. Нам удалось обнаружить инварианты «Отправка» и «Посредничество». Они необходимы для того, чтобы обозначить введение главной героини в действие сюжета. Мадонна рассказывает о том, что она не хотела повторять за другими танцовщиками. Девушка выбирала свой стиль постановки номеров для того, чтобы запомниться. Она говорит: «Мне надоели все эти однотипные номера, где на переднем фоне танцует певица, а на заднем кордебалет. Скука смертная, я не хочу повторяться. Я сделаю что-то особенное, я всегда буду выбирать непроторенную дорожку, это верно».
- Контролируй свое эго. Инварианты «Пособничество» и «Вредительство». Цитата из

видеоролика: «Нашей жизнью управляет эго, мы как рабы подчиняемся ему. Виновны по всем пунктам, если бы у меня не было эго, я бы не сидела здесь, однако в определенный момент нужно понять, что эго - это как твоя собака. Либо ты у него на поводке, либо оно у тебя. Потому что оно начинает вредить твоей жизни».

- Общайся с талантливыми людьми. Данная часть видеоролика необходима для того, чтобы показать взаимодействие главного героя с другими персонажами.

«Первая функция дарителя» - раскрывает следующая цитата: «Я постоянно общаюсь с талантливыми людьми, необходимо себя окружать такими людьми, чтобы они помогли тебе двигаться дальше».

«Получение волшебного средства» - Мадонна говорит о том, что талантливые люди не только помогают, но и обучаю ее, чтобы она могла стать лучше: «Мне нравится взаимодействовать с талантливыми людьми, использовать их приемы в собственной работе. Ты получаешь большее вдохновение».

- Воплоти свои мечты. Данная часть видеоролика включает в себя инвариант «Борьба». Знаменитость рассказывает о случае из жизни: «Моя сила, мои достижения, мой способ пробиться не вдохновляет других людей. Люди не принимают и боятся этого. Мы живем в таком обществе, где это расценивается как слабость. Люди не только боятся бороться за свои мечты, но и боятся тех людей, которые это делают. Они стараются низвести успех других людей до своего уровня, чтобы чувствовать себя лучше, поэтому так важна борьба».

- Будь бунтарем. Мадонна рассказывает о том, как отрицательно ее воспринимало общество, пока она добивалась своих целей. Инвариант «Клеймение» подтверждается цитатой главной героини: «Я бунтарка, а это свойственно всем бунтарям. Мне все равно, что вы обо мне думаете, но эпаж должен быть с умом. Это как перевернуть в магазине тележку с яблоками».

- Находи разные источники вдохновения. Инвариант «Перемещение в иное царство». Данная часть видеоролика указывает на модель поведения в работе, которую Мадонна использует для достижения целей: «Я перемещаюсь в свою голову, у меня в голове как будто прокручиваются фильмы или музыка, я будто наблюдаю за актерами и различными сценами. На меня воздействуют разные вещи, и я проявляю интерес к неизвестным ранее вещам».

- Выражай себя. Данная часть ролика содержит инвариант «Победа», который подводит к итогу видеоролика. Главный герой добивается успеха: «Бессмысленно хотеть быть лучше всех. У каждого свой талант, я не говорю, что мой мазок кистью лучше твоего. Нужно оставаться всегда собой и выражать себя так, как пожелает душа. В этом и заключается мое искусство, меня такой принимают».

- Получай удовольствие от совей работы, инвариант «Воцарение».

«Я ищу то-то новое... Мне нравится сажать семена и наблюдать за тем, как они прорастают», - говорит Мадонна в одном из своих интервью. Певица после «воцарения» становится тем, кто может помочь другим талантливым молодым артистам.

- Попробуй завоевать мир, инвариант «Воцарение».

«Я хочу завоевать мир», - говорит певица в видеоролике. Поведение и поступки главной героини помогли ей добиться значительных результатов в собственной карьере.

Эмпирическая база нашего исследования включает три канала, одним из которых является «MENs LIFE» (200 тысяч подписчиков). Направление данного канала также обозначено в разделе с основной информацией: «Люди. Мысли. Мотивация. Успех», «Я рекомендую Вам ознакомиться с тем, что говорят успешные люди. Смотрите и интервью, делайте выводы, а в некоторых высказываниях можно найти настоящую пользу и откровение». Информация об авторе отсутствует.

«Дуэйн Скала Джонсон – это видео изменит вашу жизнь – сильнейшая мотивация и правила жизни» [11] – видеоролик, который мы разобрали в рамках функционального анализа нарратива. Важное отличие от предыдущих видеороликов – отсутствие деления материала на главы.

Сюжет повествует о мужчине, который дает мотивирующие советы, рассказывает о собственной жизни. Он говорит о собственной модели поведения, а в прологе обозначает историю, изменившую его жизнь.

Нarrативно-инвариантный анализ включает следующие главы:

1. Отлучка (Дуэйн покидает дом родителей). «Для меня всегда работало то, что я помнил тяжелые времена». Актер говорит: «Я был как вы, покидал дом родителей, полный надежды на лучшую жизнь, хотел покорить мир, но все мои планы пошли крахом, я столько раз пытался, нарушил запреты родителей, но я добился своих целей».

2 . Пособничество (Главного героя арестовывают). «Когда мы переехали в Нэшвилл, меня к тому времени уже арестовывали несколько раз. Я не знал, как закрепиться в этом мире, поэтому искал пути, порой даже не самые правильные».

3 . Вредительство (Семью Дуэйна выгоняют с острова. Главная особенность – потеря родного дома). «Нас выгоняют с моего родного острова, мне было 14 лет, нам запретили там жить, нам вообще было негде жить, пришлось бежать без денег, нам было так тяжело».

4. Начинающееся противодействие (Мужчина готов бороться. Он рассказывает о том, через какие испытания ему пришлось пройти после переезда). «Я начал заниматься футболом, мне это нравилось. Хотел ли я добиться хороших результатов? Да, но у судьбы были другие планы».

5. Отправка (Дуэйн покидает семью, он уезжает на соревнования по футболу). «Я думал, что стану известным футболистом. Передо мной открывались большие перспективы, но всегда будут люди, которые лучше, чем ты».

6. Борьба (Он рассказывает о том, как его место занимает товарищ по команде) Дуэйн говорит: «Его перевели в защиту, хотя я был хорошим защитником. Он посмотрел на меня и сказал, что займет мое место. Я тогда улыбнулся и рассмеялся, потому что думал, что лучше меня никого в команде нет, я был всесилен. Мы боролись за это место, за мое место, и он все-таки занял мое место».

7. Клеймение (Из-за этого случая главного героя выгоняют из команды). «Что делают с проигравшими? Убирают. Меня выгнали из команды, потому что мой товарищ был лучше, чем я».

8. Победа (Дуэйн находит в себе силы бороться и становится медийной личностью). Он говорит: «Всегда будут хейтеры, но почему бы и нет, мне это нравится, работать нужно каждый день, у этого не должно быть конца».

9. Трансформация и воцарение (Внешние и внутренние изменения героя). «Посмотрите на меня, я каждый день встаю в пять часов утра, чтобы поддерживать форму, я снимаюсь в фильмах, я участвую в проектах. Я делаю то, что я люблю».

Таким образом, мы видим, что мотивирующий контент – явление, которое отвечает нарративным принципам художественного произведения.

Последний канал, который мы исследовали на предмет нарративных матриц называется «Искусство харизмы» (1,84 млн. подписчиков). Автор анализирует модель поведения известных людей. Спектр разрешаемых личностных кризисов смешен на сферу межличностных отношений. Мы можем подтвердить это информацией из раздела «о канале»: «Мы поможем вам развить вашу харизму, стать более уверенным в себе и улучшать взаимоотношения с людьми».

Чарли Хуперт, автор канала, также является создателем Академии Искусства Харизмы. Он помогает обрести чувство психологической защищенности, занимается с людьми по собственной авторской программе.

Один из материалов на его канале называется «Илон Маск: как достигать в 10 раз больше других» [12] – видеоролик, в котором главным герой преодолевает препятствия.

Блогер выступает в роли рассказчика только в начале видеоролика. Он описывает главного героя в прологе. Затем мужчина передает слово Илону Маску, который начинает повествование от первого лица. Материал делится на главы, которые содержат сказочные инварианты:

- одаренность и трудолюбие.

Рассказ начинается с детства главного героя. Его представляют как одаренного ребенка. Рассказ о детстве подкрепляется фразой «устойчивость к падениям», данная устойчивость помогает главному герою двигаться дальше. Инвариант «Подвох». Темы, которые поднимает Илон: провал первых трех ракет SpaceX, публичные конфликты, дебаты. «Мы работали день и ночь, у нас был один компьютер, работайте каждую свободную минуту. Мы справляли как могли. Для того, чтобы двигаться дальше, необходимо уметь влиять на людей».

- стойкость и видение.

Инвариант «Начинающееся противодействие» мы обнаружили в словах Илона. Главный герой повествует об особенностях собственного мировоззрения. Они помогают ему справляться с неудачами, преследующими его постоянно. «Должны быть причины вставать по утрам, жизнь не сконцентрирована на решении проблем», - говорит он.

Инвариант «Вредительство». «Илон не всегда добивается хороших результатов, первые этапы в работе SpaceX, которые приводили к взрыву, которые приводили к потери больших денег, люди подводили его и иногда делали это назло». «Я думаю, что акции Tesla полетят в яму. Вы не выбираете между победителями и неудачниками, вы всегда выбираете неудачников», - говорит оппонент Илона на телевидении.

Инвариант «Борьба» в видеоролике представлен для того, чтобы показать позитивное отношение к жизни у главного героя. Модель поведения Илона Маска заключается в том, что мужчина преследует определенную цель. «Я доступен круглосуточно, если нужно решить какую-то проблему, то звоните хоть в 3 утра, в воскресенье», - говорит мужчина о своей деятельности.

- выйти из зоны комфорта и читать. Главный герой раскрывает тайну о том, что его изменило. Он говорит о цикле любимых книг. «Это лучшее, что читал, данные книги о создателе-футуристе» - инвариант «Трансформация».

Инвариант «Узнавание» помогает раскрыть героя не только как известную личность, но и как участливого в жизни общества человека. Он отражает посыл Илона общества: «Путешествовать за пределы вселенной – это вариант, волнующий и вдохновляющий, я хочу помочь нашей планете и нашему миру».

Таким образом, МК является социальным феноменом. МК помогает человеку, временно заменяя психологическую помощь [\[13, с. 86\]](#).

Психологическая значимость такого контента, по-видимому, обусловливается сказочными архетипами, лежащими в основе историй. Максимальная обобщенность этих «нarrативных матриц» и укорененность их в культуре, с одной стороны, позволяет личности определенным образом выстроить план своего дальнейшего действия, проецируя на себя модель поведения главного персонажа, а с другой стороны – нарастить количество просмотров роликов «мотивирующего» блогера. Мы полагаем, что следование таким, максимально обобщенным советам с психологической точки зрения не всегда оправдано, потому что массовость мотивирующего контента не предполагает решение проблемы только одного лица, однако высокая популярность такого рода роликов свидетельствует о том, что они, тем не менее, имеют важную социальную функцию.

Библиография

1. Бугаева Л.Д. Нарратив, медиа и эмоции // Русский след в нарратологии: матер. международной науч.-практич. конф..-2012.-С. 12-16.
2. Самсонова Е. Роли, которые играют люди. Сыграй жизнь по своим правилам. - СПб: Питер, 2013.-256 с.
3. Наговицын А.Е., Пономарева В.И. Симвология: От философских теорий до практики сказкотерапии. - М.: Генезис, 2014.-304 с.
4. Наговицын А.Е., Пономарева В.И. Сказкотерапия: теория и практика. Типология сказки. -М.: Генезис, 2011.-336 с.
5. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. - М.: Лабиринт, 2005.-332 с.
6. Пинк С. Интервью с видеокамерой: представление, саморепрезентация и нарратив // CyberLeninka URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intervyu-s-videoekameroy-predstavlenie-samoreprezentatsiya-i-narrativ> (дата обращения: 20.02.2023).
7. Так Я Придумала Гарри Поттера» | Джоан Роулинг «Правила успеха // YouTube URL: https://www.youtube.com/watch?v=0_kJ0yzGQ0M (дата обращения: 15.02.2023).
8. Осипова Н.О. Структурно-семиотический подход как аспект методологии гуманитарного знания // Культурологический журнал.-2011.-№ 3.-С. 1-11.
9. Волкова Е.Г. Когнитивный механизм эволюции жанра сказки // Вестник КемГУ.-2012.-№ 4.-С. 285-289.
10. Воплоти Свои Мечты – Мадонна-Правила успеха // YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PZr-wV-pk0E> (дата обращения: 10.02.2023).
11. Дуэйн Скала Джонсон – это видео изменит вашу жизнь – сильнейшая мотивация и правила жизни // YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=v91UHGgvTLY> (дата обращения: 30.01.2023).
12. Илон Маск: как достигать в 10 раз больше других // YouTube URL:

https://www.youtube.com/watch?v=Fe_M7CAGeRI (дата обращения: 20.02.2023).

13. Абульханова К.А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. - М.: Московский психолого-социальный институт, 1999.-224 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметная область представленного к публикации материала не является научно оправданной. Стоит согласиться, что «медиатизация современного общества обуславливает то, что медиасреда на данном этапе включает в себя большой спектр наук. По этой причине междисциплинарный характер исследования показывает нам, что МК включает в себя не только журналистскую сферу, но также и литературу, психологию», однако, автор несколько смешивает разнородные по своей природе направления, да и методологию анализа выбирает без учета дифференциации т.н. пластов искусства. Работа сильно перегружена теоретическими купюрами, они вводятся в текст без должной критической оценки. Например, «модель Греймаса работает таким образом, что Адресант инициирует событие, а Адресат получает от события выгоду. Противник замедляет событие или мешает развитию сюжетной линии, противостоя субъекту или конкурируя с ним за объект. Помощник приближает событие, помогая субъекту. Ученый убирает ненужные функции, которые оказываются не важны для сюжета. Таким образом, в силу междисциплинарности темы и обширности задач, в процессе исследования мы используем метод структурного анализа нарратива» и т.д. Работу отличает нарочитая риторика повествования, серьезных аналитических изводов практически нет, нет должной разверстки темы, не высказана в тексте и так называемая позиция автора, хотя он и заявляет о своем присутствии: «вышеописанную теорию мы доказываем», «мы видим», «мы можем сказать, что актантная система» и т.д. Поверхностность описаний не дает возможности исследователю серьезно подойти к проблеме «нарратива в медиа-среде», да и практический материал, на мой взгляд, можно было бы расширить. Популистски, не доказательно в финале звучит и тезис о смежности волшебной сказки и медиаконтента: «такой контент интересен в рамках нашего исследования тем, что помогаем выстраивать отношения с окружающим миром подобно детским волшебным сказкам, которые помогают детям в социализации. На примере того, как следует поступить, личность выстраивает план своего дальнейшего действия, проецируя на себя модель поведения главного персонажа. Всегда счастливый конец уничтожает индивидуальность кризисной ситуации, так как массовость мотивирующего контента не предполагает решение проблемы только одного контрактного лица». Достаточно большое количество современных информационных потоков можно сопоставить к «морфологическим» изводами В. Проппа, да и сам теоретик был склонен ориентироваться на т.н. «пределность» сюжетной канвы. Стиль сочинений условно соотносится с научным типом, ряд моментов являются для текста избыточными, они легко могут быть удалены: например, «в контексте исследования нарратив подразумевает своего рода изменение ситуации или персонажа по сравнению с его изначальным состоянием. Такие изменения могут быть продиктованы как сюжетными деталями, так и необходимостью раскрытия персонажа в глазах читателя. Иными словами, мы анализируем необходимость динамики состояний персонажа. Интересным является то, что в любом произведении данные изменения важны. В статическом состоянии персонаж становится неинтересным, неспособным решить

главную проблему произведения. Таким образом, под нарративом мы понимаем любой повествовательный (информационный) текст, очевидно, что основной его функцией является - информирование адресата о каких-либо событиях. Важным его отличием от описательных и объяснительных текстов является наличие сюжетной линии». С учетом сказанного, тезирую: материал явно основательно не продуман, у автора не сложилась доказательная база оценки процесса формирования наррации в медиа-среде, выбранная методология, думается, также не работает в нужном русле, ее не удается применить действительно. Плюс еще, при формировании ссылок – ориентир должен быть все же на выверенные печатные источники, в доступе есть работы и А. Греймаса, и В. Проппа и других исследователей-структуралистов. Материал не имеет должной практической значимости, актуальность умозаключений автора условна. Статья «Нарратив в медиасреде: структура и функции (на примере мотивирующего контента YouTube)» не может быть опубликована в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье исследуются признаки сказочного нарратива в текстах мотивирующих роликов, выложенных на You-Tube. Сразу хочется заметить, что заявленная тема статьи – «Нарратив в медиасреде: структура и функции (на примере мотивирующего контента You-Tube)» – значительно шире её содержания (рассмотрен только сказочный нарратив, нет четко выделенных функций). В статье представлен подробный разбор четырех текстов видеороликов (кстати, исследователь сосредоточен именно на текстовом ряде, но не оговаривает и не объясняет этого, хотя стоило бы) на предмет поиска в них функций сказочного нарратива, выделенных В. Я. Проппом. Анализ в целом интересен и достоин читательского внимания, однако в представленном виде работа скорее напоминает материалы к научной статье, нежели саму научную статью. Основные недостатки, подлежащие авторскому редактированию, отмечу ниже.

Есть выраженные проблемы с композицией статьи. В качестве примера приведу её начало: «Использование сказочных нарративов, на наш взгляд, объясняется относительной простотой сказочного сюжета, который оказывается своеобразным сценарием действия для решения кризисных ситуаций. Именно поэтому ключевым методологическим ориентиром для нас стала теория В.Я. Проппа, который рассмотрел литературное произведение через морфологическую призму и выявил инвариантные схемы организации сказочного повествования». Первая фраза могла бы стать одним из выводов работы, но никак не может открывать исследование (тем более исследование, в теме которого заявлен не сказочный нарратив, а нарратив как таковой). Если эта мысль является результатом прежних исследований автора, необходимо сослаться на эти исследования. Вторая фраза введения не связана с первой, «именно поэтому» здесь неуместно: для читателя неочевидно, как предположение («на наш взгляд») о причинах использования сказочного нарратива связано с решением опираться именно на теорию В. Я. Проппа. Те же несоответствия встречаем и в дальнейшем. Например, более половины текста посвящено подробному (и довольно интересному) исследованию двух роликов одного канала You-Tube, после которого читаем: «Эмпирическая база нашего исследования включает множество каналов, одним из которых является «MENs LIFE»». Далее, после анализа ещё одного ролика, автор пишет: «Таким образом, мы видим, что мотивирующий контент – массовое явление, которое отвечает нарративным принципам художественного произведения. Последний канал, который мы исследовали на предмет

МК называется «Искусство харизмы». Хотелось бы понимать, сколько именно каналов и роликов было проанализировано: упомянутые в тексте и списке литературы четыре или «множество», которое позволяет сделать вывод о «массовости явления». Описание материала исследования необходимо вынести в начало статьи.

Список литературы в конце статьи нерепрезентативен, даже учитывая ее практическую направленность. В нём на три научные работы (из которых в тексте реально упоминается одна), приходится семь ссылок на You-Tube, т. е. материал исследования, причём ссылок копирующих (на канал и ролики отдельно). Оформление списка также требует доработки: порядок следования источников неясен, библиографическое описание не по ГОСТ.

При переработке статьи необходимо также поработать над ее языком. Приведем несколько примеров грубых грамматических и стилистических ошибок из начала текста: «функции, выведенные Проппом, легли в аналитическую базу», «На одноименном канале «Эван Кармайкл» [1] в своих медиатизированных произведениях Эван выступает не только в качестве автора, но и в качестве рассказчика», «Из приведенных ниже цитат из видеоролика, мы узнаем о начале истории женщины, где Джоан Роулинг сталкивается с непониманием в семье, из которой она хочет сбежать», «имеется ввиду произведение «Гарри Поттер», «Это толкает писательницу на работу над собой», «Безусловно, литература, журналистика и психология являются различными сферами, отображение которых есть в МК», «Изучив комментарии пользователей, мы приводим выдержку, которая подкрепляет наше умозаключение», «человека, способного решить личностный кризис при помощи собственного контента», «Более кратко обозначим один из видеороликов автора».

Тема статьи актуальна, проанализированный материал представляет интерес, однако сам текст статьи нуждается в значительной авторской переработке.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Сказочный нарратив в медиасреде: структура и функции (на примере мотивирующего контента You-Tube)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения сказочных мотивов, которое выражается в наших днях в публикациях в виртуальном пространстве.

В современных реалиях часть жизни проходит в виртуальном пространстве, а сегодня интернет контент играет большую роль в жизни людей. Автор предпринимает попытку описать новые элементы виртуального пространства, которые стали частью жизни людей.

Рецензируемая статья посвящена комплексному исследованию нарративной составляющей мотивирующего контента, представленного на платформе You-Tube.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкоznании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Кроме того не понятны задачи и цель исследования, что не позволяет соотнести их с полученными выводами. Практическим материалом исследования явились четыре видеоролика, размещенные на 3 каналах для русскоязычной публики. Выбор именно этих роликов связан с высокой степенью их репрезентативности. Библиография статьи насчитывает 12 источников, среди которых теоретические работы исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к трудам зарубежных исследователей, несомненно, обогатило бы настоящую работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Обратим внимание на нарушение автором общепринятого алфавитного расположения источников. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по журналистике и теории языка. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Фольклор в социальных сетях (на примере Twitter и Telegram)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Косарина А.А. — Изменение семантики авторских терминов на основе научных и художественных текстов на примере термина Happening // Litera. – 2023. – № 3. – С. 85 - 92. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.3.39711 EDN: DVGLVQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39711

Изменение семантики авторских терминов на основе научных и художественных текстов на примере термина Happening

Косарина Александрина Анатольевна

аспирант, кафедра английского языкоznания, Московский Государственный Университет

141202, Россия, Московская область, г. Пушкино, ул. Дзержинец, 31, кв. 17

✉ kosarinaalex@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.3.39711

EDN:

DVGLVQ

Дата направления статьи в редакцию:

02-02-2023

Дата публикации:

21-03-2023

Аннотация: Предметом исследования является понятие авторского термина, дается его определение, а также выделяются этимологический, семантический и pragmaticеский критерии выделения авторского термина. На примере термина Happening рассматривается употребление авторского термина в профессиональном и непрофессиональном дискурсе. В статье изучается определение, данное автором термина Аланом Капроу, и эволюция его понимания термина Happening. Изучается семантика термина и ее изменения в работах различных художников 1950-х - 1960х годов, как представителей профессионального дискурса, и в художественных произведениях 1960-х - 2010х годов, представляющих непрофессиональный дискурс. Выделяются общие черты употребления термина Happening в профессиональном и непрофессиональном дискурсах. Основными выводами исследования являются следующие позиции: термин Happening может считаться авторским, так как его автор известен, сема автора является ключевой для семантики термина, и использующие его

профессионалы связывают понятие с его создателем. В профессиональном дискурсе термин употребляется в прямом терминологическом значении. В непрофессиональном же дискурсе термин теряет часть сем, приобретая другие; в том числе, теряется сема автора, и термин уже не отвечает критериям авторского термина. Новизна исследования заключается в обращении к употреблению англоязычного авторского термина в профессиональном и непрофессиональном дискурсе.

Ключевые слова:

авторский термин, профессиональный дискурс, непрофессиональный дискурс, семантика термина, термин Happening, развитие семантики термина, термин искусствоведения, Аллан Капроу, термин художественной литературы, терминология художников

Предметом исследования в данной статье является авторский термин. Данное понятие, изучаемое лингвистами (Н.М. Азарова [1], А.П. Дьяченко [2], Ю.В. Сложеникина [3], Н.А. Слюсарева [4], В.Д. Табанакова [5], И.Ю. Кухно [6]) уже более 30 лет, тем не менее, остается актуальным. Авторский термин – несомненно, значимая часть любой терминологии, несмотря на то, что, в отличие от универсальных и уникальных терминов, находится на ее периферии [4]. При изучении термина прежде всего необходимо дать определение понятия, так как исследователи предлагают различные варианты определений, значительно отличающиеся по тематике. В статье авторским термином будет считаться термин, этимология которого известна, входящий, кроме терминологического поля определенной области знания, и в более узкое терминологическое поле, созданное и строящееся вокруг определенной фигуры, «автора», и неразрывно связанный с данной фигурой в сознании специалиста той или иной области.

Задачей проведенного исследования было рассмотреть термин Happening, определить, является ли данный термин авторским, и выявить особенности и отличия семантики данного термина в текстах профессионального и непрофессионального дискурсов.

Согласно типологии Н. А. Слюсаревой [4], термины делятся на три категории: универсальные, уникальные и авторские. Адаптируя подход Н.А. Слюсаревой к терминам изобразительного искусства, можно утверждать, что термин может считаться авторским, если он отвечает трем критериям: этимологическому (известен ли автор данного термина), семантическому (является ли сема автора значимой для понимания данного термина) и прагматическому (связан ли термин с фигурой автора в сознании носителя языка, употребляющего данный термин).

Рассмотрим термин Happening и определим, может ли он считаться авторским. Для изучения семантики термина обратимся прежде всего к словарному определению: «*Happening - a form of entertainment, often carefully planned but usually including some degree of spontaneity, in which an artist performs or directs an event combining elements of theatre and the visual arts. The term was coined by Allan Kaprow in 1959 and has been used to cover a diversity of contrived artistic phenomena. The concept of the happening was closely bound up with Kaprow's deliberate rejection of the traditional principles of craftsmanship and permanence in the arts*» [7]. Прежде всего, можно отметить, что в определении присутствует упоминание автора – следовательно, сема автора достаточно важна для составителя определения. Несмотря на некоторую расплывчатость данного

определения, в нем можно выделить также следующие семы: «спонтанность», «планирование», «элементы театра», «элементы изобразительного искусства», «непостоянство».

Нельзя не отметить, что данный термин является консубстанциональным, т.е. его план выражения полностью совпадает с планом выражения слова общеупотребительной лексики ***happening***, происходящее: «***something that has happened***»^[8]. Определение данного понятия само по себе значительно более расплывчатое, чем терминологическое, что характерно для определений терминов и слов общеупотребительной лексики.

Рассмотрим изменения семантики термина в текстах профессионального дискурса, в данном случае, текстов, созданных художниками^[9-12]. Автором терминологического понятия ***happening*** является американский художник Аллан Капроу, впервые использовавший его в названии работы 1959 года «18 Happenings in 6 Parts», показ которой состоялся с 4 по 10 октября 1959 года в галерее "Рубен", Нью-Йорк.^[13] Терминологического определения Капроу в тот момент не дал, однако еще в 1958 году в статье «The legacy of Jason Pollock» он говорил о новом искусстве: «*Not satisfied with the suggestion through paint of our senses, we shall utilize the specific substances of sight, sound, movements, people, odors, touch. <...> In contrast to the arts of the past, they have no structured beginning, middle or end. Their form is open-ended and fluid; nothing obvious is sought and therefore nothing is won, except the certainty of a number of occurrences in which one is more than normally attentive. They exit for a single performance, or only a few more, and are gone forever, while new ones take their place. These events are essentially theater pieces, however unconventional*»^[14]. В его рассуждениях «новое искусство» обладает такими семами, как «звук», «движение», «непостоянство», «элементы театра». Последние две семы присутствуют и в современном определении Happening. Само слово «Happening» не используется, однако семантически оно очень близко к описываемому.

Сам Аллан Капроу в первые годы был против широкого употребления термина, так как он сомневался в общеупотребимости данного слова. Описывая работы, называющиеся хэппенингами, он неизменно упоминал и их отличия от собственного понимания хэппенинга. Однако термин смог заполнить имеющуюся в терминосистеме лакуну и все же активно использовался художниками, а затем и искусствоведами.

В 1965 году Джим Дайн (Jim Dine) писал: «*The first "Happening" I did was called The Smiling Workman, at the Judson Church.*

The name "Happening" was a great crowd-pleaser. People knew what they were going to see. If it said "Happening," they were going to see Whitman, Dine, Oldenburg, or Kaprow. People sometimes say about my painting, "That's a real Happening." It is ridiculous. It is Kaprow's word, and it does not refer to me. I do not really know what it meant. But if it meant what he did, it was not what I was doing, so it was not true of me.^[15, c.65]

Джим Дайн не дает определения термину, однако можно утверждать, что основной семой в его понимании является «авторство», а именно авторство Капроу. Таким образом, Джим Дайн все еще принимает ограничения Капроу, утверждая, что его собственные произведения не могут обозначаться данным термином.

Употребление Дайном кавычек основывается на определенных языковых постулатах. Анна Зализняк обращается к следующим свойствам: «кавычки означают,

приблизительно: 'это **не я** так говорю, это **другие так говорят**', и <...> 'это только я так говорю, **другие так не говорят**'..»[\[16\]](#)

В отношении авторских терминов кавычки часто играют именно данные роли. Во второй функции термин используется автором, и кавычки в таком случае указывают, что использование данной единицы относится прежде всего к его собственной речи. Первая же функция – когда кто-либо упоминает авторский термин, этим делая отсылку к автору, подчеркивая, что данная единица принадлежит речи другого человека. Именно в данной функции использует кавычки Джим Дайн, что говорит о том, что в его речи термин Happening неразрывно связан с семой «Капроу».

При этом, цитируя самого Капроу, Джим Дайн кавычки не использует: «*You're the one who does funny Happenings*»[\[15, с. 68\]](#). В данном случае термин не обрамляется кавычками, так как Дайн подразумевает, что Капроу, как автор термина, обоснованно решает, в каком случае данный термин необходимо употребить.

Другой художник, Клас Ольденбург, в 1965 году использует «хэппенинг» только в кавычках: «*What I do as a "happening" is part of my general concern, at this time, to use more or less altered "real" material. The "happening" is one or another method of using objects in motion, and this I take to include people, both in themselves and as agents of object motion*»[\[15, с. 69\]](#). Таким образом, можно утверждать, что для него авторство термина также играет важную роль, несмотря на то, что самого Капроу он не называет. Тем не менее, описывая термин, Ольденбург подчеркивает прежде всего сему «движение», которая присутствует в рассуждениях Капроу о «новом искусстве», но отсутствует в современном словарном определении, из чего можно заключить, что данная сема у термина действительно присутствовала, но отпала, когда термин вошел в ядро терминологии.

Уже в 1966 термин вошел в терминологию изобразительного искусства настолько, что сам Капроу уже писал о видах **happening**, проводящихся различными художниками: «*This small following is aware of several different kinds of Happening. There are the sophisticated, witty works put on by the theater people; the very sparsley abstract, almost Zen-like rituals given by another group (mostly artists and musicians); and there are those in which I am most involved, crude, lyrical and very spontaneous. The last grew out of the advanced American painting of the last decade and I and the others were all painters (or still are)* »[\[17\]](#).

Так, понятие **happening**, по мнению художника, делится на три подгруппы с семами «театр», «абстракция, ритуал» и «лиричность, спонтанность» соответственно. Сема «Капроу» же для самого автора уже не является определяющей.

Таким образом, термин «хэппенинг» с точки зрения прагматики и семантики перестал полностью считаться авторским.

На основании приведенных выше примеров можно выделить следующие черты употребления термина в текстах художников:

- 1) термин употребляется в прямом значении, несмотря на то, что это значение еще не полностью устоялось;
- 2) единица употребляется именно в терминологическом значении, как часть более общей терминологии искусства.

3) «Happening» отвечает критериям авторского термина.

Термин Happening используется также и в непрофессиональном дискурсе, однако его использование в художественной литературе значительно отличается от использования в дискурсе профессиональном^[18].

В романе Джона Вахтеры *The happening; a carol for all seasons* главный герой, художник Дигби, решает устроить рождественский Happening для сирот.

Описывая свою идею, персонаж по-своему определяет термин:

«“Not a party,” Digby cried. “A happening, man! Lights! Music! Joyful noises!”» [\[19, с. 43\]](#)

«Digby was to play the lights like an instrument, flooding the church with colors and projections as the unfolding happening required». [\[19, с. 84\]](#)

В данных отрывках можно выделить следующие семы: «свет», «музыка», «цвет», «представление», «искусство». Первые четыре семы соответствуют семам Happening в профессиональном дискурсе, однако последняя играет в произведении особую роль. Использование данного термина персонажем-художником позволяет автору подчеркнуть профессию Дигби: для него различие между терминологическим понятием Happening и словом общеупотребительной лексики party очевидно, в то время как остальные персонажи не всегда понимают его с первого раза.

Другой пример использования термина интересен игрой с терминологическим и общеупотребительным значением Happening:

«Summoning what courage remained after this brief exchange, Digby said, “I’m working up this kind of happening thing for Saturday night...”

“Now you’re hitting where I live, Dig. Happenings are Vesuvius Lighting, Inc.” Bernard said with a businesslike tone. “Give me the details. Where is it going to be and much have they got to spend?”» [\[19, с. 50\]](#)

В данном примере Дигби рассказывает о своей идеи владельцу компании Vesuvius, занимающейся шоу-бизнесом. В данном отрывке значения Happening как термина и слова общеупотребительной лексики смешиваются. Предложение «Happenings are Vesuvius Lighting, Inc.» можно понять двояко: «Все интересное, что происходит – это Vesuvius Lighting, Inc.» и «Хэппенинг – это Vesuvius Lighting, Inc.»

Другой пример – книга *Indonesia is a happening* 1970 года, где Happening используется также на стыке терминологического и нетерминологического значения:

Indonesia isn’t a country, it’s a happening. If the hippies only knew, it’s the ultimate total experience, as unpredictable as a fistful of mercury. It’s a script written by Conrad, Kafka and Edgar Allan Poe, with a helping hand from Marx-Groucho, that is. It’s a scene with more hang-ups than reason will buy or logic condone. [\[20, с. 16\]](#)

В данном отрывке Happening имеет прежде всего семы «представление», «непредсказуемость», «движение». Можно выделить также сему «искусство», так как «[Индонезия] – это сценарий», а сценарий – атрибут искусства кино.

Третий пример – отрывок из произведения *Who Grows The Grass* 2016 года:

All there ever is, is this one infinite creative universal energy.

As this one infinite seamless happening.

You are nothing but a happening within this happening.

Happening all by itself.

You are nothing but a thought.

Happening all by itself. [21, с. 388]

В данном примере терминологическое и общеупотребительное значение **Happening** также смешиваются, и только на их стыке будет передана авторская интенция. Жизнь, по мнению автора, это и «вечный хэппенинг», и «вечное происходящее», что подчеркивается использованием слова Happening и как существительного, и как формы глагола.

Так, можно заключить, что в художественной литературе термин **Happening** может использоваться как в прямом значении, актуализируя причастность персонажей к миру искусства, так и в качестве инструмента игры с языком. В последнем случае Happening не используется ни как термин, ни как обычное слово – он становится амальгамой первого и второго, отсылкой к «новому искусству» XX века, странному и нетрадиционному, и одновременно «происходящим в моменте». В данном значении термин не используется как авторский – ни в одном из примеров нет ни упоминания автора, ни кавычек, ни какого-либо указания, что автор термина важен для употребляющего термин.

Таким образом, можно заключить, что термин Happening может считаться авторским, так как его автор известен, сема автора является ключевой для семантики термина, и использующие его профессионалы связывают понятие с его создателем. В профессиональном дискурсе термин употребляется в прямом терминологическом значении. В непрофессиональном же дискурсе термин теряет часть сем, приобретая другие; в том числе, теряется сема автора, и термин уже не отвечает критериям авторского термина.

Библиография

1. Азарова Н.М. Типологический очерк языка русских философских текстов XX века. М.: Логос / Гнозис, 2010. 228 с.
2. Дьяченко А.П. Словарь авторских терминов, понятий и названий. М.: Академкнига, 2003. 375 с.
3. Сложеникина Ю.В, Растворов А.В., Кухно И.Ю. Авторский термин: к определению понятия // Онтология проектирования, 2018. Т. 8. № 1 (27). С. 49–57.
4. Слюсарёва Н.А. О типах терминов (на примере грамматики) // Вопросы языкознания, 1983. № 3. С. 23.
5. Табанакова В.Д. Авторский термин: знаю, интерпретирую, перевожу. Тюмень: ТГУ, 2013. С. 5.
6. Кухно И.Ю. Авторская терминология (на материале идиолекта Л.В. Гумилева): дис. ... филол. канд. наук. Самара, 2018. 23 с.
7. Chilvers I., Osborne H., Farr D. The Oxford Dictionary of Art. Oxford: Oxford University press, 1988, p. 213.
8. Cambridge Dictionary. URL:

- <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/happening> (дата обращения 15.02.2023).
9. Степанова, В.В. О типах отраслевого профессионального дискурса // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Сер.: Гуманитарные науки, 2019. № 1 (112). С. 137–140.
 10. Кочемасова Д.Р., Воронина Е.Б. Профессиональный дискурс // Вестник Марийского государственного университета, 2018. Т. 12. № 2. С. 146–151.
 11. Биче-оол Ч.В., Мальцева В.М. Профессиональный и непрофессиональный дискурс: к определению понятий // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2017. № 21.
 12. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс как предмет лингвистического изучения // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкоизнание, 2009. № 1(9). С. 145–149
 13. Happening // Art Term. URL: <https://www.tate.org.uk/art/art-terms/h/happening> (дата обращения 10.01.2023).
 14. Kaprow, A. The Legacy of Jackson Pollock. In: Ders: Essays on the Blurring of Art and Life, Hrsg. von Jeff Kelley, Berkeley 1993, pp. 1–9. In: Art News 57, No. 6, Oktober 1958, pp. 24–26, 55–57, 58
 15. Johnson Ellen H. American artists on art from 1940 to 1980. URL: <https://archive.org/details/americanartists00john/page/68> (дата обращения 15.02.2023).
 16. Зализняк А.А. Семантика кавычек // Труды Международного семинара Диалог'2007 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М.: РГГУ, 2007. URL: http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm (дата обращения 10.01.2023).
 17. Kaprow A. Happenings In The New York Scene, 1961. URL: <https://superweirdsubstance.com/allan-kaprow-happenings-new-york-scene/> (дата обращения 10.01.2023).
 18. Прокофьева Ю.А. Проблема разграничения научного и наивного знания в языке // Лесной вестник–Вестник МГУЛ, 2006. № 7. С. 50–53
 19. Wahtera J. The happening; a carol for all seasons. Boston: Atlantic/Little, Brown, 1974, 118 р.
 20. Lucas C. Indonesia is a happening. New York: Walker/Weatherhill, 1970, 139 р.
 21. Adam T. Who Grows The Grass, 2016. URL: <https://archive.org/details/WhoGrowsTheGrass2016/page/n7/mode/2up> (дата обращения 10.01.2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Изменение семантики авторских терминов на основе научных и художественных текстов на примере термина Happening», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения особенностей функционирования авторской терминологии в различных англоязычных дискурсах.

Актуальность исследования обусловлена важностью описания отдельных типов языковой личности и проявлением дискурсивной личности подростка в условиях речевой деятельности при разных дискурсивных формациях.

Предметом исследования в данной статье является авторский термин.

Задачей проведенного исследования было рассмотреть термин *Happening*, определить, является ли данный термин авторским, и выявить особенности и отличия семантики данного термина в текстах профессионального и непрофессионального дискурсов.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкоznании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: статистический, логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

При знакомстве с текстом возникает вопрос о корпусе исследования, принципах выборки. Данная информация отсутствует в тексте работы. Автор иллюстрирует теоретические положения тестовыми фрагментами на английском языке.

Библиография статьи насчитывает 21 источник, среди которых представлены как теоретические работы на русском языке, так и на английском. Большее количество ссылок на ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно бы усилило теоретическую значимость работы. В ряде случаев нарушены требования ГОСТа к оформлению списка литературы, в части несоблюдения общепринятого алфавитного выстраивания цитируемых трудов. Так, работы на русском языке смешаны с иноязычными трудами, традиционно располагающимися в конце списка, алфавитный принцип выстраивания библиографии не соблюден.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по практике английского языка и теории языка. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Изменение семантики авторских терминов на основе научных и художественных текстов на примере термина *Happening*» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжэн Ц. — Специфики словообразования в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык // Litera. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.3.40006 EDN: ALUCIV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40006

Специфики словообразования в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык

Чжэн Цяньминь

аспирант, кафедра русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов

123290, Россия, Московская область, г. Москва, пр-д Шмитовский, 39к1

✉ toujie@mail.ru

[Статья из рубрики "Язык"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.3.40006

EDN:

ALUCIV

Дата направления статьи в редакцию:

15-03-2023

Дата публикации:

22-03-2023

Аннотация: Цель исследования – выяснить специфики словообразования в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык. В процессе овладения вторым языком интерязык рассматривается как языковая система, в которой существуют и функционируют свои собственные правила, отличающиеся от правил как родного, так и изучаемого языков. В статье обновляется понятие термина «интерязык» в последних исследованиях в российской лингвистике, обсуждаются общие характерные черты интерязыка, а также анализируются связанные с интерязыком речевые особенности и письменные языковые материалы двух групп китайских студентов-филологов, изучающих русский язык на филологическом факультете в Российском университете дружбы народов. Новизна исследования заключается в том, что автор впервые системно описывает специфики словообразования в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, в аспектах префикса, суффикса, окончания слов и т. д., и объясняет причины их существования. Полученные результаты исследования дают полезные рекомендации преподавателям, работающим в сфере обучения иностранному языку; особенно это может быть полезно на занятиях по обучению китайских студентов

русскому языку. Материал данной статьи также может быть использован в процессе составления учебников и учебно-методических пособий по прикладной лингвистике и дисциплине русского языка.

Ключевые слова:

специфики, словообразование, русский язык, интерязык, китайский учащийся, изучаемый язык, характерные черты, префикс, суффикс, окончание слова

Введение

Актуальность исследования обусловлена тесными экономическими, политическими, культурными отношениями между Россией и Китаем в последние десятилетия и увеличением числа китайских учащихся, изучающих русский язык, а также числа российских учащихся, изучающих китайский язык. В процессе овладения вторым языком обучающиеся строят свою собственную языковую систему, а именно интерязык. Большинство исследований, специализирующихся на теме интерязыка, сосредоточено на фонетических и синтаксических аспектах, меньше внимания уделяется лексическому аспекту интерязыка китайских учащихся, изучающих русский язык. Таким образом, изучение специфик словообразования в интерязыке китайских учащихся представляется важным и актуальным.

Для достижения цели исследования необходимо выполнить следующие задачи:

- 1) рассмотреть исследования, связанные с термином «интерязык», найти общие особенности интерязыка;
- 2) систематизировать и проанализировать специфики словосочетания в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык.

В соответствии с целью и задачами исследования используются такие методы, как описательный метод, метод дистрибутивного анализа, оппозиционный метод, метод сопоставительного анализа и т. д.

Устные и письменные языковые материалы двух групп китайских студентов-филологов, изучающих русский язык в Российском университете дружбы народов, а именно примеры словообразования, получены автором из разработанных преподавателями аудиторных тестов и внеклассных заданий и использованы в качестве языковых материалов исследования.

Ряд фундаментальных исследовательских работ в области интерязыка посвящен также таким терминам, как «почти-язык», «промежуточный язык», «межъязычие», «межъязыковая система» и т. д. [\[14, с. 171\]](#). Термин «интерязык» выбран как более современный и распространенный, он используется в большинстве последних российских исследований.

В. М. Шакlein, Ц. М. Чжэн отмечают, что «определение термина «интерязык», пришедшего в российскую лингвистику в конце 90-х годов XX века, является таким же, как и в зарубежной лингвистике. В начале XXI века теория интерязыка постепенно развивается в российской лингвистике» [\[13, с. 46\]](#).

. В последние годы в российской лингвистике феномену интерязыка посвящены работы

Е. Б. Александровской, А. В. Багдуевой, М. П. Жигаловой, Д. Э. Заманстанчука, Н. В. Лосевой, Е. В. Перехвальской, Л. Н. Полуниной, Н.Н. Рогозной, И. Ю. Сухотиной, М. Н. Цылиной, В. М. Шаклеина и др. [5; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8, 9, 10; 11; 12; 13,14].

Практическая значимость исследования заключается в том, что собранные языковые материалы могут быть использованы на курсах или семинарах, посвященных теме «интерязык» в вузах, благодаря тому, что авторы на их основе разработали тесты для работы в классе и задания для самостоятельных и домашних работ. В то же время результаты исследования дают полезные рекомендации в деятельности обучения иностранному языку – на занятиях по обучению второму языку, особенно на занятиях по обучению китайских студентов русскому языку. Полученные результаты исследования могут быть использованы в процессе составления учебников и учебно-методических материалов по дисциплине русского языка или прикладной лингвистике.

Основная часть

Изучив работы Л. Селинкера [17] и других исследователей, Н. Н. Рогозная отмечает, что «интерязык – особая языковая система, возникающая при изучении L2 (второго языка), находящаяся в состоянии промежуточной компетенции, которая в состоянии динамики движется к уровню совершенной формы владения языком» [8, с. 78].

Для Н. Н. Рогозной «сложность вскрытия проблем языковых контактов и их решение заключаются не в непростых взаимодействиях языков, а в сложном явлении, где сплетаются факторы разного порядка: лингвистического, психолингвистического, психологического, социального, лингвокультурологического, этноисторического, биopsихического и многих других, необходимых для решения задач» [10, с. 56]. С её точки зрения, изучение языков является сложным процессом, от учащихся требуется овладеть правилами изучаемого языка под влиянием лингвистического, психолингвистического, психологического, социального, лингвокультурологического, этноисторического, биopsихического и других факторов.

Под интерязыком И. Л. Ашмариной понимается, что «интерязык – реструктурируемый континуум промежуточной языковой системы, возникающей у индивида на пути от родного языка к овладению иностранным» [1, с. 483].

В. М. Шакlein, Чжэн Цяньминь отмечают, что у интерязыка есть такие особенности, как «системность, индивидуальность, динамичность» [14, с. 171].

По мнению Н. Н. Рогозной, интерязык «имеет онтологический статус, сущность естественного языка, системность и структурность, временной фактор коммуникативно ограниченной сферы использования, способной к постоянному расширению. Кроме того, он имеет ограничение слева в виде родного и справа – в виде неродного языка, что ещё раз подчёркивает его промежуточный характер и автономность» [10, с. 62].

В последней работе Н. Н. Рогозной обновляются понятия таких особенностей интерязыка, как: «1) независимость; 2) этапность; 3) динамизм; 4) системность; 5) закономерность» [10, с. 63]. Наряду с этим, Н. Н. Рогозная добавила следующие общие характерные черты интерязыка: «1) относительная несвязанность с языками Я1 и Я2 ; 2) системность; 3) консервативность; 4) малая проницаемость; 5) окостенение (или запирающая функция); 6) быстроконтактность; 7) языковая и функциональная ограниченность и др. » [10, с. 58].

Специфики словообразования в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, рассматриваются в таких аспектах, как **специфики префикса а**, **специфики суффикса** и **специфики окончания слов**:

1. Специфики префикса слов в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык.

В русском языке наименьшими единицами языка являются префиксы, суффиксы, корни, окончания, однако в китайском языке слова образуются иероглифами. Известно, что в русском языке разные префиксы, которые определяют не только лексическое, но и грамматическое значение слов, имеют различные значения. Если мы заменим префикс одного слова, то оно станет другим словом, значение которого изменится.

В русском языке есть такие префиксы, как: **анти-, про-, при-, по-, до-, на-, за-, пере-, об-, раз-, в-, вы-, с-, у- и т. д.**, при помощи которых можно образовать такие слова, как **анти септик, проходить, приходить, пойти, доехать, написать, заехать, переехать, обойти, разводиться, входить, выйти, сделать, уехать** и т. д. Китайским учащимся, изучающим русский язык, сложно запомнить и отличить значения разных префиксов.

Проанализировав собранные материалы, можем сделать вывод, что есть два типа русских префиксов в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, а именно:

1) В интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, используются неподходящие префиксы + основа слов, которые формируют несуществующие или не использующиеся в русском языке слова.

В интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, встречаются такие слова, как «**бес опасность***», «**безспорно***», «**бесплатный***» и др., которые не существуют в русском языке, вместо слов «**безопасность**», «**бесспорно**», «**бесплатный**». Так как в русском языке есть сходства в форме и значении префиксов **без-** и **бес-**, например оба префикса **без-** и **бес-** передают смысл «нет чего-либо» или « отсутствие чего-либо», китайским учащимся, изучающим русский язык, трудно запомнить разницу между данными префиксами и, соответственно, сложно правильно их использовать.

Помимо этого, в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, также встречается неправильное написание слов с префиксом «**под**» с точки зрения орфографии. Например, учащиеся пишут несуществующие слова «**под ехать***», «**подйти***» вместо «**подъ ехать**», «**подойти**» .

2) В интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык, встречаются префиксы + основа слов, формирующие слова, которые существуют в русском языке, но используются в неподходящем контексте.

Когда обсуждаем специфики форм префиксов слов в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, можем наблюдать такое явление: с точки зрения словообразования префиксы подобраны правильно, но слова используются в неподходящем контексте. Например, в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, используются глаголы «**рассказать**», «**высказать**» вместо «**сказать**» , примеры таких ситуаций представлены в следующей таблице:

Таблица 1

Примеры словообразования с правильными префиксами и основами слов в русском

языке и в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, в неподходящем контексте

Словообразование с правильными префиксами и основами в русском языке	Словообразование с правильными префиксами и основами в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, в неподходящем контексте
Когда встретим Новый год, хочу сказать вам кое-что необычное.	Когда встретим Новый год, хочу рас сказать * вам кое-что необычное.
Хочу сказать вам приятные слова на ваш день рождения.	Хочу вы сказать * вам приятные слова на ваш день рождения.

Наряду с этим, в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, также используются слова, у которых префиксы не совпадают с предлогами в предложениях. Примеры данного явления приводятся в следующей таблице:

Таблица 2

Примеры слов, префиксы которых не совпадают с предлогами в предложениях в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык

Слова, префиксы которых совпадают с предлогами в предложениях в русском языке	Слова, префиксы которых не совпадают с предлогами в предложениях в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык
Мы завтра поедем в Москву в 8 часов вечера.	Мы завтра до едем * в Москву в 8 часов вечера.
Зайду в магазин за продуктами по пути.	По йду * в магазин за продуктами по пути.

Как видно из примеров, в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, есть сложность при выборе слов с правильными префиксами, которые совпадали бы с предлогами в предложениях. В русском языке глаголы с определенными префиксами используются с фиксированными предлогами. Например, **до** ехать ... **до** какого-то места, **за**йти/заехать ... куда-то **за** кем-то/чем-то и т. д.

2. Специфики суффикса (постфиксa) слов в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык.

1) Специфики суффикса русских глаголов в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык.

В интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, отсутствует постфикс -ся . Примеры показаны в следующей таблице:

Таблица 3

Примеры формы суффикса/постфиксa в русском языке и отсутствия постфиксa -ся в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык

Примеры	формы	Примеры отсутствия постфиксa -
---------	-------	--------------------------------

примеры суффикса/постфиксa в русском языке	формы	примеры отсутствия постфикса -ся в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык
В выходные я подготовился к экзамену.		В выходные я <i>подготовил</i> * экзамен.
Дочь одевается и идет в школу в 8:30 утра.		Дочь <i>одевает</i> * и идет в школу в 8:30 утра.
Делегация вернётся на родину после дипломатического визита.		Делегация <i>вернёт</i> * на родину после дипломатического визита.

В китайском языке глаголы с постфиксом -ся и без постфиксa -ся пишутся одинаково. Например, подгото^виться/подгото^вить переводятся как 准备, одеваться/одевать переводятся как 穿衣服, вернуться/вернуть переводятся как 回来 и т. д.. Таким образом, под влиянием правил родного языка в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, часто используются глаголы без постфиксa -ся там, где он нужен.

2) Специфики суффикса русских существительных и прилагательных в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык.

В русском языке есть группа имён существительных, которую трудно усвоить китайским учащимся, изучающим русский язык. Данная группа образуется при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов: -ец, -ёшк, -ик, -к, -ошк, -ушк, -ц, -чик, -ышк, -юшк и т. д. Например, пары слов мама – мамочка, кот – котик, лодка – лодочка, чашка – чашечка, яблоко – яблочко, цветок – цветочек и т. д. В китайском языке в основном используется имя прилагательное «小的» (на русском языке «маленький»), чтобы выразить уменьшительно-ласкательное отношение к кому-то или чему-то. Например, 猫 - 小猫 (кот – котик), 船 - 小船 (лодка – лодочка).

В интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, часто смешиваются эти уменьшительно-ласкательные суффиксы -ец, -ёшк, -ик, -к, -ошк, -ушк, -ц, -чик, -ышк, -юшк обучающиеся сами создают имена существительные с неправильными суффиксами. Например, в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, при написании слов нередки подобные ошибки: цветочик*, лодочико*, яблочико* и т. д.

Помимо этих специфик, в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, путается использование прилагательных и существительных с суффиксами -н- и -нн-. Больше всего в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, используются слова с суффиксами -н- вместо -нн-, что не соответствует правилам русского языка. Например, воен^{ный}*, деревя^{ный}*, стекля^{ный}*, путешествени^к* и др.

3. Специфики окончаний слов в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык.

Считается, что в типичном флексивном языке, например, в русском языке «по возможности вся грамматическая информация концентрируется в одной морфеме – окончании» [15, с. 95].

В интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, такие существительные, как мужчина, дядя, дедушка часто рассматриваются как существительные женского рода из-за окончаний (-а, -я), по этой же причине учащиеся употребляют подобные слова с прилагательными женского рода. Например, красива я мужчина*, эрудированная дедушка* и т. д.. Можем сказать, что китайские учащиеся, изучающие русский язык

иногда не могут правильно подобрать соответствующий род прилагательных из-за того, что они изначально ошибочно определяют род русских существительных, полагаясь на окончания. С морфологической точки зрения, в этих словосочетаниях в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, (**красива я мужчина***, **эрудированная дедушка***) окончания прилагательных считаются неправильными.

Заключение

Анализируя специфики словообразования в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, можем прийти к следующим выводам:

1. В результате поиска обновления понятия термина «интерязык» в последних российских исследованиях найдены общие характерные черты интерязыка: системность, индивидуальность, динамичность, закономерность, относительная несвязанность с языками Я1 и Я2, консервативность, малая проницаемость, окостенение (или запирающая функция), быстроконтактность, языковая и функциональная ограниченность и др.;
2. В интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, встречаются слова с неправильными префиксами, не существующие в русском языке или слова с правильными префиксами, но в неподходящих контекстах;
3. В интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, используются глаголы без постфикса -ся в контекстах, где он должен быть;
4. В интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, при написании имен существительных используются неправильные уменьшительно-ласкательные суффиксы;
5. Из-за ошибочного определения рода имен существительных в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, используются прилагательные с неправильными окончаниями.

Следует заметить, что исследование специфик словообразования в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, не было проведено с динамической точки зрения из-за ограничения времени сбора языковых материалов и анализа. Перспективы дальнейших исследований представляются в изучении всесторонних аспектов интерязыка и его взаимодействия с родным и изучаемым языками на каждом этапе овладения русским языком китайских учащихся, изучающих русский язык,.

Библиография

1. Ашмарина И. Л. Ошибки китайских и русскоязычных студентов, изучающих английский язык: внутриязыковая гипотеза // Коммуникация в современном поликультурном мире: диалог культур: Сборник научно-практических трудов / Отв. ред. Т. А. Барановская. – М.: Pearson, 2014. – Том. Выпуск 2. – С. 483-493.
2. Багдуева А. В. Нарушение морфемного состава слов в китайской речи русскоговорящих студентов // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – Челябинск, 2020. – Т. 17. № 4. – С. 61-66.
3. Жигалова М. П. Саморазвитие читателя в современном мультикультурном пространстве // Образование и саморазвитие. – Казань, 2014. – № 2 (40). – С. 221-225.
4. Заманстанчук Д. Э. Понятие лингвистической ошибки в современной научной парадигме // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2017. –

- № 5-2 (71). – С. 76-79.
5. Лосева Н. В., Александровская Е. Б. Мультилингвизм и интерязык в зеркале интроспекции // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2022. – № 2. – С. 13-21.
 6. Перехвальская Е. В. Русско-китайский пиджин и русский «интерязык» // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований – Санкт-Петербург, 2013. – Т. 9. № 3. – С. 331-345.
 7. Полунина Л. Н. Теория интерязыка с позиций современной лингводидактики // Актуальные проблемы современного образования: опыт и инновации (материалы всероссийской научно-практической конференции с дистанционным и международным участием). – Ульяновск, 2019. – С. 415-420.
 8. Рогозная Н. Н. Новое в лингвистике: к теории интерязыка // Вестник Бурятского Государственного Университета. – Улан-Удэ, 2009. – № 10. – С. 78-82.
 9. Рогозная Н. Н. Описание корпуса интерязыка // Мир русского слова. – Санкт-Петербург, 2012. – № 3. – С. 7-11.
 10. Рогозная Н. Н. Языковые контакты: Билингвизм. Интерязык. Интерференция: монография. – Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2022. – 200 с.
 11. Сухотина И. Ю. Исследование влияния интерязыка при обучении немецкому языку как второму иностранному // Научно-методический электронный журнал Концепт. – Киров, 2018. – № V10. – С. 8-12.
 12. Цылина М. Н. Interlanguage transcends second language acquisition // Профессиональное лингвообразование. – Нижний Новгород, 2015. – С. 116-129.
 13. Чжэн Ц. М., Шакlein В. М. Особенности словосочетаний в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык // Litera. – Нижний Новгород, 2023. – № 2. – С. 44-53.
 14. Шакlein В. М., Чжэн Ц. М., Интерязык: в поисках уточнения термина. – Екатеринбург: Международный научно-исследовательский журнал, 2017. – № 5 (59) Часть 1. – С. 170-175.
 15. Яхонтов С. Е. Типология мофемы // Морфема и проблемы типологии: сб. ст. / отв. ред. И. Ф. Вардуль. – М., 1991. – С. 86-107.
 16. Rogoznaya N. Sue Li Interlanguage: types, stages, causes // Russian Journal of bilingualism studies. – Москва, 2022. – № 2. – С. 43-49.
 17. Selinker L. Interlanguage, IRAL. International Review of Applied Linguistics in Language Teaching, 10 (1-4), 1972. – Р. 209-232.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Изучение альтернативных форм языка последнее время все чаще встречается в научной критике. Актуальность рецензируемого исследования обусловлена тесными экономическими, политическими, культурными отношениями между Россией и Китаем. Как верно отмечается в начале сочинения, «в процессе овладения вторым языком обучающиеся строят свою собственную языковую систему, а именно интерязык. Большинство исследований, специализирующихся на теме интерязыка, сосредоточено на фонетических и синтаксических аспектах, меньше внимания уделяется лексическому аспекту интерязыка китайских учащихся, изучающих русский язык». Следовательно,

изучение специфик словообразования в интерязыке китайских учащихся представляется важным и актуальным. Работа достаточно интересна, концепция исследования понятна и доступна даже для неподготовленного читателя. На мой взгляд, дифференциация текста на смысловые блоки оправдана, это позволяет реципиенту одновременно двигаться вслед за автором. Членование теоретического и практического уровней в работе соразмерно, таким образом, складывается / мотивируется прагматическая новизна данного труда. Цитации выверены, необходимые параметры учтены: например, «под интерязыком И. Л. Ашмариной понимается, что «интерязык – реструктурируемый континуум промежуточной языковой системы, возникающей у индивида на пути от родного языка к овладению иностранным», или «по мнению Н. Н. Рогозной, интерязык «имеет онтологический статус, сущность естественного языка, системность и структурность, временной фактор коммуникативно ограниченной сферы использования, способной к постоянному расширению. Кроме того, он имеет ограничение слева в виде родного и справа – в виде неродного языка, что ещё раз подчёркивает его промежуточный характер и автономность» и т.д. Методологическая основа труда соотносится с современными наработками, серьезных фактических противоречий не выявлено. Иллюстративный материал подобран вполне интересно, должный комментарий по ходу включении также наличествует: «в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, встречаются такие слова, как «бес опасность», «безспорно», «бесплатный» и др., которые не существуют в русском языке, вместо слов «безопасность», «бессспорно», «бесплатный». Так как в русском языке есть сходства в форме и значении префиксов без- и бес-, например оба префикса без- и бес- передают смысл «нет чего-либо» или «отсутствие чего-либо», китайским учащимся, изучающим русский язык, трудно запомнить разницу между данными префиксами и, соответственно, сложно правильно их использовать», или «в русском языке есть группа имён существительных, которую трудно усвоить китайским учащимся, изучающим русский язык. Данная группа образуется при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов: -ец, -ёшк, -ик, -к, -ошк, -ушк, -ц, -чик, -ышк, -юшк и т. д. Например, пары слов мама – мамочка, кот – котик, лодка – лодочка, чашка – чашечка, яблоко – яблочко, цветок – цветочек и т. д. В китайском языке в основном используется имя прилагательное «小的» (на русском языке «маленький»), чтобы выразить уменьшительно-ласкательное отношение к кому-то или чему-то. Например, 猫 - 小猫 (кот – котик), 船 - 小船 (лодка – лодочка)» и т.д. Автор сводит наработанный блок данных в табличный вид, именно такой вариант воспринимается быстрее и эффективнее. Считаю, что цель исследования достигнута, задачи решены; текст не нуждается в расширении и дополнении. Заключение содержит помимо фактической номинации итогов и некую перспективу изучения проблемы: «следует заметить, что исследование специфик словообразования в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык, не было проведено с динамической точки зрения из-за ограничения времени сбора языковых материалов и анализа. Перспективы дальнейших исследований представляются в изучении всесторонних аспектов интерязыка и его взаимодействия с родным и изучаемым языками на каждом этапе овладения русским языком китайских учащихся, изучающих русский язык». Список источников используется в основном массиве полновесно; материал может быть использован при изучении дисциплин лингвистического характера. Рекомендую статью «Специфики словообразования в интерязыке китайских учащихся, изучающих русский язык» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Цзя Ц. — Национальные и культурные особенности употребления фразеологизмов в китайском и русском языке // Litera. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.3.40037 EDN: ATHBVA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40037

Национальные и культурные особенности употребления фразеологизмов в китайском и русском языке

Цзя Цюньвэнь

аспирант, Российской университет дружбы народов

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 596222102@mail.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.3.40037

EDN:

ATHBVA

Дата направления статьи в редакцию:

18-03-2023

Дата публикации:

25-03-2023

Аннотация: Идиомы составляют суть языка любого народа и имеют отличительный важный национальный характер. Идиома — это часто употребляемая фраза, которая играет важную роль в повседневном общении. Различия в структуре, метафорическом использовании, происхождении прецедентных фраз раскрывают индивидуальность двух языков и культур. В статье проводится сравнительный анализ употребления идиом в русском и китайском языке. Хотя современная лексика - часть языка, которая сильно развила и изменилась, это не значит, что все ее законы находятся в состоянии текучести существует два вида лексических законов - статические и динамические. Цель исследования - провести анализ русских и китайских фразеологизмов. Предмет исследования - национально-культурные особенности употребления фразеологизмов. Методы исследования - анализ научных источников по теме исследования. Результаты работы. В русском языке идиоматические единицы называют "солью жизни" и "плодом исторической мудрости". В этой статье мы сначала попытаемся обсудить лексические особенности современного языка, чтобы пролить свет на эту тему. Итоги исследования могут быть применены в дальнейшем сравнении фразеологических единиц двух стран.

Новизна исследования обусловлена недостаточной научной проработкой вопроса. Все это актуализирует выбранную тему нашего исследования.

Ключевые слова:

Национальные особенности, культурные особенности, лексические особенности, культура, бегство, русская идиома, лексика, языки, Россия, Китай

Сравнение - важный способ понимания объективного мира. Сопоставимость двух языков основана на общности. Существует согласованность законов человеческого мышления, которая определяется общностью физиологических механизмов человека и однородностью нашего жизненного пространства. Общность языков проявляется как в форме и функциях человеческих языков, так и в их общей когнитивной рациональности. Различия в языке определяются различиями в культуре каждого народа. Язык является носителем национальной культуры и развивается в соответствии с развитием нации. Однако люди имеют общую когнитивную базу. Различия в когнитивных формах можно проследить через их концептуальные и языковые структуры и найти общие языковые закономерности, лежащие в основе различий^[1]. Идиомы - это простые и лаконичные фразы, которые используются людьми в языке в течение длительного времени, это суть языка нации, кристаллизация мудрости ее народа, обладающая отличительными национальными особенностями, и признаны самой богатой языковой единицей с точки зрения культурного содержания. Сопоставительное исследование лингвистических и культурных аспектов русских и китайских идиом прослеживается например в трудах Байлян Цзин что не только даст нам более глубокое понимание лингвистических характеристик и культурных коннотаций идиоматических единиц в обоих языках, но и позволит нам более четко понять общность и индивидуальность двух языков и культур. Раскрытие различий и сходств между русским и китайским языками и культурами имеет прямые и косвенные последствия для изучения иностранных языков, преподавания иностранных языков, двуязычных словарей, теории перевода и межкультурной коммуникации. Идиомы - это группа фразеологизмов, которые часто используются при употреблении языка и играют важную роль в повседневном общении людей. Мы собрали 530 русских идиом и 250 китайских идиом в большом количестве русских и китайских словарей и трактатов, что показывает, что русские и китайские идиомы являются очень типичной языковой единицей и заслуживают нашего внимания. Многие из этих идиом имеют глубокий культурный подтекст, и если не понимать культурный подтекст, то невозможно понять смысл идиомы, например: валаамова ослица, жрецы Фемиды, 冬烘先生, 高陽公子 и др. Поэтому представляет большой интерес провести сравнительный лингвокультурологический анализ русско-китайских идиом, обозначающих эпитет. Структура русско-китайских идиом вариативна и обычно состоит из двух-пяти слов, например: стреляный воробей (старик мира), рыцарь на час (человек момента, момента величия), волк в овечьей шкуре (зловещий и хитрый лицемер), рыцарь без страха и упрёка (человек, который видит справедливость, человек с высокими моральными качествами). По своей грамматической структуре русские идиомы можно разделить на идиомы, построенные на основе предложений, и фразеологизмы, построенные на основе фраз. Русские фразеологизмы, обозначающие людей, все являются фразеологизмами. В зависимости от сложности структуры русские идиомы можно разделить на простые и составные. В простой фразеологической идиоме есть только одна грамматическая связь, а грамматические связи, составляющие простую фразеологическую идиому, - это в основном связь согласования и связь доминирования, например: важная птица. (люди,

которые не подверглись влиянию города, люди, которые не впали в городские привычки) и т.д. Существуют также параллельные связи, например, гог и магог (ужасные люди; могущественные люди), маг и волшебник (люди большой власти) и т.д. В составных идиомах встречаются две и более грамматические ассоциации, например, отставной козы барабанщик (человек неважный, человек скромного статуса), последняя спица в колеснице (человек неважный) и т.д. Доля русских идиоматических выражений с простыми фразами значительно больше, чем с составными фразами. Структура китайских идиом более фиксированная и однородная, с четырехсимвольным шаблоном (97,2%), например, "праведник, великан с глиняными ногами, хороший учитель и друг, высокопоставленный человек". Лю Цзесю отмечает, что "почти 90% китайских идиом - это четырехсимвольные слова, что тесно связано с правилами построения китайской лексики, правилами тона и традиционной поэтической формой"^[2]. Китайские идиомы, обозначающие людей, в основном состоят из положительных и отрицательных структур, например, "восходящая звезда", "скромный джентльмен", "духи и чудовища", "золотая девочка" и т.д. Как языковая единица, идиома имеет два противоположных аспекта: структуру (форму) и семантику (содержание). В силу общности человеческого мышления и сходства объективных реалий, с которыми приходится сталкиваться, русско-китайские идиомы демонстрируют согласованность в своих семантических характеристиках. Дин Синь и др. отмечают, что "лексическое значение слова состоит из комбинации концептуального значения, конструктивного значения и значения категории, а идиоматическое значение является лишь результатом комбинации концептуального и категориального значений. Концептуальное значение идиомы выражается всеобъемлющим, общим и неразложимым образом составными частями, а категориальное значение идиомы обычно выражается грамматически доминирующей составной частью"^[3]. Помимо концептуального и категориального значения, русско-китайские идиомы также имеют ярко выраженное оценочное значение.

Концептуальное значение русско-китайской идиомы - это человек с определенными характеристиками. Эти характеристики включают различные аспекты внешности, личности, статуса, морального облика, профессии и так далее. Ниже приведены лишь несколько типичных категорий: (1) Русско-китайские идиомы, относящиеся к внешности человека, например, аршин с шапкой (невысокий человек), коломенская верста (очень высокий человек), аршин с шапкой (красивый человек), аршин с шапкой (красивый человек) и т.д. (2) Русские и китайские идиомы, указывающие на характер человека, например, бедовая голова (человек, которого не волнует смерть, человек, который не боится земли), горячая голова (острый человек, жестокий человек), скромный человек, легкомысленный молодой человек и т.д. Русско-китайские идиомы, обозначающие статус человека, например, большая рука (большой человек, сильный человек), птица низкого полёта (маленький человек), сановник, торговец и т.д. Русско-китайские идиомы, обозначающие профессиональные характеристики человека, например, тупейный художник (парикмахер), гороховое пальто (секретный агент), жемчужный садовник, посыльный в зеленом и т.д. В русском языке существует множество идиом, имеющих оценочное значение, причем оценочное значение является компонентом значения идиомы. Семантический характер идиомы в значительной степени зависит от элемента оценки" ^[4]. Подавляющее большинство русско-китайских идиом имеют ярко выраженный оценочный характер в том смысле, что они, как правило, указывают на то, каков человек и какими характеристиками он обладает, а не на то, кем он является. Например: белая ворона (тот, кто отличается, другой), голова садовая (деревянная голова; мараджа), ходячая энциклопедия (живая энциклопедия), ненасытная утроба (горшечник, который не может наполнить свой желудок; ненасытный человек), праздный, красивый, травяной,

двунонгий книжный шкаф, красивая женщина и пр. и т.д. С одной стороны, идиомы всегда были важным риторическим приемом, поскольку они отличаются высокой экспрессивностью и образностью языковых выражений, а с другой стороны, сами идиомы были построены с помощью многих риторических приемов. Обсуждение риторических механизмов в русско-китайских идиомах поможет нам глубже понять внутренние механизмы образования идиом и значение идиом. В силу сходства человеческого мышления и познания, риторические механизмы, используемые для формирования русско-китайских идиом, вероятно, одинаковы.

Причина различных метафорических значений одной и той же онтологии в русско-китайских идиомах заключается в том, что китайские и русские люди, находясь под влиянием разных культур, часто фокусируются на разных чертах и аспектах вещей и извлекают из них разные метафоры, формируя таким образом разные метафоры. В составе русско-китайских идиом все они используют метафоры животных, метафоры растений и метафоры предметов для обозначения людей, что отражает общность когнитивных и мыслительных стилей русского и китайского народов. Это различие частично объясняется культурным фоном двух стран, а частично - различиями в том, как люди воспринимают вещи под влиянием разных культурных фонов, то есть различиями в когнитивных стилях^[5].

Некоторые русские идиомы, обозначающие людей, происходят от исторических аллюзий, которые служат для них прецедентами. Например, казанская сирота (тот, кто притворяется жалким) образована от следующего прецедента: завоевание Казанского ханства Иваном IV в 1552 году. Князья и дворяне страны пытались добиться расположения русского императора, притворяясь жалкими и покорными, чтобы получить прощение, и были названы "казанскими изгоями". Другие подобные идиомы включают: коломенская верста (очень высокий человек), вольный казак. Основными источниками прецедентных фраз в китайских идиомах являются: 1) Буддийские тексты Буддизм - одна из трех основных религий мира, имеющая долгую историю и сильное влияние в Китае. Буддийские тексты являются важным источником прецедентных фраз в китайских идиомах. Например, "король смешанных демонов" считается буддистами повелителем мира демонов, и после того, как буддизм был введен в Китае, люди называли его "королем смешанных демонов", что означает "Позже это слово стало использоваться для обозначения "человека, который приносит серьезные бедствия или причиняет большие неприятности людям"^[6]. Кроме того, в китайском языке есть и другие идиомы, обозначающие людей: 開山祖師, 哄哈二將, 善男信女, 大肚子弥勒佛 и т.д.^[7]. Большая часть прецедентов в китайских идиомах происходит от исторических аллюзий и исторических личностей, большинство из которых зафиксировано в литературе. Например, фраза "дружба Гуань Бао" происходит от прецедента Гуань Чжуна и Бао Шу Я, как записано в "Записях великого историка династии Западная Хань" Сыма Цяня. Название "А Доу, который не мог удержаться" происходит от прецедентного имени "А Доу", которое относится к сыну Лю Бэя в период Троецарствия, который не был предпримчивым и играл только для развлечения. Так люди описывают человека, который никогда не может поддержать свой успех. Другие примеры включают зятя Восточного Беда, первого человека в Зимней Печке и генерала армии, потерпевшего поражение. Некоторые идиомы, используемые для описания людей в китайском языке, также пришли из древней классической китайской литературы. Например, фраза "капля в океане" взята из стихотворения Су Ши "Бывшая фуга Красного утеса" династии Сун, которое гласит: "Капля в океане - это крошечная капля на небе и земле", а фраза "красивая женщина с двумя восьмерками" взята из его стихотворения "Подзаголовок на сиденье Ли Сучжэн

Цзе". В стихотворении "Цветок на сиденье Ли Линь Цзе" поэт говорит: "Прекрасную женщину двадцати восьми лет везут на прекрасном коне, и десять тысяч вин поют в Вэйчэне". "Фраза "самая красивая женщина в мире" взята из произведения Ду Фу "Самая красивая женщина в мире": "Есть в мире красивая женщина, которая живет в пустой долине". Что касается происхождения прецедентных фраз в русских и китайских идиомах, то исторические аллюзии являются важным источником прецедентных фраз как в русских, так и в китайских идиомах^[7]. Из-за различий в религиозных верованиях религиозные прецеденты в русских идиомах в основном заимствованы из христианской Библии, в то время как в китайских идиомах они в основном заимствованы из буддийских текстов. Кроме того, поскольку Россия всегда испытывала влияние иностранных культур, русские идиомы содержат значительное количество прецедентов из иностранных культур, в то время как китайские идиомы содержат прецеденты в основном из китайской культуры. В заключение следует отметить, что структура русских идиом изменчива и разнообразна, обычно состоит из двух-пяти слов, а внутренние грамматические связи представлены в основном единогласием и доминантой. С точки зрения семантических особенностей, русско-китайские идиомы совпадают в своих понятийных, категориальных и оценочных значениях^[8]. С точки зрения риторических механизмов, основными риторическими средствами, используемыми в русско-китайских идиомах, являются метафора, заимствование, местоимение, гипербола и обратная метафора. С культурной точки зрения, русско-китайские идиомы отличаются в плане использования метафоры, на что влияет их соответствующий культурный фон^[9]. Русские идиомы в основном основаны на религиозных текстах, таких как Библия, русская и зарубежная классическая литература, русский фольклор, древнегреческие и римские мифы и исторические аллюзии, в то время как китайские идиомы в основном основаны на буддийских текстах, исторических аллюзиях и китайской классической литературе. В целом, русско-китайские идиомы являются более общими с точки зрения их внутренних языковых механизмов, в то время как они демонстрируют больше различий с точки зрения их языковой оболочки и культуры^[10]. По результатам исследования можно сформулировать ряд выводов. Фразеологизмы двух стран имеют определенные сходства по типологическим признакам и различия на почве национальных признаков и культуры. Для того, чтобы употреблять фразеологизмы правильно, нужно понимать историю, искусство, менталитет страны и народа. Новизна проведенного исследования обусловлена недостатком научных исследований в данной отрасли. Результаты могут найти практическое применение в изучении языка и культуры двух стран.

Библиография

1. В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988 – С. 173–204.
2. Ван М. и др. Фразеологические единицы с компонентом «наименования предметов домашней утвари и ее частей» в русском и китайском языке-этнокультурные соответствия: выпускная бакалаврская работа по направлению подготовки: 45.03.01 Филология-Филология. – 2021, 89 с.
3. Жуй Ч. Х. Фразеологизм как этнокультурный феномен: лингвострановедческий аспект (на материале китайского и русского языков) : дис. – Краснодар : Чжоу Хань Жуй, 2014, с.9-12
4. Лицзюнь Ч. 论对外汉语词汇教学的方法与原则. – 2016
5. Лызлов А.И. Аксиологическая динамика английской фразеологической системы[J]. Докт дис, 2020. С.120-123.

6. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В.Н. Телия. –М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
7. 何元建. 现代汉语生成语法. – BEIJING BOOK CO. INC., 2021.
8. 何自然 et al. 新编语用学概论. – BEIJING BOOK CO. INC., 2021.
9. 刘静静.也谈“语词分立”[J].辞书究, 2011(06):27-34+93. DOI:10.16134/j.cnki.cn31-1997/g2.2011.06.005.
10. 白云, 陈壮. 基于语料库的俄汉“怀疑”语义客体论元对比研究及其翻译 //渭南师范学院学报. – 2017. – Т. 32. – №. 22. – С. 53-57.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Национальные и культурные особенности употребления фразеологизмов в китайском и русском языке», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению китайского языка и культуры в нашей стране. В статье рассматриваются актуальные проблемы лексикологии, через призму фразеологии двух различных культур – русской и китайской, а именно автор рассматривает культурные особенности употребления фразеологизмов. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В ходе исследования было проведено сравнение употребления русских и китайских фразеологизмов с точки зрения отражения национальных и культурных особенностей.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников.

Практическим материалом для исследования послужили 530 русских идиом и 250 китайских идиом. Автор не указывает объем выборки и его принципы, почему столь неравномерный корпус был отобран? Структурно отметим, что в данной работе не в полной мере соблюдены основные каноны научного исследования. Работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, но в нем отсутствует упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, которая не начинается с обзора теоретических источников и научных направлений.

К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования. Заключение в настоящей работе отсутствует по сути своей, так как в заключение должны быть представлены результаты

исследования и его перспективы, а не перечислено то, что сделано. Библиография статьи насчитывает 10 источников, среди которых представлены научные труды как на русском, так и на китайском языках. Большее количество ссылок на ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно бы усилило теоретическую значимость работы.

В ряде случаев нарушены требования ГОСТа к оформлению списка литературы, в части несоблюдения общепринятого алфавитного выстраивания цитируемых трудов (источник 1). Неполная статья с выходными данными у источника 5, возможно опечатка в выходных данных источников 3 и 4. Считаем, что ссылка на бакалаврскую работу является несерьезной для научной статьи.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по лингвострановедению, лексикологии, сравнительному изучению русской и китайской культуры, практике китайского языка, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Национальные и культурные особенности употребления фразеологизмов в китайском и русском языке» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжан Т., Жданова Л.А. — Синтаксема при царе в значении ‘в России до 1917 года’ (по данным Национального корпуса русского языка) // Litera. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.3.40023 EDN: BOFCHX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40023

Синтаксема при царе в значении ‘в России до 1917 года’ (по данным Национального корпуса русского языка)

Чжан Тинтин

кандидат филологических наук

аспирант, кафедра русского языка, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

119991, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 51

✉ tt0608@mail.ru

Жданова Лариса Александровна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русского языка, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

119991, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ zhda@yandex.ru

[Статья из рубрики „“](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.3.40023

EDN:

BOFCHX

Дата направления статьи в редакцию:

21-03-2023

Дата публикации:

28-03-2023

Аннотация: Статья посвящена языковым средствам, при помощи которых носители русского языка структурируют свою историю, членят ее на периоды. К таким средствам относятся, в частности, указания на значимые события (до / после революции) и на характер государственной власти (при царе, при советской власти). Целью статьи является описание семантики, прагматики, синонимических и антонимических связей синтаксемы при царе в темпоральном абсолютивном употреблении (без распространения определением). Такое употребление синтаксемы возникает после 1917 г., до этого синтаксема в темпоральном значении используется только с конкретизирующими

определениями типа при царе Петре I. Материал исследования — контексты, извлеченные из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка [1], вся выборка составляет 964 контекста, в темпоральном абсолютивном употреблении синтаксемы — 368 контекстов. Анализ контекстов с абсолютивным темпоральным употреблением синтаксемы позволяет выделить значение 'в России до 1917 г.' и несколько подтипов (оттенков значения): 'при царской власти' (обозначается широкий временной диапазон с размытой нижней границей), 'в дореволюционный период' (несколько десятилетий, время правления Николая II), 'очень давно'. В статье используются количественный, функционально-семантический, описательный методы, используется метод компонентного анализа, рассматривается динамический аспект (анализируется изменение значения синтаксемы в течение последнего столетия). Так, в большинстве современных употреблений актуализируется смысл 'очень давно', в большинстве контекстов раннего советского периода представлено противопоставление 'прежде' / 'теперь'. Актуальность исследования обусловлена тем, что лексикографические источники не могут объяснить особенности употребления рассматриваемых номинаций, поэтому требуется описание их семантики и pragmatики с лингвокультурологическим комментарием.

Ключевые слова:

обозначения исторических периодов, синтаксема при царе, языковая картина мира, наивная хронология, темпоральная лексика, номинация, коннотации, прагматика, синонимы, динамический аспект

Концептуально-культурологический подход к изучению категории времени является одним из актуальных в современной лингвистике и представлен значительным количеством исследований (подробный обзор см. в [2]). Наиболее значимыми для нашей статьи являются работы Е. С. Яковлевой о моделях времени в русском языке, в частности [3], и исследования группы «Логический анализ языка», представленные в серии сборников, прежде всего в [4]. Фрагмент русской языковой картины мира, который можно назвать «наивной хронологией», имеет ряд расхождений с научной картиной мира (о соотношении понятий «научная картина мира», «языковая картина мира», «наивная картина мира» см. [5]), до сих пор он не являлся предметом специального комплексного описания, хотя отдельные наблюдения содержатся в большом количестве лингвистических работ, например [6],[7],[8], и в других исследованиях, посвященных концептуализации времени в языке, а также и в некоторых исторических трудах, например параграфы «Образы времени» и «Темпоральная картина мира» в [9].

«Наивную хронологию» можно реконструировать по номинациям, при помощи которых носители русского языка структурируют свою историю. К таким номинациям относятся синтагмы с антропонимами и их дериватами (при Петре, в сталинское время и др.), номинации с указанием на характер государственной власти (в царские времена, при царе, в советское время, при большевиках и др.) и другие. Таких номинаций достаточно много, полное их описание выходит за рамки данной статьи, в которой мы сосредоточимся на абсолютивном использовании синтаксемы при царе в значении 'до революции 1917 года'. Синтаксема включает предлог при в темпоральном значении, которое в «Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой представлено так: «4. Указывает на время, обстановку, обстоятельства. При Петре

Первом » [10]. В словарном примере используется определение, выраженное антропонимом и конкретизирующее эпоху: *при Петре I* означает 'в период правления Петра I' и четко определяет временные границы обозначаемого периода. Однако синтаксема *при царе* может употребляться абсолютно — без атрибута-антропонима, и в таком случае обычно реализует значение 'при царской власти' (= 'во время правления российских царей'), то есть обозначает широкий временной диапазон с размытой нижней границей. В данном значении используется также ряд неоднословных номинаций (*в царское время*, *в царской России*, *до революции*, *в дореволюционный период*, *до семнадцатого года* и некоторые другие), которые можно считать синонимами рассматриваемой синтаксемы в ее абсолютно употреблении. Заметим, что слово *революция* представители русской лингвокультуры также часто используют абсолютно (без зависимых слов) для указания на конкретные события отечественной истории, так как по умолчанию понимают, какая именно *революция* имеется в виду (Октябрьская социалистическая 1917 г.).

Указанные способы обозначения периодов российской истории естественны для носителей языка, но не всегда понятны иностранцам. Представленная в толковых и энциклопедических словарях информация не может объяснить особенности употреблений таких номинаций, поэтому требуется описание их семантики и pragmatики с лингвокультурологическим комментарием.

Революция 1917 г., прекратившая существование Российской империи, находившейся под властью императора Николая II, является ключевым событием для российской истории XX века. В марте 1917 г. произошло отречение Николая II от власти, которая перешла к Временному правительству, а затем в результате Октябрьской социалистической революции на основной части территории бывшей империи постепенно установилась власть Советов, и в 1922 году был образован Союз Советских Социалистических Республик, который распался в 1991 г. Роль революции 1917 г. является ключевой и для «наивной хронологии», что зафиксировано во внутренней форме частотных номинаций с прилагательными *дореволюционный*, *послереволюционный*, *в синтаксемах до / после семнадцатого года* и некоторых других. Однако в «наивной хронологии», реконструируемой по данным языка, есть некоторые расхождения с исторической периодизацией. Так, номинации с указанием на характер государственной власти делят XX век на три основных периода: *царская Россия* (она же *дореволюционная Россия*), *советская эпоха* и *постсоветская эпоха*. Таким образом, часть событий реальной истории как бы «выпадает» из этой системы номинаций. Так, в ней не отражен период власти Временного правительства: в 1917 г. в России случились две революции, и именно февральская привела к отречению императора в марте 1917 г, однако для носителей языка прилагательные *дореволюционный* и *послереволюционный* соотносятся не с ней, а с социалистической Октябрьской революцией. Период между ней и образованием Советского Союза для современного носителя языка также не вычленяется, и номинация *досоветский* (период) может употребляться как синонимичное *дореволюционный* (период). При необходимости обозначить промежуток 1917-1922 гг. могут быть использованы выражения *первые годы после революции* или *послереволюционный* (период). Таким образом, для современной «наивной» картины мира характерно укрупнение масштаба, при котором некоторые события и периоды вековой давности перестают различаться, не вычленяются в номинациях, и синтаксема *при царе* становится синонимичной не только синтаксеме *до революции*, но и *до советской власти* и противопоставлена синтаксеме *в советское время*.

Синтаксема *при царе* представлена в 964 контекстах основного подкорпуса

Национального корпуса русского языка [1], однако далеко не все употребления являются абсолютными и не во всех случаях имеют темпоральное значение. Есть синтаксема-омоним со значением 'рядом, вблизи, в присутствии' (*Никто не пьет, командр один пьет — прямо при царе* [1: 1972]), однако она составляет не более 7% словоупотреблений. В остальных контекстах реализуется темпоральное значение синтаксемы, которая может быть распространена атрибутом или употребляться абсолютно. В первом случае атрибут чаще всего представляет собой антропоним, а вся коллокация имеет значение 'во время правления N' (*при царе Иване Грозном*). Абсолютивное темпоральное употребление синтаксемы появляется только в контекстах после 1917 г. В результате ручной обработки контекстов была снята омонимия и отсечены употребления с атрибутивными антропонимами, соотносящими коллокацию с разными странами и эпохами. В интересующем нас значении синтаксема представлена в 368 контекстах (38% всей выборки), что меньше совокупности употреблений с распространителями, но существенно больше, чем количество контекстов, соотносимых с любым конкретным историческим периодом. Охарактеризуем основные типы употреблений (оттенки рассматриваемого значения).

В контекстах 1918-1930 гг. имплицитно или эксплицитно содержится противопоставление старого и нового политического строя, происходит их оценочное сравнение (*когда лучше было: при царе или теперь* [1:1924]). Эксплицитно противопоставление поддерживается наречиями *тогда*, *прежде*, *раньше* и *теперь*, *сейчас*, прилагательными *старый* и *новый* и т. д.: ...что бывало *при старом режиме, при царе* и *при буржуях*, и что — *теперь* [1: 1922]; *Говорят, раньше, при царе, никакие острые предметы в тюрьмах не допускались* [1:1937]; *Мне, писателю, было лучше при царе, тогда можно было хоть что-нибудь писать, теперь ничего* [1: 1919]; *при царе сидели, и теперь сидим* [1: 1922]. В этих и многих подобных контекстах можно выделить оттенок значения 'при прежней политической власти'.

Противопоставление *при царе* и *теперь* характерно и для современных употреблений синтаксемы, однако в его основе уже не характер политической власти, а другие признаки: *При царе в Лондоне жили Герцен и Огарев, теперь...наши «новые русские»* [1:2013]. Однако в большинстве современных контекстов также происходит ретроспективное сопоставление жизни *при царе* и *при советской власти*, причем второй период также имеет наименования *при Советах / при коммунистах / при большевиках / после победы Октября*: *Вы родились при царе, а я — при советской власти* [1:2003]; *при царе построили бы церковь, а при Советах — Дворец культуры* [1:1997]; *И при царе, и при коммунистах общество носило сословный характер* [1:1999]; ...ни при царе, ни при большевиках, ни при «управляющей демократии» [1:2003]; *При царе доносы писали реакционные литераторы на прогрессивных, после победы Октября — прогрессивные на реакционных* [1:2014]. В этих и подобных контекстах можно выделить оттенок значения 'в дореволюционный период', при этом обозначаемый период не имеет четкой нижней границы, однако, по-видимому, насчитывает не столетия, а десятилетия, то есть соотносится с концом XIX — началом XX вв. — временем правления Николая II. Таким образом, абсолютивная синтагма может пониматься как редуцированный вариант распространенной синтагмы *при <последнем российском> царе*.

Однако в выборке есть контексты, которые однозначно соотносятся с более широким временным диапазоном и позволяют выделить оттенок значения 'при власти российских царей': *При царе погибли на дуэлях Пушкин и Лермонтов, у нас в 1930 году застрелился В. В. Маяковский* [1: 1994]; *Крепостные при царе были* [1:1994]; *А построен этот храм был хоть и при царе, но ведь не царем, а русскими зодчими и мастерами* [1: 1970] (о

храме Христа Спасителя).

В большинстве современных употреблений синтаксема используется в значении 'очень давно': ...причём началось как минимум при царе [1:2007]; В прошлые далекие годы, еще при царе [1:1993]; Но поставили его еще в незапамятные времена, чуть ли не при царе [1:2012]), часто она сопровождается усилителями: наречиями еще (в 42 случаях), давным-давно , прежде, раньше и подобными: Много-много лет назад, еще при царе, прабабушка училась в гимназии... [1:1990]. Этот оттенок значения поддерживается общеизвестным фразеологизмом при царе Горохе , представленным в 98 контекстах общей выборки (что уступает по частотности только синтаксеме при царе в значении 'до 1917 г.') и менее известным при царе Косаре (7 контекстов). (Об этих фразеологизмах см. [11].) Встречаются и контексты с контаминацией: Как время летит и как же давно это было! Почти при царе Горохе, — вздыхает бабушка. — А царь Горох до революции правил? — интересуется внучка [1:2008].

Обратим внимание на то, что синтаксема при царе практически во всех случаях абсолютного употребления не допускает замены слова царь на император без добавления имени собственного, хотя правители Российской государства от Петра I до Николая II были именно императорами. При указании на дореволюционный период (то есть период до 1917 г.) также не используется прилагательное императорский , вместо него употребляется прилагательное царский : в царской (не императорской) России. Прилагательное царский имеет такие дефиниции: «2. Относящийся к монархии во главе с царем. Царская Россия. Ц. режим » [10]; «Связанный с неограниченной самодержавной формой правления, при которой государственная власть сосредоточена в руках царя, основанный на такой форме правления. Царское правительство. Царское самодержавие. Царский режим » [12]. Синтагмы, обозначающие исторический период до 1917 г., обычно состоят из атрибута царский и субстантивов с общим значением исторического периода *время, времена, эпоха, период, годы* . Мы проанализировали сочетаемость прилагательного с этими субстантивами в основном подкорпусе Национального корпуса русского языка [1]. Всего было проанализировано 411 контекстов с коллокациями, состоящими из прилагательного царский и субстантивов *время* (215), *времена* (145), *период* (5), *эпоха* (46), *годы* (2). В ряде контекстов представлена оппозиция с синтагмами *советские времена / советское время* . Прилагательное царский преимущественно сочетается с лексемами *время* и *времена*, обозначая период до 1917 г., однако нижняя граница периода и коннотации номинаций варьируются, как и в случае с синтаксемой при царе . Учитывая деривационные отношения и возможности перевода на другие языки, можно считать номинации в *царское время / эпоху / период / в царские времена / годы / в царской России* вариантами, а номинации *до революции, до семнадцатого года, в дореволюционную эпоху / время / период / годы* – синонимами номинации при царе.

В результате анализа корпусных данных можно сделать следующие выводы. Один из способов структурировать историческое прошлое – указание на значимые события, которые являются поворотными в истории и становятся точками отсчета для носителей языка. Для российской истории и «наивной хронологии» одна из таких точек отсчета – Октябрьская революция 1917 г., что отражается в устойчивых неоднословных номинациях, находящихся между собой в текстовых парадигматических отношениях: *при царе / до революции / до семнадцатого года* и др. – в синонимических, *при царе / при советской власти* и др. – в антонимических. Синтаксема при царе в абсолютном темпоральном значении появляется, по данным Национального корпуса русского языка, после 1917 г. в значении 'в России до 1917 года', имеет оттенки значения: 'в

дореволюционный период', 'при власти российских царей', 'очень давно' (последний оттенок значения преобладает в современных употреблениях). Можно предположить, что использование слова царь в синтаксеме с темпоральным значением является одним из факторов, определяющих сохранение слова в активном словарном запасе современных носителей языка. Изучение и описание данной синтаксемы важно не только в синтаксическом, но и в лингводидактическом аспекте.

Библиография

1. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 20.02.2023).
2. Михеева, Л. Н. Время в русской языковой картине мира: лингвокультурологический аспект. Дисс...доктора филологических наук. М., 2004.
3. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). - М., 1994. – 344 с.
4. Логический анализ языка: язык и время / под ред. Н. Д. Арутюновой. Т. Е. Янко. М., 1997. – 352 с.
5. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003. – 349 с.
6. Руеангдам, А. Атрибутивное сочетание как средство обозначения исторических событий и эпох в русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 4 (46) 2015, часть 1. С. 154-157.
7. Руеангдам, А. Устойчивые атрибутивные сочетания с семантическим компонентом «время» в современном русском языке. Дисс...канд. филол. наук. М., 2018.
8. Нахимова, Е. А. Прецедентное поле "Смутное время" в современных СМИ // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2008. № 60. Вып. 24. С. 118-126.
9. Савельева, И. М., Полетаев, А. В. Знание о прошлом: теория и история. СПб.: Наука, 2003. Т. 2: Образы прошлого. 751 с.
10. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
11. Кузнецов, В. В. «При царе Горохе»: фразеологические сочетания, обозначающие прошлое // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве. Сборник научных трудов. Выпуск 7 (13). Тверь. 2017 - С. 62-69.
12. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. В 4-х томах. 4 изд. М., 1999.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Синтаксема при царе в значении 'в России до 1917 года' (по данным Национального корпуса русского языка)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения к методике проведения статистического исследования корпуса с учетом концептуально-культурологического подхода в языкоznании. Данный период является ключевым для истории новейшего времени, так как ознаменован не только становлением нового общества, но и большими изменениями в языке и литературе. Кроме того, в настоящий период наблюдается повышенный интерес к данному историческому периоду. Отметим, что фрагмент русской языковой картины мира, рассматриваемой автором,

который можно назвать «наивной хронологией», имеет ряд расхождений с научной картиной мира, и по утверждению автора, до сих пор он не являлся предметом специального комплексного описания, хотя отдельные наблюдения содержатся в большом количестве лингвистических работ, посвященных концептуализации времени в языке.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкоznании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: статистический, логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. При знакомстве с текстом возникает вопрос о корпусе исследования, принципах выборки. Данная информация отсутствует в тексте работы. Автор иллюстрирует теоретические положения тестовыми фрагментами на русском языке. Библиография статьи насчитывает 12 источников, среди которых представлены как исключительно работы на русском языке. Считаем, что обращение к работам по смежным тематикам, опубликованные зарубежными лингвистами, обогатило бы исследование и внесло бы альтернативную точку зрения.

В ряде случаев нарушены требования ГОСТа к оформлению списка литературы, в части несоблюдения общепринятого алфавитного выстраивания цитируемых трудов. Источники 2 и 7 имеют не полную библиографическую запись.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по практике русского языка и теории языка. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Синтаксема при царе в значении ‘в России до 1917 года’ (по данным Национального корпуса русского языка)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чэнь Ф. — Реальные географические локусы и их смысл в цикле К. К. Случевского «Мурманские отголоски» // Litera. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.3.39964 EDN: LOITTU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39964

Реальные географические локусы и их смысл в цикле К. К. Случевского «Мурманские отголоски»

Чэнь Фанмин

кандидат филологических наук

аспирант, кафедра истории русской литературы, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119991, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, 918

✉ 17854222348@163.com

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.3.39964

EDN:

LOITTU

Дата направления статьи в редакцию:

13-03-2023

Аннотация: Статья посвящена анализу реальных географических локусов в стихотворном цикле «Мурманские отголоски», написанном поэтом-предсимволистом К. К. Случевским в 1888 году под впечатлением от путешествия по Мурманскому краю. Проведённое исследование с применением исторического, функционального и сравнительного методов позволяет осмысливать характер литературного творчества Случевского и философские идеи, заложенные в его поэзии. Автор статьи особое внимание уделяет изучению пейзажей, которые являются выражением эмоций и личных чувств К. К. Случевского, отражающим концепцию жизни поэта и его философию; рассмотрению такого аспекта темы, как использование Случевским реальных локусов для расширения времени и пространства. Научная новизна заключается в том, что в работе впервые изучено влияние реальных географических локусов на поэзию К. К. Случевского, изображение художественных образов в северной России, жизни и обычаях местных поморов, исследованы изменения перспективы в реальном локусе и расширения времени, выявлена общая «мифологема» пространства реального локуса. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что географический локус позволяет поэту не только передать впечатления об увиденном, но и открыть свою внутреннюю жизнь, а главное — через конкретное и малое воссоздать целостную

картину мироздания.

Ключевые слова:

поэзия, Константин Константинович Случевский, лирический цикл, Мурманские отголоски, реальные географические локусы, море, Мурманск, пространство, время, образы

Константин Случевский (1837-1904) - поэт, писатель, драматург и переводчик второй половины XIX века. В жизни Случевского путешествия сыграли особую роль. В юности он много путешествовал по Европе, а в 1880-1888 годах был зачислен в свиту великого князя Владимира Александровича в качестве прикомандированного хроникера, точнее — летописца его путешествий по северу и северо-западу Европейской части Российской империи. Эта почетная (хотя и несколько тягостная обязанность) дала ему возможность объездить Россию, посмотреть на нее вблизи, ощутить мощь, ширь и многообразие отечества, почувствовать свой «материал». Огромное впечатление произвели на Случевского путешествия летом 1885 года по Русскому Северу — в Архангельск и на Кольский полуостров, а в 1888 году — по Северо-Западу. Его поездки по Мурманскому краю описаны в книге «По северо-западу России». Также он создает свои «северные» прозаические и поэтические циклы — «Мурманские рассказы» и «Мурманские отголоски», посвященные Мурманскому краю и городу Мурманску, расположенному на склонах и берегах фьорда Кольского залива и устьевого входа в Баренцево море. Очевидно, что эти поездки повлияли на его творчество. Отсюда в его произведениях изображение заливов, моря, штормов, церквей, народных обычаяев, которые он видел во время своих путешествий, когда общался с местными жителями.

Почему Случевский назвал цикл именно «Мурманские отголоски»? В своих путевых очерках Случевский так объяснял свой выбор: «Название Мурман, без сомнения, не русское, но какое? Если придерживаться лопарских слов, то будет так: мюр — море, манн — луна, минн — наше, следовательно, — Лунное или Наше море; если придерживаться норвежских, то выйдет немножко иначе: мур — мать, манн — человек, т. е. мать — кормилица человека»[\[7, с. 128\]](#). Так через интерес к этимологии реального географического пространства возникает идея Мурманского моря (хотя официально с 1853 года его переименовали в Баренцево) как кормилицы, источника жизни всего Поморья.

Отметим также, что Случевский предпочёл название «Мурманские отголоски», а не «Воспоминания о Мурманске» или «Пейзажи Мурманска». Е. А. Тахо-Годи в книге «Константин Случевский. Портрет на пушкинском фоне» объясняет психологическую ситуацию, в которой поэт создавал свой цикл следующим образом: «Лишь в четвертой книге стихов 1890 г. стала постепенно спадать эта шелуха безличности. Даже в "Картинках" из "Черноземной полосы" и "Мурманских отголосках", т. е. там, где, казалось бы, и не было особенного простора для проявления собственного "я", оно явственно зазвучало. <...> Это возвращение к себе особенно заметно в циклах "Лирические" и "Мгновения". Наконец-таки стало возможно признаться, что "есть целый мир в груди моей", и этот мир имеет право на внимание, достоин того, чтобы о нем говорить»[\[9, с. 208\]](#). Таким образом, можно констатировать, что поэтический цикл Случевского возникает в период, когда поэт начинает особо пристально вглядываться в свой собственный внутренний мир. Вот почему в этом цикле Случевский не описывает непосредственно

пейзажи, которые он видел: наблюдает, что картины природы, природные символы, содержащиеся в стихотворениях, в действительности являются преломлением, отголоском его внутренних эмоций и раздумий. При написании стихов поэт возвращается к самому себе, а реальный пейзажный локус становится для него лишь отправной точкой. Благодаря этому пейзаж в цикле — это не только реальный образ, но и выражение эмоций и личных чувств, отражающее концепцию жизни автора и его философию. По выражению О. В. Мирошниковой, у К. К. Случевского «лейтмотив, цикл или книга вызваны потребностью создания образа определенного места, часто экзотического, и авторского отношения к нему» [\[4, с. 33\]](#).

Реальные географические локусы выступают в стихотворениях в качестве источника, который помогает передавать эмоциональный настрой. Известно, что локусы также могут выступать в роли метафоры, представляя собой аналогию для реальных или метафизических концепций, то есть локусы взаимодействуют, конфликтуют и борются с другими элементами в рамках общей структуры стихотворения, что дает возможность поэту разрабатывать собственные уникальные темы в рамках такого пространственного моделирования. Например, Кавказ, реальный локус в поэзии А. С. Пушкина, является прекрасным и таинственным местом, символизирующим свободу. По мнению Ф. М. Дзейтовой, «кавказская лирика Пушкина наложила свой отпечаток на всю русскую литературу того времени. Кавказ теперь уже не дикий край, где дикие абреки, а красивое и загадочное место, которое позже воспевается в русской литературе» [\[10\]](#). Всё увиденное Случевским в путешествии нашло отражение в лирике, либо в реалистических описаниях, либо в поэтически романтизированных образах. В лирическом цикле Случевский обращает внимание на пейзаж Мурмана с ярким реальным образом — морем — как на свою уникальную тему, которая существует как базовый образ поэтического цикла; море в стихотворении придаёт поэтическому содержанию особый философский характер. В десяти стихотворениях цикла ландшафт меняется в зависимости от времени, погоды, сезона.

Будто в люльке нас качает.

Ветер свеж. Ни дать ни взять,

Море песню сочиняет —

Слов не может подобрать.

(«Будто в люльке нас качает...») [\[8, с. 124\]](#)

...Хоть бы молниям светиться!

Тьма над морем, тьма!

Вихорь, будто зрячий, мчится —

Он сошел с ума...

Он выводит над волнами,

Из бесчисленных струн,

Гаммы с резкими скачками...

А поет бурун...

(«Хоть бы молниям светиться!..») [\[8, с. 132\]](#).

В поэзии К. К. Случевского реальные локусы расширяют время в стихотворении. Время в искусстве, как заметил Д. С. Лихачёв, — это «объект, субъект и орудие изображения» [\[2\]](#). Например, поэт изображает бесконечность и безграничность времени, используя относительно неизменные пространственные сцены. В стихотворении «Из тяжких недр земли насильственно изъяты...» скалы «Мурмана дальнего» показываются как вечные, высотой «тысячеверстною». Описание «вечно бурною холодною волной» также указывает на неизменность времени, поскольку волны существуют вечно, несмотря на прошедшие события. Кроме того, поэт использует понятие «след пяти веков» для подчёркивания временной длительности истории, прошедшей в городах. Так, через относительно неизменный пространственный пейзаж К. К. Случевский свободно обращается со временем. Реальный географический локус связывает историю и реальность, где природный ландшафт всегда один и тот же, но время находится в состоянии текучести. Ю. М. Лотман предполагает, что поэтический текст — это не простая сумма составляющих его элементов, а «взятый как отдельное, уже законченное и внутренне самостоятельное целое» [\[3\]](#). Использование Случевским реальных локусов в своей поэзии расширяет время и пространства стихотворений. Для Случевского нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего — всё происходит в одно и то же время.

Поэт также обладает талантом создавать абстрактное пространство. Море — это не просто вид в природе, а то, что видят глаза автора и о чём он размышляет. В стихотворении «Хоть бы молниям светиться...» поэт описывает тёмный, хаотичный и динамический морской пейзаж. К. К. Случевский использует метафоры, такие как «вихорь, будто зрячий, мчится» и «гаммы с резкими скачками», чтобы выразить беспорядочность и беспокойный характер сцены. В конечном итоге поэт вынужден расширить реальное пространственное описание до абстрактных образов и метафор, чтобы лучше выразить собственное восприятие и впечатления от сцены. Таким образом, пространство расширяется до абстрактного, помогая поэту передать его восприятие морской картины. Поэт тоже охотно прибегает к олицетворениям при изображении моря: «Море песню сочиняет», «Море — странное созданье», «Диких волн седые орды», «Волны — витязей шеломы» [\[8, с. 124–125\]](#). Такие метафоры и олицетворения придают абстрактным понятиям конкретную и наглядную форму, а конкретное, наоборот, возводит в абстрактное, обобщенное. Благодаря этому поэту, например, удаётся передать контраст между огромным океаном и маленьким человеком:

...Песок не тверд: помор спешит, —

Прилив не ждет! Вдруг набежит...

<...>

Скорей, скорей! Но нет дороги!

Пески сдаются, вязнут ноги,

Пески уходят под ногой...

Всё выше волн гудящих строй!

<...>

Спасенья нет...

(«Здесь, говорят, у них порой...») [\[8, с. 131\]](#).

Г. В. Полякова в научной работе, посвящённой лирико-философскому циклу «Мурманские отголоски», а также очерковой прозе К. К. Случевского, особенностям его творческого мировосприятия, пишет: «В стихотворениях цикла возникает особый образ "неоглядного" пространства и времени: в объятиях вселенского вечного совершается жизнь природы и человека, определяемая поэтом как "летопись страданья" и счастья» [\[6, с. 93\]](#). Необъятность природного мира Случевский соотносит с бесконечным духовным пространством человека. Таким образом, передавая впечатления от поморской природы и обитателей края, он выражает и свою душу. К. К. Случевскому удается показать универсальные законы природы, непостижимые для человека. Всё в природе взаимосвязано, всё имеет с ней прямое родство, всё утверждает вечный порядок жизни — «Здесь вечность, в веянии суровой красоты, / Легла для отдыха и дышит на просторе!» («Когда на краткий срок здесь ясен горизонт...») [\[8, с. 133\]](#).

Мы видим также, что в его поэтическом цикле географическое пространство не безжизненно, оно теснейше сопряжено с жизнью местных уроженцев. Неслучайно в поэтический язык вплетается фольклор народов Севера и его предания. Ю. В. Леготина отмечает, что в цикле имеются фольклорно-мифологические мотивы, обнаруживающие себя в фантастичности и запредельности изображаемого пространства, еще не освоенного человеком [\[1\]](#). Случевский изображает культурное и цивилизационное пространство местного населения в более широком контексте реальной географии ветра и моря, в стихах описывает жизнь и тяжёлый труд местных поморов: «И, между камнями, помор / Идет открытыми песками <...> Песок не тверд; помор спешит, — / Прилив не ждет! Вдруг набежит <...> Всё море лезет на подъем! / Спасенья нет... Блуждает око... <...> Помор цепляется руками, / И он не мёртв ещё, он жив...». В книге «Поездки по Северу России» Случевский дает характеристику местных женщин: «В Кеми встретились мы, таким образом, в первый раз с типом обычного на нашем Севере в летнюю пору в высшей степени характерного женского города. Весь мужской персонал, способный работать, отправляется в марте или апреле на Мурман, и возвращаются они не ранее сентября или октября. Матери, жены и дочери остаются на местах, что нисколько не мешает им отваживаться в открытое море...» [\[7, с. 41\]](#). Эта деталь жизни и истории местного народа также встречается в его поэтическом цикле. В поэзии Случевского показаны специфические местные этнерелигиозные ритуалы, совершаемые трудолюбивыми местными женщинами в ожидании возвращения мужей при неблагоприятных погодных условиях («И таков у баб зарок: / Ждать мужчин своих на срок, / Почту по морю возить, / Стряпать, ткать и голосить; / Если в море гул и стон — / Ставить свечи у икон, / И заклятьем вещих слов / Укрощать полёт ветров»). Как отмечает М. В. Наумлюк, «человек, живущий на Севере, — часть общей мифологемы пространства. Первоначально, следуя традиции демократической литературы в изображении русского народа, поэт выбирает сочuvственные интонации, рассказывая о жизни и быте поморов» [\[5, с. 139\]](#).

Именно это позволяет Случевскому в его лирическом цикле «Мурманские отголоски» не просто запечатлеть реальные географические локусы, написать серию обычных пейзажных стихотворений-зарисовок, но создать поистине эпическую картину жизни людей в пространственных границах гор и моря, причем ограниченных временных рамок для этой жизни не существует — она вечна как сами горы и море («Небеса и море — рама, / Та же все, из года в год») [\[8, с. 128\]](#). Недаром в цикле многократно упоминается вечность и производные от этого слова: «Грань вековечных снегов», «Над вечно бурною

холодною волной», «Здесь вечность в веяныи суповой красоты»^[8, с. 132]. Живое море постоянно смывает следы прошлого, неустанно обновляет и подправляет жизнь. Время в этом «географическом локусе» неизменно, даже если все вокруг человека постоянно меняется. Импрессионистичные, сиюминутные впечатления растворяются в вечности, символами которой оказываются вечные горы и море Мурмана. И в такой трансформации реальных географических локусов заключается особенность философски ориентированного поэтического мышления Случевского. Вот почему, анализируя цикл Случевского, правильнее говорить не о соотношении отдельных поэтических образов и изображении тех или иных реальных географических локусов, но о мироощущении, переданном через образы, сплавленные в единое целое. Таким образом, локус природного пространства позволяет поэту не только передать впечатления об увиденном и рассказать о пережитом, но и открыть свою внутреннюю жизнь, а главное – через конкретное и малое воссоздать целостную картину мироздания.

Библиография

1. Леготина Ю. В. Образы севера и зимы в лирике К.К. Случевского [Электронный ресурс] / электронная библиотека публикации о музее-заповеднике «Кижи». URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabininskie-chteniya-2015/1612.html>
2. Лихачёв Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Издательство «художественная литература», 1979. 209 с.
3. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста.-СПб. Издательство «Просвещение», 1972. 6 с.
4. Мирошникова О. В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектоника и жанровая динамика : специальность 10.01.01 "Русская литература" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Мирошникова Ольга Васильевна. – Омск, 2004. 33 с.
5. Наумлюк М. В. Семантика пространства Кольского Севера в стихотворном цикле К. Случевского «Мурманские отголоски» / М. В. Наумлюк // VIII Масловские чтения : сборник научных статей : [в 2 частях] / Мурм. гос. пед. ун-т [и др.]. – Мурманск : МГПУ, 2010. – Ч. 1. С. 136–141.
6. Полякова Г. В. Поморье и поморы в творческом восприятии К. К. Случевского (стихотворный цикл «Мурманские отголоски», очерки «По северу России» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. [Серия «Гуманитарные и социальные науки】]. 2010. № 2. С. 92–96.
7. Случевский К. К. Поездки по Северу России в 1885–1886 годах. М.: ОГИ, 2009. С. 41–128.
8. Случевский К. К. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост. и примеч. Е. А. Тахо-Годи. СПб.: Академический проект, 2004. С. 124–133.
9. Тахо-Годи Е. А. Константин Случевский. Портрет на пушкинском фоне. СПб.: Алетейя, 2000. 208 с.
10. Дзейтова Ф. М. Тема Кавказа в творчестве А.С. Пушкина / Ф. М. Дзейтова, Р. К. Ужахова // Вестник науки. – 2019. – Т. 3, № 1(10). С. 96-99.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Творчество К.К. Случевского, к сожалению, нечасто становится предметом научного изучения и, хотя заслуживает глубокого монографического исследования, упоминается чаще в обзорах основных тенденций развития русской лирики второй половины XIX века. Между тем отдельные аспекты лирического стиля поэта и своеобразие его литературной критики все же получили освещение в трудах Е.А. Тахо-Годи, А.Ю. Ипполитовой, В.Г. Гавриловой, Е.Г. Домогацкой, С.Л. Слободнюка и др. Свою лепту в изучение творчества К.К. Случевского вносит и автор статьи «Реальные географические локусы и их смысл в цикле К. К. Случевского «Мурманские отголоски»». Он нашел свой ракурс исследования лирики поэта, показал, как он воспринимает реальное географическое пространство и отражает его в лирическом произведении. Второй значимый момент – в центре внимания автора статьи цикл «Мурманские отголоски»; анализ мотивов, скрепляющих ряд произведений в художественное единство, позволяет прояснить принципы циклизации в творчестве Случевского, что важно, так как тенденция к созданию циклов типична для той эпохи.

Актуальность статьи обусловлена еще и тем, что в ней речь идет о локальных текстах русской литературы. Данная проблема в настоящее время активно разрабатывается на материале творчества разных авторов: изучается механизм их порождения, выявляются основные маркеры конкретных локальных текстов, их мотивная структура. Анализ цикла «Мурманские отголоски» с точки зрения отражения в нем конкретных географических и этнографических реалий позволяет осветить один из этапов в создании мурманского текста в русской литературе, а также проясняет некоторые особенности поэтики К. Случевского. В статье раскрыта реально-биографическая основа создания цикла, прокомментировано его название, для чего привлекаются этимологические сведения, рассмотрены пространственные образы, показана специфика времени.

Статья представляет собой целостное завершенное исследование, в котором представлен интересный анализ цикла Случевского «Мурманские отголоски». В ней удачно сочетаются биографический, историко-культурный, структурный методы исследования.

Вывод, к которому приходит автор статьи: «Случевскому в его лирическом цикле «Мурманские отголоски» не просто запечатлеть реальные географические локусы, написать серию обычных пейзажных стихотворений-зарисовок, но создать поистине эпическую картину жизни людей в пространственных границах гор и моря, причем ограниченных временных рамок для этой жизни не существует – она вечна как сами горы и море,» – обоснован и мотивирован. Он естественно вытекает из всего хода рассуждений, логически обобщает и завершает их.

В статье выдержан научный стиль. Она информативна, будет интересна не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

Таким образом, статья «Реальные географические локусы и их смысл в цикле К. К. Случевского «Мурманские отголоски»» рекомендуется к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Захарова Е.М. — Философский аспект книги литературно-критических статей как структурно-семантического единства // Litera. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.3.37823 EDN: KFQLLK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37823

Философский аспект книги литературно-критических статей как структурно-семантического единства

Захарова Елизавета Михайловна

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2087-6072>

кандидат филологических наук

научный сотрудник, Институт мировой литературы имени Максима Горького

121069, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Поварская, 25 а

✉ Elizakharova2019@gmail.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.3.37823

EDN:

KFQLLK

Дата направления статьи в редакцию:

08-04-2022

Аннотация: Центром внимания настоящего исследования является книга литературно-критических статей как «большая форма», феномен такой особой и развивающейся отрасли современной науки о литературе как цикловедение. В качестве главных объектов выступают авторизованные сборники статей, написанные в период с 1986 по 1989 гг., когда возрождалась литературная критика философского направления. В качестве материала исследования выбраны издания: «По живому следу. Духовные искания русской классики» И.И. Виноградова, «Художник в поисках истины» И.Б. Роднянской и «Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков» М.Н. Эпштейна. Цель данной работы – выявить и проанализировать принципы, благодаря которым становится возможным говорить о философичности книг, впервые ставших объектом сопоставительного анализа. Отличительной чертой рассмотренных в данной статье книг периода 1986–1989 гг. в семантическом плане стали обусловленный эпохой «Эзопов язык», косвенные и прямые отсылки к текстам Священного Писания, концентрация на вопросах, связанных с проблемами русской классической литературы для решения задач духовно-нравственного порядка. В целом можно говорить о каждой из рассмотренных книг как о сознательной попытке автора предложить собственный взгляд как на проблемы, актуальные для текущего состояния литературы, так и на

вопросы, имеющие общечеловеческую значимость с опорой на философские концепции и специальные мировоззренческие установки.

Ключевые слова:

литературная критика, философское направление, цикловедение, Виноградов, Роднянская, Эпштейн, книга, сборник статей, философичность, структурно-семантическое единство

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта №17-18-01432-П

Истоки феномена циклизации

Расцвет авторских и коллективных сборников критических статей, так же как и поэтических книг, пришелся на рубеж XIX-XX вв.. Важно отметить, что авторы, как правило, выступали одновременно в обоих жанрах. Книгообразовательная тенденция была обусловлена, с одной стороны, внешними литературными факторами, а с другой, закономерностями поэтики, которыми обладает данная форма. К внутрилитературным факторам, повлиявшим на увеличение числа сборников критических текстов, исследователи относят в первую очередь преимущественно особенности поэтики, вбирающие в себя закономерности расположения литературно-критических высказываний. В совокупности с общностью со стороны идейного наполнения это стало фактором их сближения на формальном уровне.

Можно предположить, что данный тезис распространяется на жанр литературно-критических сборников в целом. Книги критических статей конца XIX – начала XX вв. пронизывала внутренняя логика, возникавшая не в последнюю очередь благодаря предисловиям, где решающим голосом обладала «авторская установка на восприятие внутреннего единства статей» [5, с. 423]. А.А. Белобородова утверждает, что в Серебряном веке книга стихов предстает художественным целым благодаря желанию авторов «воссоздать различные модели многогранного целого – единства мира» [1, с. 15]. В большинстве случаев публикациям критических статей в составе книг предшествовали их первоначальное появление в журнальных рубриках, а затем авторская и редакторская обработка для переиздания под одной обложкой. И поэтому обнаружение онтологии возможно лишь при реконструкции целостности книги посредством внимания к ее поэтике. Цель настоящей работы заключается в изучении книги литературно-критических статей в философском аспекте и описании ее теоретической модели на материале работ И.И. Виноградова, И.Б. Роднянской, М.Н. Эпштейна.

Книга литературно-критических статей во второй половине XX века

После эпохи рубежа XIX-XX веков повышенное внимание к жанру книги наблюдалось в период 60-80х годов XX века. С.И. Чупринин обосновывает усиление персонализации и писательско-художественного направления в литературной критике, а также приобретение ее главными действующими лицами особенного статуса в общественной и культурной жизни страны. Именно в это время наблюдался «расцвет авторских индивидуальностей», нередко соперничавших с писателями: «критик заботился о передаче собственного [духовного, литературного, гражданского опыта], насыщая свои работы исповедальными, автобиографическими мотивами, подчеркивая глубоко личный,

частный характер своих суждений и оценок» [16, с. 7, 21, 24]. Сама жанровая форма стала объектом пристального внимания со стороны практиков и теоретиков литературы. В монографии Б. Менцель утверждается: «В советские времена, помимо ежемесячных журналов и некоторых еженедельных газет, особенно «Литературной газеты», важнейшим видом публикации была книга. В этом смысле книга в России стояла по сравнению с Западом необычайно высоко. У всякого мало-мальски уважаемого критика за годы профессиональной деятельности обычно был напечатан целый ряд книг. До перестройки в списках публикаций известных критиков насчитывалось не менее десятка книг. Литературная критика в форме книги – это сборники прежде опубликованных статей и монографические исследования творчества отдельных авторов или – правда, гораздо реже, – проблем литературы. Несмотря на актуальность авторских подходов монографии обычно претендовали на научность и были по большей части выражением институционального сращения литературы, критики и литературоведения» [10, с. 129–130]. В другой части исследования указывается на усиление синкретизма в литературной критике в период распада СССР. К такому утверждению подталкивает, с одной стороны, тенденция, при которой стираются границы между критикой, наукой и литературным творчеством, а с другой, наблюдается более явное обращение представителей разных поколений к традициям Серебряного века в критике.

В представленной ниже таблице содержится классификация и некоторый перечень книг и сборников литературно-критический статей, опубликованных с 1986 по 1989 гг., представителями всех поколений:

Театральная критика и кинокритика	<p>1) Аннинский Л.А. Билет в рай: Размышления у театральных подъездов. М.: Искусство, 1989. 192 с.</p> <p>2) Бондаренко В.Г. Непричесанные мысли. М.: Современник, 1989. 222 с.</p> <p>3) Рассадин Ст. Об экранизации отечественной классики. М.: Всесоюз. творч.-произв. об-ние "Киноцентр", 1989. 125 с.</p>
Книги литературных критиков, осмысляющих феномен русской классической литературы	<p>1) Боровиков С.Г. Разумная душа: Лит.-крит.статьи. Саратов: Приволж. кн. изд-во,. 1988. 253 с.</p> <p>2) Виноградов И.И. По живому следу: Духовные искания русской классики: Литературно-критические статьи. М.: Советский писатель. 1987. 384 с.</p> <p>3) Горелов П.Г. Кремнистый путь. Книга литературно-критических статей. М.: Молодая гвардия, 1989. 253 с.</p> <p>4) Гусев В.И. Художественное и нравственное. М.: Худож. лит., 1988. 365 с.</p> <p>5) Золотуский И.П. Исповедь Зоила: Статьи, исследования, памфлеты. М.: Советская Россия, 1989. 507 с.; Крушение абстракций. М.: Современник, 1989. 205 с.; Поэзия прозы: Статьи о Гоголе. М.: Советский писатель, 1987. 238 с.; Трепет сердца. М., 1986; М.: Современник, 1986.</p>

	<p>540 с.</p> <p>6) Кедров К.А. Поэтический космос. С полемическими заметками Георгия Куницына. М.: Сов. писатель, 1989. 478 с.</p> <p>7) Кузнецов Ф.Ф. Из жизни – в жизнь: Литературно-критические статьи. М.: Современник, 1987. 509 с.</p> <p>8) Лакшин В.Я. Пять великих имен: статьи, исследования, эссе. М.: Современник, 1988. 458 с.</p> <p>9) Ломинадзе С.В. О классиках и современниках. М.: Современник, 1989. 365 с.</p> <p>10) Пискунов В.М. До самой сути. М.: Современник, 1987. 254 с.</p> <p>11) Рассадин Ст. Спутники: Очерки. М.: Сов. писатель, 1983. 312 с.</p> <p>12) Роднянская И.Б. Художник в поисках истины. М.: Современник, 1989. 384 с.</p> <p>13) Сарнов Б.М. Бремя таланта. Портреты и памфлеты. М.: Советский писатель, 1987. 382 с.</p> <p>14) Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX – XX веков. М.: Сов. писатель, 1988. 416 с.</p>
Книги, посвященные литературному процессу 1970-80х годов	<p>1) Аннинский Л.А. Локти и крылья. М.: Советский писатель, 1989. 315 с.</p> <p>2) Бочаров А.Г. Чем жива литература? Современность литературного процесса. М.: Сов. писатель. 1986. 397 с.; Литература и время. Из творческого опыта прозы 60-80-х гг. М.: Худож. литература, 1988. 383 с.</p> <p>3) Дедков И.А. Живое лицо времени: Очерки прозы семидесятых – восьмидесятых. М.: Советский писатель, 1986. 389 с.</p> <p>4) Дедков И. А. Обновленное зрение: Из шестидесятых – в восьмидесятые. М.: Искусство, 1988. 315 с.</p> <p>5) Ерофеев В.В. Тело Анны, или конец русского авангарда. М.: Моск. рабочий, 1989. 59 с.</p> <p>6) Иванова Н.Б. Точка зрения: О прозе последних лет (Трифонов, Айтматов, Астафьев, Быков, Искандер, Битов, Распутин, Маканин). М.: Советский писатель, 1988. 420 с.</p>

	<p>7) Лавлинский Л.И. Мета времени. Мера вечности. М.: Художественная литература, 1986. 269 с.</p> <p>8) Латынина А.Н. Знаки времени. Заметки о литературном процессе 1970-80-е годы. М.: Советский писатель, 1987. 366 с.</p> <p>9) Сидоров Е.Ю. Мысли в дороге. Тбилиси: Мерани, 1986. 192 с.</p> <p>10) Чупринин С.И. Настающее настоящее: Три взгляда на современную литературную смуту. М.: Современник, 1989. 159 с.</p>
Сборники литературно-критических статей	<p>1) Байгушев А.И. Точка зрения: Книга о вкусах времени. Москва: Современник, 1979. 431 с.</p> <p>2) Бондаренко В.Г. Позиция. М.: Мол. Гвардия, 1989. 108 с.</p> <p>3) Гусев В.И. Неожиданность очевидного. Дневник современного литератора. М.: Советский писатель, 1988. 382 с.</p> <p>4) Кардин Э.В. Легенды и факты. Литературная критика. Литературная полемика. М.: Правда. 1989. 46 с.</p> <p>5) Куняев С.Ю. Огонь, мерцающий в сосуде. М.: Современник, 1986. 301 с.</p> <p>6) Лобанов М.П. Страницы памятного. Литературно-критические статьи. М.: Современник, 1988. 331 с.</p> <p>7) Новиков Вл.И. Диалог. М.: Современник. 1986. 269 с.</p> <p>8) Рассадин Ст. Предположения о поэзии. Из опыта читателя стихов. М.: Сов. писатель, 1988. 333 с.</p> <p>9) Сарнов Б.М. Бремя таланта. Портреты и памфлеты. М.: Советский писатель, 1987. 382 с.</p> <p>10) Сарнов Б.М. Кому улыбался Блок: Полемич. заметки. М.: Правда, 1988. 47 с.</p> <p>11) Сидоров Е.Ю. Течение стихотворных дней. Статьи. Портреты. Полемика. М.: Сов. писатель, 1988. 283 с.</p> <p>12) Турков А.М. Неоконченные споры. М.: Правда, 1989. 45 с.</p> <p>13) Чупринин С.И. Критика – это критики. Проблемы и портреты. М.: Сов. писатель, 1988. 313 с.</p>
Монографии,	1) Аннинский Л.А., Цейтлин Е. Л. Вехи памяти. О

методологически стилистически границающие литературоведением	<p>и в книгах Н.А. Островского «Как закалялась сталь» и Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69». М.: Книга, 1987, с 253 с.</p> <p>2) <i>Барабаш Ю.</i> «Знаю человека...». Григорий Сковорода. Поэзия. Философия. Жизнь. М.: Худож. лит., 1989. 333 с.</p> <p>3) <i>Белая Г.А.</i> Дон Кихоты 20-х годов: "Перевал" и судьба его идей. М.: Сов. писатель, 1989. 395 с.</p> <p>4) <i>Боровиков С.Г.</i> Ясный талант литературно-критический очерк об А.Н. Толстом. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1986. 229 с.</p> <p>5) <i>Вайль П.Л., Генис А.А.</i> 60-е. Мир советского человека. Ann Arbor: Ardis, 1988. 339 с.</p> <p>6) <i>Волгин И.Л.</i> Последний год Достоевского. Исторические записки. М.: Сов. писатель. 1986. 574 с.</p> <p>7) <i>Ерофеев В.В.</i> Тело Анны, или конец русского авангарда. М.: Моск. Рабочий. 1989. 59 с.</p> <p>8) <i>Глушкова Т.М.</i> Традиция и совесть поэзии. М.: Современник. 1987. 411 с.</p> <p>9) <i>Золотусский И.П.</i> Поэзия прозы: Статьи о Гоголе. М.: Советский писатель, 1987. 238 с.</p> <p>10) <i>Ильина Н.И.</i> Дороги и судьбы. М.: Советская Россия, 1988. 590 с.</p> <p>11) <i>Кантор В.К.</i> Борьба идей в русской литературе 40-70-х гг. XIX века. М.: Худ. Литература. 1988. 302 с.</p> <p>12) <i>Латынина А.Н.</i> Всеволод Гаршин. Творчество и судьба. М.: Худож. лит., 1986. 221 с.</p> <p>13) <i>Лобанов М.П.</i> Сергей Тимофеевич Аксаков (Жизнь замечательных людей). М.: Мол. гвардия, 1987. 364 с.</p> <p>14) <i>Марченко А.М.</i> Поэтический мир Есенина. М.: Сов. писатель, 1989. 302 с.</p> <p>15) <i>Новиков Вл., Каверин В.</i> Новое зрение. Книга о Ю. Тынянове. М.: Книга, 1988. 319 с.</p> <p>16) <i>Новиков Вл., Новикова О.В.</i> Каверин. Критические очерки. М.: Сов. писатель, 1986. 284 с.</p> <p>17) <i>Новиков Вл.И.</i> Книга о пародии. М.: Сов.</p>
---	---

	<p>писатель, 1989. 540 с.</p> <p>18) Рассадин Ст.Б. Расплюев и другие: Статьи. М.: Правда, 1988. 46 с.</p> <p>19) Семенова С.Г. Валентин Распутин. М.: Сов. Россия, 1987. 174 с.</p> <p>20) Сидоров Е.Ю. Евгений Евтушенко. Личность и творчество. М.: Худож. лит., 1987. 206 с.</p> <p>21) Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 180 с.</p> <p>22) Шайтанов И.О. Мыслящая муз. «Открытие природы» в поэзии XVIII века. М.: Прометей, 1989. 257 с.</p>
Метакритические работы, осмысливающие различные аспекты феномена критики	<p>1) Андреев Ю.А. Главное звено. М. Современник, 1987, 346 с.</p> <p>2) Белая Г.А. Литература в зеркале критики. М.: Сов. писатель, 1986. 365 с.</p> <p>3) Гусев В.И. Неожиданность очевидного. Дневник современного литератора. М.: Советский писатель, 1988. 382 с.</p> <p>4) Кузнецов Ф.Ф. Размышления о нравственности. М.: Советская Россия, 1988. 446 с.</p> <p>5) Кузнецов Ф.Ф. Родословная нашей идеи. Традиции русских революционных демократов и современность: Монография. М.: Советский писатель, 1986. 558 с.</p> <p>6) Урнов Д.М. Марксистско-ленинские критерии ценности в литературе. М.: Наука, 1986. 317 с.</p>

Явление циклизации в указанный хронологический период получило широкое распространение среди литературных критиков. Однако лишь те сборники, которые не только вобрали в себя тематически близкие работы, но и, с точки зрения авторов, продемонстрировали развитие общего сюжета, можно считать типологически близкими. К жанру литературно-критической книги как структурно-семантического единства, то есть металлитературного текста, позволяющего обнаружить инвариант, кроме того, данную группу приближают авторизация, композиционная выстроенность, концентрация на вопросах взаимовлияния классической и современной литературы, наличие авторских предисловий, имеющих программное значение, как правило, для всей деятельности критика.

Важнейшей чертой обозначенного периода стало изменение литературной критики как института. Начавшиеся в обществе преобразования повлияли на усиление доли политической активности и публицистичности в критике.

Событием стал «фактический отказ государства от агрессивного атеизма. Возрождалась прерванная в 1917 г. православная традиция, восстанавливались разрушенные храмы,

открывались духовные школы, семинарии» [\[10, с. 645\]](#). Вторая половина 1980-х годов была ознаменована вспыхнувшим интересом читателей к литературной критике. Критическая мысль обратила свое внимание на «осмысление открывшихся пластов русской литературы, однако предметом рефлексии стали в первую очередь проблемы социально-политического плана, а не литературно-эстетического», - отмечает М.М. Голубков [\[3, с. 22\]](#).

Существенно, что во всех выбранных для аналитического рассмотрения текстах литературных критиков одним из центральных является сюжет, связанный с литературной классикой, а также ее воздействием на последующий литературный процесс. Как утверждает Биргит Менцель, невозможность открытого философствования и богословия, свойственных в то же время мыслителям русского зарубежья, заменилась построением «религиозно и национально обоснованной концепции литературы и интерпретации творчества канонизированных русских классиков XIX века как утверждение непреходящих этических и эстетических ценностей» [\[10, с. 265\]](#).

Философичность литературной критики

В период 60-80х годов XX века возрождается и постепенно крепнет литературная критика философского направления. Наиболее яркими, но отнюдь не единственными представителями следует считать И.И. Виноградова, И.Б. Роднянскую, М.Н. Эпштейна. Неоднозначность термина «философская критика» заключается, с одной стороны, в размытости понятия «философский» применительно к литературной критике, а с другой стороны, в многозначности термина «направление» [\[15, с. 159-161\]](#). В настоящем исследовании предпочтение отдается термину «метод» в значении «набора приемов». Такое решение позволяет избежать строгой привязанности к определенному календарно-хронологическому периоду в типологии литературной критики. И в этой связи можно предположить, что философская критика как метод вплоть до советского времени в деятельности отдельных персоналий в отечественной традиции не прекращалась. Важно отметить, что в немногочисленных работах по общей теории метода литературной критики принято выделять со времен античности только два подхода: нормативный и принцип анализа «по поводу» [\[13, с. 165-168\]](#). В.Н. Крылов, обозначив такие виды критики, как: филологическая, публицистическая, философская, выделяет ключевые черты последней: «рассмотрение литературного произведения как особого вида философской мысли»; преобладание этики над эстетикой; вера в высокий социальный статус словесности; миссионерство; ярко выраженная нравственная позиция критика; опора на философские и религиозно-философские труды [\[6\]](#).

Следовательно, философская критика по своей природе есть явление синкретического характера, ибо вбирает как эстетический, так и метафизический взгляд на литературное произведение. Однако понятие «философская критика» для целей настоящей работы, сосредотачивающей внимание на конкретных текстах необходимо сузить еще больше. И предпочтительным представляется обращение к религиозно-идеалистической критике. Метакритические высказывания названных критиков, а также их следование в практической деятельности преимущественно за Достоевским и Соловьевым позволяют судить не только о философских основаниях критики, но и о степени приближения именно к данному направлению (Ср.: «Вот подлинная задача искомого Достоевским «слова» – художественного и больше чем художественного: дать зримый образ совершенства, показать безобразную несоизмеримость текущего состояния мира и человека с этим притягательным образом и подвигнуть совесть, очарованную мировым

идеалом красоты, к первому шагу» [2, с. 245]. Критический метод Виноградова и Роднянской теснее смыкается с философским или принципом «по поводу», сущность которого заключается в выходе за пределы рассматриваемого произведения. Во многих статьях анализ заменяется пересказом и фактически художественным переложением произведения: «Может быть, и он [Печорин] тоже, подобно своему создателю или творцу "Мертвых душ", незримо вышагнул уже на просторы нынешних улиц и площадей таким же уверенно смотрящим вперед буревестником и оптимистом, оставив свой мрачный первообраз где-нибудь на таких же задворках полузыбкого прошлого, как и андреевский Гоголь...» [2, с. 10]. Здесь важно и то, как сам Виноградов формулирует сверхзадачу своей работы: критику важно обнаружить в романе XIX века значимый для людей века двадцатого духовном отношении опыт, «глубинное духовное содержание» [2, с. 33], так как это «попытка именно литературно-критического и только литературно-критического прочтения романа в его духовной для нас актуальности» [2, с. 25].

Становлению или, выражаясь точнее, возрождению философского метода литературной критики в период советского времени способствовало идеальное и стилистическое своеобразие отечественной прозы в 1960-80х годах («военная» и «городская» проза, произведения Ю. Трифонова, В. Макарина, В. Распутина, В. Астафьева). Именно в этот период писатели обратили внимание на экзистенциальную и нравственную проблематику. Нравственное содержание художественного произведения стало рассматриваться наравне с поэтикой (Ср.: «Битов решает не художественную, а жизненную задачу: взорвать неразложимое единство, непосредственное смешение себя с миром, испытать и познать "полным сознанием" свою душу как отдельную и особенную, пережить "нелицеприятное противостояние собственному опыту", а затем, если получится, заново открыться бытию – уже с благодарным бескорыстием, чуждым ребяческих иллюзий» [17, с. 99]). В целом методология литературной критики стала обогащаться новыми подходами, а главной целью стало расширение знания о человеческой жизни. Более того, во второй половине XX века более явно проявилась тенденция, согласно которой в тень ушли нормативный метод и социалистический реализм. Можно говорить о воздействии художественного материала на специфику литературно-критической интонации. Сам литературный материал диктовал специфику разговора, а значит, и порождал философскую критику. В противовес официальной критике некоторые авторы стали концентрироваться на исследовании коренных вопросов жизни, решении общечеловеческих проблем.

Литературная критика 1986–1989 гг.: проблема материала

Сопоставление литературно-критических систем И.И. Виноградова, И.Б. Роднянской и М.Н. Эпштейна обнаруживает, что последний из названных авторов в полной мере приближается к собственно философской критике, стремясь к отдельному и самостоятельному направлению. И не последнюю роль в этом аспекте играет тот факт, что не только характеристики исследователей, но и самопрезентация Эпштейна в творческой деятельности прежде всего связаны с философской сферой. В автобиографической книге «Энциклопедия юности» [18, с. 96-97] содержится немало сведений о влиянии, которое Эпштейн испытал в ранние годы. Среди имен, имевших наиболее сильный эффект, называются следующие: А.Г. Битов, О.А. Седакова, М.М. Бахтин, С.С. Аверинцев, Ю.М. Лотман, Г.Д. Гачев, Ф.В. Ницше, О. Шпенглер, Т. Манн, Ф. Кафка, М. Бубер, П. Валери. Р. Барт. Относительно непосредственного философского воздействия автор отмечает: «Сильнейшим было влияние гуссерлевской феноменологии, кьеркегоровского и сартровского экзистенциализма и маркузианской "новой левой"

контркультуры» [\[18, с. 96-97\]](#); «Откровением стали Р.М. Рильке и “Логико-философский трактат” Л. Витгенштейна»; «Из отечественных мыслителей – Вл. Соловьев и Н. Бердяев, в меньшей степени Л. Шестов, В. Розанов, П. Флоренский» [\[18, с. 97\]](#).

Метод разговора Эпштейна о литературе и проблемах гуманитарной отрасли значительно отличается от подходов Роднянской и Виноградова. В литературной критике Виноградова анализ художественного текста являлся первичной задачей, о чем косвенно свидетельствует многолетняя практика критика в жанре рецензии (в то время как Эпштейн никогда не писал отзывы о конкретных произведениях). В других форматах журнальных текстов Виноградов также рассматривал произведения преимущественно с традиционной для литературной критики эстетической стороны. Философия в качестве предустановленного и заданного комплекса этических и эстетических представлений не становилась намеренно обозначенной целью. И поэтому наличие строгой системы взглядов автора реконструируется исключительно в результате последовательного освоения совокупности критических текстов.

Своеобразие литературно-критического подхода Роднянской в свою очередь также определяется скрытым наличием сугубо философских взглядов и представлений. Автор, по собственному признанию наследующий принципы метода В.Г. Белинского и профессионально занимающийся историей западной философской мысли, в собственных трудах синтезирует обе линии. И это проявляется, прежде всего, в том, что для критика, подчеркивающего свою преимущественную связь именно с этим видом аналитической и творческой деятельности, литература оказывается таким пространством, через которое выявляются актуальные вопросы, связанные с человеком и его местом в мире. (См., напр., рассуждения о традиции: «Традиции возникают не потому, что так задумано предками, а потому, что так выбирают потомки» «своеобразие нашего времени состоит в том, что оно обнаружило в себе способность создавать все новые и новые традиции – творить, воспринимая» [\[17, с. 118\]](#)). Но в то же время в отношении Роднянской нельзя категорично утверждать наличие самостоятельной философской системы, ибо своеобразие ее метода при рассуждении о художественных произведениях заключается в том, что на критерии оценки в немалой степени воздействует следование за базовыми положениями, определяющими философскую матрицу В.С. Соловьева.

Итак, для Виноградова и Роднянской философичность создаваемых ими литературно-критических систем следует рассматривать как неизбежное следствие изначально выбранного способа рассуждения о литературе. Другими словами, если для авторов, чья деятельность началась в 1950-60-е годы, философия в создаваемых для литературно-художественных журналов текстах не являлась самоцелью, то Эпштейну свойствен принципиально иной взгляд на вопрос о том, как необходимо строить разговор о литературе. Именно поэтому если в первых двух случаях точнее всего говорить о философских критиках, то определение стиля и сущности деятельности Эпштейна должно звучать, как «критик-философ». Исключительная важность философии в качестве одной из главных областей специализации Эпштейна обнаруживается в том числе и по тому обстоятельству, что самостоятельно высказанные им, однако опирающиеся на заданный круг развития истории философского знания идеи становятся методологической основой для трудов современных исследователей.

Преемственность между критиками рассматриваемого периода в наиболее явном виде становится очевидной на уровне цитирования и диалогических связей между конкретными литературно-критическими текстами. Пример подобной связи – статья Эпштейна «Манящая бездна», где фокус направлен на творчество Блока. Отправной

точкой размышлений служат тезисы о значении Блока, а также его равенстве Пушкину, что подтверждается идеями одной из самых известных статей Роднянской.

Анализ творческих систем Виноградова, Роднянской, Эпштейна, а также последовательное рассмотрение книг литературно-критических статей каждого из авторов с точки зрения структурно-семантического единства приводят к определенному набору выводов.

Виноградов был косвенно связан с философией, внедрял в свои литературно-критические тексты особые методы рассмотрения текстов, пытаясь в них увидеть больше, чем просто взгляд на композицию, стиль, сюжет. Его литературно-критические тексты полны философских выкладок, максим и афоризмов. Он не просто анализирует, выставляя оценку достоинствам, отмечая недостатки некоего эстетического продукта. Это именно переход от социологической критики к другому типу работы с текстом.

В свою очередь метод Роднянской, где литература не существует изолированно, определяется еще более тесной связью с философией: за текстом обнаруживаются смыслы экзистенциального толка, обобщаются заложенные в художественные тексты идеи. Для этого автора обнаружение художественности произведения не есть самоцель. Но в то же время собственной философской системы критик не предлагает.

Эпштейн смотрит принципиально иначе: с его точки зрения, он находится внутри философского знания, при этом выстраивая собственную систему. Это переход от наследника определенной умозрительной концепции к философской критике без зависимости от конкретной школы. Эпштейн самостоятельно выстраивает свою мировоззренческую систему.

Таким образом, в последовательном укреплении философского направления литературной критики выстраивается трехступенчатая система:

1) Тесная связь с литературным текстом: философия не самоцель, но философствование в литературно-критическом тексте постепенно формируется;

2) Переход к философии в литературной критике, так как критик уже обладает всей полнотой знания о философских трудах, наблюдается в творчестве Роднянской. Здесь обнаруживается синтез философского, литературно-критического, а также научного знания. Но философии как системы не образуется: критик выступает в качестве мыслителя, отвечающего в большей степени на вопросы экзистенциального характера;

3) Постепенно ракурс, направленный на обнаружение эстетических достоинств в художественных произведениях, смещается в принципиально иную область построения мысли: значение философствования и собственно философии в литературно-критических текстах увеличивается. Так, область деятельности Эпштейна вернее всего связывать не с философствованием в литературной критике, но с последовательно и сознательно выстраиваемой литературно-критической философией.

Теоретическая модель книги литературно-критических статей

Приведенный обзор исследовательских размышлений показывает, что в отличие от изучения истории литературно-критической книги теоретическое постижение ее формальной организации распространено в меньшей степени. Но нельзя не заметить, что все чаще появляются работы, в которых на первый план выдвигается задача обнаружить модель металитературного текста как структурно-семантического единства. В диссертации А.А. Холикова [14] комплексно рассматривается полное прижизненное

собрание сочинений. Предложенный метод и набор задач позволяют сопоставить исследование с диссертационным сочинением Г.С. Прохорова [\[11\]](#). На материале книг прозы, в частности тех, чей заголовочный комплекс включает жанровую характеристику «зерцала», предпринимается попытка выявить такие черты в поэтике, которые бы позволили делать выводы относительно существования формального и содержательного инварианта. По методологической близости к названным работам также приближается исследование Г.В. Зыковой «Журнал как литературная форма» [\[4\]](#), где не только ставится вопрос о характере отношений между журналистикой и художественной прозой, но и рассматривается поэтика дискретной и монтажной в своей основе композиционной формы.

В области изучения теории критики также можно обнаружить растущий со стороны исследователей интерес в решении общих теоретических вопросов и стремлении обозначить специфику теоретических аспектов с опорой на творчество отдельных авторов. Тем не менее, неопределенность самого статуса литературной критики как феномена, связанного одновременно с наукой, художественным творчеством, публицистикой и философией, сохраняется, что не может не влиять на развитие ее теории. Эта область сравнительно недавно начала пополняться новыми трудами литературоведов. Так, М.Ю. Лучников отмечает, что «понятие “литературная критика” с трудом поддается рефлексии, “ускользает” от научного определения. Можно с уверенностью констатировать, что активное обсуждение теоретических проблем, связанных с природой и функционированием литературной критики, пока не привело к созданию сколько-нибудь единой и авторитетной ее теоретической модели» [\[9, с. 5\]](#). До сих пор не сложилось единой каноничной концепции для анализа структуры литературно-критического сочинения.

Значительно меньше работ, посвященных классификации или поэтике конкретных литературно критических жанров. В то время как именно в данной области литературного творчества жанровая парадигма не только существенно сохраняет преемственность, но и выступает в роли инструмента, который обеспечивает процесс «предпонимания», знакомит адресата с текстовым содержанием еще до чтения рецензии, обзора или литературного портрета. Следовательно, в результате жанрово-семантического анализа возможно целостное постижение текста, его имманентных, внутренне присущих свойств, и налагаемых внешними обстоятельствами, контекстом особенностей. Существование жанра индивидуально-авторской книги литературно-критических статей как структурно-семантического единства свидетельствует о наличии таких формальных и содержательных компонентов, которые позволяют говорить о текстовой целостности и утверждать наличие инварианта.

Но если признание книги литературно-критических статей как жанра не подвергается сомнению, то существующий в терминологии плюрализм препятствует созданию единой системы инструментов для анализа формально-содержательной целостности. Важно, что многообразие точек зрения затрагивает преимущественно художественную литературу, и здесь принято говорить с необязательным разграничением о цикле, сборнике, книге, собрании сочинений. Представляется, что книга литературно-критических статей представляет собой гибридный сверхжанр, который находится на пересечении ранее названных форм и оттого вбирает в себя их наиболее существенные черты. С опорой на подход Ю.М. Лотмана [\[8\]](#), а также на определение Н.Л. Лейдермана [\[7, с. 132-142\]](#) можно говорить о литературно-критической книге как о метатексте и рассматривать ее поэтику по аналогии с другими входящими в данный круг прозаическими и стихотворными

единствами. Итак, на данном этапе представляется необходимым обратиться к уже в достаточной степени разработанной теории сверхжанровых единств и выделить целый ряд компонентов в структуре книги литературно-критических статей с целью построения модели данного структурно-семантического единства.

Если учитывать приведенные выше положения, то обнаруживается, что укрепление жанра книги литературно-критических статей, а также расширение внимания к нему со стороны авторов во многом связано с трансформацией самого института литературной критики. Комментирующая функция уступила место интерпретации и объяснению, а также выстраиванию свободного диалога с целой системой адресатов: читателей, оппонентов, авторов художественных произведений (имплицитно - с предшественниками в жанре и методологии, эксплицитно - с оппонентами и читателями, с которыми автор, с одной стороны, солидаризируется в процессе постижения текста или мира того или иного писателя, а с другой, становится на чуть более высокую позицию, так как самостоятельный текст критика нацелен на поучение или назидание своей читательской аудитории, преподнесение ей духовно-нравственных уроков).

Образ автора стал доминантой критического текста, ставшего более насыщенным с точки зрения содержащихся в нем биографизма и почеркнуто личностной окраски. Субъективизм стал отличительной чертой книги, которая выступила и в качестве манифеста, постулирования базовых для критика этических и эстетических положений, и в качестве подведения итогов говорившемуся ранее.

Стилистически жанру свойственна более яркая по сравнению с отдельными статьями или сборниками художественность, что выражается через свойства композиционно-архитектонического единства (заголовочные комплексы, авторские предисловия и послесловия, заданность тематического расположения статей, а также их трансформация для включения в состав цикла). Не только единство полиграфического оформления (обложка, наличие иллюстраций в основном тексте) способствуют единству макрожанрового критического высказывания, но и наличие сюжета как центральной для книги проблемной ситуации, а также связывающих текст на смысловом уровне системы лейтмотивов или семантических полей.

Отличительной чертой рассмотренных в данной статье книг периода 1986-1989 гг. в семантическом плане стали обусловленный эпохой «Эзопов язык», косвенные и прямые отсылки к текстам Священного Писания, концентрация на вопросах, связанных с проблемами русской классической литературы для решения вопросов духовно-нравственного порядка.

В целом можно говорить о каждой из рассмотренных книг как о сознательной попытке автора предложить собственный взгляд как на проблемы, актуальные для текущего состояния литературы, так и на вопросы, имеющие общечеловеческую значимость с опорой на философские концепции. Исследование поэтики макрожанровой формы с целью описать теоретическую модель позволяет выделить такие ведущие элементы, как сюжет, семантические поля, композиция, заголовочный комплекс, полиграфическое оформление, образ автора и адресата, диалогизация. Определение характера взаимоотношений между выделенными компонентами дает представление не только о мотивировке приемов критика, но и феномене композиционно-тематического единства.

Наиболее приемлемым в методологическом отношении способом аналитического рассмотрения книги как структурно-семантического единства следует признать структурно-герменевтический подход. По причине тесного переплетения философии и

литературы в обозначенный временной промежуток необходимо учитывать данное взаимодействие, изучая литературно-критический и одновременно философский текст как литературный в своей основе. Исследование закономерностей поэтики книги И.И. Виноградова «По живому следу. Духовные искания русской классики» показало, что как на формальном, так и на содержательном уровне гарантом целостности выступает личность критика, на протяжении всего текста выступающая в различных проявлениях авторского образа. Основополагающим принципом книги И.Б. Роднянской «Художник в поисках истины» с точки зрения сюжетно-композиционной организации следует считать авторское решение при работе с художественными текстами выявлять в них «зерно вечное». Посредством структурно-семантического анализа было доказано, что смыслы монографии М.Н. Эпштейна «Парадоксы новизны» определяются жанровым и историко-культурным факторами. С одной стороны, книга продолжает развитие феномена структурно-семантических единства. С другой, данное критическое высказывание является собой вклад в развитие философского направления литературной критики. Общая структурная модель книги литературно-критических статей представляет собой совокупность имплицитных и эксплицитных компонентов, где роль автора занимает решающее положение как при отборе формально-композиционных средств, так и в построении семантического единства.

Работы Виноградова, Роднянской, Эпштейна являются близкими сразу в жанрово-типологическом и методологическом аспектах. Представителями разных поколений критиков одновременно решались вопросы нравственно-философского значения в жанре книги, позволяющем представить собственный концептуальный взгляд на развитие словесности и ее современное состояние. Обозначенные проблемы ставились путем актуализации произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя и других отечественных классиков. По этой причине представляется возможным сделать предположение о возрождающемся в позднесоветское время философском направлении критики. Дальнейшее изучение книги литературно-критический статей как структурно-семантического единства окажется возможным как посредством увеличения числа анализируемых текстов, так и за счет расширения хронологических границ исследования.

Библиография

1. Белобородова А.А. Книга стихов как художественное целое в литературе Серебряного века: Учебное пособие. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. 55 с.
2. Виноградов И.И. Духовные искания русской классики. М.: Русский путь, 2005. 672 с.
3. Голубков М.М. История русской литературной критики XX века (1920 – 1990-е годы): учеб. пособие для студ. филол. фак. ун-тов и вузов. М.: Academia, 2008. 368 с.
4. Зыкова Г.В. Журнал как литературная форма. М.: РИТМ. 2006. 288 с.
5. Крылов В.Н. Книги критических статей: особенности жанровой формы в конце XIX – начала XX века // Русская литература XX-XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: Материалы Международной научной конференции: 10-11 ноября 2004 г. / Ред.-сост. С.И. Кормилов. М.: МАКС Пресс. 2004. С. 419-423.
6. Крылов В.Н. Русская литературная критика: проблемы теории, истории и методики изучения. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 240 с.
7. Лейдерман Н.Л. Движение времени и законы жанра. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во. 1982. 256 с.
8. Лотман М.Ю. Структура художественного текста. М.: Искусство. 1970. 384 с.

9. Лучников М.Ю. Эстетические основания литературной критики эпохи эйдетической поэтики. Кемерово: Кузбассвузиздат. 2007. 141 с.
10. Менцель Б. Гражданская война слов. Российская литературная критика периода перестройки. СПб.: Академический проект. 2006. 400 с.
11. Прохоров Г.С. Книга прозы как структурно-семантическое единство (На материале сборников с заголовочным знаком «зерцало»): дис. канд. филол. наук. М., 2004. 179 с.
12. Роднянская И.Б. Художник в поисках истины. М.: Современник, 1989. 384 с.
13. Тихомиров В.В. Своеобразие метода литературной критики // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2011. С. 165-168.
14. Холиков А.А. Прижизненное полное собрание сочинений как структурно-семантическое единство в творчестве русских писателей (Д.С. Мережковский). 592 с.
15. Хрусталева А.В. Символизм в восприятии М.О. Гершензона и С.Л. Франка (о нерешенных вопросах теории литературной критики) // Проблемы филологии, культурологии и искусствознания. № 2. 2012. С.158-161.
16. Чупринин С.И. Творческая индивидуальность критика и литературный процесс 1960-1980-х годов. Дисс. д. филол. н. М., 1993. 39 с.
17. Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX – XX веков. М.: Сов. писатель, 1988. 416 с.
18. Эпштейн М.Н., Юръенен С. Энциклопедия юности. М.: Э, 2018. 589 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом изучения в статье является книга литературно-критических статей как структурно-семантическое единство. Цель работы автором не указывается, однако, исходя из текста исследования, ее можно определить как изучение предмета в философском аспекте и описание теоретической модели книги литературно-критических статей.

При вероятной актуальности темы, содержание статьи не позволило рецензенту прочувствовать ее в полной мере. Работа слабо структурирована и написана небрежно, что затрудняет понимание авторских идей и мыслей. Прежде всего статье не хватает композиционной стройности и терминологической точности. Так, из статьи нам не удалось понять, что автор понимает под «семантическим планом» и «структурно-семантическим единством», эти формулы явно требуют расшифровки, поскольку авторское понимание термина «семантика» явно далеко от традиционного лингвистического и семиотического («Отличительной чертой рассмотренных в данной статье книг периода 1986–1989 гг. в семантическом плане стали обусловленный эпохой «Эзопов язык», косвенные и прямые отсылки к текстам Священного Писания, концентрация на вопросах, связанных с проблемами русской классической литературы для решения вопросов духовно-нравственного порядка»). Кроме того, в статье не объясняется, почему, доказывая «повышенное внимание к жанру книги ... в период 60-80-х годов XX века», автор сосредоточивает внимание именно на изданиях 1986–1989 гг., которые становятся основным материалом исследования. Вывод статьи представляется слишком общим и ставит под сомнение новизну исследования: «В целом

можно говорить о каждой из рассмотренных книг как о сознательной попытке автора предложить собственный взгляд как на проблемы, актуальные для текущего состояния литературы, так и на вопросы, имеющие общечеловеческую значимость с опорой на философские концепции».

Но главным недостатком работы является затуманенность ее содержания как в целом, так и на уровне отдельных фраз и идей. Виной последней становится небрежное отношение автора к выражению мысли. Так, в статье нередко можно встретить отсутствие связности мыслей, причем при наличии формально связывающих фразы слов (вводных, союзов и др.), например: «Неоднозначность термина «философская критика» заключается, с одной стороны, в размытости понятия «философский» применительно к литературной критике, а с другой стороны, в многозначности термина «направление» [15, с. 159-161]. В настоящем исследовании предпочтение отдается термину «метод» в значении «набора приемов». Такое решение позволяет избежать строгой привязанности к определенному календарно-хронологическому подходу в типологии литературной критики. И в этой связи можно предположить, что философская критика как метод вплоть до советского времени в деятельности отдельных персоналий в отечественной традиции не прекращалась». Логика цитирования чужих работ в исследовании время от времени также сбита. Например, рассказывая об исследованиях книг литературно-критических статей, автор внезапно ссылается на работу «исследователь литературы Серебряного века А.А. Белобородова» с исследованием «книги стихов». Возникает впечатление, что автор ставит знак равенства между книгой критических статей и поэтическим сборником.

Еще больше затемняют авторскую мысль явные грамматические и стилистические ошибки («К такому утверждению подталкивает, с одной стороны, тенденция, при которой стираются границы между критикой, наукой и литературным творчеством, а с другой, наблюдается более явное обращение представителей разных поколений к традициям Серебряного века в критике», «также можно обнаружить растущий со стороны исследователей интерес в решении общих теоретических вопросов», «Виноградов был косвенно связан с философией, внедрял в свои литературно-критические тексты особые методы рассмотрения текстов, пытаясь в них увидеть больше, чем просто взгляд на композицию, стиль, сюжет» и др.). Отдельно отметим асемантическое многословие («И не последнюю роль в этом аспекте играет тот факт, что...», «Преемственность между критиками рассматриваемого периода в наиболее явном виде становится очевидной на уровне...», «К внутрилитературным факторам, повлиявшим на увеличение числа сборников критических текстов, исследователи относят в первую очередь преимущественно особенности поэтики, вбирающие в себя закономерности расположения литературно-критических высказываний» и очевидную небрежность при подборе и сочетании слов («И поэтому обнаружение онтологии возможно лишь при реконструкции целостности книги посредством внимания к ее поэтике», «В представленной ниже таблице содержится классификация и некоторый перечень книг и сборников литературно-критический статей, опубликованных с 1986 по 1989 гг., представителями всех поколений», «Метод разговора Эпштейна о литературе и проблемах гуманитарной отрасли значительно отличается от подходов Роднянской и Виноградова»).

В представленном виде статья не может быть рекомендована к публикации. Она требует серьезной авторской доработки и глубинного редактирования.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Философский аспект книги литературно-критических статей как структурно-семантического единства», предлагаемой в публикации в научном журнале “Litera”, несомненно, рассматривается актуальная проблема изучения истоков феномена циклизации в отечественном языкоznании. Подобные работы по критическому осмыслению литературно-философского наследия важны для развития общей теории литературоведения.

Целью рецензируемой работы является изучение книги литературно-критических статей в философском аспекте и описании ее теоретической модели на материале работ И.И. Виноградова, И.Б. Роднянской, М.Н. Эпштейна. Внимание автора фокусируется на периоде 60-80х годов XX века.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Подобные работы с применением различных методологий являются актуальными и, с учетом фактического материала, позволяют тиражировать предложенный автором принцип исследования на иной языковой материал. Отметим, что автор обоснованно подошел к теоретической базе исследования и представил убедительные данные. Выводы по тогам работы структурированы и соответствуют поставленным автором задачам. Представленная статья выполнена в русле современных научных подходов. Статья структурирована, состоит из введения, в котором автор обозначает цели и задачи настоящего исследования, а также приводит историческую справки разработанности рассматриваемой научной проблематики, основной части, включающей в себя описание результатов исследования и представления выводов. Теоретическая часть статьи, в которой представлена степень разработанность заявленной проблемы позволяет оценить авторский вклад в ее решение и определить новизну исследования. Рассматривая библиографию исследования, отметим, что она насчитывает 18 источников, среди которых представлены исключительно отечественные работы. Отсутствие ссылок на работы на иностранных языках рассматривается нами как недостаток, препятствующий включению настоящей статьи в общемировое научное поле.

В статье намечена перспектива исследования, заключающаяся в дальнейшем изучении книги литературно-критический статей как структурно-семантического единства как посредством увеличения числа анализируемых текстов, так и за счет расширения хронологических границ исследования.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены.

Технической погрешностью считаем размещение заглавия статьи в тексте, что является нарушение правил оформления, принятых научным журналом “Litera”.

Впечатление после прочтения статьи положительное, она может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Скрябин В.Ю. — Сонет «Озимандия» П.Б. Шелли // Litera. — 2023. — № 3. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.3.38513
EDN: KEUXBX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38513

Сонет «Озимандия» П.Б. Шелли

Скрябин Валентин Юрьевич

ORCID: 0000-0002-4942-8556

кандидат медицинских наук

доцент, кафедра наркологии, ФГБОУ ДПО РМАНПО Минздрава России

109390, Россия, г. Москва, ул. Люблинская, 37/1

✉ sardonios@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.3.38513

EDN:

KEUXBX

Дата направления статьи в редакцию:

26-07-2022

Аннотация: Благодаря своей ироничности и знаменитой строке «Look on my Works, ye Mighty, and despair!», сонет «Озимандия» стал одним из самых известных стихотворений романтической эпохи. Он был написан Перси Биши Шелли в 1817 году и со временем стал его самой известным произведением. Стихотворение описывает наполовину погребённые остатки статуи египетского фараона Рамсеса II и противопоставляет гордые слова фараона его разрушенному подобию. Главная тема «Озимандии» заключается в том, что любая власть временна и преходяща, каким бы гордым или тираничным ни был правитель, и достигается за счет целого ряда поэтических приемов. Цель данного исследования заключается в выявлении особенностей поэтики сонета "Озимандия" П.Б. Шелли. В настоящей статье приводится история написания сонета и предпринимается попытка анализа используемых в нем поэтических приемов. В процессе анализа учтены особенности литературно-критического восприятия и осмыслиения произведений автора и их переводов в России. Описана гипотеза, объясняющая происхождение псевдонима Glirastes, под которым скрывался Перси Шелли и под которым сонет «Ozymandias» был впервые опубликован в газете «The Examiner» 11 января 1818 г. Приведены ссылки к сонету "Озимандия" в популярной культуре.

Ключевые слова:

Шелли, сонет, метр, ритм, Озимандия, английская поэзия, русско-английские литературные связи, система рифмования, перевод, Брюсов

История написания сонета. В 1817 году Британский музей объявил о приобретении у путешественника Уильяма Гамильтона обломков статуи молодого Мемнона — наследника египетского престола, которому в 1279-1213 годах д.н.э. предстояло править под именем Рамсеса II и добиться максимального расширения своей державы [Жаткин, Рябова, 2011]. Рамсес II был одним из самых могущественных правителей древнего мира и царствовал как фараон более 60 лет, приводя египтян к многочисленным военным победам и накапливая огромные запасы богатства. Впоследствии Рамсес II стал известен как Рамсес Великий и почтился на протяжении веков после своей смерти. В ознаменование своих побед и величия, Рамсес II повелел высечь надпись на пьедестале обелиска в Луксоре. Древнегреческое имя Рамсеса II «Озимандия» (греч. Οσυμανδύας, от греч. *οὐιοῦ* — воздух и лат. *mandare* — править, издавать закон; таким образом, «Озимандия» — «правящий воздухом» фараон) [Пепанян, 2019].

В I в. до н. э. историк Диодор Сицилийский посетил Египет и застал колосс Озимандии рухнувшим и наполовину занесенным песком, однако, надпись на нем оставалось различимой: «King of Kings am I, Osymandias. If anyone would know how great I am and where I lie, let him surpass one of my works» [Diiodorus Siculus, 1814] («Царь Царей я, Озимандия. Если кто-нибудь узнает, как велик я и где я покоюсь, пусть он превзойдет любое из моих творений»). Диодор приводит этот текст в первой книге своей «Исторической библиотеки», в которой он описывал географию, культуру и историю Древнего Египта [Дудко, 2019]. При этом оставленное историком описание обломков скульптуры поражает своей скучностью: «От первых гробниц, где, как сказывают, погребались, так называемые, наложницы Юпитера (Амона), памятник царя Озимандия находился в десяти стадиях. <...> Был вход в другой перистиль, во всем сходный с первым, и отличавшийся от него только резными изображениями. В нем находились три статуи из цельного Сиенского гранита. Одна из них, сидящая, была величайшею во всем Египте; ее ноги были более семи локтей. Другие две стояли преклоненными к ее коленам, изображая мать и дочь <...> Была еще другая статуя, матери, в стороне; три венца на голове ее означали, что она была дочерию, женою и матерью» [Норов, 2012].

Другое описание покоившейся в египетских песках статуи, более приближенное ко времени британских поэтов-романтиков, оставил в 1834-35 годах русский путешественник Авраам Норов: «Возле повержен, раздвоенный, с разметанными повсюду членами, — подобно идолу Дагону, — величайший колосс в мире. Трудно сообразить весь объем его, и должно отступить, чтобы распознать это изящное гранитное чудовище. Имя Сезостриса, потрясавшего своими победами древний мир, начертано на его раменах. Этот колосс есть тот самый, на котором была надпись: "Я есмь Озимандий, Царь Царей; кто желает быть так велик, как я, пусть посмотрит, где я покоюсь, и превзойдет созданное мною"» [Норов, 2012]. Согласно оставленному путешественнику Норову описанию, ширина плеч колосса составляет три сажени (6,48 метра), длина большого пальца ноги — 3 3/4 (1,125 метра). Пьедестал же, на котором стояла статуя, был высотой 21/2 сажени (4,32 метра) в высоту.

Узнав о скором прибытии в Англию обломков статуи Рамсеса II (которое, впрочем, произошло лишь спустя четыре года, в 1821 г., а установка статуи в зале Британского музея — и вовсе в мае 1834 г.), Перси Биши Шелли и работавший его финансовым

управляющим Гораций Смит решили устроить дружеское соревнование. Поэты договорились сочинить по сонету, посвященному колоссу, и написали 26-28 декабря 1817 г. два сонета с одинаковым названием – «Ozymandias». 11 января 1818 г. в газете «The Examiner» был опубликован «Сонет. Озимандия» за авторством Glirastes (под псевдонимом скрывался Перси Шелли), а 1 февраля – «На нахождение громадной гранитной ноги, одиноко стоящей в пустынях Египта, с посланием, приведенным ниже», посвященный поэту Шелли и подписанный инициалами H.S. [Дудко, 2019].

Внимательные читатели того времени могли заметить, что Glirastes не является именем, заимствованным из истории или классической литературы. Однако подсказки о значении этого псевдонима не появлялись еще, по меньшей мере, 130 лет, пока в 1948 году Карл Пфорцхаймер не приобрел ранее не опубликованные письма Мэри Шелли, написанные еще в то время, когда она была Мэри Годвин. В письмах, написанных в апреле 1815 года другу П.Б. Шелли Томасу Джейферсону Хоггу, Мэри Годвин неоднократно называет себя «соней», и из текста писем становится очевидным, что это было одним из ее домашних имен. Она даже подписывает письма как «Твоя любящая соня» и «Сбежавшая соня» (за девять месяцев до этого она уходила от Шелли), а в одном из писем она даже нарисовала маленькую соню. Как выяснилось, слово Glirastes представляет собой пример словослияния авторства Шелли (подобно «словам-бумажникам» из произведений Льюиса Кэролла), сочетающее греческий суффикс *-erastes*, означающий «любовник», и латинское название семейства соневых *Gliridae*. Подпись Glirastes (т.е. «любовник сони»), поставленное Шелли под опубликованным стихотворением, судя по всему, было шуткой и демонстрацией его привязанности к Мэри [Carter, 2018].

Структура сонета и используемые поэтические приёмы. Стихотворение «Озимандия» является сонетом, который состоит из четырнадцати строк и написан пятистопным ямбом. Хотя в целом пятистопный ямб звучит естественнее других стихотворных размеров, у него всё же достаточно целенаправленный ритм, позволяющий легко отличать его от обычной речи. Сонет как поэтическая форма зародился в итальянской любовной поэзии и был популяризирован Шекспиром. Большинство сонетов разбиваются на две части: «октет» (первые восемь строк) и «секстет» (последние шесть строк), причем вторая часть комментирует первую. Таким образом, большинство сонетов следуют схеме АВВААВВА и СДЕСДЕ или СCDCD. В отличие от них, «Озимандия» имеет необычную схему рифмования: АВАВА СДСЕДЕФЕФ. Впрочем, для автора это не было чем-то необычным: из семнадцати завершенных сонетов у Шелли нет ни одного традиционного по форме [Пепанян, 2019]. Английский поэт сознательно нарушал установленную форму, чтобы придать стихотворениям дополнительную выразительность. В «Озимандии» Шелли все четырнадцать строк связаны в одну строфу, при этом первая часть сонета задает повествование, а затем описывает статую, а вторая часть иронично обыгрывает слова правителя и приводит описание пустынного окружения.

Сонеты долгое время являлись стандартной поэтической формой, и для Шелли и Смита было очевидным выбором использовать их для своего состязания, поскольку сонеты имеют заданную структуру, но все же оставляют поэту большую свободу. В тексте своего сонета Шелли использует целый ряд поэтических приемов. Коротко разберем основные из них.

Первый – собственно язык повествования. Озимандия называет себя «царем царей», что обыгрывает фразу, взятую из библейского языка: «На одежде и на бедре Его написано имя: “Царь царей и Господь господствующих”...» (Откр.19:16), «Они будут вести брань с Агнцем, и Агнец победит их; ибо Он есть Господь господствующих и Царь царей, и те, которые с Ним, суть званые и избранные и верные...» (Откр.17:14). Это может означать,

что последовавшее низвержение Озимандии было наказанием от Бога: тем более, Шелли поднимал такую тему в нескольких других своих стихотворениях.

Другая важная особенность языка сонета состоит в том, что он написан не в возвышенном стиле: автор использует всего два слова высокого стиля: «visage» и «Mighty», а также одно архаическое слово «уе». В шестой строке сонета Шелли использует прием инверсии во фразе «well those passions read» вместо правильного «read those passions well». Рифмы девятой, одиннадцатой и тринадцатой строк Шелли повторяет трижды (ее), поскольку не только рифмы близки друг другу по звучанию (appear/despair/bare), но также в начале тринадцатой строки Шелли упоминает о статуе («that colossal wreck»), что является продолжением строк о пьедестале. Кроме того, дважды повторяется рифма седьмой и десятой строк (dd) – «on lifeless things» и «king of kings», тем самым подчеркивается «безжизненное» (lifeless) состояние Царя Царей.

В «Озимандии» есть несколько примеров аллитерации: так, автор использует этот прием уже в первых строках сонета, подчеркивая звучание звуков t , l и s : «met a traveler / antique land / said two vast and trunkless <...> stone, stand <...> sand». Тем самым поэт подчеркивает высокомерие статуи. Другие примеры аллитерации: фразы «cold command» (c - c) и «boundless and bare» (b - b), а также «my name is Ozymandias (m - n - m - m - n), king of kings (k - k)». Повторение, используемое в аллитерации, делает стихотворное звучание интереснее, а также создает успокаивающий ритм в противовес напряжению, вызываемому анжамбеманом.

Наряду с аллитерацией, Шелли использует и ассонанс, который встречается во фразе «Half sunk a shattered visage lies», при этом повторяется короткий звук «а ». На самом деле, звук «а » повторяется по всему стихотворению в таких словах как «traveller», «antique», «vast» и даже собственно «Ozymandias». Как и аллитерация, ассонанс используется для того, чтобы сделать стихотворение более интересным и приятным для прослушивания.

В тексте «Озимандии» также встречается апострофа – в надписи на постаменте статуи: «Мои дела, цари, узрите – и отчайтесь!» [Брюсов, 1994] (здесь и далее цитаты приводятся по переводу Валерия Брюсова). Апострофа была особенно распространена в старых формах поэзии, отсылая читателей к литературе Древней Греции. Поскольку Шелли использовал древнегреческий текст в качестве вдохновения для своего стихотворения, возможно, он решил включить в свой сонет поэтические приемы этого периода времени.

Еще одним важным приемом, используемым Шелли, является анжамбеман, создающий эффект расхождения между синтаксическим и ритмическим строением стихотворного текста за счет несовпадения границы стихотворных строк с границей между синтагмами. В «Озимандии» есть многочисленные примеры анжамбемана, например, «Who said – "Two vast and trunkless legs of stone/Stand in the desert..."» («В пустыне, - он сказал, - две каменных ноги/Стоят без остова...»). В этой части стихотворения Шелли использует переплетение анжамбемана с другим поэтическим приёмом – цезурой (ритмической паузой, делящей строку на части). Пауза здесь имитирует дыхание путешественника перед его повествованием, драматизируя момент, а также создавая дистанцию между описанием статуи и пересказом поэта. Вторая цезура идет после слов «Stands in the desert» («Стоят без остова»). Эта пауза и окончание предложения усиливают чувство изоляции, окружающее эти странные разрушенные ноги. Последняя цезура повторяет этот эффективный прием, следуя за словами «Nothing beside remains» («Нет больше ничего»). Это короткое, грамматически полное и изолированное предложение стоит

внутри стихотворения, как статуя в пустыне. При этом большая часть остального текста состоит из длинных сложных предложений, которые тянутся, подобно пустыне или самому времени.

Анжамбеман – это способ выстроить действие и напряжение внутри стихотворения. Напряжение исходит из того, что мысль поэта оказывается не законченной в конце предложения. Каждая строка с анжамбеманом – это мини-клиффхэнгер, который заставляет читателя хотеть продолжать читать, чтобы узнать, что будет дальше. Анжамбеман также может создать драму, особенно когда следующая строка несет в себе не то, что ожидал читатель.

Наконец, сонет Шелли полон иронии, то есть использования определенного тона повествования или преувеличения для передачи смысла, противоположного озвученному буквально. Статуя разрушена: ноги остались стоять в песке, но тело упало, а лицо «лежит, разбито», «зарытое в пески». Поэт противопоставляет хвастливые слова Озимандии образу обломков его статуи. Озимандия мог быть могущественным правителем, когда приказал высечь на камне эти слова, но времена его власти давно ушли, и это хвастовство теперь выглядит пустым: его собственное лицо не сохранилось, не говоря уже об империи, которой он когда-то правил.

Обрамление сонета как истории, поведанной повествователю путешественником из «страны забытой», позволяет Шелли придать определенную неясность образу Озимандии для читателя. Вместо того чтобы видеть статую своими глазами, мы слышим о ней от того, кто слышал о ней от того, кто ее видел. Благодаря этому приему, древний царь становится еще менее грозным и внушительным: дистанцированность повествования служит подрыву его авторитета и власти так же, как течение времени.

При этом на протяжении всего стихотворения читателю очевидна гордость Рамсеса: от хвастливой надписи, где он объявляется «царем царей», до «складки уст, изогнутых надменно» на своей статуе. Однако «Озимандия» дает понять, что каждый человек, даже самый могущественный на земле, со временем будет низвергнут, имя его предастся забвению, а памятники, свидетельствующие о его величии, будут погребены в песке. Таким образом, «Озимандия» представляет собой, прежде всего, метафору эфемерности политической власти, а также гордыни и тщеславия в целом.

Сонет Шелли обрел мировую славу и до сих пор цитируется в популярной культуре. Так, фрагмент этого же стихотворения – «Мои дела, цари, узрите – и отчайтесь!» цитируется в фильме ужасов «Чужой. Завет» Ридли Скотта. Четырнадцатый эпизод пятого сезона американского телесериала «Все тяжкие», в котором рассказывается о падении империи главного героя Уолтера Уайта, получил название «Озимандия», а в трейлере к этому эпизоду полностью цитируется стихотворение Шелли. Наконец, Вуди Аллен в своем художественном фильме «Римские приключения» вводит термин «Меланхолия Озимандии»: диагноз, придуманный для описания осознания художником того, что в конечном счете его произведения не имеют никакого значения – ведь конец света не переживет даже «вечная» классика.

Заключение. В целом, в поэзии романтизма описания руин встречаются нередко и интересны своеобразным удвоением перспективы, позволяющей читателю ощутить себя одновременно современником как повествователя, так и великих строителей древности. Однако статус великих исторических деятелей в подобных случаях часто оказывается под вопросом, и «Озимандия» как раз является таким хрестоматийным примером.

Библиография

1. Жаткин Д.Н., Рябова А.А. Стихотворение П.-Б. Шелли «Озимандия» в русских переводах конца XIX-начала XX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2011. № 1. С. 69-77.
2. Пепанян Н.С. «Озимандия» П.Б. Шелли в русских и армянских переводах (В. Брюсов, К. Бальмонт, Э. Авагян). Брюсовские чтения. 2019. С. 287-301.
3. Diodorus Siculus. The Historical Library: in Fifteen Books. – London: W. M'Dowall, 1814. – Vol. I & II. – 422 p.
4. Дудко А.Э. История переводов сонета П.Б. Шелли «Ozymandias» на русский язык в аспекте сравнительного стиховедения. Статья 1 // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 4 (85). С. 118-122.
5. Норов А.С. Путешествие по Египту и Нубии в 1834-1835 гг. / Под ред. В.В. Солкина. М.: Кучково поле, 2012. 320 С.
6. The New York Public Library. 2022. Romantic Interests: "Ozymandias" and a Runaway Dormouse. URL: <https://www.nypl.org/blog/2018/07/06/romantic-interests-ozymandias-shelley-dormouse> (дата обращения: 18.01.2022).
7. Брюсов В.Я. Озимандия / В.Я.Брюсов // Зарубежная поэзия в переводах Валерия Брюсова. М.:Радуга, 1994. – С. 613.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья представляет собой полновесный и объемный филологический анализ сонета П.Б. Шелли «Озимандия». Представленный материал тематически соотносится с одной из рубрик журнала, следовательно, предметный ракурс выдержан и не противоречит изданию. Статья имеет четко выдержанную структуру, причем автор маркирует не только вводную и заключительную части, но и пределы основного блока. На мой взгляд, подобная раскладка позволяет следить за развитием мысли интерпретатора, двигаться по уровням границам рецепции сонета «Озимандия». Вполне удачно в начале статьи дана т.н. история написания / создания сонета. В этом блоке в частности отмечено, что «в 1817 году Британский музей объявил о приобретении у путешественника Уильяма Гамильтона обломков статуи молодого Мемнона — наследника египетского престола, которому в 1279-1213 годах д.н.э. предстояло править под именем Рамсеса II и добиться максимального расширения своей державы», «узнав о скором прибытии в Англию обломков статуи Рамсеса II (которое, впрочем, произошло лишь спустя четыре года, в 1821 г., а установка статуи в зале Британского музея — и вовсе в мае 1834 г.), Перси Биши Шелли и работавший его финансовым управляющим Гораций Смит решили устроить дружеское соревнование. Поэты договорились сочинить по сонету, посвященному колоссу, и написали 26-28 декабря 1817 г. два сонета с одинаковым названием — «Ozymandias». 11 января 1818 г. в газете «The Examiner» был опубликован «Сонет. Озимандия» за авторством Glirastes (под псевдонимом скрывался Перси Шелли), а 1 февраля — «На нахождение громадной гранитной ноги, одиноко стоящей в пустынях Египта, с посланием, приведенным ниже», посвященный поэту Шелли и подписанный инициалами Н.С.» и т.д. Развёрстка истории позволяет полновесно оценить особый исторический фон, который важен для создания художественного текста, автор вполне справедливо указывает не это. Думается, что основной акцент, сделанный на онтологию языка «Озимандии», также вполне оправдан, ведь именно поэтические приемы и определяют смысловой / содержательный уровень

текста. Стиль статьи соотносится с собственно научным типом, например, это проявляется в следующих фрагментах: «стихотворение «Озимандия» является сонетом, который состоит из четырнадцати строк и написан пятистопным ямбом. Хотя в целом пятистопный ямб звучит естественнее других стихотворных размеров, у него всё же достаточно целенаправленный ритм, позволяющий легко отличать его от обычной речи. Сонет как поэтическая форма зародился в итальянской любовной поэзии и был популяризирован Шекспиром. Большинство сонетов разбиваются на две части: «октет» (первые восемь строк) и «секстет» (последние шесть строк), причем вторая часть комментирует первую. Таким образом, большинство сонетов следуют схеме АВВААВВА и СДЕСДЕ или СCDCCD. В отличие от них, «Озимандия» имеет необычную схему рифмования: АВАВА СДСЕДЕФЕФ», или «другая важная особенность языка сонета состоит в том, что он написан не в возвышенном стиле: автор использует всего два слова высокого стиля: «visage» и «Mighty», а также одно архаическое слово «уе». В шестой строке сонета Шелли использует прием инверсии во фразе «well those passions read» вместо правильного «read those passions well». Рифмы девятой, одиннадцатой и тринадцатой строк Шелли повторяет трижды (ее), поскольку не только рифмы близки друг другу по звучанию (appear/despair/bare), но также в начале тринадцатой строки Шелли упоминает о статуе («that colossal wreck»), что является продолжением строк о пьедестале. Кроме того, дважды повторяется рифма седьмой и десятой строк (dd) – «on lifeless things» и «king of kings», тем самым подчеркивается «безжизненное» (lifeless) состояние Царя Царей», или «наряду с аллитерацией, Шелли использует и ассонанс, который встречается во фразе «Half sunk a shattered visage lies», при этом повторяется короткий звук «а ». На самом деле, звук «а » повторяется по всему стихотворению в таких словах как «traveller», «antique», «vast» и даже собственно «Ozymandias». Как и аллитерация, ассонанс используется для того, чтобы сделать стихотворение более интересным и приятным для прослушивания», или «еще одним важным приемом, используемым Шелли, является анжамбеман, создающий эффект расхождения между синтаксическим и ритмическим строением стихотворного текста за счет несовпадения границы стихотворных строк с границей между синтагмами. В «Озимандии» есть многочисленные примеры анжамбемана, например, «Who said – "Two vast and trunkless legs of stone/Stand in the desert..."» («В пустыне, - он сказал, - две каменных ноги/Стоят без остова...»). В этой части стихотворения Шелли использует переплетение анжамбемана с другим поэтическим приёмом – цезурой (ритмической паузой, делящей строку на части). Пауза здесь имитирует дыхание путешественника перед его повествованием, драматизируя момент, а также создавая дистанцию между описанием статуи и пересказом поэта» и т.д. Термины и понятия, которые используются в работе, контекстуально выверены, серьезных фактических нарушений в тексте не выявлено. Логика анализа сонета поддерживается такими формулами-связками как «в целом», «однако», «таким образом», «при этом», «наконец» и т.д. Заключительный фрагмент есть подведение общего итога, разнотечений с основной частью нет, однако, финал мог быть более развернут и расширен. Библиографический список содержит работы разных типов, формальные требования издания учтены. Считаю, что рецензируемая статья «Сонет «Озимандия» П.Б. Шелли» обладает нужной научной новизной, практической значимостью и может быть рекомендована к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Кудрявцева Р.А. — Марийские народные песни в художественной структуре романа С. Г. Чавайна «Элнет» // Litera. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.3.39788 EDN: KEAXGE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39788

Марийские народные песни в художественной структуре романа С. Г. Чавайна «Элнет»

Кудрявцева Раисия Алексеевна

доктор филологических наук

профессор, кафедра финно-угорской и сравнительной филологии, Марийский государственный университет

424002, Россия, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Кремлевская, 44, каб. 503

✉ kudsebs@rambler.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.3.39788

EDN:

KEAXGE

Дата направления статьи в редакцию:

14-02-2023

Аннотация: В статье рассматривается фольклорный интертекст романа классика марийской литературы Сергея Григорьевича Чавайна «Элнет» на уровне народных песен, выявляется их место в художественной структуре романа, анализируется их роль в раскрытии народного мировосприятия и характера творческой личности интеллигента-мари, в выражении авторских идей. Песенные тексты романа, непосредственно заимствованные из фольклора или переработанные автором, а также созданные самим Чавайном по подобию содержания и стилистики народнопоэтических произведений, придают художественному повествованию романтическую возвышенность, поэтичность, драматизм и национальную специфику, усиливают авторскую концепцию мира и характера персонажа. Методологию исследования определяет структурно-семантический анализ произведений. В статье впервые выявлены и подробно описаны смысловые и типологические составляющие фольклорно-песенного интертекста романа Чавайна «Элнет», его значение для выражения его художественного содержания. Доказывается, что песенные тексты романа большей частью раскрывают традиционно-культурный уклад жизни народа мари, его природно-естественное существование, ориентированность на мифы и идеалы (трудовые песни; обрядовые песни: свадебные, в том числе песни-причитания; лирические, главным

образом, любовные и сиротские). Они непосредственным образом связаны с национальной проблематикой романа и авторской концепцией, основанной на уникальности народа мари и его культуры. Немало места занимают песни, оттеняющие трудности дореволюционной социальной жизни народа мари, неравноправие этнонационального существования, ставшие поводом для формирования революционных пристрастий в народной среде (рекрутские – о проводах на войну, сиротские, причитания). Данный фольклорный интертекст помогает прояснить идеино-нравственные искания мари в предреволюционную эпоху, назревающие в глубине народа поиски путей социального и национального освобождения.

Ключевые слова:

марийская литература, Сергей Григорьевич Чавайн, Роман, Элнет, Фольклорный интертекст, народная песня, художественная структура, художественная концепция, поэтика, художественные функции

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-00388 «Марийский роман: история и поэтика».

Введение

Соотношение литературы с фольклором и российские, и зарубежные исследователи определяют как важнейшую проблему финно-угорского литературоведения и в качестве главного типологического критерия для сравнительного изучения литератур финно-угорских народов. Так, эстонский исследователь Н. М. Бассель [164, с. 166–167], основываясь именно на таком подходе, выстраивает общую историю развития финно-угорских литератур. В качестве первого типа отношения литературы к фольклору, соответствующего начальному этапу развития финно-угорских литератур, он называет «более или менее беллетризованную обработку произведений фольклора», т. е. прямую и непосредственную связь с фольклором. По нашему мнению, таким этапом применительно к литературному творчеству народа мари можно было бы считать начало XX века – в это время как раз началось формирование марийской художественной прозы.

Более опосредованная связь с фольклором (стилизация под произведения устного народного творчества, собственно художественное творчество, в структуре которого фольклорная тематика и фольклорные изобразительные средства все же продолжают играть определяющую роль, далее – полная подчиненность используемых в произведении фольклорных элементов литературному замыслу писателя) будет характерным явлением марийской прозы лишь в 1920-е годы.

В 1930-е годы, в период создания романа С. Г. Чавайна «Элнет» (именно он является объектом исследования в данной статье), фольклор как материал и инструмент творческого переосмыслиния действительности продолжал сохранять свое значение в марийской литературе. Влияние фольклорных произведений на этом этапе развития национальной литературы наиболее отчетливо просматривается на уровне поэтики. Именно в области поэтики, как отмечает Д. Н. Медриш, «фольклорные импульсы особенно активны, а их последствия – устойчивы и долговременны» [12, с. 245].

Проблемы фольклорного интертекста и механизмов постепенного «растворения»

фольклорных жанров и фольклорных элементов в художественном тексте время от времени актуализировались в работах марийских ученых (см., например: 5; 6; 9; 11]), однако до сегодняшнего дня они остаются менее всего изученными в региональном литературоведении.

В романе Чавайна «Элнет», как отмечает А.Е. Иванов, запечатлены все сферы марийской жизни и главные противоречия 1912–1918 годов: противостояние столыпинским реформам, классовое неравенство в деревне, проникновение капиталистических отношений в марийскую деревню, зарождение нового кулачества буржуазного типа, развитие революции в марийском крае, различные трудовые процессы, картины бытовой жизни, борьба партий и политических групп [\[9, с. 131\]](#).

Созданию авторской концепции эпохи и места в ней народа мари максимально способствует фольклорный интертекст романа (сказки, легенды, народные песни, пословицы и поговорки, запреты).

Значительное место в данном интертексте занимает песенный фольклор; тексты песен или их фрагменты, мотивы и образы народных песен естественно вплетаются в авторское повествование, «в контекст отдельных сцен», они могут приводиться «в точном соответствии с нормами фольклорной поэтики, своеобразием народного склада мышления» [\[8, с. 42\]](#), а могут видоизменяться, варьироваться или даже создаваться самим писателем самостоятельно по аналогии с фольклорными текстами.

Художественные функции песен в романе «Элнет» до настоящего времени совершенно не исследованы. В традиционном литературоведении, представившем довольно подробный анализ художественной структуры романа, по данному вопросу имеются лишь общие суждения – без какой-либо конкретизации, например: «Песни, использованные в отдельных картинах романа, соответствуют строгому характеру изложения, придают оттенок лиричности» (А. А. Асылбаев) [\[13, с. 51\]](#).

Песенный фольклор максимально способствует реализации социальной и национальной проблематики «Элнета», которую переводчик романа на русский язык Владимир Муравьев определил как «путь марийской демократической интеллигенции к революции», поиски ею «своего места в жизни, в освободительной борьбе, моральные обязательства по отношению к народу, национальное и интернациональное» [\[16, с. 11\]](#).

В романе «Элнет» нами выделены 9 текстов (фрагментов) марийских народных песен. Они проанализированы нами без разделения их на собственно фольклорные, переработанные или сочиненные самим Чавайном по подобию содержания и стилистики устнopoэтических песенных текстов. (Заметим, что собственно-текстологическая работа, направленная на подобную систематизацию и дифференциацию «песенных мест» романа, должна стать предметом отдельного специального исследования). Большой частью песни отмечены в первой книге романа, в которой сильна этнографическая составляющая художественного содержания.

Песенные вкрапления описаны и классифицированы нами в данной статье исключительно по их функции в литературно-художественном произведении:

- 1) народные песни раскрывают народное мировосприятие, помогают автору показать типичность судеб марийских крестьян;
- 2) народные песни предстают как способ раскрытия характера творческой личности интеллигента-мари;

3) песни способствуют раскрытию идейного содержания чавайновского романа.

1 . Народная песня как средство раскрытия народной жизни, народного мировосприятия и особенностей судеб народных характеров

Безусловно, народная песня значима в изображении персонажей, близких к народу, она способствует воссозданию их естественной жизни и народной судьбы в условиях социальных сдвигов. Именно в этой функции песня в наибольшей мере представлена в романе Чавайна «Элнет».

Как правило, при изображении крестьянской жизни и крестьянских героев песня звучит на фоне природы, которая и вдохновляет их на поэтическое мироощущение, наталкивает на эмоциональное переживание каких-то реальных или воображаемых / ожидаемых событий их жизни. Чавайн представляет такую связь природы и человеческой жизни как естественное состояние крестьянского персонажа, выстраивая природную концепцию народного характера. Понятно, что «в священном наследии марийского народа ярко и выразительно проводится идея гармонии Человека и мира, в которой природа является совершенно и культурно организованным пространством, идеальной обителью с вечным источником энергии жизни. Человек в такой структуре Вселенной играет не пассивную роль, но активно включается в деятельность по обеспечению своего успешного существования» [\[1, с. 51–52\]](#).

Приведем фрагмент из романа Чавайна, в котором запечатлен момент кратковременного отдыха Сакара на реке Элнет, где он, голодный и уставший, сплавлял бревна (чтобы как-то выбраться из нищеты и расплатиться с долгами, он стал бурлаком) и в котором возникают строчки из лирической песни: *Сакар пытастыш пырням ш□кал колтыш да, к□кшака верышке к□зен, п□нч□ пундыш воктен э□ертен шинче. Могыржылан су-у чучеш.*

Эх, кечыже могай сай! Кайык-влакше күзе мурат! П□нч□ кишиже күзе тутлын □пшалтөл Тыгай жапыште куанен тёрштылмет, муралтен колтымет веле шуэш:

Ошыт в јдет – ош аракат,

Элнет в јдет – шем аракат!

Сакарын мурымыжат, т□рштылмыжат ок шу. Тупшым кече шыман в□чка, ш□ргыжым умь мардеж ласкан ниялта, шинчагомдышыжым омо в□до□ шо□ гай лушкыдо парняж ден темда... Сакар мален колтыш... [\[15, с. 240\]](#) (Сакар оттолкнул последнее бревно, поднялся на берег и усился на землю, привалившись к сосновому пню. Как хорошо вот так спокойно посидеть!

Эх, а день-то какой чудесный! Щебечут птицы. Пахнет сосновой смолой! Тут бы прыгать от радости да петь:

В реке Юшуте вода – крепкая водка,

А в Элнете вода – еще крепче водки!

Но у Сакара нет сил ни прыгать, ни петь. Солнце ласково пригревает. Теплый ветерок нежно гладит щеки, а сон, мягкой ласковой рукой касаясь его глаз, закрывает ему веки...

Сакар заснул... [\[16, с. 96–97\]](#)).

Песенные строки неразрывно слиты с пейзажным описанием; песня, возникшая в ярко-позитивном, умиротворяющем природном контексте, соответствует естественному мироощущению персонажа; солнечный день и песня традиционно освобождают его от грусти и усталости, погружают его в благостное состояние – сон, который позволяет на время забыть все социальные невзгоды жизни и в котором воображение Сакара рождает картину свадебного кортежа (в красивой одежде, на огромной и снаряженной по всем правилам лошади он везет свою невесту Чачи на свадебное торжество) и ощущение предстоящего счастья:

Күйдүрчө шокта, манын ида ман,

Мемнан түмүр тыге шокта.

Волгенче коеш, манын ида ман,

Мемнан шовыч тыге коеш.

Кече нöлтеш, манын ида ман,

Мемнан каче тыге коеш.

Тылзе нöлтеш, манын ида ман,

Мемнан ўдыр тыге коеш [\[15, с. 240\]](#)

(То не гром гремит из тучи,

То гремит наш барабан.

То не молния сверкает,

А платки на головах.

То не солнышко восходит,

Это едет наш жених.

Не луна взошла на небо,

То невесту привезли [Перевод, с. 97]).

Обрядовая (свадебная) народная песня (ее поет женщина с шарпаном на голове), сопровождающая эту картину, содержит характерную для фольклорного текста кумулятивную цепочку сопоставлений природы и человеческой жизни по признаку действия, движения (в данном случае мы видим двучленный отрицательный параллелизм [\[4\]](#)): не гром гремит – барабан гремит, не молния сверкает – платок развевается, не солнышко – жених, не луна – девушка). Обращение Чавайна к отрицательной формуле («последней форме синкретического образа» [\[4\]](#)) усиливало авторскую концепцию образа в части внешнего, а также и внутреннего конфликта (между реальным и желаемым), что, собственно, подтверждается дальнейшими событиями – как во сне Сакара (столкнулись два свадебных кортежа, началась драка, так как ни один из них не хотел уступать дорогу), так и наяву (пока Сакар спал, на реке образовался затор, который он, проснувшись, проворно и мужественно пытался разобрать, но вдруг появился хозяин Пинерин, от громкого и недовольного упрека которого Сакар оступился, разбил об брёвна свои рёбра, свалился в воду и потерял сознание). Чавайн доказывает, что в условиях социального неравенства в царской России судьба

беднейшей части крестьян-мари, несмотря на чистоту их помыслов, чувств и надежд, несмотря на их трудовую закалку, экзистенциальную волю, тонкое ощущение красоты природы, не могла быть счастливой.

Много места занимают в романе песни, исполняемые девушками-мари (лирическими и обрядовыми). Они позволяет автору представить читателю особенности марийского народного уклада жизни, обрядовой и духовной культуры. Такие песни в романе сопровождают не столько какие-либо трудовые действия, сколько бытовые (иногда «околотрудовые») сцены и предсвадебные обрядовые традиции. Они передают естественность чувств исполняющих, отражают характерный стиль взаимоотношений, взаимодействий, сложившийся в народной среде; их пафос и тональность в полной мере гармонировали с событийным и психологическим планами повествования.

Одна из таких сцен – посиделки девушек, которые пасли стадо на акамбальском поле и собирались на ближайшей горке, ярко освещенной весенным солнцем; они вышивали и беседовали о жизни, народных запретах, делились любовными историями и своими переживаниями. Отдельными штрихами автор подчеркивает тяготы социально-бытовой жизни мари (зачахшая за зиму корова в бедной семье Ови; тяжелый труд бурлака, заработка которого едва обеспечивают минимальное пропитание семьи). Но основное внимание автора сосредоточено на романтике молодости, на неотвратимости сложившегося «порядка вещей», на ожидании любви; песни в этом плане призваны усилить мажорную повествовательную тональность, ибо все они о весне и закономерном пробуждении / оживлении природы:

Шошым кече чеверет,

– *Олык шудо ужарга.*

Ужар мамык коклаште

Үяк-мүяк ўпшалтеш.

Пеледыш гыч пеледышыш

Изи мүкш чонештылеш.

Чевер пеледыш пеледме годым

Мемнан чонжат пеледеш [\[15, с. 245\]](#)

(Солнце яркое сверкает

Над полями и лесами.

И плывет медовый запах

Над зелеными лугами.

От цветка к цветку по лугу

Пчелка быстрая летает

Как цветок, порой весенней

Мое сердце расцветает [\[16, с. 101\]](#)

Изи кожет, кугу кожет

– Име лекде, ок сёрасе.

Изи тумет, кугу тумет

– Лышташ лекде, ок сёрасе.

Изи олыкет, кугу олыкет

– Шудо лекде, ок сёрасе.

Изи нурет, кугу нурет

– Озым лекде, ок сёрасе.

Изи уремет, кугу уремет

– Мемнан лекде, ок сёрасе.

Изи ўдырет, кугу ўдырет

– Каче лекде, ок сёрасе.

Изи качет, кугу качет

– Ўдыр лекде, ок сёрасе.

Мүндыр танет, лишил танет

– Ончалде-воштылде, ок сёрасе... [\[15, с. 245\]](#)

(Ни большой, ни малой елки

Без иголок не бывает.

Хоть высокий дуб, хоть низкий

– А без листвьев не бывает.

Луг широкий и лужайку

Травка буйно покрывает.

На большом и малом поле

Та же озимь вырастает.

Улица иль переулок

– А без нас не обойдется.

Каждой девушки в деревне

Парень по сердцу найдется.

Молодому парню тоже

Жить без милой не годится.

Далеко ли друг иль близко

– А душа к нему стремится [\[16, с. 102\]](#)).

О преобразованиях в природе, а по сути, о своих новых чувствах поет и Чачи, любящая Сакара и переживающая за их возможное счастье:

Күкшын-күкшын мо коеш?

Элнет курык коялеш.

Ош алаша шогалеш?

Ош алашан ўмбалныже

Ший ёртнерет коялеш.

Ший ёртнерет ўмбалныже

Ший сортаже ок йўлал,

Мемнан чонна йўлалеш [\[15, с. 246\]](#)

(Что виднеется высоко-высоко?

Видна гора Элнет.

Что виднеется белое-белое?

Стоит белый мерин.

На белом мерине

Видно серебряное седло.

На серебряном седле

Не горит серебряная свеча,

Наше сердце горит *[Перевод с марийского наш. – Р. К.]*.

Возвышенность и чистота любовных чувств подчеркивается белым (белый мерин) и серебряным (серебряное седло, серебряная свеча) цветами, используемыми автором в составе традиционного параллелизма. А образ не горящей свечи в концовке используемой Чавайном песни, видимо, призван был подчеркнуть драматическую судьбу Сакара и Чачи, любящих друг друга.

Образ Чачи в романе Чавайна более всего окружен песенным фольклором, что во многом объясняется традиционностью и исключительной народностью данного женского характера. Как отмечает К. К. Васин, «Чачи красива, от природы одарена чувством понимания красоты окружающего мира. Дочь бедняка обладает талантом сказительницы и певицы. Чачи весь мир воспринимает задушевно, поэтически восторженно. Одновременно она руководствуется трезвым, всепроникающим, мудрым разумом трудового крестьянства» [\[10, с. 171\]](#).

Практически все драматические этапы жизни Чачи (насильная выдача замуж, побег из дома мужа, трагические обстоятельства в попытке обрести счастье с Ветканом) автор

сопровождает лирическими (любовными) и обрядовыми песнями (свадебными, причитаниями-плачами). Песни, исполняемые в дальнейшем повествовании и Чачи, и другими персонажами, сопровождающие тем или иным образом жизненную историю Чачи, имеют драматическую тональность; они способствуют воссозданию непростой жизни талантливой и красивой, но бедной крестьянки-мари в условиях несправедливого устройства социально-общественной жизни.

Большинство этих песен сопровождает предсвадебные обряды, которые были общеприняты в морской среде и через которые проходит Чачи, которую насильно выдают замуж за Чужган Макара, сына местного богача. Один из таких обрядов – это прилюдно проводимый обряд «напоить невесту» (обряд сватовства / согласия): невеста должна была выпить предложенную чашу с хмельным напитком, что означало бы ее согласие выйти замуж.

Песни-причитания и песни-плачи, сопровождающие образ Чачи во время этого обряда, звучат пронзительно и сильно, придавая экспрессию и напряженность всему повествованию, ясно очерчивают отсутствие каких-либо прав у дореволюционной женщины-мари: *Кас ончыл й□м□ годым Ведат кудыш погынышо калык, утларакш□ дырамаш-влак, шортде ышт чыте. Яндар й□кш□ дене ныжылгын муралтен, Чачи ала-к[чонжымат тарватыш:*

Энерын-энерын в ўдшо йогалеш,

Сержым каткален йогалеш.

Серже катлыл йогымешке,

Меже йоген кайышаш ыле.

Ку моклакан чонжо уке,

Чонжо уке, ойгыжко уке.

Меже чонан улына,

Меже ойган улына.

Ой, ўдыржат, ой, шамычшат.

Ой, чонемжат, шўмемжат!..

Умбакыже Чачи ойлен ыш керт, шортын колтыш. Почешыже ончылшогышо дырж□ шортал т□□але. Кудысо калык гыч шукынжо шинчаштым ниялтышт. Чачи изиш тыпланыш, вар^адак муралтыш:

Ачай кучыктыш, арака чаркам кучыктыш

– Йўмемжат ок шу, кайымемжат ок шу,

Шке ачай деч ойырлымемжат ок шу,

Шке сурт гыч лектын кайымем ок шу.

Авай кучыктыш, сыра коркам кучыктыш

– Лўмемжат ок шу, кайымемжат ок шу.

Шке авай деч ойырлымемжат ок шу.

Шке сурт гыч лектын кайымем ок шу.

Мамык шүртет – пушкыдо шүртет,

Шупшылат гын, шуйналтеш.

Ава кумылет – пушкыдо кумылет,

Шортын шинчышашым веле шинча.

Ача кумылет – пушкыдо кумылет,

Йүйн шинчышашым веле шинча.

Иза кумылет – пешкыде кумылет,

Лектын шичметым веле вуча.

Енга кумылет – пешкыде кумылет,

Капка почашашым веле вуча.

Аршаш гае агулем кодеш.

Посто гае пошкудем кодеш.

Тарай гае танем кодеш.

Пеледыш гае шольым йодеш.

Аchan-аван кидыштыже

Каван ўмбал озым улына,

Ең кидышке кайымекыже,

Каван йымал күштыра лийына.

Чачи адак мүгүрен шортын колтыш. Кудышто шукынжо шортыт.

– Чачи, молан тынар шортат? – Ведат вате эмраташ т□ча, Чачин кидышке арака чаркам күчкүткөт, Чачилан □ян муным пүкшаш толаша. – Шортмо ок к□л. Юмо гына пиалым пүүжо чыла сай лиеш...

Чачи шортмо лугыч муралтыш:

Умла йыранет – ик йыранет.

Ок лий улмаш мёр йыранет,

Самырык илышет – ик илышет,

Ок лий улмаш кок илышет.

Пеледыш гай ўдыр илышем

Аяр покшым чывыштале... [15, с. 274-275]

(Накануне свадьбы в избе у тетки Ведаси пили прощальное вино. Печально и трогательно звучал ясный и чистый голос Чачи:

Крутясь-извиваясь, волна течет,

Берега размывая, течет.

Подмытый берег уносит вода,

И нам уходить, уходить навсегда.

У серого камня сердца нет,

Сердца нет – и печали нет.

У нас же – сердце,

У нас – печаль.

В доме чужом несладко житье.

Ой, горе мое! Ой, горе мое!

Дальше Чачи петь не смогла, ее душили рыдания, но она сдержалась. Заплакала какая-то девушка. У многих блеснули на глазах слезы.

Но вот Чачи пересилила себя и запела снова.

Отец мне чарку водки поднес,

А я пить не хочу, уходить не хочу,

От отца уходить никуда не хочу,

Из дома родного уходить не хочу.

Мать, улыбаясь, пива ковш поднесла,

А я пить не хочу, уходить не хочу,

Я от матушки нынче уходить не хочу,

Из дома родного уходить не хочу.

Пуховая нитка – мягкая нитка,

Потянешь – растянется пуховая нитка.

У матушки сердце – мягкое сердце,

Да может она лишь слезу пролить.

У батюшки сердце – мягкое сердце,

Да лишь лишнюю чарку выпить он может.

У брата сердце – камень, не сердце,

Когда я уйду, он ждет не дождется.

У невестки сердце – камень, не сердце,

Когда я уйду, она ждет не дождется.
 Я ухожу, а село остается,
 Я ухожу, а сосед остается,
 Подружка любимая остается,
 Ясный цветик, братишко меньшой остается.
 В родимом дому
 Мы как рожь в стогу.

А в чужом дому
 Мы как сор в углу.

Чачи зарыдала. И многие в избе плакали.

– Не плачь, Чачи, не убивайся, – успокаивает ее Ведаси, сует ей в руку чарку с водкой, подает яйца в масле. – Не плачь, глядишь, даст бог счастья, все будет хорошо.

Глотая слезы, Чачи поет:

Если хмель растет – только хмель растет,

Земляника на грядке той не цветет.

Молодость пройдет – один раз пройдет,

Дважды жизнь под луною никто не живет.

Девичья жизнь – как весной цветы,

Да беда – мороз прихватил цветы [\[16, с. 129–130\]](#)).

При всей традиционности композиции и стилистики песен-причитаний и песен-плачей невесты, представленных в этом фрагменте чавайновского романа, безусловно, обращает на себя внимание художественное оформление данного фольклорного интертекста. Конечно же, повествовательные элементы обрамляющего его авторского текста содержат в себе детали и субъекты обрядовых действий, например: *Ведат вате эмраташ т҃ча, Чачин кидышке арака чаркам кучыкта, Чачилан ۋян муным пукшаш толашا* (...успокаивает ее Ведаси, сует ей в руку чарку с водкой, подает яйца в масле). И они не могут не интересовать марийского автора. Однако создается ощущение, что его не в меньшей мере интересует психологическая подоплека образа, для чего он обращается к собственно психологическим деталям и приему умолчания, углубляющим мысль о внутреннем неприятии женщины всего происходящего, о силе ее сопротивления, о драматизме ее будущей судьбы (*ойлен ыш керт, шортын колтыш*). Обращают на себя внимание и маркеры несомненной авторской субъективации повествования, например, звучит сострадающий авторский голос: *Яңдар йىڭىشى دene ныжылгын муралтен, Чачи ала كىن чонжымат тарватыш*. Кроме того, повторяющийся в тексте мотив плача (Чачи *ойлен ыш керт, шортын колтыш*. *Почешыже ончылшогышо ўдыржö шорташ түнале*; Чачи *адак мүйирен шортын колтыш*. Кудышто шукынжо *шортыт*) и обилие слез (Кудысо калык гыч шукынжо *шинчаштым ниялтышт*) также усиливают драматическую линию судьбы персонажа. Привычная для традиционного марийского сознания обрядовая часть

события, оказавшаяся в руках бездушных богачей-дельцов, постепенно начинает восприниматься читателем как средство унижения и подавления человека. Эта содержательная линия усиливается в последующем повествовании, в котором через восприятие Чачи ретроспективно даны пугающие лица и грубые действия участников других составляющих свадебного обряда, например, смены головного убора, встречи невесты в доме жениха, коллективного празднества, первой брачной ночи: *Теве тудын вуешыже шарпаным п□тыреныт. Вуйышто ала-мо йо□-йо□-йо□ кыра. Ала-молан тудे□ стел ваштареш сукыкten шынденыт<...>*. Чужган кува межнеч эргыжын с□анжылан к□рə сайынак подылын. Степт□рышт□, кынел шогалын, чывыла вуйжым ш□рын ыштен, Чачи турас ончыш-ончыш, да ала-можо ыш келше – тудын й□ш□ шинчажлан Чачин сылн€ чурийже сайын ыш кой ала-мо – шке вачыж гыч кумалтыш туывыр ден шарпан-нашмакым налын, вигак Чачин вуйышкыжо шуыш, вара чаргыжаш т□□ал€...>. Кече шинчаш тора огыл ыле, Чачи ден Макарым когынныштым клатыш петырышт [15, с. 276] (Вот обмотали ее голову шарпаном. А в голове гудит... Потом ее поставили на колени перед столом. <...> Чужганиха ради свадьбы любимого сынка крепко подвыпила. Она встала, склонила покуриному голову набок и впилась глазами в Чачи. Видно, что-то померещилось ей с пьяных глаз, она зло закричала <...>. Перед заходом солнца молодых отвели в клеть [16, с. 130]). После этих повествовательных моментов автор даёт песню, которую поет шафер (распорядитель свадебного обряда со стороны жениха) и которая незаметно переключает читателя на традиционные «элементы-признаки» [3, с. 192] свадебно-брачной обрядности мари:

Ик пуд, кок пуд,

Серебро – шым пуд.

Подкалина-малина,

Эре тыге малдена... [15, с. 276]

(Один пуд, пять пудов,

Серебра семь пудов.

Нам петь и плясать,

Молодым до зорьки спать... [16, с. 130]).

Во второй книге своего романа драматическую линию судьбы Чачи автор сгущает до трагической тональности – с помощью песни, вставленной в сказку, которую когда-то Яшай Элнету рассказала его бабушка и которую он вспомнил, когда вместе с Чужган Элександром искал по всей округе сбежавшую от мужа Чачи. В сказке речь шла о шумном свадебном кортеже, который появился то ли наяву, то ли приснился запоздавшему аркамбальскому рыбаку, заночевавшему на берегу Элнета, о красивой девушки, которая, выйдя из кибитки, словно соревнуясь со всеми участниками свадебного действия, запела песню:

Мардеж-южшо пулеш,

Пушенге лышташым тарвата,

Элнет в ўдшо йогалеш.

Лыкын-лукын йогалеш.

Лукшо еда – ош пеледыш,

Пелед шуде лывыжген.

Мыйын изи ўмыремже

Илен шуде күрүлтеш... [15, с. 286]

(Ветер веет над землею,

Шевелит в лесу листвою.

Средь лугов Элнет течет,

Извивается – течет.

Нынче белые цветы,

Не успев расцвести, повянут.

Молодая моя жизнь

Раньше срока оборвется... [16, с. 141]).

Пропев эти строчки, девушка бросается в реку – и свадебного процесса будто бы и не было... Рассказав Яшаю эту историю, его бабушка добавила: «Ожно ик Шайра мари Йылдырым Йылдышак Элнет вес вел Тумертрыш марлан пуэн. Йылдыржан сан орваш Элнө шумеш шинчын миен да вара вигак Элнет агурыш түрштен. Тудо Йылдыр велдышт илы велдидыр лийын, манеш, кажне ийын, шке сан кечинже, йылдым велд гыч лектын, ты муру, манеш...» [\[15, с. 286\]](#) (Давным-давно один шайринский мариец насилино выдал свою дочь замуж в Тумеръял, за Элнет. Но когда свадьба ехала через реку, девушка прыгнула в омут. Превратилась она в русалку и теперь каждый год в день своей свадьбы выходит по ночам из воды и поет эту песню... [\[16, с. 141\]](#)). История утопившейся девушки вернула Яшая в реальность, ассоциируясь с трагической ситуацией, в которой оказалась Чачи. И содержание песни, и повествовательная линия сказки подчеркивают безысходное положение девушки, ее жажду другой (свободной) жизни и одновременно неспособность изменить свою судьбу самостоятельно.

Но драматизм не исчезает и тогда, когда Чачи будет спасена, успокоена, обласкана Григорием Петровичем, ставшим ей самым близким и дорогим человеком. Это подчеркивается и песней, которую она поет под его скрипку:

Йылдырым-йылдырым в ўдет йогале,

Пўя пўялашет ышна шу.

Йылдырым-йылдырым колет каяле,

Мурда шындашет ышна шу.

Йылдырым-йылдырым комбет каяле,

Шўль ё пуашет ышна шу.

Йылдырым-йылдырым таңна каяле,

Шогал мутланашет ышна шу [\[15, с. 360\]](#)

(Серебристые волны мимо проплыли,
А мы не успели запруду поставить.

Чешуей сверкая, рыбы проплыли,
А мы не успели сети поставить.
Белые гуси пролетели мимо,

А мы не успели им зерен дать.
Прошли любимые наши мимо,

А мы не успели им слова сказать [\[16, с. 209\]](#)).

Эпифоры в четных строках (повторяющееся выражение *ышна шу*) и устно-поэтические формы глагола, завершающие нечетные строки (*йогале, каяле*) и запечатлевавшие медленное исчезновение всего милого ей в природе и важного, дорогого в личной жизни, усиливают мысль о недолгом счастье Чачи и о предначертанных ей судьбой ещё многих испытаний (Григорий Петрович, спасая Чачи, убивает её насильника, но будет арестован, а Чачи будет надолго разлучена с любимым человеком).

2 . Народная песня как способ раскрытия характера творческой личности интеллигента-мари

В качестве творческой личности интеллигента-мари в романе «Элнет» выступает сельский учитель Григорий Петрович Веткан, просветитель неграмотных крестьян, патриот своего народа, защитник обездоленных, творческая, поэтическая натура (пишет стихи; переводит на марийский язык художественные произведения; играет на скрипке, образ которой в романе явно символичен: это не марийский народный инструмент, это признак высокой культуры, выражение стремления к творческому развитию, некий вектор художественного вкуса персонажа), в образе которого, как отмечает К. К. Васин, Чавайн «художественно обобщил результат своих многолетних раздумий о судьбе родной национальной интеллигенции, с суровой прямотой показал трудности её мировоззренческого роста» [\[10, с. 53\]](#).

За счет использования песенно-фольклорной стилизации и за счет собственно фольклорного интертекста резко усиливается этноидентификационная линия данного персонажа. В этом плане, безусловно, важны, сцены вдохновенной игры на скрипке и проникновенного пения Григория Петровича, когда марийские мелодии и слова, знакомые и родные, в нем непременно побеждают и греют его душу:

Кудывече гочет ончальымат,

Уремын-уремын койдале.

Урем гычет ончальымат,

Пасуын-пасуын койдале.

Пасу гычет ончальымат,

Олыкын-олыкын койдале.

*Олыкышкет ончальымат,
Ломберын-ломберын койдале.*

Тендан олык – мемнан орлык,

Кунам ломбыжо пеледеш?

Ужар ломбыжо ок пелед гын,

Мо ден олыкда сылнештеш?

Мемнан илыш – тулык илыш,

Лачак мурына веле улдалеш.

Мемнан мурына огеш лий гын,

Мо ден илышна сылнештеш? [15, с. 184]

(Когда за ворота я поглядел,

То улицу нашу увидел.

Когда я с улицы вдаль поглядел,

За улицей поле увидел.

Когда я с поля вдаль поглядел,

То луг я зеленый увидел.

На луг зеленый я поглядел,

Черемушник частый увидел.

Вам-то луга, а нам-то – беда.

Когда же черемуха будет цвести?

Что же украсит ваши луга,

Черемуха если не будет цвести?

Наша-то доля – сиротская доля,

Значит, и песни нам грустные петь.

Что же украсит нам горькую жизнь,

Если и песен не будем мы петь? [16, с. 46]).

Создается ощущение, что в данном контексте основная часть песни важна не столько по своей содержательной направленности, сколько в этноидентификационных целях – исключительно для выражения глубинных связей героя-интеллигента с марийским миром, родным народом, его культурой, марийским словом, для утверждения его гордости и готовности отстаивать и развивать их. Это, собственно, сразу подтверждается лирико-публицистическим монологом (несобственно-прямой речью) персонажа: – *Могай сылне муро... Кеч мутшым нал, кеч семжым нал – яндар шортньо. А ме, марий-влак*

шкенан мурынам аклен оғына мошто. Ме, марий интеллигент влак, марий мурым мураш вожылына. Эх, йомшо турня-влак!.. [15, с. 184] (- Да-а, ничего не скажешь, красивая песня, – тихо проговорил Григорий Петрович. – Что слова, что напев – чистое золото. А мы, марийские интеллигенты, не ценим своих песен, даже, бывает, стесняемся их петь... Эх, журавли, отбившиеся от стаи!.. [16, с. 46]). С этой мыслью напрямую перекликается концовка песни: *Мемнан мурына огеш лий гын, / Мо ден илынша сылнештеш?* Остальная же его часть – это демонстрация красоты и поэтичности родной речи, что имеет важное значение также в этноидентификационном контексте характера персонажа.

Аналогичное упоение марийской песней у Григория Петровича мы видим в эпизоде коллективного исполнения охотничьей песни, где голос подвыпившего после удачной охоты учителя звучал особенно красиво и мощно. Но, по сравнению с вышеприведенной сценой, данный эпизод представляет более выраженную силу самоидентификации со своим народом через песню. Сцена пения получает такое значение, видимо, еще и потому, что дана после «перепалки» Григория Петровича с отцом влюбленной в него русской девушки Тамары, который унизил его, сказав, что, если бы он не был марийцем, то без слов отдал бы свою дочь ему в жены, и после слов Григория Петровича, звучащих как вызов обществу, как протест, направленный на защиту себя и своего национального достоинства: – *Мый марий улам, мый чынак марий улам. Мыланем дворянин Ӯдыр ок кӮл. Мый уна тиде пычкемыш Ӯдырым налат.* [15, с. 233] (- Я черемис! Да, я чистокровный черемис! И мне не нужна дворянская дочь. Я женюсь вот на этой простой марийской девушке! [16, с. 90]).

Охотничья песня, разрушившая своей силой ночную темноту, звучала так:

Сонар пешак сае. Кё тушко ок кае,

Ту ең окмак гае ок пале нимом.

Той пуч пуалта гын, ур пий опталта гын,

Кён чонжо чыта гын, пычал кучыде?

Йорта ма ир шордо, йўкла ма ир кеде,

Лўя пычалнаже ик семын тура.

Кас кече волымеке, тул йыр ме шичмеке,

Кожла шергылтеш дыр мемнан мурна ден:

Тра-ла-ла-ла-ла, тра-ла-ла-ла-ла,

Тра-ла-ла-ла-ла, тра-ла-ла-ла-ла!..

У кече лектеш гын, тул олымым ужеш гын,

Тунам поктена дыр ме янлык түшкам...

А кече нöлтмеке, тўя помыжалтмеке,

Куплаште, кожлаште пычал мўтыра,

Йорта ма ир шордо, йўкла ма ир кеде,

Лўя пычалнаже ик семын тура.

Кас кече волымеке, у тул олтымеке,

Кожла шергылтеш дыр мемнан мурна ден:

Тра-ла-ла-ла-ла, тра-ла-ла-ла-ла!.. [15, с. 233]

(Нет ничего охоты слаше на свете!

Под звук рогов валяться на траве,

Оленя гнать по чащам и долинам,

Пока он, утомленный, упадет.

Прекрасная, веселая забава,

Она дает и аппетит, и крепость,

А после ждут нас Бахус и любовь.

Тра-ля-ля-ля!

Зной, холод, дождь и буря

В горах, в лесах нам ничего не значат.

Волков, медведей, вепрей избивать

— Прекрасная, веселая забава!

Она дает и аппетит, и крепость,

А после ждут нас Бахус и любовь.

Тра-ля-ля-ля! [16, с. 90].

Онтологическая привязанность Григория Петровича ко всему родному — марийскому — передается также через песню и пение в эпизоде его возвращения на родину в конце романа: *Кум ий годсек тюрьмаште киен коштыжко, т□рл□ й□с□ ужмыж деч вара тошкε воля дене илыме верышке толын шумыжко, чон таратыше т□мыр й□кым колмыжко Григорий Петровичын кумылжым туге н□лтальыч — Григорий Петрович, чытен кертде, сүан мурым муралтен колтыш:*

Ужар нымыштым кондышна,

Кушак шинчын шўмлалаш?

Ужар вынныкым кондышна,

Кушак шинчын кучышаш?

Чевер снегым кондышна,

Кудо теркышке пыштышаш?

Чевер ентайым кондышна,

Кудо клатыш пуртышаш? [15, с. 388]

(Три года не слышал он родной марийской музыки, ритма марийских мелодий. Чувство радости охватило Григория Петровича, и он запел свадебную песню:

Зеленого лыка мы принесли,
Где присесть, чтоб очистить его?
Веток на веник мы принесли,
Где присесть, чтоб связать его?
Красную землянику мы принесли,
В какое блюдо насыпать ее?
Красную девицу мы привезли,
В какую комнату завести ее? [\[16, с. 233\]](#).

Свадебная песня в данном фрагменте не имеет прямого этнографического смысла и сюжетно-композиционного значения. Песенный текст, будучи безусловным явлением марийского мира, аккумулируя в себе прелест родного языка, используется как средство усиления концепции персонажа как субъекта национальной культуры. Кроме того, марийская народная песня для творческой личности Григория Петровича – это некая отдушина (средство релаксации); также это возможность выразить через неё свой образ мыслей и чувств; безусловно, песня является средством психологического изображения персонажа.

Психологическая функция песни видна и в других эпизодах романа, в которых присутствует как действующее лицо Григорий Петрович. Один из таких эпизодов, к примеру, представляет сложность психологической ситуации, в которой оказался учитель (Веткану поручили написать характеристику, в реальности наябедничать, на Иванова, – в результате, согласившись на это из-за угроз быть арестованным, он становится осведомителем полиции); автор воспроизводит внутренние мучения персонажа, ощущение им своей никчёмности, осуждение себя за предательство: *Пелй□д эртен. Туге гынат Григорий Петрович ок мале. □стембалне пелштоп кленча шога. Кленча пундаште изиш арака уло. Григорий Петрович □стелт□рышт□ вуйжым кучен шинчыи шинчыш да муралтен колтыш:*

*Шошо толеш, пеледыш пеледеш
– Эх, молан йёра, кёлан йёра?
Эх, молан йёра, кёлан йёра,*

Мемнан ўмыр эрта, молан йёра?.. [\[15, с. 279\]](#)

(Уже за полночь. Но Григорий Петрович не спит. Перед ним на столе недопитая бутылка. Он сидит за столом, склонив голову.

Весна придет, и цветы расцветут
– Ах, зачем расцветут, для кого расцветут?
Ах, зачем нужна, кому дорога,

Наша жизнь проходит, кому дорога? [\[16, с. 134\]](#)).

3. Народная песня как средство раскрытия авторских идей и позиций

Как мы уже видели, многие авторские идеи аккумулированы в романе в концепции образов персонажей, и их объективации в максимальной мере способствуют песни. Но есть в произведении и такой народно-песенный интертекст, который напрямую не привязан к ключевым персонажам, их типам и смыслам, а интересен в самостоятельной идеино-оценочной функции. Докажем это на нескольких примерах.

В романе Чавайна достоверно запечатлены противоречия дореволюционной народной жизни: с одной стороны, нищета, тяготы, несправедливость, с другой – романтика, высокая вера, народный юмор, красота взаимоотношений. Раскрытию такой авторской концепции дореволюционного марийского мира в максимальной степени способствует народно-песенный интертекст: в первом случае, например, рекрутские песни, во втором – календарные (трудовые) и лирические (любовные) песни.

Обратимся к сцене сенокоса, в которой Чавайн представляет множество мужчин и женщин, молодых и пожилых марии; в ней изображение их проворности в работе дополняется воспроизведением творческой соревновательности – для этого автор обращается к целому песенному ряду. При этом мы видим авторское любование и тем, и другим действом, а также безусловное уважение Чавайна к своим сородичам, увлеченным привычным коллективным трудом и творчеством. И в труде, и в творчестве запечатлены романтика и радость; не отделимы друг от друга природа и люди. В песнях утверждается гармония и природосообразность марийской крестьянской жизни. Каждая песня заканчивается элементами народного юмора, шутки, что помогает приподняться народу над тяготами повседневной социальной жизни. В песнях упоминается множество традиционных природных образов, используются характерные для фольклорных текстов синтаксические повторы; воспроизводятся знакомые автору и читателю географические названия.

Запевают девушки (песня «зацепляется» за образ луга – места сенокоса, а далее по цепочке возникают другие привлекательные природные образы, заканчивается образный ряд девушками, привязанными к отдельным топографическим элементам):

Элнет олыкет – мо олыкет?

Ошыт олыклан ок шулдал.

Ошыт в ѹдет – мо в ѹдет?

Элнет в ѹдлан ок шулдал.

Шеренге колет – мо колет?

Оланге коллан ок шулдал.

Шайрамбал ѹдырет – мо ѹдырет?

Аркамбал ѹдырлан ок шулдал [\[15, с. 261\]](#)

По Элнету луга – что за луга?

– Им с лугами Юшута никак не сравниться.

Но в Юшуте вода – что за вода?

– Ей с элнетской водой никак не сравниться.

Бьется, плещет сорожка – разве рыба сорожка?

С окунем ей никогда не сравниться.

Шайрамбальские девки – разве это невесты?

С аркамбальскими им никогда не сравниться [\[16, с. 117\]](#).

Отвечает им бойкая женщина (ее жизненный опыт позволяет углубить тему человеческой жизни, игриво и рационалистично моделируя ее, выделяя ее прелести и одновременно указывая на ее быстротечность):

Элнет в ўдет йогалеш,

Лукын-лукын йогалеш.

Лукшо еда – мёдывуй,

Мёдывуй еда – ломбер,

Ломбер еда – укш-парча,

Укш-парча еда – пеледыш.

Укш парча еда – пеледыш

– *Пелед ок шу, ен ужеш,*

Тенийсе ўдыр – йорга ўдыр

– *Кушкын ок шу, марлан кая.*

Тенийсе каче – йорга каче –

Кушкын ок шу, ватан лиеш [\[15, с. 261\]](#)

Как река Элнет течет,

Что ни шаг, то поворот.

Что ни речки поворот,

Там черемуха цветет.

Только цвет не отцветет,

В чьи-то руки попадет.

Нынче девушки добры,

Нынче девушки хитры.

С ними лучше не шути:

Не успеют подрасти,

Справят свадебный наряд,

Замуж сразу норовят...

И с парнями не шути:

Не успеют подрасти,

Время даром не теряют,

Жен тотчас же выбирают [\[16, с. 118\]](#).

Вскоре песня становится частью развернутого в пространстве и времени коллективного действия, начинает выражать характер взаимоотношений в едином мире марийской жизни (трудовой и творческой). Так, мы видим, например, добродушное заигрывание над девушками в песне Микале:

Коркаял ѿдырет – пидме йолет,

Яранур ѿдырет – кугу чапат [\[15, с. 262\]](#)

Коркаяльские девчата – в лапотки обутые,

Яранурские девчата – ноги – дуги гнуемые [\[16, с. 118\]](#).

Оно сменяется его же шутливым подтруниванием над странными привычками женщин в разных деревнях:

Нёлпёял ѿдырет – воронка логарет,

Кожланур ѿдырет – күчык тореш мүшкырет,

Нурмур ѿдырет – шүшмө шувышет,

Паранбел ѿдырет – лукде кодшо ушменет [\[15, с. 261\]](#)

Вот норпольские девчата – луженые глотки,

Кожлатюрские девчата – обрубки короткие,

Поранбельские девчата похожи на редьку,

А нурмурские девчата – обжоры на редкость [\[16, с. 118\]](#).

Привычный народный юмор, заложенный в песнях и воспроизведенный исполнителями, вызывает веселый хохот работающих, всеобщий душевный подъем – никаких обид и злости. Перед нами чистый, естественный, романтически приподнятый мир народного существования, не омраченный социальными проблемами и внешним вмешательством (гармония мира и человека, которая, по мнению культуролога Г.Е. Шкалиной, весьма важна для понимания традиционной марийской Вселенной и которая «выразительно проводится» «в священном наследии марийского народа» [\[1, с. 51\]](#)).

Такая же направленность у песни, которую пела девушка Почук в воспоминаниях Япуша (вторая книга романа):

Коклан мыскара мурымат шонен луктеш...

Корно кая яклакан,

Тылзе нöлтеш волтал ген,

Серге пурсам вет ѿден,

Айста кочкаш каена.

Кугу пурса пешак тутло,

Ме сївызена, те кочса;

Кожланурын качыжым дыр

Ме таратена, те модса!.. [15, с. 301]

(До чего ж хорош горох

При любой погоде!

Не нарвать ли нам гороха

Ночью в огороде?

Ах, горох, как сахар, сладок!

Мы едим – не осуждайте.

Мы парней из Кожланура

Завлечем, а вы играйте [16, с. 154].

Соответственно представленная далее во второй же книге сцена мобилизации (проводов в царскую армию), которая обычно трактуется исследователями исключительно в социально-политическом и социально-бытовом контексте романа (как факт социальной несвободы народа мари до революции и как очередное тяжелое испытание для учителя Григория Петровича Ветканы, который, желая спасти Чачи и себя от наступающего на них богатого рода Чужгана, решил идти добровольцем на войну, написал всем прощальные письма и уже всерьез обдумывал свой план убийства Макара), закономерно получает и этнонациональную содержательную направленность: она осмысливается автором еще и как разрушительное насилие по отношению к народу, как вмешательство извне в образ и уклад его жизни, как нарушение гармонии марийской Вселенной. Чавайн показывает трагизм исторической и онтологической ситуации, в которой оказался бесправный народ: люди оставляли привычный им мир, насилию и с глубоким непониманием происходящего отправлялись в чужой мир – на империалистическую войну (*Марий шемер-влак, вуйыштым сакен, еышытым шортарен коден, ала-мо верч, ала-кн верч, ала-кн ваштареш кредалаш тарваненЧарла ден Оза корным ягылташ тўнальчи...* [15, с. 347] – Пошли марийские мужики, оставив в слезах родных, пошли, понурив головы, воевать, не зная за что, не ведая за кого, не понимая, против кого... Что ни день – тянутся по дорогам от Царевококшайска в Казань толпы мобилизованных [16, с. 197]).

Такая авторская концептуальность и интенция, связанная с идеей покончить с «темной» силой, разрушающей народный миропорядок и естественную гармонию, в максимальной мере заострены в рекрутской (солдатской) песне, раздающейся вдали (Умбалне ала-кн

пеш ойган муралтен колтыш [\[15, с. 347\]](#) – Вдали кто-то затянул очень печальную песню):

Шем шаленгет шиялтале

– *Шем калыклан нелыже только.*

Ош шаленгет шиялтале

Ошыт в ўдетлан нелыже только.

Ошыт в ўдын покшеланже

Ладыра куэт шочылден.

Ладыра куэн вуешыже

Аяр покшымет возылден.

Аяр покшымын толмекыже,

Ола чомат шочылден.

Тудо ола чомаже шочылден,

Нигёлан йёрдымё шочылден.

Меже шочын күшкүнна

Сарыш каен орланаш,

Йыдалем пыта, жал оғыл,

Кандыраже кодеш, пеш жал.

Шке каем, жал оғыл,

Шочшем кодеш , пеш жал... [\[15, с. 347\]](#)

(Черный ястреб вскричал,

Пришла к людям беда.

На Элнете-реке

Почернела вода.

Все цветы на лугах

Погубил иней злой.

Жеребенок у нас

Уродился хромой.

Но не нужен хромой

Никому, никому.

А мы, знать, родились,

Чтоб уйти на войну.

Были лапти – стоптались,

Да не жалко лаптей.

Нам не жалко себя,

Только жалко детей... [\[16, с. 197\]](#)).

Трагический пафос рекрутской песни основан на трагизме народного сознания: «Уход в солдаты народом психологически приравнивался к смерти» [\[14\]](#). Все традиционные темы и мотивы представленной в романе Чавайна рекрутской песни: война как зло (передается через образы черного ястреба, почерневшей воды, погубленных инеем цветов, изначально искалеченной жизни жеребенка, в дальнейшем проецируемых в песне на конкретную человеческую жизнь), предощущение страданий и смерти, беспокойство рекрута за свою семью, которая может осиротеть, – призваны передать сострадание писателя своим сородичам-мари, не защищенным социально и политически, обреченным на бессмысленные жертвы. Осуждение войны и царского режима развивается в романе, как уже было отмечено выше, и в плане протеста автора против разрушения естественно организованной и природосообразной жизни народа, что в песне подчеркнуто не явным, но вполне осознаваемым психологическим параллелизмом: 1) почернела от беды вода (*Ошыт в□детлан нелыже только*), ядовитая поземка губит «родившуюся» посреди воды берёзу (*Ошыт в□дын покшеланже / Ладыра күэт шочылден. / Ладыра күэн вуешы же / Аяр покшымет возылден*), и жеребёнок родился хромой (*Нигёлан й□рдым□ шочылден*)² к людям пришла беда, мари родились не для счастья, а чтобы голову сложить на войне (*Меже шочын күшкынна / Сарыш каен орланаш*), дети родились, чтобы стать сиротами (*Шочшем кодеш*).

Заключение

Итак, народные песни, составляющие фольклорный интертекст романа «Элнет», непосредственно заимствованные из фольклора, переделанные или созданные самим Чавайном по подобию содержания и стилистики устнopoэтических текстов, придают авторскому повествованию романтическую возвышенность, поэтичность, драматизм и национальную специфику, усиливают авторскую концепцию мира и характера персонажа.

Песенные тексты романа большей частью раскрывают традиционно-культурный уклад жизни народа мари, его природно-естественное существование, ориентированность на мифы и идеалы (трудовые песни; обрядовые песни: свадебные, в том числе песни-прочтания; лирические, главным образом, любовные и сиротские). Они непосредственным образом связаны с национальной проблематикой романа и авторской концепцией, основанной на уникальности народа мари и его культуры.

Немало места занимают песни, оттеняющие трудности дореволюционной социальной жизни народа и неравноправие этнонационального существования, ставшие поводом для формирования революционных пристрастий в народной среде (рекрутские – о проводах на войну, сиротские, прочтания). Данный фольклорный интертекст помогает прояснить идеино-нравственные искания марии в предреволюционную эпоху, назревающие в глубине народа поиски путей социального и национального освобождения.

В этом контексте представляют интерес самоотверженность и самоотреченность ради блага близкого человека, саморефлексия, понимание наказания, предчувствие испытаний для себя и народа, заложенные автором в образ интеллигента Ветканы;

умение противостоять житейским невзгодам бедного крестьянского сына Сакара, обретающего позднее «подлинно богатырскую силу в революционном мировоззрении» [10, с. 170]; движение образа Чачи (от несчастной жертвы социальных обстоятельств – к стихийному протесту в быту, грамоте и духовной самореализации). Авторская концепция романа, безусловно, содержала в себе идею потенциальной силы народа, его способности выйти на новый уровень сознания – бытового и общественного.

Но заметим, что активное вхождение народа (на примере судьбы ключевых героев романа) в новое состояние и новое мировоззрение (по определению К. К. Васина, возникновение «его революционно-демократической и социалистической культуры» [10, с. 172]), которое, по мысли автора, могло бы привести его к счастью и которое представлено во второй, незавершенной, книге романа «Элнет», лишено того обильного народно-песенного сопровождения, которое было отмечено при изображении его противоречивой дореволюционной жизни (первая книга и начало второй книги романа) – с идеализацией природного и исконно мифологического бытия марии и с драматизмом социального и национального его существования.

Библиография

1. Аксиологическая парадигма марийской литературы XX–XXI веков: коллект. монография / Мар. гос. ун-т; Р. А. Кудрявцева, Т. Н. Беляева, Г. Е. Шкалина и др.; сост. и науч. ред. Р. А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2019. 353 с.
2. Бассель Н. М. Проблемы межнациональной общности эстонской советской литературы. Таллинн: Ээсти раамат, 1985. 312 с.
3. Белевцова В. О. Традиционная свадебная обрядность марийцев: структурно-типологический анализ // Социология и социальная антропология. 2011. № 2. С. 182–198.
4. Бройтман С. Н. Из лекций по исторической поэтике. Слово и образ // URL: https://nashaucheba.ru/v5585/лекции_по_исторической_поэтике (дата обращения: 26.01.2023).
5. Васин К. К. История и литература: О проблеме историзма в марийской литературе: ист.-литературовед. очерк. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1980. 152 с.
6. Васин К. К. Просветительство и реализм: К проблеме генезиса социалистического реализма в марийской литературе: ист.-литературовед. очерки. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1975. 247 с.
7. Васин К. К. Сергей Григорьевич Чавайн: Жизнь и творчество. 2-е изд, доп. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. 47 с.
8. Джанумов С. А. Народные песни и малые жанры фольклора в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Литература в школе. 2020. № 1. С. 32–44.
9. Иванов А. Е. Марий литератур: туныктышылан полыш. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 1993. 280 с.
10. История марийской литературы / отв. ред. К. К. Васин, А. А. Васинкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 432 с.
11. Кудрявцева Р. А. Генезис и динамика марийского рассказа в контексте литературы народов Поволжья: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2011. 324 с.
12. Медриш Д. Н. Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики / под ред. Б. Ф. Егорова. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1980. 296 с.
13. Очерки истории марийской литературы. Часть II / МарНИИ яз., лит и ист. при Совете министров Марийской АССР; отв. ред. М. А. Георгина. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во,

1960. 412 с.
14. Фокеев А. Л. Неиссякаемый источник. Устное народное творчество. Рекрутские обряды. Причтания // URL: <https://deepcloud.ru/articles/cto-takoe-rekrutskiy-folklor> (дата обращения: 02.02.2023).
 15. Чавайн С. Г. Возымыжо кум том дене лукталтеш. З том: Пьеса-влак, «Элнет» роман / К. К. Васин ден Г. С. Чавайн поген чумыреныт. Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий изд-во, 1981. 429 с.
 16. Чавайн С. Г. Элнет: роман / пер. с мар. В. Муравьева. Йошкар-Ола: Мар. кн. из-во, 1988. 256 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Соотношение литературы с фольклором и российские, и зарубежные исследователи определяют как важнейшую проблему финно-угорского литературоведения и в качестве главного типологического критерия для сравнительного изучения литератур. Несомненно, что фольклор и литература неотделимы друг от друга, хотя явно контрастны. Объектом исследования рецензируемой статья становится роман С.Г. Чавайна «Элнет», в котором запечатлены все сферы марийской жизни и главные противоречия 1912-1918 годов. Предметная область работы соотносится с определением роли марийских народных песен в структуре указанного произведения. Думается, что указанные ориентиры изучения вполне оправданы, ибо «художественные функции песен в романе «Элнет» до настоящего времени совершенно не исследованы. В традиционном литературоведении, представившем довольно подробный анализ художественной структуры романа, по данному вопросу имеются лишь общие суждения...». Таким образом, статья ориентирована на эвристическую магистраль, в ней дается полновесная разверстка заявленной темы. Методология анализа сводится к традиционным типам, сравнительно-сопоставительный фактор все же превалирует в данном исследовании. Отчасти это и не плохо, так как текст романа С.Г. Чавайна создан в рамках классической литературы, сложно-экспериментального ориентира у автора не было. В начале сочинения отмечено, что «в романе «Элнет» нами выделены 9 текстов (фрагментов) марийских народных песен. Они проанализированы без разделения их на собственно фольклорные, переработанные или сочиненные самим Чавайном по подобию содержания и стилистики устнopoэтических песенных текстов. Заметим, что собственно-текстологическая работа, направленная на подобную систематизацию и дифференциацию «песенных мест» романа, должна стать предметом отдельного специального исследования. Большей частью песни отмечены в первой книге романа, в которой сильна этнографическая составляющая художественного содержания». Можно предположить, что работа по изучению наследия С.Г. Чавайна будет осуществлена и далее. Текст статьи дробиться на отдельные смысловые блоки / уровни. Считаю, что таким образом следить за развитием исследовательской мысли удобнее, естественнее. Большая часть аналитических тезисов объективна, понятна, доступна даже для неподготовленного читателя. Например, «по нашему мнению, таким этапом применительно к литературному творчеству народа мари можно было бы считать начало XX века – в это время как раз началось формирование марийской художественной прозы», или «при изображении крестьянской жизни и крестьянских героев песня звучит на фоне природы, которая и вдохновляет их на поэтическое мироощущение, наталкивает

на эмоциональное переживание каких-то реальных или воображаемых / ожидаемых событий их жизни. Чавайн представляет такую связь природы и человеческой жизни как естественное состояние крестьянского персонажа, выстраивая природную концепцию народного характера», или «песенные строки неразрывно слиты с пейзажным описанием; песня, возникшая в ярко-позитивном, умиротворяющем природном контексте, соответствует естественному мироощущению персонажа», или «много места занимают в романе песни, исполняемые девушками-мари (лирическими и обрядовыми). Они позволяет автору представить читателю особенности марийского народного уклада жизни, обрядовой и духовной культуры. Такие песни в романе сопровождают не столько какие-либо трудовые действия, сколько бытовые (иногда «околотрудовые») сцены и предсвадебные обрядовые традиции. Они передают естественность чувств исполняющих, отражают характерный стиль взаимоотношений, взаимодействий, сложившийся в народной среде; их пафос и тональность в полной мере гармонировали с событийным и психологическим планами повествования» и т.д. Стиль работы приближен к научному типу, хотя наличный языковой состав можно было бы усилить, усложнить. Термины, понятия вводятся в текст сочинения с правильных коннотативных позиций, серьезных нарушений не выявлено. Отмечу, что в ходе исследования романа С.Г. Чавайна народные песни не только манифестируются, номинируются, определяется и их функциональная роль: раскрытие характера, описание традиционной культуры мари, абрис национальной проблематики и т.д. В работе достаточное количество примеров, отсылок, иллюстративная база полновесна. Может быть, некоему единобразию следовало бы привести цитации – «...» [2, стр. 567]. Единство текста облегчает его понимание, причем автор статьи часто использует т.н. (...) второстепенно маркированные вставки, которые играют роль комментария, хотя в ряде случаев они полноценны и значимы. Например, «более опосредованная связь с фольклором (стилизация под произведения устного народного творчества, собственно художественное творчество, в структуре которого фольклорная тематика и фольклорные изобразительные средства все же продолжают играть определяющую роль, далее – полная подчиненность используемых в произведении фольклорных элементов литературному замыслу писателя) будет характерным явлением марийской прозы лишь в 1920-е годы» и т.д. Уместен и перевод ряда текстовых включений в роман С.Г. Чавайна, [перевод с марийского наш. – Р. К.]. Заключительный блок логически связан с основным, в частности в данном фрагменте указано то, что «песенные тексты романа большей частью раскрывают традиционно-культурный уклад жизни народа мари, его природно-естественное существование, ориентированность на мифы и идеалы (трудовые песни; обрядовые песни: свадебные, в том числе песни-причитания; лирические, главным образом, любовные и сиротские). Они непосредственным образом связаны с национальной проблематикой романа и авторской концепцией, основанной на уникальности народа мари и его культуры», «немало места занимают песни, оттеняющие трудности дореволюционной социальной жизни народа и неравноправие этнонационального существования, ставшие поводом для формирования революционных пристрастий в народной среде (рекрутские – о проводах на войну, сиротские, причитания). Данный фольклорный интертекст помогает прояснить идеино-нравственные искания мари в предреволюционную эпоху, назревающие в глубине народа поиски путей социального и национального освобождения» и т.д. Привлекает еще и факт актуализации проблемы изучения наследия С.Г. Чавайна: «активное вхождение народа в новое состояние и новое мировоззрение могло бы привести его к счастью и которое представлено во второй, незавершенной книге, романе «Элнет», который лишен того обильного народно-песенного сопровождения». Думаю, что работа имеет выверенный концептуальный базис, она представляет собой пред-этап дальнейшего изучения

творчества С.Г. Чавайна, но и в данном виде интересна, наукоемка, познавательна. Ряд основных требований издания все же учтен, представленная библиография используется на протяжении всего текста. Статья «Марийские народные песни в художественной структуре романа С.Г. Чавайна «Элнет» может быть рекомендована с незначительной технической правкой (цитаты) к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Богданова Ю.А. — Египетская романная проза 1950-х гг. и тенденции ее развития: сопоставительный анализ // Litera. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.3.39906 EDN: JSWILC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39906

Египетская романная проза 1950-х гг. и тенденции ее развития: сопоставительный анализ

Богданова Юлия Александровна

ORCID: 0000-0003-0836-192X

выпускник аспирантуры, Кафедра арабской филологии, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119991, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

[✉ jul.bogd1111@gmail.com](mailto:jul.bogd1111@gmail.com)

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.3.39906

EDN:

JSWILC

Дата направления статьи в редакцию:

06-03-2023

Аннотация: Цель исследования – определить общее направление, по которому развивалась романная проза Египта 1950-х гг., и установить широту ее разнообразия. Анализ проведен на материале романов «Земля» (1954) 'Абд ар-Рахмана аш-Шаркави, «Каирская трилогия» (1956–1957) Нагиба Махфуза, «Открытая дверь» (1960) Латифы аз-Зайят, повестей «Грех» (1959) Юсуфа Идриса и «Синие фонари» (1960) Махмуда Теймура. Методология: мы выделили ключевые композиционные составляющие романов и повестей (сюжет, тематику, систему персонажей, стиль и язык, повествование и конфликт) и провели сопоставительный анализ на их основе. Новизна исследования: несмотря на то что в 1950-х гг. в Египте были написаны одни из самых значительных романов («Каирская трилогия», «Грех» и «Открытая дверь» попали в список лучших арабских романов XX в., составленный Союзом арабских писателей, 2001), внимание ученых сосредоточено либо на отдельных писателях, либо на новой арабской литературе в целом; мы обращаем внимание на региональную специфику и исследуем ближайший литературный контекст, в котором возникли эти влиятельные произведения. Полученные результаты позволили нам прийти к выводам: на 1950-е гг. приходится расцвет реализма, представлены социалистическое, социально-критическое, психологическое, бытописательное течения. В литературе наблюдался всплеск интереса

к национально-освободительной борьбе египтян, что отразилось в конфликте и персонажах, которые четко делятся на группы. Романная проза делится на две ветви – городскую и деревенскую. Принадлежность писателя к поколению влияет на выбор языка диалогов – литературного арабского или египетского диалекта. В заключении отмечено, что египетский реализм в 1950-х гг. достиг зрелого этапа, и в ходе десятилетия зародились тенденции, приведшие к подъему модернизма в 1960-х гг.

Ключевые слова:

арабская литература, новая арабская литература, роман, египетская литература, египетский реализм, социалистический реализм, арабский модернизм, Нагиб Махфуз, Юсуф Идрис, арабская проза

Цель, ход и методология исследования

Цель исследования – проанализировать, в каком русле развивалась романическая проза Египта в 1950-х гг.: на материале ряда произведений мы выявили общие тенденции десятилетия и отметили авторские особенности. В начале статьи дано обоснование выбора романов, обозначена актуальность исследования, включающая в себя обзор литературы. Затем описан сюжет романов и представлены главные действующие лица. Далее мы определили основные композиционные составляющие произведений: тематика, система персонажей и психологизм, стиль и язык произведений (в том числе литературный арабский или египетский диалект арабского), повествование и точка зрения, конфликт как главная объединяющая сила произведений. Мы передали эти компоненты романов в виде таблицы: она обеспечивает легкость сопоставления и равный подход ко всем произведениям, а также наглядно и лаконично представляет материал. Проведен сравнительно-сопоставительный анализ, на основе которого выделены ключевые особенности и направления развития романной прозы в Египте 1950-х гг., а также исследованы пределы ее разнообразия. В заключении статьи мы подвели итог и вкратце рассмотрели будущее египетского романа, вписав исследование в более широкий исторический контекст.

Перечень произведений и принцип их выбора

Мы избрали пять произведений: «Земля» («Ал-Ард», 1954) 'Абд ар-Рахмана аш-Шаркави (1920–1987) [Аш-Шаркави 'А. Р. Ал-Ард. Каир: Дар ал-катиб ал-'арабий ли-т-тиба'а ва-н-нашр, 2009. – 388 с. (на арабском языке)]; «Каирская трилогия» (1956–1957) Нагиба Махфуза (1911–2006), состоящая из романов «Байн ал-касрайн» (1956), «Каср аш-шаук» (1957) и «ас-Суккарыйя» (1957) [Махфуз Н. Байн ал-касрайн. Каср аш-шаук. Ас-Суккарыйя. Каир: Дар аш-шурук, 2019. – 591 с.; 547 с.; 406 с. (на арабском языке)]; повести «Грех» («Ал-Харам», 1959) Юсуфа Идриса (1927–1991) [Идрис Ю. Грех. Повесть: Перевод с арабского Е. Стефановой. М.: Гослитиздат, 1962. – 150 с.; Ал-Харам. Ал-Хиндави, 2018. – 96 с. (на арабском языке)] и «Синие фонари» («Ал-Масабих аз-зурк», 1960) Махмуда Теймура (1894–1973) [Теймур М. Синие фонари. Пер. с араб. и предисл. В. Борисова. – М.: Худож. лит., 1970. – 222 с.; Ал-Масабих аз-зурк. Каир: Ал-Хай'a ал-мисрийя ал-'амма ли-л-китаб, 1999. – 186 с. (на арабском языке)], роман «Открытая дверь» («Ал-Баб ал-мафтух», 1960) Латифы аз-Зайят (1923–1996) [Аз-Зайят Л. Открытая дверь / Пер. с араб. А. Городецкой и Л. Медведко; Предисл. В. Медведева. – М.: Прогресс, 1964. – 232 с.; Ал-Баб ал-мафтух. Каир: Мактабат ал-усра, 2003. – 355 с. (на арабском языке)]. При отборе мы руководствовались рядом соображений:

1) произведение относится к арабскому жанру *ривайа*, эквивалентному русскому роману и крупной повести;

2) высокая оценка критики и литературоведов, интерес к произведениям вплоть до настоящего времени, популярность среди аудитории. В критике 1950-х гг. мы во многом ориентировались на статью «О современном египетском романе» (1954) [17] влиятельного критика 'Абд ал-'Азима Аниса (1923–2009) (см. [11]). Он выделил три поколения египетских писателей: к старшему, помимо Махмуда Теймура, относятся Таха Хусейн (1889–1973) и Тауфик ал-Хаким (1898–1987), не издававшие романов в 1950-х гг.; ко второму – Нагиб Махфуз, к младшему – 'Абд ар-Рахман аш-Шаркави. На популярность романов указывает то, что «Трилогия» экранизирована неоднократно, в основу кинофильмов также легли «Открытая дверь» (1963, режиссер Хенри Баракат), «Грех» (1965, режиссер Хенри Баракат) и «Земля» (1970, режиссер Юсуф Шахин). Говоря о современном восприятии произведений, в список лучших арабских романов XX в., составленный Союзом арабских писателей (2001) [15], вошли «Каирская трилогия», «Грех» и «Открытая дверь».

3) Стремление к разнообразию. Рассмотрены произведения авторов:

1. разного возраста, пола;
2. различного происхождения: Махмуд Теймур принадлежал к высшей знати, Нагиб Махфуз и Латифа аз-Зайят родом из городской семьи среднего класса, 'Абд ар-Рахман аш-Шаркави и Юсуф Идрис выросли в деревне;
3. отличных политических взглядов. Аш-Шаркави был социалистом, борьбой за равноправие занималась Латифа аз-Зайят (в частности, основала Лигу молодых женщин университетов и институтов); на близость раннего Идриса к социалистическому реализму указывали исследователи [16]. Нагиб Махфуз и Махмуд Теймур придерживались умеренных взглядов, последний некоторое время выступал с позиций панарабизма [Таймур М. Ал-Имбратурийя ал-арабийя хал йумкин ан тауд (Может ли вернуться Арабская империя) // Ал-Хилал, декабрь 1940. С. 85–88 (на арабском языке)], фараонизма и др. Впрочем, египетскую революцию 1952 г. и свержение монархии поддержали все.
4. Авторы тяготели к разным литературным направлениям. Теймур – один из участников «новой школы» и создателей реализма в египетской литературе, чьи взгляды близки к просветительским; проявлял интерес к психологической прозе в 1930-х гг., в поздней новеллистике – к экзистенциализму. Первые романы Махфуза – о фараонском прошлом Египта в русле романтизма [«Игра судеб» («'Абас ал-акдар», 1939) и др.]. С середины 1940-х гг. в центре его внимания современные египтяне [«Хан ал-Халили (1945), «Переулок ал-Мидакк» («Зукак ал-Мидакк», 1947) и др.]. После аллегорического романа «Дети нашей улицы» («Авлад харатина», начало публикации в периодике 1959, полное издание 1962), стилизованного под народный роман – сиру – и берущего за основу историю авраамических религий, его творчество разнообразно; в него входят в частности «экзистенциальные» романы о психологии человека [«Вор и собаки» («ал-Лисс ва-л-килаб», 1961), «Мирамар» (1967)]. Произведения аш-Шаркави, выпущенные после дебютного романа «Земля», продолжили тему классовой борьбы («Феллах», 1967). Юсуф Идрис стал широко известен как новеллист, реалистически и с иронией изображавший египтян из разных социальных слоев [сборник «Самые дешевые ночи» («Архас лайали», 1954)], а также как обновитель драматургии в русле театра абсурда – пьеса «Фарфуры» («ал-Фарафир», 1964).

5. Авторы работали в разных жанрах и сферах жизни. Теймур и Идрис получили известность как новеллисты, Нагиба Махфуза называют «эмиром арабского романа» [6], Латифа аз-Зайят посвятила себя общественной деятельности и написала лишь один роман кроме «Открытой двери» – «Хозяин дома» («Сахиб ал-байт», 1995).

4) количество достаточное для того, чтобы, с одной стороны, представить египетскую романистику в ее разнообразии, с другой, содержательно рассмотреть каждое произведение в рамках статьи.

Новизна исследования и обзор литературы

Актуальность исследования состоит в том, что египетская романистика 1950-х гг. как таковая остается слабо изученной темой в мировом и отечественном востоковедении. Как правило, либо исследуются отдельные произведения или писатели, в частности Юсуф Идрис [7, 16] и Нагиб Махфуз [6, 13], либо 1950-е гг. составляют малую часть в истории новой арабской литературы [8, 9, 11, 12, 20] и романа [5, 18]. Многочисленны исследования «Каирской трилогии» Нагиба Махфуза [10, 14, 19] (подробнее см. [3]), которая возглавляет список Союза арабских писателей, но остается не переведенной на русский язык. В статье мы привлекаем внимание к ближайшему литературному контексту, в котором возникла она и другие важные арабоязычные произведения, и концентрируемся на их региональной специфике.

Основное содержание романов

«Земля»

Действие романа «Земля» происходит летом 1933 г. Главные действующие лица – крестьяне и мелкие землевладельцы: бывший начальник стражи Мухаммад Абу Сувайлим, участник египетской революции 1919 г.; его дочь Васифа, первая красавица деревни; молодые люди 'Абд ал-Хади, смельчак, Мухаммад-эфенди, получивший хорошее образование, и его брат, недалекий и вспыльчивый Дияб; держатель бакалейной лавки шейх Юсуф. Также действуют представители власти: крупный землевладелец Махмуд-бек; высшее должностное лицо деревни – омда ; начальник местной полиции; старшина надсмотрщиков 'Абд ал-'Ати; имам и учитель шейх аш-Шанави. Конфликт завязывается, когда по указу правительства жителям деревни вдвоем ограничивают подачу воды для орошения полей (среди них зреет недовольство, поскольку ранее у них конфисковали часть земель). Мухаммад-эфенди пишет петицию, и крестьяне хотят, чтобы в город ее передал Махмуд-бек, однако он составляет другую петицию, которую крестьяне подписывают по требованию шейха аш-Шанави, и уезжает в Каир. Жители деревни узнают, что в новом документе содержится просьба проложить через их поля железную дорогу, соединяющую столицу региона с Каиром.

Когда начинается ирригационный цикл, крестьяне разрушают отводы от канала, чтобы получить больше воды; следуют аресты. Одновременно в деревню прибывает шейх Хассуна – бывший директор школы в соседнем селе, сосланный в город за то, что отказался фальсифицировать выборы, на которых одержала победу Народная партия Исма'ила Сидки (1875–1950, глава правительства в 1930–1933). Крестьяне вынуждены работать на строительстве железной дороги, но под руководством шейха Хассуны они устраивают бунт: бросают стройматериалы в воду и идут собирать хлопок. Полиция жестоко подавляет восстание – Мухаммад Абу Сувайлим погибает – и изымает хлопок. Омда умирает, его место желает занять Махмуд-бек.

Отдельную линию составляет судьба безземельных жителей деревни 'Алвани и Хадры, которые занимаются мелкой и грязной наемной работой (Хадра также зарабатывает проституцией). Хадру топят в канале, однако следствие признает ее смерть самоубийством и не занимается расследованием. Особое внимание уделено взаимоотношениям жителей деревни, в частности Васифы и 'Абд ал-Хади.

«Каирская трилогия»

Роман повествует о семье 'Абд ал-Гаввад, живущей в историческом центре Каира. Заглавия «Трилогии» «Байн ал-касрайн» (буквально – «Меж двух дворцов»), «Каср аш-шаук» («Дворец страсти») и «ас-Суккарыйя» («Сахарная [улица]») указывают на названия улиц, на которых расположены три семейных дома. Действующие лица: глава семьи Ахмад, владелец бакалейной лавки, деспотичный и жестокий отец, но общительный и обходительный друг и любовник; его жена Амина, управляющая домашним хозяйством, покорная и глубоко верующая женщина; сын Ахмада от первого брака Ясин (в начале романа его возраст около 21 года), неумный, но унаследовавший от отца красоту и жажду телесных наслаждений; сын Ахмада и Амины Фахми, многообещающий студент Высшей юридической школы; младший сын Камал (около 10 лет); старшая дочь Хадига (около 18 лет), некрасивая и острая на язык, хозяйственная, как ее мать; дочь 'А'иша (около 16 лет), прекрасная внешне и с мягким характером, но равнодушная к семейным делам и не целеустремленная.

Действие начинается в 1917 г. Первая половина «Байн ал-касрайн» посвящена преимущественно бракосочетаниям. Ахмад выдает 'А'ишу и Хадигу замуж за двух братьев Шавкат, потомков некогда знатного турецкого рода, и женит Ясина на дочери друга Ахмада, при этом не позволяет Фахми жениться на соседской девушке. Безропотная Амина впервые идет против воли мужа и покидает дом в одиночестве, чтобы посетить мечеть ал-Хусейна, место поклонения для всего мусульманского мира, которая находится поблизости от дома 'Абд ал-Гаввадов. По дороге домой она попадает под колеса автомобиля и ломает руку, из-за чего Ахмаду становится известно о ее неповиновении; он прогоняет Амину из семьи, однако вскоре позволяет вернуться домой. Во второй половине «Байн ал-касрайн» повествуется о египетской революции 1919 г. с точки зрения всех членов семьи; Фахми присоединяется к антиколониальной борьбе. Роман оканчивается его гибелью на демонстрации от пули британского солдата.

«Каср аш-шаук» начинается спустя пять лет и повествует преимущественно о любви. Камал, который в начале книги сдает выпускные экзамены и вопреки воле отца поступает в Высшую педагогическую школу, влюблен в 'А'иду Шаддад, сестру своего лучшего друга Хусейна. Семья Шаддад – богатая, но не знатная – живет на европейский манер, и это привлекает к ним Камала, который интересуется западной философией. 'А'ида приближает к себе Камала, однако вскоре выясняется, что она лишь хочет вызвать ревность друга Хусейна по имени Хасан из аристократической семьи. Камал присутствует на свадьбе 'А'иды и Хасана; первая несчастная любовь оставляет в нем разочарование как в чувствах к женщине, так и в западных идеалах и ценностях. Другой любовный сюжет разворачивается между Ахмадом и танцовщицей Заннубой. Заннуба манипулирует героем, заставляя тратить деньги на себя, что начинает угрожать его бизнесу. После того, как Заннуба требует Ахмада взять ее второй женой, он расстается с ней, и переживание разрыва, наложенное на душевную травму после смерти сына, провоцирует у Ахмада сердечный приступ. Ясин, который к этому моменту дважды женился и развелся, женится на Заннубе, и их брак оказывается крепким. «Каср аш-шаук» завершается трагедией: муж 'А'иши, двое их сыновей и пожилая мать братьев Шавкат умирают от болезни.

В третьей части «ас-Суккарыйя» рассказывается, помимо уже известных героев, о третьем поколении 'Абд ал-Гаввад, к которому принадлежат сын Ясина от первого брака Ридван и дочь от брака с Заннубой Карима, сыновья Хадиги 'Абд ал-Мун'им и Ахмад, дочь 'А'иши На'има. Действие происходит в 1930–1940-х гг. Ридван, Ахмад и 'Абд ал-Мун'им учатся в Высшей юридической школе. После окончания Ридван быстро продвигается по карьерной лестнице чиновника, для чего вступает в однополую связь с аристократом и знаменитым политиком. 'Абд ал-Мун'им также становится чиновником, но примыкает к оппозиции – к «Братьям-мусульманам» (организация признана террористической, деятельность которой запрещена на территории РФ) – и придерживается норм ортодоксального ислама. Так, он просит родителей выбрать ему жену (несмотря на то что этот обычай отходит в прошлое во время действия «Трилогии») и вступает в традиционный родственный брак с кузиной На'имой; она, имея слабое сердце, умирает в родах. По окончании траура 'Абд ал-Мун'им берет в жены другую свою кузину Кариму. Ахмад примыкает к противоположному оппозиционному движению социалистов, занимается в коммунистический журнал и женится на своей коллеге Савсан.

Камал переживает тяжелый кризис, вызванный одиночеством и положением учителя в египетском обществе, однако философия остается его страстью. Хадига становится полноправной хозяйкой дома на улице ас-Суккарыйя после смерти свекрови. Потерявшая большую часть семьи 'А'иша находится в глубочайшей депрессии. Старший Ахмад слабеет и в конце романа умирает. Полиция проводит обыск в доме, в котором живут Ахмад, 'Абд ал-Мун'им и другие Шавкаты, и арестовывает братьев, их судят и отправляют в заключение в колонию. В последней главе романа уходит из жизни Амина.

«Грех»

Действие повести происходит в деревне на севере дельты Нила. Местные жители (около 30 дворов) и батраки, привезенные из южных и более бедных регионов Египта (тысяча человек), работают на плантации хлопка. Караульный находит у моста задушенного младенца, управляющий Фикри-эфенди сообщает в центральную полицию и пытается самостоятельно разыскать преступницу, мать новорожденного. Спустя несколько дней он находит в поле под навесом батрачку 'Азизу, лежащую в горячке. Старший батрак 'Арафа раскрывает, что она задушила ребенка, который был зачат в результате изнасилования, потому что ребенок сделал бы 'Азизу изгоем в родной деревне: ее муж тяжело болен (она обеспечивает его и трех детей в одиночку) и не способен к зачатию.

Трагическая история 'Азизы сближает местных жителей и батраков, которые до того испытывали друг к другу лишь настороженность и неприязнь. Повесть завершается смертью 'Азизы; на ее похоронах присутствуют как местные, так и пришлые, которые впервые оканчивают работу до темноты, чтобы почтить ее память.

В несколько дней, пока Фикри-эфенди не узнает об 'Азизе, разворачиваются побочные сюжетные линии, связанные с местными жителями деревни. Линда, дочь старшего писаря Масихи, страдает от боли в животе, и это заставляет отца подозревать ее. Развивается любовная линия между сыном Фикри Сафватом и Линдой; из-за недоразумения Сафват решает, что девушка его не любит, и ночью сбегает из дома. Кроме того, в повести разыгрываются небольшие и нередко комические сценки с участием многочисленных второстепенных персонажей.

«Открытая дверь»

Роман повествует о взрослении Лейлы Сулейман, дочери каирского чиновника. Ее жизнь переплетается с ключевыми событиями национально-освободительной борьбы египтян: ее старший брат Махмуд получает пулевое ранение во время антианглийских выступлений 1946 г., а спустя пять лет Лейла, 16-летняя девушка, впервые участвует в уличной демонстрации. Героиня умна, деятельна, обладает сильным характером, и жесткие ограничения, которые налагаются на нее родителями, невыносимы для Лейлы.

Она влюбляется в 'Ассама, друга Махмуда, однако узнает, что он изменяет ей со служанкой. В тот же день Махмуд, на время вернувшись домой (он служит добровольцем на Суэцком канале), рассказывает Лейле о поджоге полицейского участка в Исма'илии (25 января 1952). Эти события вызывают бурю в душе героини, и она выбегает на крышу. В лифте Лейла сталкивается с Хусейном, боевым товарищем Махмуда; огонь в ее глазах привлекает Хусейна.

Лейла поступает в Каирский университет и подпадает под влияние преподавателя доктора Рамзи, искусного манипулятора. Во время ее учебы на выпускном курсе Рамзи просит руки Лейлы у родителей, которые очень рады ее браку с мужчиной высокого социального статуса. Однако на вечеринке по случаю помолвки Лейла понимает, что Рамзи не любит ее и препятствует желанию героини служить народу. По окончании университета Лейле удается попасть на работу по распределению в Порт-Саид, где живут Махмуд, Хусейн и жена Махмуда и подруга Лейлы Сан'a. Рамзи настаивает, чтобы героиня вернулась в Каир (в октябре должна состояться свадьба), однако Лейла задерживается. 29 октября 1956 г. начинается Суэцкий кризис, и в Порт-Саиде героиня становится воином-добровольцем. Лейлу ранят в бою, она попадает в больницу; Хусейн возглавляет партизанское движение в Порт-Саиде. После выздоровления Лейлы героиня встречается и решают быть вместе. Роман оканчивается снятием осады города.

«Синие фонари»

Главный герой и рассказчик повести Фахим вспоминает события своей юности – 1916 г. в Александрии. Он приезжает на каникулы из Каира, где учится на врача, и проводит много времени с друзьями, которые, как и он, желают освобождения Египта от британских колонизаторов. Внимание Фахима привлекает проститутка Нава'им. Между ними начинается роман, но Фахим не доволен ни своим статусом любовника, ни тем, что Нава'им не согласна оставить проституцию. Также он расстроен тем, что героиня предпочитает принимать у себя английских солдат: Фахим и его друзья считают это коллаборационизмом, в то время как Нава'им ценит щедрость и доброту британцев. Фахим инициирует разрыв отношений, однако вскоре встречает Нава'им на улице. Проследив за ней, герой узнает, что Нава'им – уважаемая женщина, дочь школьного учителя на пенсии 'Абдаллаха и мать школьника Вафика, и что она работает проституткой, чтобы обеспечить Вафику лучшим образованием, одеждой, игрушками. Фахим воссоединяется с ней и соглашается вести двойную жизнь любовника Нава'им и мнимого жениха Бахийи (таково ее настоящее имя).

С окончанием летних каникул Фахим уезжает в Каир, однако вскоре узнает из газеты о трагической гибели Вафика и возвращается в Александрию. Сын привратника рассказывает Фахиму, что Вафик был застрелен: военная игра, в которую они с 'Абдаллахом часто играли, трансформировалась в стихийную уличную демонстрацию, по которой открыл огонь английский патруль. Главный герой находит героиню в другом жилье и вновь сменившей имя: теперь ее зовут Ашджан. Ее доброе отношение к англичанам сменяется ненавистью.

После того, как она немного оправляется от потери сына, герои решают организовать курсы кройки и шитья имени Вафика. На торжественном открытии гости, будущие студентки курсов и жители квартала, шумят и поют патриотические песни, которые привлекают внимание патрульных. Ашджан достает знамя, обагренное кровью сына; английский солдат убивает геронию.

Таблица 1. Композиционные особенности египетских романов 1950-х гг.

Произведение	«Земля»	«Каирская трилогия»	«Грех»	«Открытая дверь»
Основная тематика	Борьба угнетаемого класса крестьян с угнетателями – Народной партией и крупным землевладельцем – за средства производства (земля и вода) в 1930-х гг.	Жизнь семьи (свадьбы разводы, рождение детей, выбор пути) и переплетается с историей Египта в 1917–1945 гг. в жизнь 1920–1930-х, войны).	Тяжелая жизнь египетских батраков; преступление и его причина, лежащая в устройстве социума; быт деревни в консервативному обществу.	Роман взросления. Превращение девушки в борца за национальную независимость Египта. Противостояние деревни в консервативному обществу.
Система персонажей. Психологизм	Деление на две группы: «угнетаемые» благородны и трудолюбивы, «угнетатели» мелочны и эгоистичны; также есть группа безземельных крестьян.	Разветвленная система персонажей, большая их часть относится к семье 'Абд ал-Гаввад. Старшее поколение движется от процветания к упадку; их дети не могут найти места в мире; представители младшего поколения находят свое предназначение, однако власти подавляют всех, кроме коррупционеров (Ридван).	Действие разворачивается вокруг главной героини, ее психология глубоко проработана. Ее окружение делится на аристократию и духовное общество – местных жителей и люди старшего поколения, в т. ч. батраков. Нет поколения, в т. ч. ее жених доктор героя. Рамзи).	Действие разворачивается вокруг главной героини, ее психология глубоко проработана. Ее окружение делится на аристократию и духовное общество – местных жителей и люди старшего поколения, в т. ч. батраков. Нет поколения, в т. ч. ее жених доктор героя. Рамзи).
		Богатый усложненный язык	Есть черты	

Стиль и язык	Динамичные сюжетные части перемежаются детальными, синестетическими описаниями природы и крестьянского быта. Диалоги на диалекте.	описаний. Используются различные повествовательные техники, в том числе поток сознания и внутренний монолог. Диалоги на литературном арабском языке.	сказа: речь рассказчика характерна, сдобрана ремарками. Живописный пейзаж. Ярко представлен крестьянский быт. Диалоги на диалекте.	Психологическая проза: текст субъективен и посвящен преимущественно героине и ее внутреннему миру. Стиль крестьянский лаконичен. Диалоги на диалекте.
	От лица второстепенного персонажа, школьника лет.	От 3-го лица, 12 всевидящий повествователь.	От лица безымянного рассказчика.	От 3-го лица.
Повествование	Разногласия между крестьянами и властью приобретают характер межклассового конфликта, разрешение которого происходит за пределами повествования.	Многоуровневый, включает в себя семейно-бытовой, общественно-политический, метафизический слои. Частные конфликты, смерти (любовные конфликты, смерти социума) и жестоким существуют в обществе, связи реализуется в социальными проблеме земли. Конфликт между природой и обществом проявляется в бесправном положении безземельных.	Конфликт между человеком (батрачка как наиболее проблемы (любовные конфликты, смерти социума) и жестоким существуют в обществе, связи реализуется в социальными проблеме земли. Конфликт между природой и обществом проявляется в бесправном положении безземельных.	Противостояние между бесправным представителем окружением и в социумом) и личностью, стремящейся к свободе, членству в партийной борьбе) начинают проявлять больше интереса и сочувствия друг к другу.
Конфликт	и рождения) и существуют в обществе, связи реализуется в социальными проблеме земли. Конфликт между природой и обществом проявляется в бесправном положении безземельных.	Частные конфликты, смерти (войны, Конфликт между революции, индивидуумом и обществом и проявляются в проявлениями великих сдвигов в устройстве мироздания.	Бесправный представитель окружением и в социумом) и личностью, стремящейся к свободе, членству в партийной борьбе) начинают проявлять больше интереса и сочувствия друг к другу.	Бесправный консервативным представителем окружением и в социумом) и личностью, стремящейся к свободе, членству в партийной борьбе) начинают проявлять больше интереса и сочувствия друг к другу.

Сопоставительный анализ

В египетской романной прозе 1950-х гг. наблюдается гомогенность: романисты строго придерживаются реализма. Такое единство заметно даже среди писателей старшего поколения, в чьих произведениях других периодов творчества преобладали иные направления.

В рамках реализма широко варьируются стиль и повествовательные стратегии. На одном стилистическом полюсе находится «Каирская трилогия»: это лексически богатая,

усложненная, ритмичная проза, детализированное повествование; на другом – повесть «Синие фонари», крайне лаконично изображающая только те эпизоды из жизни главного героя, которые касаются его отношений с Бахией. Положение, близкое к «Каирской трилогии», занимает «Земля»: быт крестьян и сельский пейзаж (поля и разбитая дорога, водоотводный канал и т. д.) описываются подробно, однако в произведении много событий, развивающих главный конфликт, и динамики в диалогах. В повести «Грех» также немало красочных, синестетических описаний природы (полей, хлопкового червя) и образа жизни местных крестьян и батраков. Лишь часть действия сосредоточена вокруг центрального сюжета; множество эпизодов имеют динамическую природу, но преследуют описательную цель – показать жизнь египетской деревни в середине XX в. Роман «Открытая дверь» изображает внутренний мир главной героини. По языку и стилю можно сделать вывод о жанре, в котором писатель работал чаще: Нагиб Махфуз, Латифа аз-Зайят и 'Абд ар-Рахман аш-Шаркави – романисты, их произведения отличаются большей детальностью и статикой; Махмуд Теймур и Юсуф Идрис первоначально известны как новеллисты.

Подробность описания определяет хронотоп: «статичным» произведениям в большей степени присущ хронотоп идиллии (семейной идиллии – в «Каирской трилогии») или, в терминах М. М. Бахтина, «провинциального городка» [2, с. 493] (в случае «Греха» и «Земли» – деревни). Чем больше действия, тем сильнее проявлены различные вариации хронотопа «порога» [2, с. 494] – коренного перелома. «Каирская трилогия» показывает эволюцию от семейной идиллии к «порогу», тем самым отражая слом основ общественного устройства (см. [4]).

С повествованием связана проблема точки зрения. В «Каирской трилогии» рассказ от 3-го лица. Автор всеведущ, фокальный персонаж меняется часто, что наиболее заметно в эпизодах, где собирается вся семья, – свадьбы и прощания с умирающим родственником. Проникновение в психологию героев глубоко; с позиций психологической прозы к ней близок роман «Открытая дверь» также от 3-го лица, исследующий душу одной героини. В «Земле» и «Грехе» первоначальное повествование, однако рассказчик – либо второстепенное действующее лицо, оказавшееся в стороне от конфликта («Земля»), либо безымянный персонаж, проявляющий себя только речью («Грех»). Они близки к безличному повествователю «Каирской трилогии»: не участвуя в действии и не зная доподлинно о происходящем, они принимают на себя функцию всеведущих и занимают точку зрения разных действующих лиц; фокальный персонаж часто меняется, и главных героев выделить затруднительно. Глубокий психологизм «Греха» и «Земле» не свойственен. Повесть «Синие фонари» отлична от других рассмотренных произведений: в ней повествование от первого лица; те события, свидетелем которых герой не был, даются читателю в пересказе, зачастую со слов сына привратника в доме Бахии.

В египетской романистике 1950-х гг. прослеживается пристальное внимание к теме национально-освободительной борьбы, что явилось следствием процессов, внешних по отношению к литературе. На 1950-е гг. пришелся последний этап борьбы: июльская революция 1952 г. и конец проанглийской монархии, Суэцкий кризис 1956–1957 гг. (национализация Суэцкого канала и последовавшее наступление объединенных англо-франко-израильских войск; Египту удалось удержать канал за собой). Критика того периода была порождена патриотическим подъемом после революции: в ней господствовало мнение, согласно которому литература должна служить египтянам так, как творчество М. Горького служило русскому народу [Ал-Хаким Т. Ли-ман йактуб ал-адиб (Для кого пишет литератор) // Ар-Рисала ал-гадида, №7, октябрь 1954. С. 6–7 (на

арабском языке)]. Однако ради этого недостаточно реалистически изображать общественные проблемы; необходимо побуждать читателя к активным действиям. В этом контексте зародился социалистический реализм, который помещает в реалистический мир бунтующего романтического героя, отвергающего мир и меняющего его (иногда ценой собственной жизни). Такие персонажи присутствуют в «Земле», «Открытой двери», «Каирской трилогии», «Синих фонарях».

Различное восприятие темы освободительного движения наиболее ярко проявляется в конфликте произведений. Во всех произведениях, где повествуется о национальной борьбе, использован прием параллелизма: события из личной жизни героев связаны с ее этапами или повторяют их; частные конфликты становятся символами социально и исторически значимых изменений в жизни Египта. В «Открытой двери», изображающей финальный этап национального освобождения, противостояние египтян и колонизаторов оканчивается победой первых; в «Синих фонарях» (события 1916–1917) и «Земле» (бунт 1933) конфликт не может разрешиться в рамках произведения, однако читателю известно, что это произойдет позднее. Всеохватный характер приобретает конфликт «Каирской трилогии»: он существует на личном (деградация одной семьи) и общественно-политическом (коррупционность политической системы, борьба с колонизаторами, войны) уровнях; причина конфликтов – крупные метафизические изменения, которые не сулят человечеству добра. Бытийный уровень конфликта есть в «Земле»: природа вольна и даровать человеку жизнь, и отнять ее; по этой причине крестьяне бескомпромиссны в своей борьбе за землю и воду. «Грех» не касается национально-освободительной темы, конфликт повести социально-критический, в finale звучит надежда на перемены к лучшему.

Конфликт романов носит социально-политическую природу, которая отражается на персонажах – они четко делятся на группы, действующие лица символизируют представителей египетских общественных страт. «Земля» изображает классовую борьбу, «Открытая дверь» – межпоколенческую, в «Грехе» социальное противостояние сменяется консенсусом. Семья 'Абд ал-Гаввад из «Каирской трилогии» содержит в себе три поколения, но проблема «отцов и детей» в романе не столь важна, как место героев в мире и восприятие ими перемен. Группы персонажей нельзя выделить в «Синих фонарях», возможно, по причине их малого числа; однако символизм, согласно которому герой изображает социальный слой, в повести наиболее силен.

Несмотря на центральную тему национально-освободительной борьбы в большинстве произведений, писатели, даже самый радикальный из них 'Абд ар-Рахман аш-Шаркави, практически не персонифицируют британских колонизаторов, словно снимая часть ответственности с конкретных людей. В «Каирской трилогии» английский солдат Джулиан показан привлекательным; в «Синих фонарях» подчеркнута двойственность англичан: они щедры и добры, но убивают демонстрантов, включая детей. В «Грехе» образ французского помещика Жиппа комичен, однако он не играет заметной роли в конфликте.

В Египте того времени происходил перелом, который в разное время пережили большинство народов мира. Он означал изменение образа жизни, структуры семьи (уход или перестроение патриархальных отношений) и общества (в особенности это коснулось деревни). Египетские писатели середины XX в., оказавшиеся на стыке эпох, стремились детально запечатлеть мир своей юности. Поэтому мощное развитие в романистике 1950-х гг. получил бытописательный реализм, который мог сосуществовать с критическим («Земля», «Грех», «Каирская трилогия»).

Говоря о различиях, романная проза Египта 1950-х гг. делится на две группы – городскую и деревенскую. Принадлежность к группе отражается на ряде особенностей:

1) отношении к теме освободительной борьбы. Герои деревенской прозы («Земля») в большей степени преследуют личные цели, горожане же склонны действовать во имя общественных интересов (Фахми из «Каирской трилогии», Лейла и Хусейн из «Открытой двери», Фахим из «Синих фонарей»);

2) образы героев в рамках одной группы имеют много типологических сходств между собой, а также прямых цитирований (Фахми и Фахим). Представители города (студент, чиновник, купец, политик, имам) и села (омда, имам, крестьянин, батрак, сторож) существуют в определенной среде и решают проблемы, свойственные их положению, что влияет на их характер;

3) стилистике. «Городские» романы, как правило, более лаконичны, «деревенские» произведения содержат больше красочных описаний пейзажа и крестьянского быта (исключение – «Каирская трилогия»).

Заключение

В египетской романистике 1950-х гг. активно развиваются различные реалистические направления: социалистический реализм в «Земле»; зрелый реализм в традициях Л. Н. Толстого, отличающийся философичностью, изучением места человека в истории, – в «Каирской трилогии»; реалистическая психологическая проза – в «Открытой двери» и «Каирской трилогии»; критический реализм в сочетании с лаконичным повествованием, наследующий Г. де Мопассану, – в «Грехе» и «Синих фонарях».

Как и в других национальных литературах периода позднего реализма, в Египте готовилась почва для модернистских течений. В 1959 г. вышел сборник рассказов «Высокие стены» («Хитан 'алийя») Эдвара ал-Харрата (1926–2015), одного из провозвестников модернизма; в течение 1950-х гг. публиковалась поэзия в русле экзистенциализма, в прессе активно обсуждались западные модернистские течения [Хашаба Д. Хал нахну нахтаджун лил-вуджуудийха фи аш-шарк ал-'араби ал-муслим (Нужен ли экзистенциализм нам на мусульманском арабском востоке?) // Ар-Рисала ал-гадида, январь 1955. С. 32–33 (на арабском языке)]. Роман, как более крупная форма, вобрал в себя изменения позднее. В 1959 г. начал выходить роман Нагиба Махфузы «Дети нашей улицы», далекий от реализма и представляющий собой аллегорию, но в то же время напрямую наследующий «Каирской трилогии» в плане персонажей и конфликта. В 1960-х гг. писатели широко обратились к экзистенциализму (Нагиб Махфуз, Юсуф Идрис, Махмуд Теймур).

Таким образом, в конце 1950-х гг. реализм в Египте достиг высшей точки, и в 1960-х гг. на первый план вышли модернистские течения. Они оказались неразрывно связаны не только с европейским модернизмом, но и с традиционной арабо-мусульманской словесностью (сира) и египетскими реалистическими произведениями.

Библиография

1. Абдулазизов А. С. Махмуд Амин аль-Алим – пропагандист марксистской философии и критик буржуазной идеологии в Арабской Республике Египет: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.03. – Баку, 1984. – 135 с.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе / Собр. соч. в 7 т. – М.: Языки славянских культур, 2012. – Т. 3, с. 341–503.

3. Богданова Ю. А. Отражение "Каирской трилогии" Н. Махфуза (1911-2006) в исследованиях XXI века // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение, издательство Изд-во Моск. ун-та (М.), 2021, № 3, с. 44–50.
 4. Богданова Ю.А. Хронотоп семейного дома в «Каирской трилогии» Н. Махфуза и «Войне и мире» Л. Н. Толстого: утрата идиллии? // XXXI Международный научный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, Санкт-Петербург, Россия, 23–25 июня 2021.
 5. Кирпиченко В. Н. Египетский роман второй половины XX – начала XXI в. // История романых форм в литературах Африки / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН. – М.: Восточная литература, 2010. – С. 221–271.
 6. Кирпиченко В. Н. Нагиб Махфуз – эмир арабского романа. М.: Наука, 1992. – 304 с.
 7. Кирпиченко В. Н. Юсуф Идрис. М.: Наука, 1980. – 208 с.
 8. Кирпиченко В. Н., Сафонов В. В. История египетской литературы XIX-XX веков. М.: «Восточная литература». – В 2 т. – Т. 2: 2003. – 270 с.
 9. Мустафина Э. М. 1.4. Основные тенденции литературы / Э. М. Мустафина. Культура Египта в контексте общественно-политического развития страны: Вторая половина XX века: диссертация... кандидата исторических наук: 07.00.03. – Казань, 2004. – С. 87–124.
 10. Рошин Ю. Е. Трилогия египетского писателя Нагиба Махфуза “Байн ал-касрайн” как произведение критического реализма. Диссертация... кандидата филологических наук: 10.00.00. – Москва, 1967. – 307 с.
 11. Badawi M.M. (ed.). Modern Arabic literature. Cambridge University Press, 1992. – 571 p.
 12. Brugman J. An Introduction to the History of Modern Arabic Literature in Egypt. Leiden: E.J. Brill, 1984. – 439 p.
 13. El-Enany R. Naguib Mahfouz: The Pursuit of Meaning. London: Routledge, 1993. 271 p.
 14. Mansour L. Représentations du discours dans la Trilogie de Naguib Mahfouz. Linguistique. Université de Nanterre – Paris X, 2010. Français. – 308 p.
<https://theses.hal.science/tel-00523991>
 15. 'Абд ар-Рахман М. Афдал 100 ривайа 'арабийя фи-л-карн ал-'ишрин. Асма' ихтараха Иттихад ал-куттаб ал-'араб [100 лучших арабских романов XX в. Имена, которые выбрал Союз арабских писателей] // Ал-Йаум ас-саби', 14.1.2023. URL: <https://www.youm7.com/story/2023/1/14/-رواية-عربية-في-القرن-العشرين-أسماء-العشرين-6048446> (Дата обращения: 1.3.2023). (Здесь и далее на арабском языке).
 16. Абу 'Авф 'А. Р. Йусуф Идрис ва-'алимух фи-л-кисса ал-касира ва-р- rivaya [Юсуф Идрис и его мир в рассказе и романе]. Каир: Ал-хайя ал-мисрийя ал-'амма ли-л-китаб, 2001. – 287 с.
 17. Аниш 'А.-'А. Фи ар-rivaya ал-мисрийя ал-хадиса [О современном египетском романе] / Ал-'Алим М. А., Аниш 'А. 'А. Фи ас-сакафа ал-мисрийя [О египетской культуре]. Каир: Дар ас-сакафа ал-джадида, 1989. – С. 105–142.
 18. Йусуф Ш. Б. Ар-Ривайа ва-р-рива'ийин – Дирасат фи-р-rivaya ал-мисрийя [Роман и романисты: исследование египетского романа]. Каир: Mu'assasat Хурс ад-давлийя, 2006. – 213 с.
 19. Касим С. Бина' ар-rivaya: Дираса мукарана ли-Суласийят Наджиб Махфуз [Структура романа: сравнительное исследование «Трилогии» Нагиба Махфуза]. Каир: Мактабат ал-усра, 2004. – 251 с.

20. Махраз С. Атлас ал-Кахира ал-адабий [Литературный атлас Каира]. Каир: Дар аш-Шурук, 2012. – 434 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая работа касается анализа египетской романной прозы 1950-х годов. Автор достаточно четко определяет цель исследования, «проанализировать, в каком русле развивалась романическая проза Египта в 1950-х гг.: на материале ряда произведений мы выявили общие тенденции десятилетия и отметили авторские особенности». Думается, что точно поставленный ориентир дает возможность выстроить исследование также логически выверено. Актуальность исследования состоит в том, что египетская романистика 1950-х гг. как таковая остается слабо изученной темой в мировом и отечественном востоковедении. Как правило, либо исследуются отдельные произведения или писатели, в частности Юсуф Идрис и Нагиб Махфуз, либо 1950-е гг. составляют малую часть в истории новой арабской литературы и романа». Методология сравнительно-сопоставительного порядка вполне подходит, ибо она дает возможность выявить приметы общего и частного изводов. Основные тезисы объективны, например, «в египетской романной прозе 1950-х гг. наблюдается гомогенность: романисты строго придерживаются реализма. Такое единообразие заметно даже среди писателей старшего поколения, в чьих произведениях других периодов творчества преобладали иные направления», или «в египетской романистике 1950-х гг. прослеживается пристальное внимание к теме национально-освободительной борьбы, что явилось следствием процессов, внешних по отношению к литературе. На 1950-е гг. пришелся последний этап борьбы: июльская революция 1952 г. и конец проанглийской монархии, Суэцкий кризис 1956–1957 гг. (национализация Суэцкого канала и последовавшее наступление объединенных англо-франко-израильских войск; Египту удалось удержать канал за собой)», или «конфликт романов носит социально-политическую природу, которая отражается на персонажах – они четко делятся на группы, действующие лица символизируют представителей египетских общественных страт. «Земля» изображает классовую борьбу, «Открытая дверь» – межпоколенческую, в «Грехе» социальное противостояние сменяется консенсусом» и т.д. Работа самостоятельна, оригинальна, интересна, цель исследования достигнута, задачи решены. В заключительной части сочинения отмечается, что «в конце 1950-х гг. реализм в Египте достиг высшей точки, и в 1960-х гг. на первый план вышли модернистские течения. Они оказались неразрывно связаны не только с европейским модернизмом, но и с традиционной арабомусульманской словесностью (сира) и египетскими реалистическими произведениями». Материал имеет ярко выраженный практический характер, его можно активно использовать при изучении зарубежной литературы XX века. Основные требования издания учтены, фактические нарушения не выявлены. Стиль соотносится с собственно научным типом, точка зрения автора выражена объективно, аргументация позиций выражена на протяжении всего текста. Статья «Египетская романная проза 1950-х гг. и тенденции ее развития: сопоставительный анализ» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Щепачева И.В. — Ситуация мультикультурности в романе Теджу Коула «Открытый город» // Litera. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.3.40056 EDN: KADFVN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40056

Ситуация мультикультурности в романе Теджу Коула «Открытый город»

Щепачева Инна Владимировна

ORCID: 0000-0003-0497-8359

кандидат филологических наук

старший преподаватель кафедры зарубежной литературы Казанского (Приволжского) федерального университета

420021, Россия, Татарстан область, г. Казань, ул. Татарстан, 2, ауд. 425

✉ inna.schepacheva@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.3.40056

EDN:

KADFVN

Дата направления статьи в редакцию:

26-03-2023

Аннотация: Объектом исследования выступает современная американская мультикультурная проза конца XX-начала XXI века, предметом исследования ситуация мультикультурности. В качестве материала исследования выступает роман современного американского писателя нигерийского происхождения Теджу Коула «Открытый город» (Open City), опубликованный в 2012 г. Целью исследования является Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, на данном этапе как в зарубежном, так и отечественном литературоведении можно наблюдать неубывающий интерес к освещению различных особенностей мультикультурной литературы США. Во-вторых, на сегодняшний день Т. Коул является значимым автором в современном литературном пространстве США. Анализируемый нами роман отличается обращением к знаковым тенденциям современной литературы США и представляют собой интересный материал для исследования в контексте обозначенной темы. Если творчество многих представителей мультикультурной прозы США конца XX-начала XXI века становилось предметом научных изысканий, то творчество Теджу Коула практически не изучено. В связи с этим новизна нашего исследования заключается в том, что впервые в отечественном литературоведении предоставляется анализ романа

«Открытый город» с точки зрения функционирования различных культур и их влияния на формирование идентичности главного героя. В результате исследования мы приходим к выводу, что в романе освещается ситуация мультикультурности, в которой оказывается главный герой. Подобная ситуация вызывает ментальный кризис в сознании героя, поскольку он не может в полной мере ощутить свою принадлежность ни к одной из культурных составляющих.

Ключевые слова:

Теджу Коул, англоязычная литература, литература США, мультикультурализм, африканская тема, нигерийская литература, кризис идентичности, герои-мигранты, расовая проблематика, образ Нью Йорка

Мультикультурализм как основная тенденция развития американской литературы

Феномен мультикультурализма является неотъемлемой и всеобъемлющей характеристикой современного мирового литературного процесса. Применительно к литературе США этот феномен является основополагающим. Как пишет М. В. Тлостанова, «мультикультурализм в США уникален по ряду причин, в частности, из-за особого отношения американской культуры к проблеме региональной, этнической, расовой идентификации, из-за более острого, чем в других культурах противоречия между мощной прагматической, рациональной в основе национальной идеологией и социокультурной реальностью страны-эксперимента» [\[1\]](#). Сегодня этот феномен продолжает активно развиваться, трансформироваться и приобретать все новые черты. Особенность развития мультикультурной литературы в XXI в. во многом связана с тем фактом, что значительное число писателей невозможно отнести к какой-либо конкретной национальной литературе, поскольку в своей биографии они имеют опыт проживания в различных странах, являются носителями нескольких культур, а также опыта формирования собственной идентичности в результате взаимодействия или противостояния различных культурных парадигм. По мнению Ю. В. Столова, подобных «авторов со схожей историей можно назвать носителями транскультурности – явления, которое показательно для современного этапа мирового развития, направленного на открытость общества и взаимодействие на основе признания прав личности, человеческих сообществ независимо от расовой, гендерной, классовой или иной принадлежности. Соответственно, как никогда ранее, на передний план выдвигается проблема идентичности и самоидентификации» [\[2\]](#).

Отмечая роль нового типа автора в мультикультурном мире, С. П. Толкачев справедливо замечает, что в большинстве своем – это «писатели-мигранты, по тем или иным причинам резко меняющие свое культурное окружение, вынужденные в новых условиях переживать и пропускать через свое творческое сознание симптомы происходящего зачастую очень болезненного процесса аккультурации в новой среде, в результате чего возникают произведения с некими специфическими признаками, которые можно объединить под общим названием «кросс-культурная литература» [\[3\]](#). Кроме того, Толкачев выделяет ряд черт, свойственных данному типу авторов, а именно приезд из бывший колонии в метрополию; сложный процесс адаптации к центру; постоянная рефлексия по поводу оставленной родины.

Теджу Коул как один из представителей современной мультикультурной литературы США

Одним из таких авторов в современном литературном пространстве США является американский писатель нигерийского происхождения Теджу Коул (1975), чье творчество олицетворяет собой сочетание культурных традиций Африки, США и Европы. Характеризуя творчество Коула, Т. М. Гавристова называет его не только «полноправным представителем американской мультикультурной прозы, но и признанной звездой литературы «поколения Африка» или «представителем афрополитизма, который можно рассматривать как своего рода претензию на «новый тип биографического времени и новый специфически построенный образ человека, проходящего свой жизненный путь» [4]. Большую часть своего детства писатель провел в Лагосе, куда приехал с матерью сразу после рождения. Осознавая, что возможности и перспективы самореализации в США в гораздо большей мере будут способствовать его карьере, нежели ситуация в Нигерии, в возрасте 17 лет Коул переехал в Америку, что позволило ему познакомиться с особенностями американской действительности. Еще одним значимым этапом в биографии писателя является учеба в школе Востоковедения и африканистики Лондонского университета, что углубило его знание о европейской культурной традиции. В отличие от некоторых современных писателей, выходцев из Африки, (Ч.Н. Адичи, Б. Вайнана), Т. Коул достаточно положительно оценивает свой опыт афрополитизма. «Я вполне терпимо отношусь к тому, что обо мне пишут, как об афрополите, африканце, или американце, или панафриканце, йоруба или бруклинце, черном или нигерийце. Без разницы. До тех пор, пока эти лейблы многочисленны, я «свой» во многих местах. И я не думаю, что такая жизнь лучше или хуже той, которую люди проживают в одном месте [5].

На сегодняшний день Коул является автором двух романов, трех фото книг, одного рассказа, а также многочисленных эссе. Кроме писательской деятельности, он занимается фотографией и искусством, а также преподает курс креативного письма в Гарвардском университете.

Первые пробы пера Коул начал в 2007 г. с публикации романа «Каждый день для вора» (*Every Day Is for the Thief*), в котором проявилась его преимущественная заинтересованность в проблемах африканской действительности настоящего. Местом действия романа становится город Лагос, что неудивительно, поскольку многие нигерийские писатели (Ч. Н. Адичи, К. Абани) буквально одержимы этим крупнейшим мегаполисом, называя «африканским Нью Йорком». Для Коула это город, где есть «хорошая еда, отличная музыка, танцующие люди и огромные перспективы» и который местные жители, «любы, готовы ненавидеть» [6]. Эта ироничная характеристика, которую писатель дает Лагосу, во многом определяет его двойственное отношение к месту его взросления. Как признает сам автор, он «предчувствует опасность, исходящую от Лагоса, <...> и всякий раз, приземляясь в международном аэропорту Муртала Мухаммеда, уповаает на наличие хорошей страховки. <...> И это не паника; скорее чувство уязвимости, подверженность несчастным случаям и инцидентам» [6].

Произведением, принесшему славу Т. Коулу, является роман «Открытый город», который был опубликован в 2012 г., а переведен на русский язык С. Силаковой в 2022 г. Роман моментально стал бестселлером, а автор удостоился 8 наград, включая германскую международную литературную премию или премию им. Э. Хемингуэя.

По своей структуре роман необычен, потому что лишен сюжета в его классическом понимании. Главным героем является молодой врач по имени Джалиус, который проживает в Нью Йорке. Написанный от первого лица, роман представляет собой

своеобразный внутренний монолог героя, состоящий из отдельных фактов его биографии, истории семьи, размышлений об абстрактных понятиях, философских теориях прошлого, глобальных проблемах сегодняшней жизни, а также описания ежедневных прогулок по Нью Йорку, которые совершают герой.

Роман во многом автобиографичен, потому что его содержание напоминает жизненные коллизии самого автора. Будучи выходцем из Нигерии, герой после многочисленных испытаний, связанных с гражданской войной в стране, оказывается в Европе, откуда переправляется за океан, где получает медицинское образование и проходит стажировку в качестве психиатра в нью-йоркской клинике. Потеряв дом в родной стране, он пытается обрести его на другом континенте, где можно жить в безопасности и достаточном комфорте. Таким образом, читатель видит Америку глазами героя, прибывшего в США в надежде осуществить свою «американскую мечту».

Отметим, что в начале своего пребывания в Америке, Коул также изучал медицину в Мичиганском университете. Еще одно сходство связано с тем, как и писатель, главный герой романа не является типичным африканцем. Сам Коул родился в США от нигерийских родителей, что в первую очередь, делает его гражданином Америки. В романе главный герой является ребенком нигерийца и немки, что изначально противопоставляет его нигерийскому обществу, потому что цвет его кожи недостаточно черный. Кроме цвета кожи, главный герой имеет европейское имя – Джюлиус, которое досталось ему от матери, а ее имя «должно быть тоже позаимствовано у кого-нибудь из ее рода: возможно, у бабки, или у какой-нибудь дальней родственницы, у тетушки, некой забытой Юлианны, неведомой Юлии или Юлиетты»^[7]. Соблюдая традиции йоруба, этнической группы, проживающей на территории Нигерии, Джюлиус имеет второе имя – Олатубосун, но как описывает герой, «оно принадлежит кому-то другому, но передано на длительное хранение. Тот факт, что в обыденной жизни я был Джюлиусом, упрочивал во мне мысль, что я не вполне нигериец»^[7]. Противопоставление с обществом связано и с тем, что по африканским меркам, семья главного героя олицетворяет невообразимое богатство и привилегии: они живут в двухэтажном доме, владеют ценностями акциями, могут позволить себе машину с водителем. Джюлиус является единственным ребенком, что также не типично для нигерийской семьи.

Европейское происхождение рождает в его соотечественниках чувство зависти и злобы. Показательным становится случай с учителем в военной школе, который глядя на Джюлиуса «нигерийца наполовину, иностранца – видел уроки плавания, летние каникулы в Лондоне, прислугу»^[7], что не соответствовало действительности. Из ненависти учитель Мусибау обвиняет его в краже и устраивает показательную порку на глазах всей школы.

Джулиус – незаурядный африканец, приехавший в Америку, чтобы убежать от ужасов своей Родины и выжить в другой стране, а настоящий интеллектуал, сложная многосторонняя личность, которая имеет глубокие познания в музыке, живописи, архитектуре, фотографии, истории. Он постоянно рефлексирует, что, несомненно, углубляет процесс самопознания, столь необходимый при переезде в другую страну с другой культурой.

Находясь уже в Америке, главный герой все же ощущает свою связь с Африкой. Так, видя двух слепых в метро, герой предпочитает объяснить их недостатки с помощью основного мифа йоруба, который гласит, что всевышний Олодумаре поручил богу Обаталу вылепить из глины людей. Обаталу неплохо справлялся с заданием, пока не

начал выпивать вино, отчего люди, которых он смастерили получились ущербными.

Если подобное воспоминание является нейтральным для героя, то встреча с сестрой школьного друга Моджи представляет собой травматический опыт, потому что эта встреча была частью «моего «я», которую я сослал в детство в Африку...так возродилось нечто, казавшееся начисто исчезнувшим» [7]. Джалиус старается позабыть Нигерию, за исключением нескольких вещей, которые запомнились особенно ярко. Это были вещи, которые составляли «безопасную версию прошлого» [7] и которые не могли повредить его эмоциальному состоянию, поэтому вначале Джалиус не узнает девушку, а затем старается как можно скорее закончить разговор с ней.

Даже стараясь забыть свое травматическое прошлое, герой не может отказаться от своих корней и осуждает тех, кто поступает иначе. Примером может служить преуспевающий доктор Гупта родом из Уганды, который из-за насильственных притеснений со стороны Иди Амина, жестокого и кровавого диктатора Уганды, вынужден был бежать из своей страны в Америку. Доктор Гупта не скрывает своего гнева и презрения по отношению ко всем африканцам, заявляя, что «когда я думаю об африканцах, мне хочется плеваться» [7], воспринимая всех как единое целое, не разделяя на нигерийцев, угандинцев, кенийцев и т.д. Джалиуса возмущает подобная формулировка, поскольку он был единственным африканцем среди присутствующих и гнев доктора был явно направлен на него. Оказавшись в Америке, Гупта предает свое происхождение, транслируя типичное для белого человека представление об Африке и роли «хорошего белого», который призван ее спасти. «Африка застыла в вечном ожидании: она – субстрат для воли белого человека, задний план его деяний» [7].

В этом эпизоде можно угадать отношение самого автора, поскольку в своих интервью Коул часто выступает в защиту своей родины. «Когда я нахожусь в США, я спорю с теми, кто считает, что Лагос опасен для посещения. Я говорю им, что я вырос там и бродил по улицам в течение 17 лет, и со мной ничего не случилось. Я отмечаю, что это город, где 21 миллион человек, которые просыпаются, чистят зубы, идут на работу, суетятся, попадают в пробки, приходят домой вечерами, чтобы поужинать с детьми, посмотреть мыльные оперы перед сном и начать все это снова на следующий день. Там есть современная инфраструктура, развлечения, скука; это не поле битвы. Люди в Лагосе живут нормальной жизнью <...>, как в Лондоне, Сан-Франциско и Джакарте» [6].

Своего рода потеря африканской составляющей в сознании Джалиуса происходит, когда случается похороны его отца. «Только у открытой могилы меня накрыло это абсурдное ощущение завершенности, догадка, что он не выздоровеет, не вернется спустя несколько месяцев: ощущение, опустошившее меня» [7]. Вместе со своим отцом герой хоронит часть себя, которая была связано с нигерийской культурой, поэтому впоследствии именно дату похорон, а не смерти отца Джалиус отмечает как годовщину. Согласно традициям йоруба, Джалиус отныне должен заботиться о матери и что он теперь мужчина в доме, что явно было преждевременным для главного героя. Смерть отца помогает герою решиться на переезд в Америку, но в тоже время провоцирует охлаждение в отношениях между ним и матерью. Собственно, герой повторяет путь своей матери, которая будучи немкой, в 1970-х переехала жить в Нигерию, разорвав свои отношения с матерью и фактически отказавшись от немецкой культуры. Начало разрыва отношений происходит еще в детстве героя, когда тот, прекращает разговаривать на втором родном языке – немецком. «Это тайный язык между мной и матерью в первые пять лет моей жизни» [7]. Именно посредством языка герой ощущал связь с матерью, а

через нее и с немецкой культурой. Когда он слышит в универмаге детский крик «*Mutter, wo bist du?*», у него щемит в груди, потому что когда-то в детстве эту фразу произносил сам Джулиус. Свою принадлежность уже к европейской культуре герой ощущает, находясь в Америке. Она проявляется в увлечении музыкой австрийского композитора Г. Малера и регулярных воспоминаниях о бабушке по материнской линии Магdalены Мюллер. С самого детства герой чувствует определенную связь с ней, потому что «отчасти унаследовал от нее характер, и на этой почве возникла своеобразная солидарность» [7]. Ее приезд в Нигерию способствуют установлению теплых отношений между ними, хотя до этого они не были знакомы. «В тот день я воспринял как дорогой подарок молчание, объединившее меня с Омой... я и она беседовали по душам почти бессловесно, просто ждали дуновения ветра в роще по соседству, глядя, как снуют ящерицы по небольшим останцам» [7].

Чтобы осознать часть европейской составляющей, Джулиус отправляется на поиске бабушки, чьи следы затерялись в Брюсселе. Но вопреки его ожиданиям, герой не только не ощущает своей причастности, но и сталкивается с крайне негативным отношением к африканцам, в частности к нигерийцам. Так, еще до прибытия в Брюссель, белая соседка в самолете говорит о том, что знакома с множеством нигерийцев и многие из них очень спесивы. Новый знакомый Джулиуса Фарук, выходец из Марокко, поведал ему историю дискриминации, с которой он столкнулся, работая уборщиком в университете. Однажды ему удалось завести разговор с ректором о делезовской концепции волн и дюн. Подобная осведомленности марокканца удивила ректора, который предложил Фаруку как-нибудь продолжить дискуссию. Но, увидев юношу снова, ректор не только отказался с ним говорить, но даже притворился, что не знает его. Действие романа происходит в 2006 г. – «того самого, когда несколько преступлений, совершенных по мотивам ненависти, привели к обострению напряженности, которое ощутили на себе жители, не принадлежащие к белой расе» [7]. Коул описывает события почти сразу после трагедии 11 сентября, поэтому негативизм бельгийцев направлен против арабов и исповедующих ислам выходцев из африканских регионов, которые заполонили столицу. Так, находясь в трамвае некоторых маршрутов, герой обнаруживает, что былье составляют мизерное меньшинство.

Как пишет С.П. Толкачев, «особое место в произведениях писателей-мигрантов занимает хронотоп мегаполиса как символа мультикультурного пространства. Столица метрополии при этом становится для художника чем-то большим, нежели просто городом» [3]. Город становится местом, где сходятся различные группы и культуры, позволяя художнику нечто новое или как справедливо замечает Ф. Джеймсон, «третье, культурное пространство», – где переговоры о несоизмеримых различиях создают напряжение, свойственное пограничному существованию» [3]. В романе таким местом становится Нью Йорк – город, представляющий «мульткультурный котел, в котором смещаются границы времени и пространства, сходятся и народы из самых удаленных точек земного шара, и различные эпохи, и исторические веяния» [3]. Так, герой встречает темнокожего охранника с острова Барбуды, черного чистильщика обуви из Гаити, оказавшегося в заключении африканского студента из Либерии, индиеца из Гайаны с африканскими корнями. В этой связи, нельзя не сказать о названии романа, которое является метафоричным. Открытый город – это, с одной стороны, Нью Йорк, открытый не только своим жителям, но и толпам мигрантов, которые бегут от нищеты и войны в родных странах в США в надежде осуществить свою «американскую мечту». С другой стороны, это город, который отдается на милость победителю, как это случилось с Брюсселем в 1940 г.

Характеризуя мегаполисы Великобритании, США, Толкачев пишет о том, что эти топосы «трансформируются вследствие диалектических процессов глобализации и глокализации, в результате чего диаспора «впитывает» опыт корневой культуры страны пребывания и разрушает устоявшуюся философию и идеологию расы, нации, идентичности. Иначе говоря, мигранты, становятся не просто созерцателями, «путешественниками», они активно преобразуют те миры, в которые прибывают» [8]. Коул описывает события через 5 лет после 11 сентября, поэтому главный герой постоянно обращается к этому событию. Так, гуляя по городу Джулиус натыкается на табличку в память о полицейских, погибших при исполнении осенью 2001 г., описывая как «ожидаемое, душераздирающее множество имен» [7] или описание макета города в музее, на котором Джулиус видит пару серых коробок, которые «в мире макета символизируют незыблемость башен Всемирного торгового цента, в реальном мире уже разрушенных» [7]. Таким образом, события 9/11 навсегда вошли в историческую память американцев, создавая новую точку исчисления американской истории, которую мигранты, как Джулиус, активно реконструируют. В одном из интервью писатель признается, что «однажды почувствовал необходимость написать об этом событии, понимая, что такие ужасные травмы не новы для этого города» [9], ссылаясь также на историю рабовладения, о котором неоднократно упоминаются в романе. В частности, автор не обходит стороной тот факт, что долгие годы именно Нью Йорк был портом для отплытия судов работников.

Одним из способов обретения новой культурной составляющей для героя становятся прогулки по улицам американского мегаполиса. Они важны для героя не только потому, что перед читателем возникает образ огромного мегаполиса со всем его культурным и этническим многообразием, но и потому, что в это время в голове Джулиуса возникают мысли о повседневных вещах, которые и определяют обычную жизнь человека и помогают адаптироваться на новом месте. В этой связи неслучайна профессия психиатра, которую выбирает Джулиус, потому что он пытается лечить душу, а «если не мог их излечить – так оказывалось в большинстве случаев, – то изо всех сил помогал им адаптироваться к жизни» [7]. Все, что герой видит вокруг, определяет ход его мыслей, дает некие моральные и идейные установки, которые помогают ему лучше понять эту великую страну, где, с одной стороны, ему удается сделать карьеру, а, с другой, наблюдая за жизнью города как бы со стороны, он чувствует себя одиноким и настороженным, потому что не все американцы готовы принять африканца как равного.

Джулиус сталкивается с расовой дискриминацией и стереотипами в отношении «черного» населения. Так, находясь в метро, проходящие мимо дети делают вывод, что Джулиус гангстер, потому что он черный, хотя «его прикид не гангстерский. Еще несколько минут гнули пальцы в мою сторону, а родители болтали между собой, ничего не замечая вокруг» [7]. Еще одним примером становится поход Джулиуса в Карнеги-холл на концерт музыки Малера, когда, он, будучи единственным черным зрителем, ловит на себе бесцеремонные взгляды белого большинства. «Порой в антрактах, стоя в очереди в туалет, ловлю на себе такие взгляды, что понимаю, как чувствовал себя Ота Бенга из племени мбути, которого в 1906-м выставляли в обезьяннике зоопарка в Бронксе» [7]. Кроме того, герой не чувствует себя «своим» среди афроамериканцев, которые сразу же видят в нем африканца и не принимают в свое общество. «Переглядывание незнакомых людей на перекрестке, обоюдной уважительный жест на основании того, что все мы молодые, темнокожие и мужского пола; иными словами, на основании того, что мы – «братья». Такими взглядами обменивались темнокожие мужчины повсюду в городе...

Скромный способ выразить: я тоже знаю, каково тебе здесь приходится» [7]. Когда во время одной из своих прогулок Джюлиус пытается установиться подобный контакт с группой темнокожих подростков на улице, те не обращают на него внимания, а наоборот избивают его, причем делает это только ради развлечения, чтобы доказать свое превосходство и силы.

Одним из близких друзей главного героя становится преподаватель английской литературы профессор Сайто. Его молодость пришлась на годы Второй мировой войны, поэтому участие Америке в войне, он переживает очень эмоционально и воспринимает как личную трагедию, а рассказывая о войне в Корее 1950-е, он описывает страх американцев перед атомной бомбой, начиная свою речь с фразы «мы, американцы» [7]. Будучи афроамериканцем, профессор родился и вырос в Америке, поэтому он чувствует себя настоящим американцем в отличие от Джюлиуса, который является чужим в этом городе. «Целые поколения торопливо протискивались сквозь игольное ушко, и я, один из толпы тех, кто пока разборчиво начертан на страницах города... Мне хотелось нащупать нить, которая соединяет меня и мою роль во всех этих историях» [7]. Герой ищет ощущение сопричастности к жизни города, который захватывает, восхищает, но в большей степени пугает.

Заключение

Подводя итоги, авторы исследования приходят к выводу, что сегодня американский писатель нигерийского происхождения Теджу Коул является ярким представителем нового поколения писателей, в чьем творчестве воплощается политика культурного многообразия, характерная для литературного пространства США. Опираясь во многом на собственный опыт, писатель рассказывает историю человека, который, отталкиваясь от собственных африканских корней, попадает в новую культурную реальность и пытается обрести многоуровневую идентичность на территории США. Кроме того, определенную роль в становлении его идентичности играет его частичная принадлежность к европейской культуре, которую герой также пытается осознать. Выстраивание новой кросс-культурной идентичности представляет собой сложный процесс, сопровождаемый чувством одиночества и страха, и рождает в сознании героя своеобразный ментальный кризис.

Библиография

1. Тлостанова М. В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М., ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. 400 с.
2. Стулов Ю. В. Новые тенденции в американской литературе, новые имена // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2020. № 4 (57). С. 150-156.
3. Толкачев С. П. Мультикультурализм в постколониальном пространстве и кросс-культурная английская литература [Электронный ресурс] //Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. № 1 (январь-февраль). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Tolkachev_Multiculturalism-Cross-cultural-Literature (дата обращения: 26.03.2023).
4. Гавристова Т. М. Афрополитизм: альтернатива космополитизму или трансформация идентичности? // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2017. Т.9. Вып. 2. С. 159-172.
5. Selas T. Teju Cole talks to Taiye Selasi: 'Afropolitan, American, African. Whatever' [Электронный ресурс] // The Guardian. URL:

- <https://www.theguardian.com/books/2016/aug/05/teju-cole-taiye-selasi-interview-known-strange-things> (дата обращения: 26.03.2023).
6. Cole T. Water Has No Enemy [Электронный ресурс] // Granta. URL: <https://www.granta.com/New-Writing/Water-Has-No-Enemy> (дата обращения: 26.03.2023).
 7. Коул Т. Открытый город. Ад Маргинем, 2022. 256 с.
 8. Толкачев С. П. Мультикультурная литература: ответ на новые вызовы XXI века // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2019. №2 (63). С. 153-166.
 9. An Immigrant's Quest For Identity In The 'Open City' [Электронный ресурс] // NPR. URL: <https://www.npr.org/2011/02/13/133686644/an-immigrants-quest-for-identity-in-the-open-city&sc=nl&cc=bn-20110218> (дата обращения: 26.03.2023).
 10. Гавристова Т. М. Африка: время травелогов // Кунсткамера, 2019. №4(6). С. 176-184.
 11. Гавристова Т. М., Хохолькова Н.Е. Африканские травелоги: вопреки стереотипам. // Ярославский педагогический вестник, 2018. № 6 (105).
 12. Тлостанова М. В. Постколониальные исследования // Западное литературоведение XX века: энциклопедия. М.: Интранда, 2004. С. 320-323.
 13. Мокрушина З. В. Нигерийские публицисты: от исторического конструктивизма к настоящему // Кунсткамера. 2019. № 4 (6). С. 89-98.
 14. Sollors W. Cosmopolitan Curiosity in an Open City: Notes on Reading Teju Cole by way of Kwame Anthony Appiah // New Literary History. 2018. Vol. 49. No. 2. P. 227-248.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Явление мультикультурализма наблюдается практически во всех областях современного искусства. Как удачно отмечает автор рецензируемой статьи, «феномен мультикультурализма является неотъемлемой и всеобъемлющей характеристикой современного мирового литературного процесса. Применительно к литературе США этот феномен является основополагающим», «мультикультурализм в США уникален по ряду причин, в частности, из-за особого отношения американской культуры к проблеме региональной, этнической, расовой идентификации, из-за более острого, чем в других культурах противоречия между мощной прагматической, рациональной в основе национальной идеологией и социо-культурной реальностью страны-эксперимента» (М.В. Тлостанова). Следовательно, предметная область статьи достаточно актуальна, оправдана, а материал представляетенный читательский интерес. Работа выверена, авторская концепция достаточно прозрачна; примечательно для текста систематизация имеющихся источников, собственно на них и строится доказательность базы. Литературная основа статьи – это творчество американского писателя нигерийского происхождения Теджу Коула. «На сегодняшний день Коул является автором двух романов, трех фото книг, одного рассказа, а также многочисленных эссе. Кроме писательской деятельности, он занимается фотографией и искусством, а также преподает курс креативного письма в Гарвардском университете», «произведением, принесшему славу Т. Коулу, является роман «Открытый город», который был опубликован в 2012 г., а переведен на русский язык С. Силаковой в 2022 г. Роман

моментально стал бестселлером, а автор удостоился 8 наград, включая германскую международную литературную премию или премию им. Э. Хемингуэя». В работе чередуется т.н. информационный и аналитический уровни, это позволяет читателю как получать новые знания, так и следить за развитием авторской мысли относительно оценки текстов Теджу Коула. Отчасти работа имеет реферативный тон, но это, думается, и должно быть представлено. В целом стиль исследования соотносится с собственно научным типом: например, «роман во многом автобиографичен, потому что его содержание напоминает жизненные коллизии самого автора. Будучи выходцем из Нигерии, герой после многочисленных испытаний, связанных с гражданской войной в стране, оказывается в Европе, откуда переправляется за океан, где получает медицинское образование и проходит стажировку в качестве психиатра в нью-йоркской клинике», или «если подобное воспоминание является нейтральным для героя, то встреча с сестрой школьного друга Моджи представляет собой травматический опыт, потому что эта встреча была частью «моего «я», которую я сослал в детство в Африку... так возродилось нечто, казавшееся начисто исчезнувшим» и т.д. Методы исследования, которые применяет автор соотносятся с аналитически-интерпретационными, серьезных противоречий в оценке нет. Фактически материал дает полновесную оценку содержательной ткани романа «Открытый город». Сюжет, образная система, тематический блок – это все подвергается оценке, иллюстрируется, дает продуктивный комментарий. Языковые номинации не требуют правки, они объективны, доступны для верификации смысла: «находясь уже в Америке, главный герой все же ощущает свою связь с Африкой. Так, видя двух слепых в метро, герой предпочитает объяснить их недостатки с помощью основного мифа йоруба, который гласит, что всевышний Олодумаре поручил богу Обаталу вылепить из глины людей. Обаталу неплохоправлялся с заданием, пока не начал выпивать вино, отчего люди, которых он смастерил получились ущербными», или «даже стараясь забыть свое травматическое прошлое, герой не может отказаться от своих корней и осуждает тех, кто поступает иначе. Примером может служить преуспевающий доктор Гупта родом из Уганды, который из-за насильственных притеснений со стороны Иди Амина, жестокого и кровавого диктатора Уганды, вынужден был бежать из своей страны в Америку» и т.д. Материал актуален, критических исследований романа «Открытый город» не так много, если не сказать, практически нет (РИНЦ!). Выводы по тексту консолидируют весь текст в единое целое: «американский писатель нигерийского происхождения Теджу Коул является ярким представителем нового поколения писателей, в чьем творчестве воплощается политика культурного многообразия, характерная для литературного пространства США. Опираясь во многом на собственный опыт, писатель рассказывает историю человека, который, отталкиваясь от собственных африканских корней, попадает в новую культурную реальность и пытается обрести многоуровневую идентичность на территории США». Считаю, что основная цель исследования достигнута, поставленный ряд задач решен; основные требования издания по оформлению работы соблюдаются, список источников полноценен. Рекомендую статью «Ситуация мультикультурности в романе Теджу Коула «Открытый город» к открытой публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

И.Л. — Мода и модное слово в научном освещении (на материале русского и китайского языков) // Litera. – 2023. – № 3. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.3.38013 EDN: KBSEPX URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38013

Мода и модное слово в научном освещении (на материале русского и китайского языков)

И Лицонь

ORCID: 0009-0003-3921-3871

кандидат филологических наук

постдокторант, кафедра русского языка, Пекинский университет

119234, Китай, г. Пекин, ул. Ихюаоань, 5, кв. 5

✉ yiliqun@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.3.38013

EDN:

KBSEPX

Дата направления статьи в редакцию:

06-05-2022

Аннотация: Статья посвящена изучению моды и модных слов в научном освещении, задача которого – выявить понятие "мода" в разных научных сферах и характеристики модного слова в дискурсах русского и китайского языков. В статье описывается проявление категории моды в философском дискурсе. Комплексный анализ точек зрения на моду философов позволяет выявить загруженность смыслами концепта «мода» в одежде, ее связь с концептами «престиж» и «вкус» и характеры (тотальный, переменчивый). Разделяя семиотику и семиологию моды, Р. Барт доказывает неразделимость моды и языка. Семантико-когнитивный анализ понятия модного слова в двух языках показывает общие характеристики: актуальность, массовость, престижность, быстротечность, новость, экспрессивность. Исследование позволяет заключить, что понятие "языковая мода" и "модное слово" тесно связано с категорией моды в культуре и в цивилизации. В философском дискурсе были выделены важнейшие характеристики категории моды: её неразрывная связь с категорией вкуса, социальный характер моды, её всеохватность и переменчивость. В семиотике мода была определена как знаковая система, поставленная на службу экономике и социальному расслоению общества. Языковая мода является мощным средством манипулирования и воздействия на сознание человека. Модное слово представляют собой значительное динамичное

языковое явление, оно одновременно создает проблему лексиографирования и выполняет мощные функции. Автор рассматривает понятие "модное слово" в обиходе русского языкоznания в сопоставлении с китайским, что обуславливает новизну исследования.

Ключевые слова:

понятие, мода, модное слово, русский язык, китайский язык, философия, семиотика, дискурс, концепт, научное освещение

Концепция мода тесно связана с человеческой цивилизацией, которая распространяется на все сферы человеческой жизни, в том числе не только житейские суждения, но и научные исследования. В XX веке современная лингвистика установила термин языковая мода в свой концептуальный и метаязыковой обиход. Под термином языковая мода часто понимается «специфическая форма проявления языковой культуры посредством языковых привычек и вкусов, коммуникативных ценностей и тенденций, господствующих в каком-либо обществе в определенный период времени» [1]. Так как при выборе языковых единиц всегда наблюдается предпочтение личного носителя языка и социума. Массовое частотное употребление некоторых слов и выражений в определенный период позволяет высказать предположение о том, что существует определенная мода на слова и выражения в определенный промежуток времени. До настоящего времени на вопрос языковой моды и феномена модного слова обратили внимание многие русские ученые, как В. Г. Костомаров (1999), И. Т. Вепрева (2006), А. Мустайоки (2006), Н. Г. Журавлева (2010), М. М. Рипяхова (2013), О. И. Северская (2014), О. А. Дмитриева (2014), О. В. Брублевская (2015), В. И. Новиков (2016), М. А. Кронгауз (2017) и др., и многие китайские ученые, как Чжоу Имин (1992), Сюн Чжону (1992), Го Даҳай (1999), Жуань Хэнхуэй (2003), Сао Вэйминь (2010), Цзоу Чунъянь (2015), Бао Уюнь (2015), Фэй Цзывэй (2017) и др. Что касается сопоставительного исследования модных слов в русском и китайском языках, то мало работ, посвященных этой теме: только статьи О. А. Власовы (2014) и Чэнь Хуань (2017). До сего дня ряды вопросы по данной теме не только не решены, но и даже не поставлены.

Феномен модного слова, на первый взгляд, сам собой подразумевается. В последние десятилетия он широко применяется в различных гуманитарных дисциплинах: культурологии, семиотике, социологии, лингвистике, психологии, литературоведении, лексикографии, стилистике и методике преподавания. Но в самом деле он далеко не прозрачен, не разработан в своих масштабах и возможностях влияний на разные сферы современной жизни. Модные слова связывают с языковым вкусом конкретной эпохи, с социальной стратификацией общества и его ценностными установками, с языковой ментальностью и ее национальной спецификой. При этом наша статья посвящена научному освещению моды и модного слова в разных гуманитарных дискурсах. Для анализа приведено большое число примеров из Национального корпуса русского языка и корпуса современного китайского языка. Отталкиваясь от концепции А. Б. Гофмана, который выделяет ядро, составляющее набор модных ценностей (современность, универсальность, демонстративность и игра) [2], мы предприняли попытку выявить, как преломляются внутренние признаки модного объекта в слове, определяемом обыденным языковым сознанием как модное, в какой мере предложенные А. Б. Гофманом внутренние ценности могут быть использованы для характеристики модных слов. В фокусе данной статьи над модным словом на первый план выходит задача определения

понятия модного слова в русском и китайском языках.

Философские воззрения на моду – это целая совокупность представлений и точек зрения. В «Антропологии с прагматической точки зрения» И. Кант выделил следующие характеристики моды: а) социальное неравенство как причина возникновения моды, б) социальный престиж, в) диктат моды: моде весьма сложно не подчиняться, поскольку именно такой отказ может охарактеризовать человека как «старомодного» или «чудака» [3], г) негативное воздействие на человека: мода поощряет человеческое тщеславие, д) мода связана со вкусом.

Г. Гегель в «Эстетике» также соединяет моду и вкус. Гегель понимал вкус как чувство прекрасного, появившееся благодаря культуре. В противоположность И. Канту, Гегель ценил во вкусе чувственную составляющую и указывал на его неполноту и поверхностность; тем не менее Гегель полагал, что индивидуальные вкусы людей так же, как и общественные вкусы, могут быть критерием прекрасного или безобразного. Со вкусом связаны, по Г. Гегелю, популярность и престижность. Престиж может рассматриваться как результат сравнительной оценки определенных социолектов и социальной значимости их носителей. «Высоко оцениваемое явление выступает как побудитель и мотиватор определенных желаний, чувств, намерений, действий, поведения членов общности, вызывает гамму сложных чувств у индивидов, включая стремление к социальному признанию, одобрению, поощрению, к идентификации, сопровождающееся чувством принадлежности к реальной социальной группе, коллективу, к занятию соответствующего положения» [4]. Престиж не равен популярности. Популярность отражает предпочтения говорящих и тесно связана со стремлением к развлечению, игре, если пользоваться терминами Й. Хейзинги и А. Б. Гофмана.

Этимологически «moda» восходит к латинскому «modus» («мера, образ, способ, правило, предписание»). Мода означает предпочтение тех или иных вкусов в определенной среде, прежде всего это вкусы в одежде, затем – в прическе, предметах быта, предпочтения в еде и развлечениях и т. д. Сам феномен моды напрямую связан с одеждой – без одежды он бы просто не получил развития и распространения. Гегель останавливается на причинах возникновения одежды. Главная причина – стремление человека оградить себя от негативного воздействия среды, в дальнейшем, вместе с осознанием разницы между животным и человеком, последний испытывает чувство стыда и пытается прикрыть тело одеждой подобно тому, как шерсть покрывает животных [5]. По мнению французского поэта-символиста Ш. Бодлера, в дальнейшем одежда постепенно становится символом человеческой цивилизации и указывает на отчуждение от природного грубого и низменного начала в человеке. Мода может рассматриваться как попытка избавиться от этих черт и приблизиться с помощью одежды, украшений и т. д. к возвышенному, созданному искусственно [6].

Согласно Г. Гегелю, тяга к изменению собственной внешности присуща человеку с раннего детства. Мода как непрерывный процесс изменения и преобразования относится в равной степени и к миру действительности, и к миру искусства. Гегель подчеркивал пользу и «разумность» категории моды: в ней прошлое предстает как преходящее [7].

Русский религиозный философ П. А. Флоренский в «Иконостасе» определил новое измерение в понимании одежды. Одежда есть продолжение тела: «...духовным подвигом святые развили у своего тела новые ткани светоносных органов как ближайшую к телу область духовных энергий, и в наглядном восприятии это расширение тела

символизируется одеждой» [8]. По мысли П. А. Флоренского, именно одежда отражает метафизику человеческого существования [7].

Французский философ Ж. Бодрийяр в работе «Символический обмен и смерть» связал моду с концептами времени и смерти. Знаки моды не обладают внутренней детерминированностью и поэтому могут бесконечно изменяться. Мода – это «реутилизация прошлого», которая притягивает людей, потому что вечно циркулирует, умирая и воскресая снова. Ж. Бодрийяр писал: «Удовольствие от моды – это наслаждение призрачно-циклическим миром форм, отошедших в прошлое, но вновь и вновь воскресающих в виде эффективных знаков» [9]. Мода циклична – она «всегда пользуется стилем «ретро», но всегда ценой отмены прошлого как такового: формы умирают и воскресают в виде призраков» [9]. По мнению Ж. Бодрийяра, мода черпает свою легковесность из смерти, и хотя мода тем самым противопоставлена вечности, она сохраняет шанс на повторную «жизнь» за порогом смерти.

Нидерландский философ и культуролог Й. Хейзинга в трактате «*Homo Iudens*» («Человек играющий») отметил игровой характер моды: «...инобытие и тайна игры вместе зrimo выражаются в переодевании. «Необычность» игры достигает здесь своей высшей точки. Переодевшийся или надевший маску «играет» иное существо. Но он и «есть» это иное существо! Детский страх, необузданное веселье, священный обряд и мистическое воображение в безраздельном смешении сопутствуют всему тому, что есть маска и переодевание» [10]. Такое понимание близко пониманию моды, предложенному Ж. Бодрийяром – мода находится одновременно и в сфере рационального, и в сфере иррационального, ведь «даже для образованного взрослого человека в маске всегда остается что-то таинственное. Вид человека в маске уводит нас... из непосредственно окружающей нас «обыденной жизни» в иной мир, нежели мир дня и света. В сферу дикарей, детей и поэтов, в сферу игры» [11].

В «Проективном философском словаре» (ред. Г. Л. Тульчинский и М. Н. Эпштейн) содержится развернутое представление об одежде как оболочке или упаковке, в то время как сам человек – «сокровенное» существо. Находим мнение о том, что одежда по сути своей является для человека оболочкой, упаковкой, в то время как сам человек – наиболее «сокровенное» существо. Человеческая культура переняла идею упаковки у природы, поскольку в природе все организмы защищены, сокрыты «упаковкой» (плоды – кожурой, животные – толстой шкурой или шерстью). Так, человек стремится защитить себя, окружая собственное тело – первичную оболочку – множеством других: «То, что тело само выступает как облачение, позволяет ему облачаться и дальше, задает ход цивилизации как совокупности покровов, вырастающих на теле человечества» [12].

Подводя итог, можно сказать, что в философском дискурсе были выделены важнейшие характеристики категории моды: её принадлежность к культуре и цивилизации, неразрывная связь с категорией вкуса, социальный характер моды, её всеохватность и переменчивость. Глубокими и разнообразными смыслами насыщена мода в одежде. Языковая мода не является предметом специального рассмотрения в философской традиции, однако характеристики категории моды присущи и моде языковой.

Р. Барт выдвинул представление о моде как знаковой системе культуры. Барт разделил семиотику и семиологию моды. Семиотика моды – это набор смыслов, коллективных представлений – мифов и образов. Семиология моды – это её реальное воплощение, прежде всего, в одежде. Р. Барт разделяет «одежду-образ», «одежду-описание» и «реальную жизнь моды». В «одежде-описании» он выделил три обязательных

компоненты: объект (вещь в целом; например, свитер), суппорт (поддержка объекта, деталь или аксессуар; например, вырез свитера) и вариант (качество объекта, отдельные детали; например, рисунок на свитере). Изменение вариантов составляет процесс смены моды, а вариации суппорта образуют в конечном итоге понятие элегантности.

Р. Барт показал неотрывность моды от языка: «Реальная система одежды – это всего лишь естественный горизонт, где Мода формирует свои значения; как целостность, как сущность Мода не существует вне слова. Поэтому неразумно было бы ставить реальность одежды раньше, чем слово Моды, – напротив, подлинно рациональным направлением будет идти от учреждающего слова к учреждаемой им реальности» [12]. Система «одежда-описание» насыщена коннотациями и находится между вещью и словом, эта система связывает моду с внешним миром. Но главное в моде – это не её реальное воплощение, а её глубочайшая связь с экономикой и социальным устройством государства в конкретную эпоху. Р. Барт дает экономическое истолкование скоротечности моды: «Расчетливое промышленное общество вынуждено воспитывать безрасчетных потребителей; если бы производители и покупатели одежды были равнозначительны, то одежда покупалась (и производилась) бы лишь по мере своего весьма медленного износа; Мода в одежде, как и все моды, зиждется на неравенстве двух сознаний – одно из них должно быть чуждо другому. Чтобы заморочить расчетливое сознание покупателя, необходимо прикрыть вещь сетью образов, оправданий, смыслов, облечь ее какой-то последующей, вызывающей аппетит субстанцией, одним словом создать подобие реальной вещи, подменив тяжеловесное время износа другим, высшим временем, которое вольно и властно уничтожает само себя в акте ежегодного потлача. Итак, ни для кого не могут быть секретом коммерческие корни нашего коллективного воображаемого (подчиненного моде во всем – не только в одежде)» [12].

Отсюда центральная роль одежды-описания, идеологизированного языка моды. Ангажированный язык моды насыщен культурными, социальными, этическими коннотациями, он беспрестанно тиражируется в средствах массовой информации. Между предлагаемым и необходимым человеку продуктами находится область символического потребления, которое функционирует как система знаков, превращая предметы в символы, а символы – в товары. «...знак Моды помещается как бы на пересечении индивидуального (или олигархического) замысла и коллективного образа, он одновременно и навязан, и востребован... Мода меняется, а не развивается, ее лексикон каждый год составляется заново, словно в языке, который сохранял бы все время одну систему, но резко и регулярно менял "мелкую монету" своих слов» [12]. Описать моду – это значит описать её язык.

Итак, в семиотике мода была определена как одна из знаковых систем, поставленная на службу экономике и социальному расслоению общества. Язык моды является мощным средством манипулирования и воздействия на сознание человека.

А. Б. Гофман в монографии «Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения» определил моду как «один из механизмов социальной регуляции и саморегуляции человеческого поведения» [2]. Действительно, являясь важным культурным феноменом, мода распространяется практически на все области жизнедеятельности человека – от бытовой сферы (выбор одежды, прически, аксессуаров, косметики, парфюма, создание интерьера и т. д.) до ментальной сферы (музыкальные и книжные предпочтения, выбор кино, образ жизни и мыслей, критерии оценивания, модель поведения и самоидентификация). В Большом толковом словаре русского языка предлагается

следующее толкование слова «мода»: «Мода, -ы, ж. [франц. mode – мода; манера, образ действий] – 1. Совокупность вкусов и взглядов, господствующих в обществе в определенное (обычно недолгое) время и проявляющихся в увлечениях чем-л., формах быта, одежде и т.п. М. на высокие каблуки. Выйти из моды. Войти в моду. Быть в моде (пользоваться особой популярностью, признанием в какое-л. время). Последний крик моды (о чем-л., только что ставшем пользоваться особой популярностью). Не в моде кто-, что-л. (потеряло привлекательность, не отвечает современным вкусам). 2. мн.: моды, мод. Образцы предметов одежды, отвечающие господствующим вкусам данного момента. Моды сезона. Женские моды. Журнал мод. Дом мод (ателье высшего разряда по индивидуальному пошиву и продаже модной одежды). 3. разг. Обыкновение, привычка. Взял моду – каждый день песни распевать. Это еще что за м. – курить?» [\[13\]](#). В данном словаре отмечаются и фразеологизм «высокая мода», означающий «модные изделия лучших модельеров, выполненные вручную в единственном экземпляре» [\[13\]](#). Устойчивые сочетания фиксируются в «Малом академическом словаре», составленном Д. Э. Розенталем и М. А. Теленковой: «последний крик моды» для разговора о модных новинках, «взять моду» (сопровождается пометой «прост.» и означает «усвоить привычку»), «быть в моде» – «пользоваться особой популярностью, всеобщим признанием в какой-либо момент» [\[14\]](#). В словарях не отмечается, что к сфере проявления моды относится язык, равно как отсутствует устойчивое словосочетание «модное слово». Между тем мода является одним из важнейших проявлений социального аспекта языка. Начиная со второй половины XX века, в лингвистике начинается активное изучение речевой моды и феномена модного слова в русском языке на современном этапе его развития.

В монографиях В.Г. Костомарова, посвященных «языковому вкусу эпохи», анализируется речевая мода в русском дискурсе 80-90-х гг. ХХ в. [\[15\]](#). В. Г. Костомаров ставит в связь речевую моду с многообразными изменениями в обществе и культуре этого периода. В. Г. Костомаров писал: «Меняющиеся представления о правильном и эффективном использовании языка, доводимые порой до абсурда, можно обозначить словом «мода». Мода есть крайнее проявление вкуса, более индивидуальное, быстро проходящее, бросающееся в глаза и обычно вызывающее раздражение у старшей и консервативной части общества. Речевая мода, видимо, более прямолинейно связана с модой в других областях жизни» [\[15\]](#). О восприятии моды социумом пишет также М. А. Кронгауз: «Мода вызывает одновременно и притяжение, и раздражение. Кто-то такие слова не любит, кто-то любит и употребляет к месту и не к месту, а кто-то не любит, но все равно употребляет, потому что модно» [\[16\]](#).

Серьезным шагом в научное изучение модных слов русского языка явились словари модных слов, подготовленные В. И. Новиковым [\[17\]](#). В предисловии к «Словарю модных слов» В. И. Новиков определяет модное слово как «новый филологический термин, за которым стоит не сухая абстракция, а языковая и жизненная реальность... Модное слово – это слово с претензиями, оно часто звучит в устной речи, мелькает в прессе, то и дело доносится из радиоприемника или телевизора» [\[17\]](#). В. Новиков отказывается от попытки найти объективные критерии выделения модного и опирается на субъективные мнения: «В книгу вошли слова и выражения, не оставившие автора равнодушным. Слова с интересной судьбой. Слова, задевающие за живое, располагающие к спору и о языке, и об актуальных нравственно-социальных проблемах. Автор стремился работать «соборно», расспрашивая коллег и знакомых, людей разных поколений и профессий о том, какие слова они считают модными, какие новые слова им нравятся или вызывают

раздражение» [\[17\]](#). Экспликацией этих субъективных мнений могут служить признаки распространенности модных слов, возможно, социальный престиж, а также эмоционально-оценочная реакция нравится/ не нравится.

В первом издании Словаря В.И. Новикова содержится более ста модных слов. В словарь вошли слова, приобретшие новое значение и ставшие модными в этом значении; заимствования, научные, технические и политические термины, сленговые слова; слова, используемые в повседневном языке, в интернет-общении, в СМИ («лузер», «мем», «няшка», «прайвеси», «селфи», «фейк»). В словарных статьях содержатся сведения о происхождении слова, об особенностях употребления и произношения. В словаре нет разграничения модных слов по их принадлежности к определенному временному интервалу, то есть определения того, когда слово становится модным, сколько времени оно остается модным и когда оно выходит из моды. В целом Словари В.И Новикова можно рассматривать как репрезентативный источник для исследования модных слов порубежье XX – XXI вв.

Об актуальности темы модных слов в современной русистике говорит проведенная в ноябре 2011 г. в Институте лингвистики РГГУ Международная конференция «Мода в языке и коммуникации» и последующий сборник по материалам конференции [\[18\]](#). Названия статей в сборнике демонстрируют многообразие проблем, связанных с модным словом: «Норма и мода» В. М. Аллатова, «Сетевой русский: Мода на комментарии» Т. В. Базжиной, «Мода во фразеологии» А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, «От «по» до «от»: О странной моде на предлоги» Е. Н. Басовской, «Мода и узус: Моделирование влияния социума на речь» Е. Г. Борисовы, «Язык молодежной тусовки: Вкусы и тенденции» Э. Бялэка, «Слова, которые называют немодными» Л. В. Зубовы, «Лексические особенности ТВ-чатов (на примере Bridge in Time)» О. Л. Максименко, «Моден ли «менеджерский дискурс» в русском общении?» Р. Ротмайера, «Мода на свободу: Естественная письменная речь» Л. Л. Федоровы, «Вкусняшки для стройняшек: актуализация словообразовательной модели или новый ее «фасон»?» О. И. Северской. Об общественном интересе к модным словам говорят специальные опросы и рейтинги («Слово недели»), модные слова обсуждаются в радиопередачах («Говорим по-русски» на станции «Эхо Москвы»), в интернет-форумах («Дар слова» М. Н. Эпштейна).

В изучении модных слов можно выделить теоретический и практический аспекты. Практический аспект – это выявление модных слов современности и их лингвистическое описание, теоретический аспект – это дифференциальные характеристики модных слов, закономерности бытования и функции модных слов. Эти вопросы ставятся в работах И. Т. Вепревой, Н. Г. Журавлевой, М. М. Рипяховы, О. А. Дмитриевой, М. А. Кронгауза, В. И Новикова, О. В. Врублевской и других исследователей.

А. Б. Гофман выделил «атрибутивные ценности моды» : современность, универсальность, игра, демонстративность [\[2\]](#). Перенося социологические модели в языковую сферу, И. Т. Вепрева и А. С. Мустайоки показывают, как преломляются признаки модного предмета в слове, которое языковое сознание определяет как модное [\[19\]](#). О. В. Врубельская также опирается на характеристики модного объекта, выделенные А. Б. Гофманом, и считает возможным их перенесение на языковую сферу. Сверх того, О. В. Врубельская указывает, что «помимо внешних внеязыковых факторов в основе модности слова лежат и психологические аспекты, стремление посредством модных языковых форм продемонстрировать свое Я, что позволяет стилистически маркированным словам, словам с ярким планом выражения и расширенной сочетаемостью или обобщенной

семантикой переходить в разряд модных. Последнее объясняет игровое начало подобных модных слов (произвольное обыгрывание внутренней формы слова, метафоризация и т.д.), что определяется уже языковыми причинами» [\[20\]](#).

В ряде работ модное слово рассматривается в динамическом аспекте. По мнению О. И. Северской, «феномен модного слова изучается обычно в контексте истории литературного языка и социолингвистики и традиционно соотносится с лексическими процессами, обусловленными тесной связью языка и общества» [\[21\]](#). Можно заметить, что контекст истории литературного языка пока что в исследованиях модных слов востребован совершенно недостаточно. В работе И. Т. Вепревой «Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху» выделены пять стадий жизни слова в языке: 1) первое вхождение слова в язык и знакомство с ним, 2) стадия усиления интереса носителей к появившейся единице, 3) период активного распространения лексемы в языке, 4) стабилизация слова в языке и потеря им исключительности, 5) исчезновение вследствие замены другим словом либо обновление слова, обусловленное общественными потребностями [\[22\]](#). Эта схема может быть применена в изучении модных слов, которым присущ определенный жизненный цикл. Опираясь на взгляды И. Т. Вепревой, Н.Г. Журавлевы в диссертационном исследовании «Феномен модного слова: лингвопрагматический аспект (на материале современного русского языка)» рассматривает модное слово в рамках антропоцентрического подхода, учитывая эмоции, чувства и предпочтения говорящего [\[23\]](#).

В ряде работ ставится вопрос о функциях языковой моды и модных слов. О. А. Дмитриева видит в языковой моде своего рода регулятив: «обязательным условием существования языковой моды является триада: новизна, частотность, статусность; как только происходит частое цитирование модной языковой единицы, она теряет остроту и оригинальность, редуцируется до клише» [\[24\]](#). М. М. Ряпихова выделяет следующие функции языковой моды: инновационная, регулятивная, психологическая, социальная, престижная, коммуникативная, экономическая, эстетическая [\[25\]](#). В языковой моде находят воплощение языковые вкусы и коммуникативные ценности, свойственные обществу в определенный период времени, «языковая мода непосредственно связана с ментальностью и является значимым аспектом в изучении и описании любой лингвокультуры» [\[25\]](#).

Универсальное и идиоэтническое в языковых явлениях ярко проступают при сопоставлении. Большой интерес представляет рассмотрение модных слов русского языка на фоне китайского. В Китае тема модных слов является предметом исследования многих лингвистических штудий [\[26,27,28,29\]](#). Рассматриваются следующие характеристики модных слов:

а) актуальность, понимаемая как соотнесенность со значимыми событиями в политике, экономике, культуре. По данному признаку понятие модного слова сближается с введенным Т. В. Шмелевой понятием ключевого слова: «Слово, соотносимое со своим временем, становящееся особенно важным, актуальным благодаря своей семантике, получило в лингвистике статус актуального слова, «ключевого слова текущего момента» [\[30\]](#). Упор на изменения в общественно-политической жизни как главное содержание модного слова отчетливо сказывается в работах, посвященных китайским модным словам 50-80-х гг. XX века. В статье «Catchwords as markers of change in China» Хоу Цзинсян выделяет следующие модные слова для данного периода: 毛主席(máo zhǔxí) – «председатель Мао» (1949 г.); 中国人大(zhōngguó réndà) – «Всекитайское Собрание

Народных Представителей» (1954 г.); 人民公社(rénmíngōngshè) – «народная коммуна» (1958 г.); 向雷锋同志学 (xiàng léifēng tóng zhìxué) – «учиться у Лэй Фэна» (1960 г.); 文革 (wéngé), сокращение от 文化大革命(wénhuà dàgémìng) – «Культурная революция»; 四人帮 (sìrénbāng) – «Банда четырех» (1976 г.); 深化改革(shēnghuà gǎigé) – «углубление реформ» (1979 г.); 浩劫(hàojié) – «великое бедствие» (явление начала 1980-х) [31]. Фактические это история общественно-политической жизни Китая, закрепленная в лексике, которую в равной мере можно отнести и к ключевым, и к модным словам.

Однако модные слова – это не только «ключевые слова эпохи». «Исследуя «модные» слова, необходимо учитывать социальные изменения и культурные тенденции» [26]. Модные слова являются маркерами новых явлений и новых понятий, относящихся к техническим и культурным инновациям, к повседневной жизни в многообразных её проявлениях (еда, одежда, дом и его интерьер, транспорт и т.п.). Модными становятся слова с оценочным и эмоциональным значением, слова приветствия и прощания, согласия и несогласия, ср. англицизмы в китайском языке: 酷(kù от «cool») – «классно», 拜拜(bàibài от «bye-bye») – «пока» [28];

б) с прикрепленностью к текущему моменту тесно связывается жизненный цикл модного слова. Длительность бытования модных слов, относящихся к политическому устройству государства, зависит от того, насколько долговечно само это политическое устройство. Об этом свидетельствуют приведенные выше ключевые слова КНР периода 50-80-ых гг. В дальнейшем такая лексика по преимуществу переходит в разряд историзмов. Для многих тематических групп модных слов характерна «кратковременность» и быстрая сменяемость, о чем пишут многие китайские лингвисты. Например, хорошо известное всем носителям китайского языка слово 好(hǎo) – «хорошо» сменилось на модное 棒 (bang) – «здравово», которое затем заменилось на 帅(shuài) – «клево», затем на 盖(gài) – «классно» и впоследствии на 顶级(dǐngjì) – «супер» [26]. Находясь на пике популярности, модное слово за короткий промежуток времени распространяется на все социальное пространство и начинает использоваться повсеместно, становится действительно массовым; создателями моды и одновременное ее воспринимающими становятся социальные классы и слои, профессиональные группы и т. д. [2]. Данную черту модного слова отмечают и китайские лингвисты. Однако модные слова достаточно быстро теряют актуальность, многие из них бесследно уходят из языка, другие же сохраняются в качестве своеобразных «счетчиков времени»;

в) модные слова можно разделить на те, которые получили массовое распространение, и те, которые остаются популярными только внутри специальной группы [29]. Последние могут относиться и к лексике ограниченного употребления: к диалектизмам, профессионализмам, жаргону. Цзин Сун, Юй Цзин и У Фэй выделяют признак корпоративности модных слов, отмечая тот факт, что «носитель языка может сознательно ограничивать сферу использования таких единиц в зависимости от конкретной ситуации, социальной группы и речевого стиля » [26].

Некоторые модные слова имеют региональную характеристизацию. Таким словам присуща особая экспрессия и стилистическая маркированность. «Популярность модного слова обусловлена его оригинальностью и коммуникативной значимостью» [31]. Это свойство модных слов называют демонстративностью (термин А.Б. Гофмана). В китайском языке демонстративность ярко проявляется у заимствований, в первую очередь англицизмов. Однако здесь имеется противоречие. В китайской культурной традиции заимствования оцениваются в целом отрицательно. Вместе с тем модные заимствованные слова

обладают свойствами новизны, престижности и особой привлекательности для говорящего. Такая амбивалентность, по мнению Цзин Суна, отражает психологию китайской нации и является признаком внутренней ксенофобии [26]. Лю Цэцюань и Чжан Даньдань отмечают, что в языковом отношении это противоречие решается следующим образом: «...помимо новизны, модное слово должно обладать красотой и изысканностью, а также обладать эстетической ценностью [32].

Представленный обзор показывает, что русские и китайские модные слова имеют общие характеристики. К ним относятся прикрепленность к конкретному времени (актуальность), широкая распространенность (массовость), престижность, кратковременный жизненный цикл, новизна и экспрессия (демонстративность и игровой характер). Вместе с тем представления о моде и модном слове в русском и китайском языковом сознании не полностью совпадают между собой. Об этом свидетельствует психолингвистический эксперимент, проведенный Л. Т. Ягофаровой и С. Ю. Глушковой [33]. В ходе эксперимента испытуемых (носителей русского и китайского языка) просили перечислить слова, которые ассоциируются у них со словом «мода» - 时尚(shíshàng). Опираясь на проведенный эксперимент, можно утверждать, что русскому сочетанию «модное слово» соответствует в китайском языке не одна, а две единицы: 时尚词(shíshàngcí) и 流行语(líuxíngyú). Китайское 时尚词(shíshàngcí) («мода», «модный») состоит из иероглифов 时(shí) – «время», «сезон» (т. е. «существующий в определенном времени») и 尚(shàng) – «еще», «все еще», «пока еще», соотносящийся со вкусом и престижем. Чаще всего такое определение сочетается со словами, обозначающими внешний облик человека, его одежду, его поведение и образ жизни. Китайское 流行的(líuxíngde) («модный, популярный») состоит из иероглифов 流(líu) – «течь», «волна», «распространяться (количественно и территориально)» и 行(xíng) – «ход», «на ходу», «проходить (о времени)». Данное определение сочетается со словами, обозначающими цвет, фасон, одежду, наряд, украшения, песню или другие культурные артефакты. Семантическое различие состоит, очевидно, в том, что во втором из китайских слов присутствует семантический компонент «эстетическая привлекательность объекта». Это соответствует выводу Л. Т. Ягофаровой и С. Ю. Глушковой: «в процессе вербализации концепта мода в русской языковой среде акцент делается на эмоциональном восприятии, тогда как в китайской – на эстетическом» [33]. Показательны данные, полученные при обращении к Национальному Корпусу китайского языка (КСКЯ): поиск по слову 时尚词(shíshàngcí) выдал 2 документа и 2 вхождения, поиск по слову 流行语(líuxíngyú) – 500 документов и более 500 вхождений [33]. Таким образом можно считать, что представление о модном слове в языковом сознании носителей китайского языка воплощено в китайском слове 流行的(líuxíngde).

М. А. Кронгауз пишет, что «после перестройки мы пережили минимум три словесных волны: бандитскую, профессиональную и гламурную, а в действительности прожили три важнейших одноименных периода, три, если хотите, моды, разглядеть которые позволяет наш родной язык. Про эти периоды можно философствовать бесконечно, можно снимать фильмы или писать романы, а можно просто произнести те самые слова, и за ними встанет целая эпоха. Это тоже философия, но философия языка. Глупо говорить о его засоренности, глупо вообще пенять на язык, коли жизнь у нас такая. И надо быть терпимее и помнить, что слова суть отражения» [16]. Подобные волны отмечаем и в истории китайского языка, поскольку обилие жаргонизмов, терминаллизов и заимствований входит в обиход модных слов, входит в саму живую речь нашей жизни. Активизация модных слов в последние десятилетия привела к появлению большого количества новообразований, которые возникают в речи и зафиксированы в языке как

фрагменты национальной культурной памяти современных стран. Можно сказать, что в эпоху активной экономической, политической и культурной глобализации на современные деривационные процессы оказывают влияние прежде всего «западнизация» и либерализация жизни общества первых десятилетий XXI в. «Просторечия, жаргонизмы, иные нелитературные средства выражения, получая доступ в широкий образованный обиход, открывают ворота для общей безответственной неряшливости, порождающей ошибочные или пошлые словоупотребления, в которых слова выступают в не свойственных им значениях и в таких сочетаниях, которые коробят слух и оскорбляют здравый смысл, что сопрягается уже с оскудением логических понятий. И сегодня можно наблюдать многочисленные издержки, так сказать, безоглядной демократизации, излишней терпимости» [15]. «В старании показать свою широту и ученость, точнее свою приобщенность к американо-западному миру, журналисты нередко создают причудливую смесь иностранных слов, грубого просторечия и жаргона» [15].

В наше время модные слова вызывают немало проблем, в том числе особенно проблема лексикографирования. Практически с каждым годом богатый словарный фонд русского языка пополняется новыми единицами. Все это приводит и к усложнению, к расширению мира словарно-справочной литературы, являющейся весьма действенным средством, при помощи которого мы познаем мир, то есть словарно-справочная литература помогает нам понять и систематизировать компоненты, составляющие окружающую нас действительность. Специалисты в области лексикографии отмечают стремительный рост количества словарей всех возможных жанров и направлений, глоссариев, энциклопедий и других справочных материалов. Большая часть составителей словарей ориентируется на лексикографирование по образцам. Таким образом, на основе нового, свежего языкового материала создаются словари известных видов при помощи известных и проверенных методик. Существующий комплекс традиционных методик лексикографирования остался неизменным, хотя наука набирает все большие темпы развития (особенно в конце XX в.). «Между тем резервы расширения типов словарей далеко не исчерпаны» [34]. Это приводит нас к мысли о том, что лексикографам стоит оставить свои традиционные методики и способы определения жанров словарей, что ученые и сделали. Большое количество свежего языкового материала дало толчок к разработке новых типов словарно-справочной литературы и, следовательно, к новому подходу в систематизации имеющегося языкового материала.

В 2001 году в журнале «Вопросы языкоznания» была опубликована статья В. Д. Девкина, в которой он освещает тему «неродившихся» словарей, обращая внимание на необходимость создания следующих словарей: словарь обращений, словарь этикетных фраз, словарь хоноративов (выражений вежливости), словарь гумилативов (выражений хамства), словарь метакоммуникативных выражений, словарь стимулов и реакций, словарь манипулятивных речевых тактик и многих других типов словарей, охватывающих различные аспекты жизнедеятельности человека. И, что важно для нашей работы, В. Д. Девкин делает замечание и по поводу актуальности создания словаря «модных» слов, также высказывая опасение о том, что «при замедленном изготовлении словарей есть опасение, что он выйдет, когда его материал уже в какой-то степени устареет» [35].

Спустя четыре года после выхода статьи «О неродившихся немецких и русских словарях» В. Д. Девкина был опубликован первый в истории русского языка Словарь модных слов (далее СМС), автором которого является известный писатель, профессор факультета журналистики МГУ, В. И. Новиков. Словарь содержит в себе 70 словарных

статей, расположенных в алфавитном порядке. В первую очередь стоит обратить внимание на тот факт, что составитель словаря не прибегает к общепринятым в лексикографии принципу как можно более полной унификации подачи словарного материала. Словарные статьи представляют собой посвященные отдельному слову эссе, написанные в публицистическом стиле. Содержание работы, проиллюстрированное какими-либо жизненными ситуациями, тем не менее, не дает читателю исчерпывающей и всеобъемлющей картины описанного явления. По составу лексики анализируемый словарь неоднороден. Большая половина словаря – это жаргонные или же просторечные слова и целые выражения, в меньшинстве, но все-таки представлены и грубо-просторечные единицы; такое содержание словаря, на наш взгляд, совершенно точно отражает общую тенденцию: категория «модных» слов неотделима от таких явлений, как общий жаргон и просторечие. Находим в словаре и статьи для слов иностранного происхождения (в основном англо-американского). Обратив внимание на аннотацию к словарю: «Новый словарь модных слов» – сборник живых, остроумных рассказов о самых престижных и спорных словах русского языка начала XXI века»[\[17\]](#), мы можем сделать вывод о том, что эта работа изначально не была нацелена на конкретное, научное толкование составляющих ее языковых единиц – анализируя языковой материал, В. И. Иванович соединил традиции описания слов толкового словаря с традициями лингвокультурологического объяснения.

При рассмотрении проблем лексикографирования модных слов, следует упомянуть следующий аспект: значительную роль при создании СМС играет рефлексия, отражение в сознании носителя языка какого-либо «модного» слова. Для ученого, целью которого является работа с языковой модой, а затем и создание словарника с использованием составляющих этой моды важно учитывать два условно выделенных типа авторских рефлексий слов: рефлексии носителей языка и рефлексии исследователей данного явления. В первую очередь, обе группы авторских рефлексий выступают вспомогательным средством для получения информации о свойствах и признаках «модных» слов составителем словаря: способность вступить в синонимический, антонимический ряды, наличие оценки, особенности семантики, грамматические характеристики и другое. Еще одним преимуществом использования авторских рефлексий является то, что рефлексии могут выступить и в роли фона, на котором и будут вырисовываться выводы самого исследователя, ведь модное слово, погрузившись в речь, непосредственно отражающую сознание носителя языка, будет наиболее ярко проявлять свои свойства и характерные черты.

Возможное ощущение субъективности в определении слов как модных может быть преодолено «за счет фактора частотности: частотные рефлексивы, очевидно, отражают реальные параметры лексической единицы в социуме в определенные периоды. Метаязыковые высказывания вербализуют языковое сознание и позволяют очертировать круг «модных» слов»[\[23\]](#).

Следует отметить и то, что В. И. Новиков при подготовке словарных статей учитывает тот факт, что модное слово – динамичная категория. Его семантика и прагматика нередко оказываются чрезвычайно широкими, и можно констатировать, что именно в наши дни эти свойства «модного» слова только формируются. Одновременно с этим формированием идет и грамматическая перестройка слова.

Примером традиционного оформления словарных статей, поясняющих семантику модных слов нам может послужить работа Т. Г. Никитиной «Так говорит молодёжь» (далее ТГМ), вышедшая в 1998 году. В данном словаре представлены единицы молодежного сленга,

стоить вспомнить, что одним из направлений языковой моды является и употребление сленговых слов.

Проблема лексикографирования модных слов в современном китайском языке более сложна, так как китайский – язык аналитического строя. Слово имеет довольно размытый статус, сложные и неоднозначные отношения со слогами и морфемами. Китайский язык является типичным представителем слоговых языков, где слог имеет строго фиксированную структуру и в большинстве случаев наделен определенным значением. Главной особенностью расчленения китайских слов является то, что их компоненты могут существовать в предложении как слитно, так и раздельно. Вследствие этого, трудно решить проблему лексикографирования китайских модных слов. Чтобы нормализовать современный литературный китайский язык, в Китае модные слова получают свой статус после акцепции «Словарь современного китайского языка» (ССКЯ), который является стандартной нормой современного китайского языка с характеристиками нормативности, научности и практичности.

В то же время модные слова активно выполняют свои мощные функции. По мнению М. М. Рипяховы, основные функции языковой моды определяются следующими: (1) инновационной (языковая мода стимулирует экспериментальное начало в обществе и культуре, поиск нового, выявляет новые, более предпочтительные по сравнению с предыдущими речевые образцы); (2) регулятивной (языковая мода внедряет в образ жизни новые формы коммуникативного поведения, отбирая из множества речевых моделей одну, которая на какое-то время становится нормой, облегчая человеку выбор языковых средств и помогая тем самым приспосабливаться к меняющемуся миру); (3) психологической (языковая мода удовлетворяет психологические потребности человека в новизне, создавая иллюзию изменений, в самовыражении, компенсирует неудовлетворенность своим социальным статусом, нивелирует социальное неравенство и позволяет избежать социальной изоляции. Языковая мода является наиболее эффективным способом эмоциональной разрядки, будучи элементом механизма защиты от психологических перегрузок, предлагая готовые образцы коммуникативного поведения личности в массовом масштабе); (4) социальной (языковая мода приобщает человека к социальному и культурному наследию, помогает восприятию определенных социальных норм и ценностей и способствует воспроизведству определенной социальной системы); (5) престижной (языковая мода обозначает социальный статус, демонстрируя либо высокий социальный статус, либо создавая иллюзию более высокого социального статуса, либо наоборот скрывая социальные различия между участниками коммуникации.); (6) коммуникативной (языковая мода представляет собой одну из характеристик массовой коммуникации); (7) экономической (языковая мода является формой рекламы новых товаров, регулятором поведения потребителей и как следствие – средством расширения сбыта); (8) эстетической (языковая мода удовлетворяет эстетические потребности, отражая особенности массового языкового вкуса, является способом распространения и изменения эстетических оценок в обществе) [\[1\]](#).

Мода – один из важнейших общечеловеческих концептов, и находящийся в орбите внимания целого ряда гуманитарных дисциплин. В задачи современного языкознания входит много нового из того, что прежде вообще не принималось в круг лингвистического внимания. В частности, актуальной задачей в современной русистике является изучение категории «модных» слов, особенно его сопоставительное изучение в русском и китайском языках.

В этой статье дана характеристика моды, содержащаяся связанные в философско-

лингвистических исследованиях, в том числе И. Канта, Гегеля, Ш. Бодлера, П. Флоренского, Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Й. Хейзинги, Г. Тульгинского, М. Эпштейна и А. Гофмана. Проблема языковой моды активно изучается на рубежах XX-XXI веков в отечественном и зарубежном языкознании. В.Г. Костомаров ввел в научный обиход понятие «языковой вкус эпохи». В это же время положено начало исследованию «модных» слов. Результаты эксперимента восприятия концепта мода носителей русского и китайского языка показывают, что у русских наблюдается преобладание эмоционального восприятия концепта мода, тогда как у китайских обнаруживается приоритет эстетического. Анализ компонентных китайских выражений 时尚词(shíshàngcí) и 流行语(líuxíngyǔ) привел к выводам, что второе выражение считается точнее, чем первое, определяя термин как модное слово, по той причине, что в определенный период времени оно получило необычайное широкое распространение и популярность у всех носителей языка, а не у некого социума «дизайнеров». Бессспорно мнение русских и китайских лингвистов о том, что основными дифференциальными признаками «модного» слова являются частотность (массовость, универсальность), современность и популярность (демонстративность и характеристика игры). Одновременно русские лингвисты подчеркивают новизну модного слова, китайские же лингвисты – кратковременность и территориальную ограниченность (корпоративность).

Модные языковые единицы – это актуальные слова современной эпохи, разновидность лексических инноваций. Однако модные слова представлены на разных этапах исторического существования языка, о чем свидетельствуют, например, многочисленные примеры в монографии академик В.В. Виноградова «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков» (1982). Однако вместе с тем следует признать, что феномен модного слова не получил до настоящего времени убедительного объяснения, а сочетание «модное слово» вряд ли может претендовать на статус лингвистического термина.

С целью выявления критериев и особенностей модного слова в этой статье анализируются сходства и различия между понятиями «moda» и «модное слово». При этом обнаруживается, что характеристики функционирования модного слова не вполне совпадают со значимостью моды. Высокочастотные языковые единицы с элементом новизны обладают признаками, входящими в ядро ценностей моды. Например, модное слово обладает такими фундаментальными признаками модного объекта, как распространенность и современность. Если же речь идет об своих особенных свойствах функционирования модного слова, то можно отметить трансцендентность по времени, спонтанность распространения, связь с диалектами, различия циклов существования и другие признаки.

Модное слово определяется исходя из его употребительности и социальной значимости. Модное слово наследует признаки, присущие моде как семиотическому явлению, подвергая эти признаки дальнейшей дифференциации. Модное слово является демонстративным и выразительным. Модное слово использует выразительные средства языка и создает новые. В демонстративности модного слова получает воплощение языковой вкус и эстетические предпочтения носителей языка в конкретный временной период. Национальная специфика модных слов проявляется при их сопоставлении в русском и в китайском языках. Модное слово многофункционального. Специфической функцией модного слова является его прикрепленность к определенному времени. Модное слово свидетельствует об общественно значимых событиях и обращено к миру и к языку. Многофункциональность модного слова можно уподобить складному вееру, «головкой» которого является специфическая для модного слова функция,

прикреплённость к конкретному времени.

Библиография

1. Рипяхова, М.М. Проявление языковой моды в политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2013. № 4 (22). С. 162–165.
2. Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. 4-издание, исправленное и дополненное. М.: КДУ, 2015. 227 с.
3. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? Кант И. Соч. на нем. и рус. яз. Т. 1. М., 1994. С. 29-37.
4. Брусенская Л.А. Категории «мода», «престиж»: социолингвистический и лингвопрагматический аспект // Русский язык в поликультурном мире. Титаренко Е. Я. (отв. ред.). Ростов-на-Дону, 2008. С. 294-300.
5. Гегель Г.В.Ф. Эстетика. В 4 т. Т. 1. М., 1968–1973.
6. Бодлер Ш. Поэт современной жизни. Бодлер Ш. Об искусстве. М., 1986. С.283-315.
7. Чернейко Л.О., Башкатова Д.А. Философско-лингвистический аспект изучения моды // Филологические науки, 2008. № 2. С. 86-99.
8. Флоренский П.А. Иконостас. Собр. соч. В 4 т. Т. 2. М., 1996. 878 с.
9. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. 389 с.
10. Хейзинга И. Человек играющий. М., 2001. 350 с.
11. Проективный философский словарь: Новые термины и понятия. СПб., 2003. 512 с.
12. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. 511 с.
13. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: «Норинт», 2004. 1534 с.
14. Словарь русского языка: в 4-х т./АН СССР, Ин-т рус. Яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985-1988. Т. 2. К-О. 1986. 736 с.
15. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М.: СПб., Златоуст, 1999. 320 с.
16. Кронгауз М.А. Семантические сдвиги в семантике оценочных прилагательных // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. (отв. ред.). М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 345-356.
17. Новиков В.И. Словарь модных слов. Языковая картина современности. М.: ACT: CORPUS, 2018. 351 с.
18. Федорова Л.Л. Современное состояние молодежной речи: к определению жаргона // Русский язык сегодня. Активные языковые процессы конца XX века. Сборник статей / под ред. Л.П. Крысина. М.: Азбуковник, 2003. С. 271-279.
19. Вепрева И.Т., Мустайоки А. Какое оно, модное слово: к вопросу о параметрах языковой моды // Русский язык за рубежом, 2006. № 3. С. 45-62.
20. Врублевская О.В. Языковая мода в русской ономастике. М-во образования РФ, Волг. гос. социально-педагогический ун-т – Волгоград. дисс. докт. филол. Наук. 2017. 328 с.
21. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М-во образования РФ, Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2002. 378 с.
22. Журавлёва Н.Г. Феномен «модного» слова: лингвопрагматический аспект (на материале современного русского языка). дисс. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 177 с.
23. Дмитриева О.А. Языковая мода как поведенческий регулятив // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 535—538.

24. Рипяхова, М.М. Языковая мода и ментальность: к вопросу о структуре и функциях // Язык и культура (Новосибирск), 2012. № 1(24). С. 225–229.
25. Jing Song. Новое исследование модных словечек // Yuwen jianshe. 1999. № 3. Р. 22-26.
26. Yu Jin, Wu Fei. Предварительное исследование модных слов на английском и китайском языках // Zhongguo haiyangdaxue xuebao (shehuikexueban). 2004. № 5. С. 94-96.
27. Hou Jinxiang. Модные слова как маркеры перемен в Китае // English Today 2007. № 23(3&4). С. 50-52.
28. Zhang Yun. Культурологические исследования модных слов // Keji chuanx in daobao. 2009. № 35. С. 192.
29. Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента. // Collegium. 1993. № 1. С. 33-41.
30. Xia Lihong. Инновации и конвергенция языка с точки зрения модных слов // Yuyan jiaoxue yuyanjiu. 1999. № 2. С. 16-18.
31. Ren Raolong. Характеристики модных словечек // Riyuxuexi yuyanjiu. 1998. № 2. С. 5-20.
32. Ягафарова Л.Т. Глушкова С.Ю. Концепт мода в русском и китайском языках // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 8. С. 58-61.
33. Корпус современного китайского языка [Modern Chinese Corpus]. http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/
34. Девкин В.Д. Очерки по лексикографии. М.: Прометей, 2000. 395 с.
35. Девкин В.Д. Словари, которые не напечатали // Вопросы языкоznания, 2001. № 1. С. 85-96.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Мода и модное слово в научном освещении (на материале русского и китайского языков)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, так как автор рассматривает понятие «языковая мода» и особенности его изучения в современной лингвистике на материале двух языков.

Несмотря на то, что в последние десятилетия данный термин широко применяется в различных гуманитарных дисциплинах: культурологии, семиотике, социологии, лингвистике, психологии, литературоведении, лексикографии, стилистике и методике преподавания, данный термин неоднозначно трактуется в лингвистике.

В настоящей статье дана характеристика моды, содержащаяся связанные в философско-лингвистических исследованиях, в том числе И. Канта, Гегеля, Ш. Бодлера, П. Флоренского, Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Й. Хейзинги, Г. Тульгинского, М. Эпштейна и А. Гофмана. Проблема языковой моды активно изучается на рубежах XX-XXI веков в отечественном и зарубежном языкоznании.

Рецензируемая статья посвящена научному освещению моды и модного слова в разных гуманитарных дискурсах. Практическим материалом для анализа послужили данные из Национального корпуса русского языка и корпуса современного китайского языка. Однако, автор не приводит конкретных цифр для понимания изученного при

исследовании объема.

В фокусе рецензируемой статьи над модным словом на первый план выходит задача определения понятия модного слова в русском и китайском языках.

Научная работа выполнена в русле современных научных подходов, профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования.

В своем исследовании автор прибегает к научному обобщению литературы по избранной теме и анализу фактических данных. Особый интерес представляют примеры на русском и китайском языках, которые анализирует автор. Отметим, что в исследовании автор рассматривает как теоретическую основу затрагиваемого проблемного поля, так и практическую проблематику.

Структурно работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Как и любая масштабная работа, рассматриваемый труд не лишен недостатков. Так, библиография статьи насчитывает 35 источника, среди которых присутствуют как отечественные, так и зарубежные работы. Однако, в работе присутствуют отдельные нарушения, допущенные при оформлении списка источников, а именно: несоблюдение общепринятого алфавитного расположения цитируемых работ. Также вызывают сомнения правильность оформления статей китайских авторов на русском языке, которые были опубликованы в китайских изданиях. Кроме того, местами в статье встречается некая нелогичность повествования, возникает ощущения того, что две части - "русская" и "китайская" не стыкуются между собой.

Однако, данные замечания носят рекомендательный характер и не оказывают существенное влияние на восприятие представленного на суд читателя научного текста. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Общее впечатление после прочтения рецензируемой статьи положительное, она может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Англоязычные метаданные

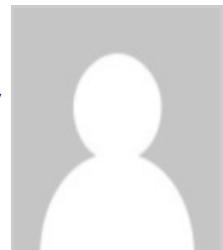
The "Lost Generation" in the Modern Russian-language Journalistic Discourse

WANG SHUOYING

Postgraduate student, Department of Russian Language, Lomonosov Moscow State University

89/2 Leninsky Prospekt str., Moscow, 119313, Russia

✉ shoin.van@yandex.ru

Zhdanova Larisa Aleksandrovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

119191, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1

✉ zhdala@mail.ru

Abstract. The article examines the use of the term lost generation in modern journalistic discourse, which originally referred to writers of the first half of the twentieth century who passed the First World War and expressed in their work its tragic experience, their inner emptiness and alienation from society. The presence of an attribute with a characterizing meaning in this idiomatic term allows it to be determinologized and used in modern Russian speech as a free phrase: in relation to different generations of people, primarily to modern Russian youth. The purpose of the article is to describe the main types of usage of the syntagma lost generation in modern Russian speech and to identify their connection with the original meaning of the term. The research material is contexts extracted from the National Corpus of the Russian language, as well as the results of the linguistic experiment conducted by the authors. The authors use quantitative, functional-semantic, descriptive methods, use the method of component analysis, highlights the main meanings and areas of use of syntagma as a steadily reproducible precedent nomination. Comparison of the experimental results and analysis of the contexts of the National Corpus of the Russian language shows significant consistency. Both in the survey and in the corpus, the terminological use is quite frequent (the second most frequent among all the selected types), however, it is significantly inferior to the totality of non-terminological uses, among which both close to the original and rather distant ones stand out ('youth', 'people who did not justify the hopes placed on them in the professional sphere', 'socially unprotected groups' and others).

Keywords: Russian journalistic discourse, NCRL, polysemy, negative evaluation, semantics, idiomatics, determinologization, linguistic experiment, precedent phenomenon, term lost generation

References (transliterated)

1. Natsional'nyi korpus russkogo jazyka. URL: <https://ruscorpora.ru> (data obrashcheniya 20.02.2023).
2. Zakharenko I.V., Krasnykh V.V., Gudkov D.B. Pretsedentnoe imya i pretsedentnoe vyskazyvanie kak simvolы pretsedentnykh fenomenov // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sb. st. – M.: Filologiya, 1997. – Vyp. 1. – S. 82–103.

3. Evtushenko E. A. Vystuplenie na Pyatom s"ezde pisatelei SSSR 1 iyulya 1971 g. Napechatano: «Literaturnaya gazeta» №28, 7 iyulya 1971 g., – S. 11-12.
 4. Brokaw T. The Greatest Generation. Random House, 1998. – 390 c.
 5. Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii // Ros. akad. nauk. In-t nauch. inform. po obshchestv. naukam. Gl. red. i sost. A. N. Nikolyukin. – Moskva : Intelvak, – 2001.
 6. Churilina L. N., Pozdnyakova N.V. Frazeologizatsiya kak lingvokognitivnyi protsess: formirovanie kontseptual'noi struktury «pokolenie» // Frazeologiya i kul'tura. – 2020. – № 2 (60). – S. 122-131.
 7. Medvedev S. «Vos'midesyatniki»: pobediteli ili poteryannoe pokolenie. URL: <https://www.hse.ru/news/1163625/10922923.html> (data obrashcheniya 12.02.2023).

Russian Formalism in Practice: A Narratological Reading of Joseph Conrad's *Youth*

Poursanati Susan

PhD in Philology

Senior Lecturer, Department of English, Allameh Tabataba'i University

1997967556, Iran, Tegeran oblast', q. Tegeran, ul. Allameh Shomali, 40, kab. rusi

 susan.poursanati@gmail.com

Ghodrati Asghar

PhD in Philology

Senior Lecturer, Department of Russian Language, Allame Tabatabai University

1997967556, Iran, Tegeran oblast', g. Tegeran, ul. Allameh Shomali, 40, aud. Universitet

[✉ asghar_ghodrati@yahoo.com](mailto:asghar_ghodrati@yahoo.com)

Abstract. Conrad's shorter works of fiction are mostly ignored in the formalistic analysis of his critics. Therefore, in order to fill the gap in the literature associated with the narrative structure of Conrad's shorter works, the authors of this article consider in detail the ideas of Genette's narratology for Conrad's story "Youth, Narration". Narratology, the method used in this article, is a science of literature that originated in the works of Russian formalists and is engaged in the systematic study of narratives. The purpose of this science is to identify the basic structures and relationships involved in the creation of history and its meaning. To achieve this goal, the theorists of narratology have introduced and defined a number of language rules that separate all narratives written in all languages. The scientific novelty of the work lies in the fact that in practice the narratological reading of the material is shown, and also shows how the authors apply these structural rules to their texts. Genette, a French narratologist, introduced five narrative categories in his book Narrative Discourse; these categories include Order, Duration, Frequency, Mood, and Voice.

Keywords: literature, English, Russian, narrative discourse, narrative categories, narrative, Russian formalism, Conrad, Genette, Narratology

References (transliterated)

1. Abrams, M. Kh., i Dzheffri Kharfem. Glossarii literaturnykh terminov (devyatoe izd.): Boston: Uodsvort, 2009. str. 109, 126.
2. Bal, Mikel'. Narratologiya: Vvedenie v teoriyu povestvovaniya. Toronto: Izdatel'stvo Universiteta Toronto, 1997. str. 143.
3. Blekbern, Uil'yam. Dzhozef Konrad: pis'ma Uil'yamu Blekvudu i Devidu S. Meldramu. Darem: Duke UP, 1958. str. 124.
4. Konrad, Dzhozef. "Molodost'". Literaturnaya struktura, zvuk i smysl. 2-e izd. Ed. Lourens Perrin. N'yu-Iork: Kharkort, 1974. str. 109-127.
5. Erlikh Viktor. «Russkii formalizm». Zhurnal istorii idei, Vol. 34, № 4 (oktyabr' - dekabr', 1973), str. 627-638.
6. Erlikh Viktor. «Russkii formalizm v perspektive». Zhurnal estetiki i iskusstvovedeniya, Vol. 13, № 2 (dekanabr' 1954 g.), str. 215-225.
7. Iglton, Terri. Literaturovedcheskaya teoriya: vvedenie. Oksford: Bevil Blekvell, 1989. str. 105-106.
8. Zhenett, Zherar. Narrativnyi diskurs. Trans. Dzhein Levin. N'yu-Iork: Kornellskii universitet, 1980. str. 32-260.
9. Yanovich, Klara Strada. «Znakomstvo s Vladimirom Ya. Edip Proppa v svete flory. Chetyre etyuda po istoriko-kul'turnoi etnografii». Russkaya literatura, Tom. 12. Amsterdam: Izdatel'stvo Severnoi Gollandii, 1982. S. 45-56.
10. Lote, Yakob. «Ot rasskazchika k rasskazchiku i ot avtora k chitatelu: Konrad i ego auditoriya». Ezhegodnik Conrad Studies 3 (2007): 15-29.
11. Lote, Yakob. «Povestvovanie i etika: Konrad, Kafka, Zebal'd». AJCN bez daty p.p. Elektronnyi istochnik. 24 avgusta 2008 g.
12. Lote, Dzheikob, Dzheremi Khotorn i Dzheims Felan. red. Dzhozef Konrad: golos, posledovatel'nost', istoriya, zhanr. Kolumbus: Ogaio, UP, 2008. str. 2-15.
13. Makkilan, Martin, izd. Narrativnyi chitatel'. London: Rutledzh, 2000. str. 107.
14. Mets, Kristian. Yazyk kino: semiotika kino. Trans. Maikl Teilor. N'yu-Iork: Oxford UP, 1974. str. 18.
15. Naider Zdzilav. Dzhozef Konrad: Khronika. Trans. Galina Kerroll-Naider. Kembridzh: Cambridge UP, 1983. str. 231.
16. N'yuton, Adam Zakhari. Narrativnaya etika. Massachusets: Garvardskii universitet, 1997. str. 58.
17. Piters, Dzhon. G. Kembridzhskoe vvedenie v Dzhozefa Konrada. N'yu-Iork: Kembridzh, 2006. str. 53.
18. Propp Vladimir. Ya. «Struktura i istoriya v izuchenii skazok (Otvet Levi-Strossu)». Russkaya literatura, Tom. 12. Amsterdam: Izdatel'stvo Severnoi Gollandii, 1982. S. 11-32.
19. Stantsel', Frants, K. Teoriya povestvovaniya. Kembridzh: Cambridge UP, 1986. str. 93.
20. Stape, Dzh.Kh. izd. Kembridzhskii kompan'on Dzhozefa Konrada. Kembridzh: Kembridzhskii universitet, 2004. 13-172.
21. Stevik Filipp. izd. Teoriya romana. N'yu-Iork: Free Press, 1967. str. 113.
22. Vellek Rene. «Russkii formalizm». Universitet Manchester'a. Elektronnyi istochnik. 25 maya. 2015.

Coverage of the Theme "One Belt and One Road" in the Media,

on the Example of the TASS Agency

Yang Huiru

Postgraduate student, Peoples' Friendship University of Russia
117198, Russia, Moscow region, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6

 596222102@qq.com

Abstract. The subject of this article is the media coverage of the topic "One Belt and One Road". The object of the study is the publications of the TASS news agency. The author analyzes the initiative from the perspective of the development of relations between the two countries and how it is reflected in the media. The media perception of this initiative has changed from superficial and one-sided to deep and comprehensive, and the focus of attention has expanded from economic interests to national security; proposals to participate in the construction of the "Belt and Road" at the present stage are becoming more and more pragmatic. The aim is to analyze the coverage of the topic in the Russian news agency. Methodology - content analysis of information messages.

Novelty of the research - at the moment there is a lack of a large number of studies on the coverage of this topic in a particular media. It can be concluded that it is necessary to continue to promote cooperation in the field of production capacity, infrastructure construction and communication, industrial modernization and economic development issues. Today, Russia and China are actively promoting the docking of National Development Strategies until 2030 with the Belt and Road Initiative. Against this background, a study of the level of awareness and changing characteristics of the Belt and Road by the news agency may provide some thoughts and recommendations for further interaction. The results of the study can be applied to analyze the work and prospects and directions of development of the two countries within the framework of the initiative.

Keywords: research, initiative, content, interpretation, analysis, media, interaction, Russia, China, TASS

References (transliterated)

1. Grosheva E. K., Fan' S. Analiz sostoyaniya kitaisko-rossiiskogo torgovogo sotrudничества v ramkakh predlozheniya «Odin poyas, odin put'» //Biznes-obrazovanie v ekonomike znanii. – 2021. – №. 1 (18). – S. 30-32.
2. Isaev A. S. Sotrudnichestvo sredstv massovoi informatsii Rossii i Kitaya: istoriya, problemy, vozmozhnosti //Problemy Dal'nego Vostoka. – 2016. – №. 2. – S. 12-20.
3. Korobov A. A., Ryabov A. A. Informatsionnye agentstva kak provodniki gosudarstvennoi informatsionnoi politiki (na primere TASS) i MIA «Rossiya segodnya» //Vestnik Povelzhskogo instituta upravleniya. – 2020. – T. 20. – №. 3. – S. 24-31.
4. Kulintsev Yu. V. Realizatsiya sotrudnichestva mezhdu Rossiei i Kitaem v gumanitarnoi sfere na primere SMI //rossiisko-kitaiskoe regional'noe sotrudnichestvo. – 2021. – s. 31.
5. Mukha A. V., Fedoseeva N. I. Analiz novostnogo kontenta internet-izdanii (na primere materialov «RIA-Novosti» i «TASS») //Filologicheskii aspekt. – 2020. – №. 9. – S. 216-221.
6. Ovcharenko A. A., Kandalov V. I. Rossiiskie informatsionnye agentstva na primere ITAR-TASS //Rossiya i mir: razvitiye tsivilizatsii. Transformatsiya politicheskikh

- landshaftov za period 1999-2019 gody. – 2019. – S. 373-379.
7. Ponomareva M. P. Printsy i tekhnologii monitoringa novostei v SMI (na primere TASS-Ural) //42.03. 02 Zhurnalistika. – 2021.
 8. Tolokonnikova A. V., Lukina M. M. Konflikty v informatsionnoi povestke dnya: k voprosu ob ob"ektivnosti (na primere publikatsii rossiiskikh informatsionnykh agentstv" Interfaks" i TASS) //Medi@ I'manakh. – 2021. – №. 5 (106). – S. 74-85.
 9. Khotimskii K. V. Proekt "odin poyas-odin put" i EAES: perspektivy razvitiya //Innovatsii i investitsii. – 2018. – №. 2. – S. 106-109.
 10. Chaolin' V. Ekonomicheskie koridory v Yuzhnoi Azii i initsiativa "odin poyas, odin put" v 2000-2010-kh gg //Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – №. 445. – S. 96-101.

Language metaphor generating tropes

Derevskova Elena

PhD in Philology

Associate Professor of the Department of Russian Language, General Linguistics and Mass Communication
Nosov Magnitogorsk State Technical University

455000, Russia, Chelyabinsk region, Magnitogorsk, Prospekt Lenina str., 26, room 206

 august1667@mail.ru

Dorfman Oksana

PhD in Pedagogy

Associate Professor of the Department of Russian Language, General Linguistics and Mass Communication
Nosov Magnitogorsk State Technical University

455000, Russia, Chelyabinsk region, Magnitogorsk, Prospekt Lenina str., 26, room 206

 mandorffoks@yandex.ru

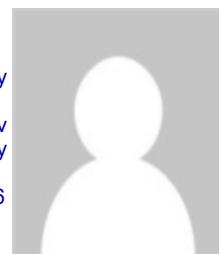
Pozdniakova Natalia

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Russian Language, General Linguistics and Mass Communication; Nosov
Magnitogorsk State Technical University

455000, Russia, Chelyabinsk region, Magnitogorsk, Lenin Avenue, 26, room 206

 nvp2018@bk.ru

Abstract. The article deals with the trope system of the Russian language. The aim of the article is to reveal the stages of analysis which students need to pass to identify different tropes based on usual metaphor. For mastering theoretical material the authors suggest the teaching technique founded on the step-by-step topic learning. The chosen form of the material presentation has determined the direction of tasks combined into three modules: "Language metaphor - Artistic metaphor"; "Language Metaphor - Personification," "Language Metaphor - Figurative comparison". Module work is connected, firstly, with the tasks involving consulting with dictionaries, studying the structure of dictionary entries, revealing the lexical-semantic variants of a polysemant word that determine the specifics of an individual trope. Secondly, the authors suggest types of exercises which involve context observing and help students rethink the meaning of a word and then correctly identify the functioning of the trope in the text. While studying the topic, each of the modules gives the opportunity to combine knowledge of theory and practical analysis of objective material and that makes the results of

research work valuable, and conclusions conscious.

While training bachelor-philologists, linguists, teachers of the Russian language and literature and students of general and (or) secondary general education, the suggested technique for studying complex issues of lexical semantics and trope system allows students to develop skills that implement professional competence related to the readiness to use systematized theoretical and practical knowledge to set and solve research problems in the field of education.

Keywords: text, component analysis, system of exercises, figurative comparison, personification, metaphor, tropes, figurative meaning, lexical semantics, technique

References (transliterated)

1. Teoriya metafory / Pod red. N.D. Arutyunovoi, M. A. Zhurinskoi. M.: Progress, 1990. 511 s.
2. Sklyarevskaya G. N. Metafora v sisteme yazyka / Otv. red. D. N. Shmelev. SPb: Nauka, 1993. 152 s.
3. Smirnov I. Metafora kak ob'ekt nauchnykh issledovanii // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 2. [Elektronnyi resurs] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-kak-obekt-nauchnyh-issledovaniy/viewer>
4. Metafora v yazyke i tekste / Otv. red. V. N. Teliya. M.: Nauka, 1988. 176 s.
5. Lyu Go Pin Ukhod v metaforu kak osnovnoi yazykovoi protsess v sovremennoi russkoi proze // Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom : materialy I Mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, fevral' 2012 g.). SPb: Renome, 2012. [Elektronnyi resurs] URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/26/1340/>
6. Osokina S. A., Karpukhina V. N., Savochkina E. A. Lingvisticheskie issledovaniya metafory: kratkii obzor // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2021. № 4 (89). S. 423-427.
7. Bardovskaya A.I. Synaesthetic metaphor in Nabokov's ideostyle (basing on the analysis of «The Gift») // Modern scientific research and their practical application. 2013. № 4. R. 85-97.
8. Pavlova A.V., Ustinova D.V. Metaphor in translation of british poetry into the russian language // Modern studies of social issues. 2020. № 1-2. T. 12. R. 35-40.
9. Berezovskaya Maria K. The didactic role of metaphor in language teaching (learning a metaphor in an english class) // Sibirskii uchitel'. 2021. № 6 (139). S. 132-136.
10. Bogdanova E.S. Problemy interpretatsii metaforicheskikh vyrazhenii starshimi shkol'nikami // Voprosy psicholinguistiki. 2017. № 31. S. 30-41.
11. Revenko E.S., Shevchenko M.N. Sovremennye podkhody k izucheniyu metafory // Vestnik AmGU. 2009. Vyp. 46. S. 107-109.
12. Pertseva N.K. Metaforichnost' – odno iz uslovii povysheniya kul'tury rechi shkol'nikov // Nachal'naya shkola. 2013. № 8. S. 52-55.
13. Komarova Yu.V. Rabota nad metaforoi kak sposob formirovaniya vyrazitel'noi pis'mennoi rechi uchashchikhsya gumanitarnykh klassov // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2008. № 30 (67). S. 382-387.
14. Nikitin M.V. Kurs lingvisticheskoi semantiki. SPb: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2007. 819 s.
15. Blinova O.I. Teoriya → Slovar' → Teoriya → Slovar' // Voprosy leksikografii. 2012. № 1.

S. 6-26.

16. Arutyunova N.D. Metafora i diskurs // Teoriya metafory Pod red. N.D. Arutyunovoi, M. A. Zhurinskoi. M.: Progress, 1990. S. 5-33.
17. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / M.: Rus. yaz., 1985-1988. [Elektronnyi resurs] URL: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ.htm>
18. Akhmetova G.D. Yazykovye protsessy v sovremennoi russkoi proze (na rubezhe XX-XXI vv / Otv. red. M. B. Borisova. Novosibirsk: Nauka, 2008. 166 s.
19. Belokurova S.P. Slovar' literaturovedcheskikh terminov. SPb : Paritet, 2006. 320 s.
20. Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii / Gl. red. i sost. A.N. Nikolyukin. M.: Intelvak, 2001. 800 s.
21. Vinogradov V.V. O poezii Anny Akhmatovoi. // Poetika russkoi literatury: izbrannye trudy / Red.: M.P. Alekseev, A.P. Chudakov. M.: Nauka, 1976. 511 s.
22. Strekalova N.D., Belyakov V.G. Razrabotka i primenenie uchebnykh keisov: prakticheskoe rukovodstvo. CPb.: Otdel operativnoi poligrafi NIU VShE, 2013. 80 c.

Narrative Devices of Metamodernism

Cela Xhoi

PhD in Philology

Postgraduate, Russian and Foreign Literature Department, Peoples' Friendship University of Russia

U. miklukho - maklaja, Russia, Moscow region, Moscow, Moscow str., 5

 celaxhoi@gmail.com

Abstract. Theorists of metamodernism have written a large number of scientific articles on metamodernism, but these articles only clarify the existence and meaning of metamodernism. It is important to reflect some of the narrative techniques used in literature, and this would contribute to a deeper acquaintance with metamodernism. The purpose of the study is to propose, analyze and reflect the narrative techniques of metamodernism, to enable the reader to better understand metamodernist practices in modern novels. Each era has its own storytelling techniques, and this article will introduce six of the main storytelling techniques used in metamodern novels. Six techniques: hesitation, thinking "as if", man, paradox, breaking boundaries within globalism and metanarrative. The object of the study is the analysis of the narrative techniques of metamodernism. In the article the author used analytical, descriptive and comparative methods. The author analyzes six narrative techniques, listing the reasons for their use. The author describes their use in the text using examples from the works of modern writers. It is also necessary to compare the metamodern narrative techniques with the narrative techniques of previous eras. The practical significance of the application in applying the results in the courses of modern Russian literature, theory and history of Russian and foreign literature. The novelty of the study lies in the reflection of six narrative techniques of metamodernism, which can help the reader to better understand metamodernism as a worldview. As a result, it is proved that metamodernism has its own unique narrative techniques that distinguish it from its predecessors. The six narrative techniques are an important fact proving that metamodernism exists and appears in literature and beyond.

Keywords: worldview, technique, metanarrative, globalism, human, paradox, fluctuation, metamodernism, postmodernism, modernism

References (transliterated)

1. Abramson S. Desyat' osnovnykh printsipov metamodernizma // HuffPost. 2017. S. 2-3.
2. Adorno, T. V. Primechaniya k literature / Izdatel'stvo Kolumbiiskogo universiteta. 2019. C. 4-23.
3. Al'ber, Yan i Elis B. Kak vazhno snova byt' ser'eznym: fakty i vymysel v sovremenennykh povestvovaniyakh v SMI // Evropeiskii zhurnal angliiskikh issledovanii T. 23, № 2 (2019): C. 121-135. doi.org/10.1080/13825577.2019.1640414
4. Andersen L. R. Metamodern: smysl i nadezhda v slozhnom mire / Kopengagen: Severnyi Bildung (2019): S. 40-45.
5. Varufakis Ya. Razgovor s docher'yu ob ekonomike — Kratkaya istoriya kapitalizma // Tez 11. 2022. C. 2 <https://teza11.org/bisede-me-vajzen-time-mbi-ekonomine/>
6. Vermelen T. i van den Akker R. V nekotorom rode utopiya: primer metamodernizma // Studiya Neofilologiya T. 87 (2015): S. 55-67. doi.org/10.1080/00393274.2014.981964
7. Vermelen T. i van den Akker, R. Zametki o metamodernizme // Zhurnal estetiki i kul'tury. 2010. 2 (1): 5677. doi:10.3402/jac.v2i0.5677.
8. Gans B. Ideya postmoderna: istoriya / Rutledzh. 1995. S. 124. ISBN 0-415-06011-7
9. Gregg Kh. i Gerts D. Chto takoe metamodernizm? // Psichologiya segodnya. 2020. S. 1. <https://www.psychologytoday.com/us/blog/theory-knowledge/202004/what-is-metamodernism>
10. Ger A. Postmodernizm i ekologicheskii krizis, Teilor i Frencis, 1995. ProQuest Ebook Central. S. 3-15. <http://ebookcentral.proquest.com/lib/swin/detail.action?docID=165745>.
11. Dumitresku A. Predskazanie metamodernizma: Reformatsiya sebya v Ierusalime, Messiya i Rosarium Philosophorum // Universitet Babesh-Boiyai v Kluzhe. 2016. C. 5-10.
12. Zan'kovskii A. Vremya tverdykh meduz: metamodern, kotoryi my zasluzhili // Metamodern. Zhurnal o metamodernizme. 2021 C. 2 <https://metamodernizm.ru/metamodern-which-we-deserve/>
13. Klaskin-Dzhonson, Mishel'. «K metamodernistskomu akademicheskому izucheniyu religii i bolee religioznomu metamodernizmu». Teologicheskie issledovaniya HTS / Teologicheskie issledovaniya, T. 73, № 3 (2017): C. 2-4. <https://doi.org/10.4102/hts.v73i3.4491>
14. Laveri N. Soznanie i rasshirenni razum v metamodernistskom romane // Angliiskie issledovaniya T. 99, № 7 (2018): S. 756.
15. Meier I. Voskreshenie modernistskikh svyazei s obshchestvennost'yu. ESSACHESS — Zhurnal kommunikatsionnykh issledovanii 2021.14: 15-36.
16. Myurrei T. Metamodernizm, prostota i slozhnost': Istselenie modelei razvitiya posredstvom involyutsionnogo spuska. V «Poslaniyakh iz vremen mezdu mirami: krizis i poyavlenie v metamoderne». Pod redaktsiei Dzhonatana Rousona i Paskalya Leimana. N'yu-Iork: Barns i Noubli. 2021. C. 30-33.
17. Rod'kin P. E. Metamodernistskii attraktsion. Iskusstvo, arkhitektura, dizain, kino, politika / Pavel Rod'kin. — M.: Sovpadenie, 2021. S. 55
18. Rouson Dzh. Kak dumat' o metakrizise, ne slishkom volnuyas'. Vykhydyat: obshch. 2020. C. 2 Dostupno onlain: <https://www.whatismerging.com/opinions/how-to-think-about-the-meta-crisis-without-getting-too-excited>
19. Sautvord D. Imeya delo s tvorcheskim/kriticheskim razdeleniem: eti lyudi kak chitateli prosto ne mogut znat', chto znachit pisat' // Novoe pis'mo: Mezhdunarodnyi zhurnal

- praktiki i teorii tvorcheskogo pis'ma. T. 13, № 2 (2016 g.): C. 278
20. Storm, Dzh. Ananda Dzh. Metamodernizm: budushchee teorii. // Chikago: Universitet Chikago Press (2021): S. 33-46.
21. Uilber K. Perednii krai neizvestnogo v cheloveke // Zhurnal Nauka i nedvoistvennost'. (2016): C. 2

The Vocabulary of Traditional Dishes of the Regions of Spain, which has a Foreign Language Origin.

Pshenichnikova Angelina Yur'evna

Postgraduate student, Assistant, Department of Comparative and Typological Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, g. Moscow, ul. Mklukho-Maklaya, 6

✉ angelina82@mail.ru

Abstract. In the modern world, the Spanish language in Latin America is defined as the national version of the Spanish language. The object of the study is the national variants of the Spanish language. The subject of the study is the vocabulary of traditional dishes of the regions of Spain. In this regard, considering the origin of the vocabulary of traditional Spanish dishes, we highlight the purpose of the study: to analyze the names of traditional dishes of the regions of Spain that have an origin from the names of dishes of some Latin American countries. The Spanish language has a wide territorial variability, which determines the inter-variant national and cultural specifics of communication (Firsova, 2021: 176). The objectives of this work are to establish the interrelationships of the origin of the vocabulary of traditional dishes of the regions of Spain with the vocabulary of similar dishes of Latin American countries. The scientific novelty of our research consists in examining and analyzing the little-studied vocabulary of dishes from Spain and Latin American countries, such as Peru, Argentina and Cuba. Relevance of the research: the role of the Spanish language and the national variant of the Spanish language are an urgent topic and suggest making new conclusions about the development of the language, in a broad sense, as a sign and communicative system. The vocabulary of traditional Spanish dishes, represented by such groups as Arabisms, Gallicisms, Latinisms, indigenisms, regionalisms and varianisms, is marked by their different origins. Spanish in Latin American countries can be defined as the national version of the Spanish language. Spanish in Latin America has the status of the official language. Along with the Spanish official language, Quechua and Aymara have the status of the state language in the countries of Peru and Bolivia, which is reflected in the national and cultural specifics of the Spanish language. In the countries we are considering, Peru, Argentina and Cuba, the Spanish language, of course, has its own peculiarities. In the article we gave an analysis of the vocabulary of dishes by origin.

Keywords: regionalisms and variationisms, latinisms, hallicisms, indihenisms, arabisms, autonomous communities of Spain, linguistic zones, language picture of the world, realities, national version

References (transliterated)

1. Akhmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M.: Sov. entsiklopediya, 1969. C. 381.
2. Vezhbitskaya A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov. M.: Yazyki

- slavyanskoi kul'tury, 2001. S. 7 – 35.
3. Vinogradov V.S. Vvedenie v perevodovedenie. M.: Izdatel'stvo IOSO RAO, 2001. C. 104 – 111.
 4. Vinogradov V.S. Leksikologiya istoricheskogo yazyka: uchebnik. 4-e izdanie. – M.: KDU, 2015. C. 70.
 5. Ganzelka I. Zikmund M. Tam, za rekoyu,-Argentina. Molodaya gvardiya, 1959. S. – 429.
 6. Gumbol'dt V. fon. Yazyk i filosofiya kul'tury. M.: Progress, 1985. S. 324.
 7. Ignashina Z.N. Natsional'no-kul'turologicheskie osobennosti istoricheskogo yazyka Kuby. Diss. ... kand. fil. nauk. Moskva, 2021.
 8. Kul'tura Argentiny. Akademiya Nauk SSSR. Institut Latinskoi Ameriki. Kul'tura Argentiny. M.: Nauka, 1977. S. 367.
 9. Maslova V.A. Lingvokul'turologiya. M.: Akademiya, 2001.
 10. Pleukhova E.A., Kulikovskaya A.N. Ispanskii yazyk Dominikanskoi respubliki – ot istokov do sovremennoj sostoyaniya// Fil. nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2017. № 5.
 11. Stepanov G.V. K probleme yazykovogo varirovaniya. Ispanskii yazyk Ispanii i Ameriki. Izd. 3-e. – M.: Lenand, 2021. S. 328.
 12. Stroganov A.I. Latinskaya Amerika. Stranitsy istorii 20 v. M.: Knizhnyi dom "Librokom", 2015.
 13. Firsova N.M. Ispanskii yazyk i kul'tura v ispano-amerikanskih stranakh. Izd. 2-e. – M.: Lenand, 2021. S. 176.
 14. Firsova N.M. O mezhvariantnoi frazeologicheskoi sinonimii i omonimii v istoricheskem yazyke // Voprosy istorii i romanistiki. 2011. № 11. S. 171-177.
 15. Chesnokova O.S. Ispanskii yazyk Meksiki. Yazykovaya kartina mira. Izd. 2-e, M.: LENAND, 2020. S. 204.
 16. Chesnokova O.S. Kolumbiya v mire istoricheskogo yazyka. Izd. 3-e, ispr. i dop. M.: LENAND, 2021. S. 76.
 17. Shemyakin Ya.G. Latinskaya Amerika: traditsii i sovremennost'. M.: Nauka, 1987. S. 136.
 18. Shcherbakova E.V. Lingvokul'turologicheskie osobennosti nikaraguanskogo natsional'nogo varianta istoricheskogo yazyka. Diss. ... kand. fil. nauk. Moskva, 2008g.
 19. Entsiklopedicheskii spravochnik. V 2-kh t. Latinskaya Amerika. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1979. S. 656.
 20. Henríquez Ureña P. Estudios Linguisticos y filológicos-Obras completas. Secretaria de Estado de Cultura, 2003.
 21. M. Moliner. Diccionario de uso español. T. 1-2. Madrid: Editorial Gredos, 1986: 5924.
 22. Real Academia Espanola. Diccionario de la lengua española. Version en linea (www.rae.es).

Fairy Tale Narrative in the Media Environment: Structure and Functions (on the Example of Motivating YouTube Content)

Pavlov Dmitrii Nikolaevich

Postgraduate Student, Department of Journalism, Media Communications and Advertising, A. S. Gribogedov
Moscow University

111024, Russia, Central Federal District, Moscow, Sh. Enthusiastov str., 21

✉ dima2011211@gmail.com

Abstract. The article puts forward and substantiates the concept of motivating content. On the example of the four most representative videos posted on the You-Tube video platform, its specific features are considered.

So, firstly, the specifics of the composition of the analyzed videos are revealed, it is proved that their structure goes back to the narrative archetypes of a fairy tale. Secondly, the order of the narrative elements is determined and the key features of the emerging syntagmatic plot unity are described. Thirdly, the functional specificity of motivating content has been established, which lies in the fact that it performs a psychological and therapeutic function (motivating content helps in resolving a personal psychological crisis, temporarily replacing real psychological help). The method of functional analysis of the fairy tale narrative, developed by V. Propp, serves as a research method. This method is based on the principle of decomposition of a work, which allows you to divide the material into its component parts and analyze the invariant features of the text series. The novelty of the work lies in the fact that it presents a functional analysis of narrative matrices found in media works that perform a psychological and therapeutic function in society. As a result of the study, the author concludes that MC is useful both for the blogger (increase in the audience) and for the viewer (the first, but temporary, psychological and therapeutic help).

Keywords: mediatization, media environment, structure, personality crisis, content, fairy tale, motivating content, motivation, narrative, mediaplatforme

References (transliterated)

1. Bugaeva L.D. Narrativ, media i emotsi // Russkii sled v narratologii: mater. mezhdunarodnoi nauch.-praktich. konf.-2012.-S. 12-16.
2. Samsonova E. Roli, kotorye igrayut lyudi. Sygrai zhizn' po svoim pravilam. - SPb: Piter, 2013.-256 s.
3. Nagovitsyn A.E., Ponomareva V.I. Simvologiya: Ot filosofskikh teorii do praktiki skazkoterapii. - M.: Genezis, 2014.-304 s.
4. Nagovitsyn A.E., Ponomareva V.I. Skazkoterapiya: teoriya i praktika. Tipologiya skazki. -M.: Genezis, 2011.-336 s.
5. Propp V.Ya. Istoricheskie korni volshebnoi skazki. - M.: Labirint, 2005.-332 s.
6. Pink S. Interv'yu s videokamerami: predstavlenie, samorepresentatsiya i narrativ // CyberLeninka URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intervyu-s-videokameroy-predstavlenie-samorepresentatsiya-i-narrativ> (data obrashcheniya: 20.02.2023).
7. Tak Ya Pridumala Garri Pottera» | Dzhoan Rouling «Pravila uspekha // YouTube URL: https://www.youtube.com/watch?v=0_kJ0yzGQ0M (data obrashcheniya: 15.02.2023).
8. Osipova N.O. Strukturno-semioticheskii podkhod kak aspekt metodologii gumanitarnogo znaniya // Kul'turologicheskii zhurnal.-2011.-№3.-S. 1-11.
9. Volkova E.G. Kognitivnyi mekhanizm evolyutsii zhanra skazki // Vestnik KemGU.- 2012.-№4.-S. 285-289.
10. Voploti Svoi Mechty – Madonna-Pravila uspekha // YouTube URL:

- <https://www.youtube.com/watch?v=PZr-wV-pk0E> (data obrashcheniya: 10.02.2023).
11. Duein Skala Dzhonson – eto video izmenit vashu zhizn' – sil'neishaya motivatsiya i pravila zhizni // YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=v91UHGgvTLY> (data obrashcheniya: 30.01.2023).
 12. Ilon Mask: kak dostigat' v 10 raz bol'she drugikh // YouTube URL: https://www.youtube.com/watch?v=Fe_M7CAGeRI (data obrashcheniya: 20.02.2023).
 13. Abul'khanova K.A. Psichologiya i soznanie lichnosti (Problemy metodologii, teorii i issledovaniya real'noi lichnosti): Izbrannye psichologicheskie trudy. - M.: Moskovskii psichologo-sotsial'nyi institut, 1999.-224 s.

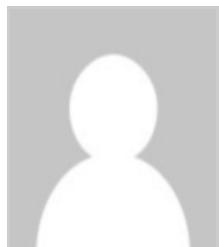
Changing the Semantics of Author Terms Based on Scientific and Artistic Texts on the Example of the Term "Happening"

Kosarina Aleksandrina Anatol'evna

Postgraduate Student, Department of English Linguistics, Moscow State University

141202, Russia, Moscow region, Pushkino, Dzerzhinets str., 31, sq. 17

✉ kosarinaalex@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the concept of the author's term, its definition is given, and the etymological, semantic and pragmatic criteria for the allocation of the author's term are also highlighted. Using the term Happening as an example, the use of the author's term in professional and non-professional discourse is considered. The article examines the definition given by the author of the term Alan Kaprow, and the evolution of his understanding of the term Happening. The semantics of the term and its changes in the works of various artists of the 1950s - 1960s, as representatives of professional discourse, and in works of art of the 1960s - 2010s, representing non-professional discourse, are studied. Common features of the use of the term Happening in professional and non-professional discourses are highlighted. The main conclusions of the study are the following positions: the term Happening can be considered copyright, since its author is known, the author's sema is key to the semantics of the term, and professionals using it associate the concept with its creator. In professional discourse, the term is used in a direct terminological meaning. In non-professional discourse, the term loses part of this, acquiring others; in particular, the author's sema is lost, and the term no longer meets the criteria of the author's term. The novelty of the research lies in the appeal to the use of the English-language author's term in professional and non-professional discourse.

Keywords: term in fiction, Allan Kaprow, Art term, term semantics evolution, Happening, term semantics, layperson discourse, professional discourse, author term, artist terminology

References (transliterated)

1. Azarova N.M. Tipologicheskii ocherk yazyka russkikh filosofskikh tekstov KhKh veka. M.: Logos / Gnozis, 2010. 228 s.
2. D'yachenko A.P. Slovar' avtorskikh terminov, ponyatiy i nazvanii. M.: Akademkniga, 2003. 375 s.
3. Slozhenikina Yu.V, Rastyagaev A.V., Kukhno I.Yu. Avtorskii termin: k opredeleniyu ponyatiya // Ontologiya proektirovaniya, 2018. T. 8. № 1 (27). S. 49–57.

4. Slyusareva N.A. O tipakh terminov (na primere grammatiki) // Voprosy yazykoznanija, 1983. № 3. S. 23.
5. Tabanakova V.D. Avtorskii termin: znayu, interpretiruju, perevozhu. Tyumen': TGU, 2013. S. 5.
6. Kukhno I.Yu. Avtorskaya terminologiya (na materiale idiolekta L.V. Gumileva): dis. ... filol. kand. nauk. Samara, 2018. 23 s.
7. Chilvers I., Osborne H., Farr D. The Oxford Dictionary of Art. Oxford: Oxford University press, 1988, p. 213.
8. Cambridge Dictionary. URL:
<https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/happening> (data obrashcheniya 15.02.2023).
9. Stepanova, V.V. O tipakh otraspolevogo professional'nogo diskursa // Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny. Ser.: Gumanitarnye nauki, 2019. № 1 (112). S. 137–140.
10. Kochemasova D.R., Voronina E.B. Professional'nyi diskurs // Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018. T. 12. № 2. S. 146–151.
11. Biche-ool Ch.V., Mal'tseva V.M. Professional'nyi i neprofessional'nyi diskurs: k opredeleniyu ponyatii // Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova, 2017. № 21.
12. Beilinson L.S. Professional'nyi diskurs kak predmet lingvisticheskogo izucheniya // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Yazykoznanie, 2009. № 1(9). S. 145–149
13. Happening // Art Term. URL: <https://www.tate.org.uk/art/art-terms/h/happening> (data obrashcheniya 10.01.2023).
14. Kaprow, A. The Legacy of Jackson Pollock. In: Ders: Essays on the Blurring of Art and Life, Hrsg. von Jeff Kelley, Berkeley 1993, pp. 1–9. In: Art News 57, No. 6, Oktober 1958, pp. 24–26, 55–57, 58
15. Johnson Ellen H. American artists on art from 1940 to 1980. URL:
<https://archive.org/details/americanartistso00john/page/68> (data obrashcheniya 15.02.2023).
16. Zaliznyak A.A. Semantika kavychek // Trudy Mezhdunarodnogo seminara Dialog'2007 po komp'yuternoi lingvistike i ee prilozheniyam. M.: RGGU, 2007. URL:
http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm (data obrashcheniya 10.01.2023).
17. Kaprow A. Happenings In The New York Scene, 1961. URL:
<https://superweirdsubstance.com/allan-kaprow-happenings-new-york-scene/> (data obrashcheniya 10.01.2023).
18. Prokof'eva Yu.A. Problema razgranicheniya nauchnogo i naivnogo znaniya v yazyke // Lesnoi vestnik–Vestnik MGUL, 2006. № 7. S. 50–53
19. Wahtera J. The happening; a carol for all seasons. Boston: Atlantic/Little, Brown, 1974, 118 p.
20. Lucas C. Indonesia is a happening. New York: Walker/Weatherhill, 1970, 139 p.
21. Adam T. Who Grows The Grass, 2016. URL:
<https://archive.org/details/WhoGrowsTheGrass2016/page/n7/mode/2up> (data obrashcheniya 10.01.2023).

The Specifics of Word Formation in Chinese Russian-Learners' Interlanguage

Zheng Qianmin

Postgraduate student, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Peoples' Friendship University of Russia

123290, Russia, Moscow region, Moscow, 39k1 Shmitovsky Ave.

 toujie@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to find out the specifics of word formation in Chinese Russian-learners' interlanguage. In the process of mastering a second language, interlanguage is considered as a language system in which exist its own rules and function, which differ from the rules of both the native and the target languages. The article updates the concepts of the term "interlanguage" in recent studies in Russian linguistics, discusses the common characteristics of interlanguage, analyzes speech features and written language materials related to interlanguage of two groups of Chinese philology students studying Russian language at the Faculty of Philology in Peoples' Friendship University of Russia. The novelty of the research lies in the fact that the author for the first time systematically described the specifics of word formation in Chinese Russian-learners' interlanguage in aspects of prefix, suffix, word endings, etc., explained the reasons for their existence. The obtained research results provide useful recommendations to teachers working in the field of foreign language teaching; the results can be especially useful in classes for teaching Chinese students Russian language. The material of this article can also be used in the process of compiling textbooks and teaching aids on applied linguistics and the discipline of Russian language.

Keywords: prefix, characteristic features, target language, Chinese learner, interlanguage, Russian language, word formation, specifics, suffix, word ending

References (transliterated)

1. Ashmarina I. L. Oshibki kitaiskikh i russkoyazychnykh studentov, izuchayushchikh angliiskii yazyk: vnutriyazykovaya gipoteza // Kommunikatsiya v sovremenном polikul'turnom mire: dialog kul'tur: Sbornik nauchno-prakticheskikh trudov / Otv. red. T. A. Baranovskaya. – M.: Pearson, 2014. – Tom. Vypusk 2. – S. 483-493.
2. Bagdueva A. V. Narushenie morfemnogo sostava slov v kitaiskoi rechi russkogovoryashchikh studentov // Vestnik Yuzhno-ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Lingvistika». – Chelyabinsk, 2020. – T. 17. № 4. – S. 61-66.
3. Zhigalova M. P. Samorazvitie chitatelya v sovremennom mul'tikul'turnom prostranstve // Obrazovanie i samorazvitie. – Kazan', 2014. – № 2 (40). – S. 221-225.
4. Zamanstanchuk D. E. Ponyatie lingvisticheskoi oshibki v sovremennoi nauchnoi paradigme // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov, 2017. – № 5-2 (71). – S. 76-79.
5. Loseva N. V., Aleksandrovskaia E. B. Mul'tilingvizm i interyazyk v zerkale introspeksii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – Voronezh, 2022. – № 2. – S. 13-21.
6. Perekhval'skaya E. V. Russko-kitaiskii pidzhin i russkii «interyazyk» // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanii – Santk-Peterburg, 2013. – T. 9. № 3. – S. 331-345.

7. Polunina L. N. Teoriya interyazyka s pozitsii sovremennoi lingvodidaktiki // Aktual'nye problemy sovremennoi obrazovaniya: opyt i innovatsii (materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s distantsionnym i mezhdunarodnym uchastiem). – Ul'yanovsk, 2019. – S. 415-420.
8. Rogoznaya N. N. Novoe v lingvistike: k teorii interyazyka // Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta. – Ulan-Ude, 2009. – № 10. – S. 78-82.
9. Rogoznaya N. N. Opisanie korpusa interyazyka // Mir russkogo slova. – Sankt-Peterburg, 2012. – № 3. – S. 7-11.
10. Rogoznaya N. N. Yazykovye kontakty: Bilingvism. Interyazyk. Interferentsiya: monografiya. – Moskva, Gos. IRYa im. A. S. Pushkina, 2022. – 200 s.
11. Sukhotina I. Yu. Issledovanie vliyaniya interyazyka pri obuchenii nemetskomu yazyku kak vtoromu inostrannomu // Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal Kontsept. – Kirov, 2018. – № V10. – S. 8-12.
12. Tsylina M. N. Interlanguage transcends second language acquisition // Professional'noe lingvoobrazование. – Nizhnii Novgorod, 2015. – S. 116-129.
13. Chzhen Ts. M., Shaklein V. M. Osobennosti slovosochetanii v interyazyke kitaiskikh studentov, izuchayushchikh russkii yazyk // Litera. – Nizhnii Novgorod, 2023. – № 2. – S. 44-53.
14. Shaklein V. M., Chzhen Ts. M., Interyazyk: v poiskakh utochneniya termina. – Ekaterinburg: Mezdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal, 2017. – № 5 (59) Chast' 1. – S. 170-175.
15. Yakhontov S. E. Tipologiya mofemy // Morfema i problemy tipologii: sb. st. / otv. red. I. F. Vardul'. – M., 1991. – S. 86-107.
16. Rogoznaya N. Sue Li Interlanguage: types, stages, causes // Russian Journal of bilingualism studies. – Moskva, 2022. – № 2. – S. 43-49.
17. Selinker L. Interlanguage, IRAL. International Review of Applied Linguistics in Language Teaching, 10 (1-4), 1972. – P. 209-232.

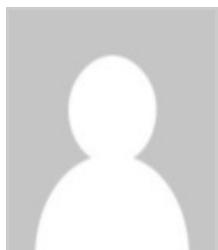
National and Cultural Peculiarities of the Use of Phraseological Expressions in Chinese and Russian

Jia Junwen

Graduate student, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ 596222102@mail.ru

Abstract. Idioms are the essence of a people's language and have a distinctive important national character. An idiom is a frequently used phrase that plays an important role in everyday communication. The differences in the structure, metaphorical use, the origin of the precedent phrases reveal the individuality of the two languages and cultures. The article provides a comparative analysis of the use of idioms in Russian and Chinese. Although modern vocabulary is a part of the language, which has greatly developed and changed, this does not mean that all its laws are in a state of fluidity there are two kinds of lexical laws - static and dynamic.

The aim of the research is to carry out the analysis of Russian and Chinese phraseological expressions. The subject of the research is the national and cultural peculiarities of the use of

phraseological expressions. Methods of research - analysis of scientific sources on the topic of research. Results of work. In Russian language idioms are called "salt of life" and "fruit of historical wisdom". In this article we will first try to discuss the lexical features of modern language to shed light on this topic. The results of the study can be applied in further comparison of the phraseological units of the two countries. The novelty of the research is due to the lack of scientific elaboration of the issue. All this actualizes the chosen topic of our research.

Keywords: vocabulary, Russian idiom, escapism, culture, lexical features, cultural features, National features, languages, Russia, China

References (transliterated)

1. V.N. Teliya // Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira / otv. red. B.A. Serebrennikov. – M.: Nauka, 1988 – S. 173–204.
2. Van M. i dr. Frazeologicheskie edinitsy s komponentom «naimenovaniya predmetov domashnei utvari i ee chastei» v russkom i kitaiskom yazyke-etnokul'turnye sootvetstviya: vypusknaya bakalavrskaya rabota po napravleniyu podgotovki: 45.03. 01 Filologiya-Filologiya. – 2021, 89 s.
3. Zhui Ch. Kh. Frazeologizm kak etnokul'turnyi fenomen: lingvostranovedcheskii aspekt (na materiale kitaiskogo i russkogo yazykov) : dis. – Krasnodar : Chzhou Khan' Zhui, 2014, s.9-12
4. Litszyun' Ch. 论对外汉语词汇教学的方法与原则. – 2016
5. Lyzlov A.I. Aksiologicheskaya dinamika angliiskoi frazeologicheskoi sistemy[J]. Dokt dis, 2020. S.120-123.
6. Teliya, V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticseskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Tekst] / V.N. Teliya. –M.: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1996. – 288 s.
7. 何元建. 现代汉语生成语法. – BEIJING BOOK CO. INC., 2021.
8. 何自然 et al. 新编语用学概论. – BEIJING BOOK CO. INC., 2021.
9. 刘静静.也谈“语词分立”[J].辞书究, 2011(06):27-34+93. DOI:10.16134/j.cnki.cn31-1997/g2.2011.06.005.
10. 白云, 陈壮. 基于语料库的俄汉“怀疑”语义客体论元对比研究及其翻译 //渭南师范学院学报. – 2017. – T. 32. – №. 22. – S. 53-57.

The Syntaxeme 'pri tsare' ('in tsarist time') in the Meaning of 'in Russia until 1917' (according to the Russian National Corpus)

Chzhan Tintin

PhD in Philology

Postgraduate Student, Department of Russian Language, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow region, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 51

✉ tt0608@mail.ru

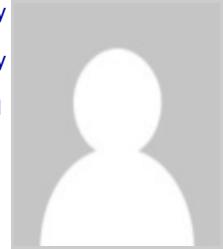
Zhdanova Larisa Aleksandrovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow region, Moscow, Leninskie Gory str., 1

✉ zhda@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the linguistic means, through which native speakers of the Russian language structure their history, divide it into periods. Such means include, in particular, indications of significant events (before / after the Revolution) and the nature of state power: *pri tsare* ('in tsarist time'), under the Soviet regime. The aim of the article is to describe the semantics, the pragmatics, the synonymous and antonymic relations of the syntaxeme *pri tsare* ('in tsarist time') in the temporal absolute use (without the extension of the definition). This use of the syntaxeme emerges after 1917, before which the syntaxeme is used in the temporal sense only with specifying definitions such as *pri tsare Petre* ('in the time of Peter 1'). The research material was found in the contexts borrowed from the main subcorpus of the Russian National corpus, the entire collection of samples consists of 964 contexts, 368 contexts are related to the temporal absolute use of the syntaxeme in question. The analysis of contexts with the absolute temporal use of the syntaxeme allows us to identify the meaning 'in Russia before 1917' and several subtypes (shades of meaning): 'under the tsarist regime' (denotes a wide time range with a blurred lower border), 'in the pre-revolutionary period' (several decades, the reign of Nicholas II), 'a very long time ago'. The article uses quantitative, functional-semantic, descriptive methods, uses the method of component analysis, and considers the dynamic aspect (analyzes the change in the meaning of syntaxeme during the last century). The relevance of the study is due to the fact that lexicographic sources cannot explain the peculiarities of the use of the nominations under consideration, therefore, a description of their semantics and pragmatics with a linguocultural commentary is required.

Keywords: synonyms, pragmatics, connotation, nomination, temporal vocabulary, 'naïve' chronology, linguistic worldview, syntaxeme '*pri tsare*', denotation of historical periods, dynamic aspect

References (transliterated)

1. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. URL: <https://ruscorpora.ru> (data ob-rashcheniya 20.02.2023).
2. Mikheeva, L. N. Vremya v russkoj yazykovoj kartine mira: lingvokulturologicheskii aspekt. Diss...doktora filologicheskikh nauk. M., 2004.
3. Yakovleva, E. S. Fragmenty russkoj yazykovoj kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya). - M., 1994. - 344 s.
4. Logicheskii analiz yazyka: yazyk i vremya / pod red. N. D. Arutyunovoi. T. E. Yanko. M., 1997. - 352 s.
5. Kornilov, O. A. Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov. M., 2003. - 349 s.
6. Rueangdam, A. Atributivnoe sochetanie kak sredstvo oboznacheniya istoricheskikh sobytiy i epokh v russkom yazyke // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, № 4 (46) 2015, chast' 1. S. 154-157.
7. Rueangdam, A. Ustoichivye atributivnye sochetaniya s semanticheskim komponentom «vremya» v sovremenном russkom yazyke. Diss...kand. filol. nauk. M., 2018.

8. Nakhimova, E. A. Pretsedentnoe pole "Smutnoe vremya" v sovremennoykh SMI // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2008. № 60. Vyp. 24. S. 118-126.
9. Savel'eva, I. M., Poletaev, A. V. Znanie o proshlom: teoriya i istoriya. SPb.: Nauka, 2003. T. 2: Obrazy proshlogo. 751 s.
10. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. M., 1992.
11. Kuznetsov, V. V. «Pri tsare Gorokhe»: frazeologicheskie sochetaniya, oboznachayushchie proshloe // Rodnaya slovesnost' v sovremennom kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve. Sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 7 (13). Tver'. 2017 - S. 62-69.
12. Slovar' russkogo jazyka / pod red. A. P. Evgen'evoi. V 4-kh tomakh. 4 izd. M., 1999.

Real Geographical Loci and their Meaning in K. K. Sluchevsky's Cycle "Murmansk Echoes"

Chen Fangming

PhD in Philology

Postgraduate, Department of the History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow region, Moscow, Leninskie Gory str., 1, 918

✉ 17854222348@163.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of real geographical loci in the poem cycle "Murmansk echoes", written by the poet-pre-symbolist K. K. Sluchevsky in 1888 under the impression of a trip to the Murmansk region. The conducted research using historical, functional and comparative methods allows us to comprehend the nature of Sluchevsky's literary work and the philosophical ideas embedded in his poetry. The author of the article pays special attention to the study of landscapes, which are an expression of emotions and personal feelings of K. K. Sluchevsky, reflecting the concept of the poet's life and his philosophy; consideration of such an aspect of the topic as Sluchevsky's use of real loci to expand time and space. The scientific novelty lies in the fact that the work for the first time studied the influence of real geographical loci on the poetry of K. K. Sluchevsky, the depiction of artistic images in northern Russia, the life and customs of local pomors, investigated the changes in perspective in the real locus and the expansion of time, revealed the general "mythologeme" of the space of the real locus. As a result of the research, the author comes to the conclusion that the geographical locus allows the poet not only to convey impressions about what he saw, but also to open his inner life, and most importantly, to recreate a holistic picture of the universe through concrete and small things.

Keywords: Murmansk, sea, real geographical loci, lyrical cycle, Murmansk echoes, Konstantin Konstantinovich Sluchevsky, poetry, space, time, images

References (transliterated)

1. Legotina Yu. V. Obrazy severa i zimy v lirike K.K. Sluchevskogo [Elektronnyi resurs]/ elektronnaya biblioteka publikatsii o muzee-zapovedniye «Kizhi». URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabininskie-cteniya-2015/1612.html>
2. Likhachev D. S. Poetika drevnerusskoi literatury. L.: Izdatel'stvo «khudozhestvennaya literatura», 1979. 209 s.

3. Lotman Yu. M. O poetakh i poezii: Analiz poeticheskogo teksta.-SPb. Izdatel'stvo «Prosveshchenie», 1972. 6 s.
4. Miroshnikova O. V. Itogovaya kniga v poezii poslednei treti XIX veka: arkhitektonika i zhanrovaya dinamika : spetsial'nost' 10.01.01 "Russkaya literatura" : avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk / Miroshnikova Ol'ga Vasil'evna. – Omsk, 2004. 33 s.
5. Naumlyuk M. V. Semantika prostranstva Kol'skogo Severa v stikhhotvornom tsikle K. Sluchevskogo «Murmanskie otgoloski» / M. V. Naumlyuk // VIII Maslovskie chteniya : sbornik nauchnykh statei : [v 2 chastyakh] / Murm. gos. ped. un-t [i dr.]. – Murmansk : MGPU, 2010. – Ch. 1. S. 136–141.
6. Polyakova G. V. Pomory i pomory v tvorcheskom vospriyatiu K. K. Sluchevskogo (stikhhotvornyj tsikl «Murmanskie otgoloski», ocherki «Po severu Rossii» // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. [Seriya «Gumanitarnye i sotsial'nye nauki»]. 2010. № 2. S. 92–96.
7. Sluchevskii K. K. Poezdkii po Severu Rossii v 1885–1886 godakh. M.: OGI, 2009. S. 41–128.
8. Sluchevskii K. K. Stikhhotvoreniya i poemy / Vstop. st., sost. i primech. E. A. Takho-Godi. SPb.: Akademicheskii proekt, 2004. S. 124–133.
9. Takho-Godi E. A. Konstantin Sluchevskii. Portret na pushkinskom fone. SPb.: Aleteiya, 2000. 208 s.
10. Dzeitova F. M. Tema Kavkaza v tvorchestve A.S. Pushkina / F. M. Dzeitova, R. K. Uzhakhova // Vestnik nauki. – 2019. – T. 3, № 1(10). S. 96–99.

The philosophical aspect of the book of literary and critical articles as a structural and semantic unity

Zakharova Elizaveta Mikhailovna

PhD in Philology

Researcher, Maxim Gorky Institute of World Literature

121069, Russia, Moskva oblast', g. Moscow, ul. Povarskaya, 25 a

 Elizakharova2019@gmail.com

Abstract. The focus of this research is the book of literary-critical articles as a "big form", a phenomenon of such a special and developing branch of modern science of literature as cyclogeography. The main objects are authorized collections of articles written in the period from 1986 to 1989, when literary criticism of the philosophical direction was revived. Publications were selected as the research material: "On a live trail. Spiritual Searches of Russian Classics" by I.I. Vinogradov, "The Artist in Search of Truth" by I.B. Rodnyanskaya and "Paradoxes of Novelty: On the Literary Development of the XIX–XX centuries" by M.N. Epstein. The purpose of this work is to identify and analyze the principles that make it possible to talk about the philosophical nature of books that have become the object of comparative analysis for the first time. The distinctive feature of the books of the period 1986–1989 considered in this article in semantic terms were the "Aesopian language" conditioned by the era, indirect and direct references to the texts of Holy Scripture, concentration on issues related to the problems of Russian classical literature to solve problems of a spiritual and moral order. In general, we can talk about each of the books considered as a conscious attempt by the author to offer his own view both on problems relevant to the current state of literature and on issues of universal importance based on philosophical concepts and special ideological

attitudes.

Keywords: literary criticism, collection of articles, book, Epstein, Rodnyanskaya, Vinogradov, cyclology, philosophical direction, philosophical, structural and semantic unity

References (transliterated)

1. Beloborodova A.A. Kniga stikhov kak khudozhestvennoe tseloe v literature Serebryanogo veka: Uchebnoe posobie. Omsk: Izd-vo OmGPU, 2007. 55 s.
2. Vinogradov I.I. Dukhovnye iskaniya russkoi klassiki. M.: Russkii put', 2005. 672 s.
3. Golubkov M.M. Istoriya russkoi literaturnoi kritiki XX veka (1920 – 1990-e gody): ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. un-tov i vuzov. M.: Academia, 2008. 368 s.
4. Zykova G.V. Zhurnal kak literaturnaya forma. M.: RITM. 2006. 288 s.
5. Krylov V.N. Knigi kriticheskikh statei: osobennosti zhanrovoi formy v kontse XIX – nachala XX veka // Russkaya literatura XX-XXI vekov: problemy teorii i metodologii izucheniya: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: 10-11 noyabrya 2004 g. / Red.-sost. S.I. Kormilov. M.: MAKS Press. 2004. S. 419-423.
6. Krylov V.N. Russkaya literaturnaya kritika: problemy teorii, istorii i metodiki izucheniya. M.: FLINTA: Nauka, 2016. 240 s.
7. Leiderman N.L. Dvizhenie vremeni i zakony zhanra. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo. 1982. 256 s.
8. Lotman M.Yu. Struktura khudozhestvennogo teksta. M.: Iskusstvo. 1970. 384 s.
9. Luchnikov M.Yu. Esteticheskie osnovaniya literaturnoi kritiki epokhi eideticheskoi poetiki. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 2007. 141 s.
10. Mentsel' B. Grazhdanskaya voyna slov. Rossiiskaya literaturnaya kritika perioda perestroiki. SPb.: Akademicheskii proekt. 2006. 400 s.
11. Prokhorov G.S. Kniga prozy kak strukturno-semanticeskoe edinstvo (Na materiale sbornikov s zagolovochnym znakom «zertsalo»): dis. kand. filol. nauk. M., 2004. 179 s.
12. Rodnyanskaya I.B. Khudozhnik v poiskakh istiny. M.: Sovremennik, 1989. 384 s.
13. Tikhomirov V.V. Svoeobrazie metoda literaturnoi kritiki // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2011. S. 165-168.
14. Kholikov A.A. Prizhiznennoe polnoe sobranie sochinenii kak strukturno-semanticeskoe edinstvo v tvorchestve russkikh pisatelei (D.S. Merezhkovskii). 592 s.
15. Khrustaleva A.V. Simvolizm v vospriyatiu M.O. Gershenson i S.L. Franka (o nereshennykh voprosakh teorii literaturnoi kritiki) // Problemy filologii, kul'turologii i iskusstvoznaniya. № 2. 2012. S.158-161.
16. Chuprinin S.I. Tvorcheskaya individual'nost' kritika i literaturnyi protsess 1960-1980-kh godov. Diss. d. filol. n. M., 1993. 39 s.
17. Epshtein M.N. Paradoksy novizny. O literaturnom razvitiyu XIX – XX vekov. M.: Sov. pisatel', 1988. 416 s.
18. Epshtein M.N., Yur'enek S. Entsiklopediya yunosti. M.: E, 2018. 589 s.

Sonnet "Ozymandias" by P.B. Shelley

Skryabin Valentin Yurievich □

PhD in Medicine

Associate Professor, Department of Narcology, FGBOU DPO RMANPO of the Ministry of Health of Russia

Abstract. Thanks to its irony and the famous line "Look on my Works, ye Mighty, and despair!", the sonnet "Ozymandias" has become one of the most famous poems of the romantic era. It was written by Percy Bysshe Shelley in 1817 and eventually became his most famous work. The poem describes the half-buried remains of the statue of the Egyptian Pharaoh Ramesses II and contrasts the proud words of the pharaoh with his ruined likeness. The main theme of "Ozymandias" is that any power is temporary and transitory, no matter how proud or tyrannical the ruler may be, and is achieved through a number of poetic techniques. The purpose of this study is to identify the features of the poetics of the sonnet "Ozymandias" by P.B. Shelley.

This article presents the history of writing the sonnet and attempts to analyze the poetic techniques used in it. The analysis takes into account the peculiarities of literary and critical perception and understanding of the author's works and their translations in Russia. A hypothesis is described explaining the origin of the pseudonym Glirastes, under which Percy Shelley was hiding and under which the sonnet "Ozymandias" was first published in The Examiner newspaper on January 11, 1818. References to the sonnet "Ozymandias" in popular culture are given.

Keywords: Bryusov, translation, rhyming system, Russian-English literary relations, english poetry, Ozymandias, rhythm, metre, sonnet, Shelly

References (transliterated)

1. Zhatkin D.N., Ryabova A.A. Stikhotvorenie P.-B. Shelli «Ozimandiya» v russkikh perevodakh kontsa XIX-nachala XX v. // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2011. № 1. S. 69-77.
2. Pepanyan N.S. «Ozimandiya» P.B. Shelli v russkikh i armyanskikh perevodakh (V. Bryusov, K. Bal'mont, E. Avagyan). Bryusovskie chteniya. 2019. S. 287-301.
3. Diodorus Siculus. The Historical Library: in Fifteen Books. – London: W. M'Dowall, 1814. – Vol. I & II. – 422 p.
4. Dudko A.E. Iстория переводов сонета P.B. Shelli «Ozymandias» на русский язык в аспекте сравнительного стиховедения. Stat'ya 1 // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 4 (85). S. 118-122.
5. Norov A.S. Puteshestvie po Egiptu i Nubii v 1834-1835 gg. / Pod red. V.V. Solkina. M.: Kuchkovo pole, 2012. 320 S.
6. The New York Public Library. 2022. Romantic Interests: "Ozymandias" and a Runaway Dormouse. URL: <https://www.nypl.org/blog/2018/07/06/romantic-interests-ozymandias-shelley-dormouse> (data obrashcheniya: 18.01.2022).
7. Bryusov V.Ya. Ozimandiya / V.Ya.Bryusov // Zarubezhnaya poeziya v perevodakh Valeriya Bryusova. M.:Raduga, 1994. – S. 613.

Mari folk Songs in the Artistic Structure of S. G. Chavain's Novel "Elnet"

Kudryavtseva Raisiya Alekseevna □

Doctor of Philology

Professor of the Department of Finno-Ugric and Comparative Philology at Mari State University

424002, Russia, respublika Respublika Marii El, g. Ioshkar-Ola, ul. Kremlevskaya, 44, kab. 503

 kudsebs@rambler.ru

Abstract. The article examines the folklore intertext of the novel "El'net" by the classic of Mari literature Sergey Grigoryevich Chavain at the level of folk songs, reveals their place in the artistic structure of the novel text, analyzes their role in revealing the people's perception of the world and the nature of the creative personality of the intellectual-Mari, in the expression of the author's ideas. The song texts of the novel, directly borrowed from folklore or reworked by the author, as well as created by Chavain himself in the likeness of the content and stylistics of folk-poetic works, give the artistic narrative romantic sublimity, poetry, drama and national specificity, strengthen the author's concept of the world and character. The methodology of the research is determined by the structural and semantic analysis of the works. The article for the first time identifies and describes in detail the semantic and typological components of the folklore-song intertext of Chavain's novel "El'net", its significance for the expression of its artistic content. It is proved that the song texts of the novel mostly reveal the traditional cultural way of life of the Mari people, their natural existence, orientation to myths and ideals (labor songs; ritual songs: wedding, including lamentation songs; lyrical, mainly love and orphan songs). They are directly related to the national issues of the novel and the author's concept based on the uniqueness of the Mari people and their culture. A lot of space is occupied by songs that highlight the difficulties of the pre-revolutionary social life of the Mari people, the inequality of ethnonational existence, which became the reason for the formation of revolutionary predilections in the popular environment (recruiting - about seeing off to war, orphans, lamentations). This folklore intertext helps to clarify the ideological and moral quest of Mari in the pre-revolutionary era, the search for ways of social and national liberation brewing in the depths of the people.

Keywords: poetics, artistic concept, folk song, artistic structure, folklore intertext, «El'net», The novel, Sergej G. Chavain, Mari literature, artistic functions

References (transliterated)

1. Aksiologicheskaya paradigma mariiskoi literatury KhKh-KhKhI vekov: kollekt. monografiya / Mar. gos. un-t; R. A. Kudryavtseva, T. N. Belyaeva, G. E. Shkalina i dr.; sost. i nauch. red. R. A. Kudryavtseva. Ioshkar-Ola, 2019. 353 s.
2. Bassel' N. M. Problemy mezhnatsional'noi obshchnosti estonskoi sovetskoi literatury. Tallinn: Eesti raamat, 1985. 312 s.
3. Belevtsova V. O. Traditsionnaya svadebnaya obryadnost' mariitsev: strukturno-tipologicheskii analiz // Sotsiologiia i sotsial'naya antropologiya. 2011. № 2. S. 182–198.
4. Broitman S. N. Iz lektsii po istoricheskoi poetike. Slovo i obraz // URL: https://nashaucheba.ru/v5585/lektsii_po_istoricheskoi_poetike (data obrashcheniya: 26.01.2023).
5. Vasin K. K. Iстория и литература: О проблеме историзма в марийской литературе: ист.-литературовед. очерк. Ioshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1980. 152 s.
6. Vasin K. K. Prosveshitel'stvo i realizm: K probleme genezisa sotsialisticheskogo realizma v mariiskoi literature: ist.-literaturoved. ocherki. Ioshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1975. 247 s.
7. Vasin K. K. Sergei Grigor'evich Chavain: Zhizn' i tvorchestvo. 2-e izd, dop. Ioshkar-Ola:

- Mar. kn. izd-vo, 1987. 47 s.
8. Dzhanumov S. A. Narodnye pesni i malye zhanry fol'klora v tragedii A. S. Pushkina «Boris Godunov» // Literatura v shkole. 2020. № 1. S. 32-44.
 9. Ivanov A. E. Marii literatur: tunykyshylan polysh. Ioshkar-Ola: Marii kniga savyktysh, 1993. 280 s.
 10. Istorya mariiskoi literatury / otv. red. K. K. Vasin, A. A. Vasinkin. Ioshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1989. 432 s.
 11. Kudryavtseva R. A. Genezis i dinamika mariiskogo rasskaza v kontekste literatur narodov Povolzh'ya: monografiya / Mar. gos. un-t. Ioshkar-Ola, 2011. 324 s.
 12. Medrish D. N. Literatura i fol'klornaya traditsiya: voprosy poetiki / pod red. B. F. Egorova. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1980. 296 s.
 13. Ocherki istorii mariiskoi literatury. Chast' II / MarNII yaz., lit i ist. pri Sovete ministrov Mariiskoi ASSR; otv. red. M. A. Georgina. Ioshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1960. 412 s.
 14. Fokeev A. L. Neissyakaemyi istochnik. Ustnoe narodnoe tvorchestvo. Rekrutskie obryady. Prichitaniya // URL: <https://deepcloud.ru/articles/chto-takoe-rekrutskiy-folklor> (data obrashcheniya: 02.02.2023).
 15. Chavain S. G. Vozymy whole kum tom dene luktaltesh. 3 tom: P'esa-vlak, «Elnet» roman / K. K. Vasin den G. S. Chavain pogen chumyrenyt. Ioshkar-Ola: Knigam Luksho marii izd-vo, 1981. 429 s.
 16. Chavain S. G. Elnet: roman / per. s mar. V. Murav'eva. Ioshkar-Ola: Mar. kn. iz-vo, 1988. 256 s.

The Egyptian Novelistic Prose of the 1950s and the Tendencies of its Development: a Comparative Analysis

Bogdanova Iuliia Alexandrovna

Graduated Student, Department of Arabic Philology, Institute for Asian and African States, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow region, Moscow, Leninskie Gory str., 1

 jul.bogd1111@gmail.com

Abstract. The article investigates the common tendencies and the diversity of the Egyptian novelistic prose of the 1950s. We analyzed the following novels: The Earth (1954) by 'Abd al-Rahman al-Sharqawi, The Cairo Trilogy (1956–1957) by Naguib Mahfouz, The Sin (1959) by Yusuf Idris, The Open Door (1960) by Latifa al-Zayyat, and The Blue Flashlights (1960) by Mahmoud Teymour. Despite the fact that some of the most significant novels were written in the 1950s (The Trilogy, The Sin, and The Open Door are in the top-100 of the Arabic novels of the 20th century, Arab writers union, 2001), the researchers have been taking into account either the authors one by one, or the modern Arabic literature in general. We drew the attention to the national features and the close context in which these influential Egyptian novels were created. By comparing their plots, characters' systems, style and language, narrative, and the conflicts of the pieces, we came to the following results: the realism in Egypt flourished in the 1950s; the socialist, critical, psychological branches of the realistic literature are represented. The writers' interest was dedicated to the national liberation struggle. The prose of the decade is either urban or rustic. The difference between writers' generation appears in the language of the dialogues (Standard Arabic or Egyptian dialect). In conclusion, the realism in Egypt had reached its mature stage in the 1950s, and during the decade, the tendencies appeared that had led to the rise of modernism in the 1960s.

Keywords: arabic modernism, socialist realism, Egyptian realism, Egyptian literature, novel, modern arabic literature, arabic literature, Naguib Mahfouz, Yusuf Idris, arabic prose

References (transliterated)

1. Abdulazizov A. S. Makhmud Amin al'-Alim – propagandist marksistskoi filosofii i kritik burzhuaznói ideologii v Arabskoi Respublike Egipet: dissertatsiya ... kandidata filosofskikh nauk: 09.00.03. – Baku, 1984. – 135 s.
2. Bakhtin M.M. Formy vremeni i khronotopa v romane / Sobr. soch. v 7 t. – M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. – T. 3, s. 341–503.
3. Bogdanova Yu. A. Otrazhenie "Kairskoi trilogii" N. Makhfuzha (1911-2006) v issledovaniyakh XXI veka // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie, izdatel'stvo Izd-vo Mosk. un-ta (M.), 2021, № 3, s. 44–50.
4. Bogdanova Yu.A. Khronotop semeinogo doma v «Kairskoi trilogii» N. Makhfuzha i «Voine i mire» L. N. Tolstogo: utrata idillii? // XXXI Mezhdunarodnyi nauchnyi kongress po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki, Sankt-Peterburg, Rossiya, 23–25 iyunya 2021.
5. Kirpichenko V. N. Egipetskii roman vtoroi poloviny XX – nachala XXI v. // Iстория romannых form v literaturakh Afriki / In-t mirovoi literatury im. A.M. Gor'kogo RAN. – M.: Vostochnaya literatura, 2010. – S. 221–271.
6. Kirpichenko V. N. Nagib Makhfuz – emir arabskogo romana. M.: Nauka, 1992. – 304 s.
7. Kirpichenko V. N. Yusuf Idris. M.: Nauka, 1980. – 208 s.
8. Kirpichenko V. N., Safronov V. V. Iстория egipetskoi literatury XIX-XX vekov. M.: «Vostochnaya literatura». – V 2 t. – T. 2: 2003. – 270 s.
9. Mustafina E. M. 1.4. Osnovnye tendentsii literatury / E. M. Mustafina. Kul'tura Egipta v kontekste obshchestvenno-politicheskogo razvitiya strany: Vtoraya polovina KhKh veka: dissertatsiya... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.03. – Kazan', 2004. – S. 87–124.
10. Roshchin Yu. E. Trilogiya egipetskogo pisatelya Nagiba Makhfuzha "Bain al-kasrain" kak proizvedenie kriticheskogo realizma. Dissertation... kandidata filologicheskikh nauk: 10.00.00. – Moskva, 1967. – 307 s.
11. Badawi M.M. (ed.). Modern Arabic literature. Cambridge University Press, 1992. – 571 p.
12. Brugman J. An Introduction to the History of Modern Arabic Literature in Egypt. Leiden: E.J. Brill, 1984. – 439 p.
13. El-Enany R. Naguib Mahfouz: The Pursuit of Meaning. London: Routledge, 1993. 271 p.
14. Mansour L. Représentations du discours dans la Trilogie de Naguib Mahfouz. Linguistique. Université de Nanterre – Paris X, 2010. Français. – 308 p.
<https://theses.hal.science/tel-00523991>
15. 'Abd ar-Rakhman M. Afdal 100 rivaia 'arabiiia fi-l-karn al-'ishrin. Asma' ikhtarakha Ittihad al-kuttab al-'arab [100 luchshikh arabskikh romanov KhKh v. Imena, kotorye vybral Soyuz arabskikh pisatelei] // Al-Iaum as-sabi', 14.1.2023. URL: <https://www.youm7.com/story/2023/1/14/6048446> (Data obrashcheniya: 1.3.2023). (Zdes' i dalee na arabskom yazyke).
16. Abu 'Avf 'A. R. Iusuf Idris va-'alimukh fi-l-kissa al-kasira va-r-rivaia [Yusuf Idris i ego mir v rasskaze i romane]. Kair: Al-khaia al-misriia al-'amma li-l-kitab, 2001. – 287 s.

17. Anis 'A.-'A. Fi ar-rivaia al-misriia al-khadisa [O sovremennom egipetskem romane] / Al-'Alim M. A., Anis 'A. 'A. Fi as-sakafa al-misriia [O egipetskoi kul'ture]. Kair: Dar as-sakafa al-dzhadida, 1989. – S. 105–142.
18. Iusuf Sh. B. Ar-Rivaia va-r-riva'iin – Dirasat fi-r-rivaia al-misriia [Roman i romanisty: issledovanie egipetskogo romana]. Kair: Mu'assasat Khurs ad-davlilia, 2006. – 213 s.
19. Kasim S. Bina' ar-rivaia: Dirasa mukarana li-Sulasiiat Nadzhib Makhfuz [Struktura romana: sravnitel'noe issledovanie «Trilogii» Nagiba Makhuza]. Kair: Maktabat al-usra, 2004. – 251 s.
20. Makhraz S. Atlas al-Kakhira al-adabii [Literaturnyi atlas Kaira]. Kair: Dar ash-Shuruk, 2012. – 434 s.

Multiculturalism in Teju Cole's Novel "Open City"

Shchepacheva Inna Vladimirovna

PhD in Philology

Senior Professor of the Department of Foreign Literature of Kazan (Volga) Federal University

420021, Russia, Tatarstan region, Kazan, Tatarstan str., 2, room 425

 inna.schepacheva@yandex.ru

Abstract. The object of the study is the modern American multicultural prose of the late XX-early XXI century, the subject of the study is the situation of multiculturalism. The research material is the novel "Open City" by the modern American writer of Nigerian origin Teju Cole, published in 2012. The purpose of the study is the relevance of this study due to several factors. Firstly, at this stage, both in foreign and domestic literary studies, one can observe a continuing interest in highlighting various features of multicultural literature in the United States. Secondly, today T. Cole is a significant author in the modern literary space of the USA. The novel we are analyzing is distinguished by its appeal to the iconic trends of modern US literature and is an interesting material for research in the context of the designated topic. If the work of many representatives of the multicultural prose of the USA of the late XX-early XXI century became the subject of scientific research, the work of Teju Cole is practically not studied. In this regard, the novelty of our research lies in the fact that for the first time in Russian literary studies, an analysis of the novel "Open City" is provided from the point of view of the functioning of various cultures and their influence on the formation of the identity of the protagonist. As a result of the research, we come to the conclusion that the novel highlights the multicultural situation in which the main character finds himself. Such a situation causes a mental crisis in the mind of the hero, since he cannot fully feel his belonging to any of the cultural components.

Keywords: race issues, migrant characters, identity crisis, Nigerian literature, African theme, multiculturalism, the USA literature, English literature, Teju Cole, the image of New York

References (transliterated)

1. Tlostanova M. V. Problema multikulturalizma i literatura SSSR kontsa XX veka. M., IMLI RAN: Nasledie, 2000. 400 s.
2. Stulov Yu. V. Novye tendentsii v amerikanskoi literature, novye imena // Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully. 2020. № 4 (57). S. 150-156.

3. Tolkachev S. P. Mul'tikul'turalizm v postkolonial'nom prostranstve i kross-kul'turnaya angliiskaya literatura [Elektronnyi resurs] // Informatsionno-gumanitarnyi portal «Znanie. Ponimanie. Umenie». 2013. № 1 (yanvar'-fevral'). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Tolkachev_Multiculturalism-Cross-cultural-Literature (data obrashcheniya: 26.03.2023).
4. Gavristova T. M. Afropolitizm: al'ternativa kosmopolitizmu ili transformatsiya identichnosti? // Vestnik Sankt-Peterburzhskogo universiteta. 2017. T.9. Vyp. 2. S. 159-172.
5. Selas T. Teju Cole talks to Taiye Selasi: 'Afropolitan, American, African. Whatever' [Elektronnyi resurs] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/books/2016/aug/05/teju-cole-taiye-selasi-interview-known-strange-things> (data obrashcheniya: 26.03.2023).
6. Cole T. Water Has No Enemy [Elektronnyi resurs] // Granta. URL: <https://www.granta.com/New-Writing/Water-Has-No-Enemy> (data obrashcheniya: 26.03.2023).
7. Koul T. Otkrytyi gorod. Ad Marginem, 2022. 256 s.
8. Tolkachev S. P. Mul'tikul'turnaya literatura: otvet na novye vyzovy XXI veka // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina. 2019. №2 (63). S. 153-166.
9. An Immigrant's Quest For Identity In The 'Open City' [Elektronnyi resurs] // NPR. URL: <https://www.npr.org/2011/02/13/133686644/an-immigrants-quest-for-identity-in-the-open-city&sc=nl&cc=bn-20110218> (data obrashcheniya: 26.03.2023).
10. Gavristova T. M. Afrika: vremya travelogov // Kunstkamera, 2019. №4(6). S. 176-184.
11. Gavristova T. M., Khokhol'kova N.E. Afrikanskie travelogi: vopreki stereotipam. // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik, 2018. № 6 (105).
12. Tlostanova M. V. Postkolonial'nye issledovaniya // Zapadnoe literaturovedenie KhKh veka: entsiklopediya. M.: Intrada, 2004. S. 320-323.
13. Mokrushina Z. V. Nigeriiskie publitsisty: ot istoricheskogo konstruktivizma k nastoyashchemu // Kunstkamera. 2019. № 4 (6). S. 89-98.
14. Sollors W. Cosmopolitan Curiosity in an Open City: Notes on Reading Teju Cole by way of Kwame Anthony Appiah // New Literary History. 2018. Vol. 49. No. 2. P. 227-248.

Fashion and the buzzword in scientific coverage (based on the material of Russian and Chinese)

Yi Liqun □

PhD in Philology

postdoctoral researcher, Department of Russian language, Peking University

119234, China, Beijing, Yiheyuan str., 5, sq. 5

✉ yiliqun@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of fashion and buzzwords in scientific coverage, the task of which is to identify the concept of "fashion" in various scientific fields and the characteristics of the buzzword in the discourses of the Russian and Chinese languages. The article describes the manifestation of the fashion category in philosophical discourse. A comprehensive analysis of the philosophers' points of view on fashion allows us to identify the load of meanings of the concept of "fashion" in clothing, its connection with the concepts of

"prestige" and "taste" and characters (total, changeable). Separating the semiotics and semiology of fashion, R. Barth proves the inseparability of fashion and language. Semantic and cognitive analysis of the concept of a fashionable word in two languages shows common characteristics: relevance, mass character, prestige, transience, news, expressiveness. The study allows us to conclude that the concept of "language fashion" and "fashion word" is closely related to the category of fashion in culture and in civilization. In the philosophical discourse, the most important characteristics of the fashion category were highlighted: its inseparable connection with the category of taste, the social nature of fashion, its inclusiveness and changeability. In semiotics, fashion was defined as a sign system put at the service of the economy and social stratification of society. Language fashion is a powerful means of manipulating and influencing human consciousness. The buzzword is a significant dynamic linguistic phenomenon, it simultaneously creates a problem of lexicography and performs powerful functions. The author considers the concept of "fashionable word" in the everyday life of Russian linguistics in comparison with Chinese, which determines the novelty of the study.

Keywords: scientific coverage, concept, discourse, semiotics, philosophy, Chinese language, Russian, the buzzword, fashion, the concept

References (transliterated)

1. Ripyakhova, M.M. Proyavlenie yazykovoi mody v politicheskem diskurse // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2013. № 4 (22). S. 162–165.
2. Gofman A.B. Moda i lyudi. Novaya teoriya mody i modnogo povedeniya. 4-izdanie, ispravленное и дополненное. M.: KDU, 2015. 227 c.
3. Kant I. Otvet na vopros: chto takoe Prosveshchenie? Kant I. Soch. na nem. i rus. yaz. T. 1. M., 1994. C. 29-37.
4. Brusenskaya L.A. Kategorii «moda», «prestizh»: sotsiolingvisticheskii i lingvopragmaticheskii aspekt // Russkii yazyk v polikul'turnom mire. Titarenko E. Ya. (otv. red.). Rostov-na-Donu, 2008. S. 294-300.
5. Gegel' G.V.F. Estetika. V 4 t. T. 1. M., 1968–1973.
6. Bodler Sh. Poet sovremennoi zhizni. Bodler Sh. Ob iskusstve. M., 1986. C.283-315.
7. Cherneiko L.O., Bashkatova D.A. Filosofsko-lingvisticheskii aspekt izucheniya mody // Filologicheskie nauki, 2008. № 2. S. 86-99.
8. Florenskii P.A. Ikonostas. Sobr. soch. V 4 t. T. 2. M., 1996. 878 c.
9. Bodriiyar Zh. Simvolicheskii obmen i smert'. M., 2000. 389 c.
10. Kheizinga I. Chelovek igrayushchii. M., 2001. 350 c.
11. Proektivnyi filosofskii slovar': Novye terminy i ponyatiya. SPb., 2003. 512 c.
12. Bart R. Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury. M., 2003. 511 c.
13. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Sankt-Peterburg: «Norint», 2004. 1534 c.
14. Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t./AN SSSR, In-t rus. Yaz.; Pod red. A. P. Evgen'evoi. – 3-e izd., stereotip. – M.: Russkii yazyk, 1985-1988. T. 2. K-O. 1986. 736 c.
15. Kostomarov V.G. Yazykovoi vkus epokhi. M.: SPb., Zlatoust, 1999. 320 c.
16. Krongauz M.A. Semanticheskie sdvigi v semantike otsenochnykh prilagatel'nykh // Yazyk v dvizhenii: K 70-letiyu L.P. Krysina. E.A. Zemskaya, M.L. Kalenchuk. (otv. red.). M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2007. S. 345-356.
17. Novikov V.I. Slovar' modnykh slov. Yazykovaya kartina sovremennosti. M.: AST: CORPUS, 2018. 351 c.

18. Fedorova L.L. Sovremennoe sostoyanie molodezhnoi rechi: k opredeleniyu zhargona // Russkii yazyk segodnya. Aktivnye yazykovye protsessy kontsa XX veka. Sbornik statei / pod red. L.P. Krysina. M.: Azbukovnik, 2003. S. 271-279.
19. Vepreva I.T., Mustaioki A. Kakoe ono, modnoe slovo: k voprosu o parametrakh yazykovoi mody // Russkii yazyk za rubezhom, 2006. № 3. S. 45-62.
20. Vrublevskaya O.V. Yazykovaya moda v russkoi onomastike. M-vo obrazovaniya RF, Volg. gos. sotsial'no-pedagogicheskii un-t – Volgograd. diss. dokt. filol. Nauk. 2017. 328 c.
21. Vepreva I.T. Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epokhu. M-vo obrazovaniya RF, Ural. gos. un-t im. A. M. Gor'kogo. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. Un-ta, 2002. 378 c.
22. Zhuravleva N.G. Fenomen «modnogo» slova: lingvopragmatischeeskii aspekt (na materiale sovremennoi russkogo yazyka). diss. kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2010. 177 c.
23. Dmitrieva O.A. Yazykovaya moda kak povedencheskii reguliyativ // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2014. No 2. S. 535–538.
24. Ripyakhova, M.M. Yazykovaya moda i mental'nost': k voprosu o strukture i funktsiyakh // Yazyk i kul'tura (Novosibirsk), 2012. № 1(24). S. 225–229.
25. Jing Song. Novoe issledovanie modnykh slovechek // Yuwen jianshe. 1999. № 3. R. 22-26.
26. Yu Jin, Wu Fei. Predvaritel'noe issledovanie modnykh slov na angliiskom i kitaiskom yazykakh // Zhongguo haiyangdaxue xuebao (shehuikexueban). 2004. № 5. S. 94-96.
27. Hou Jinxian. Modnye slova kak markery peremen v Kitae // English Today 2007. № 23(3&4). S. 50-52.
28. Zhang Yun. Kul'turologicheskie issledovaniya modnykh slov // Keji chuanx in daobao. 2009. № 35. S. 192.
29. Shmeleva T.V. Klyuchevye slova tekushchego momenta. // Collegium. 1993. No 1. S. 33-41.
30. Xia Lihong. Innovatsii i konvergentsiya yazyka s tochki zreniya modnykh slov // Yuyan jiaoxue yuyanjiu. 1999. № 2. S. 16-18.
31. Ren Raolong. Kharakteristiki modnykh slovechek // Riyuxuexiyuyanjiu. 1998. № 2. S. 5-20.
32. Yagafarova L.T. Glushkova S.Yu. Kontsept moda v russkom i kitaiskom yazykakh // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 8. S. 58-61.
33. Korpus sovremennoi kitaiskogo yazyka [Modern Chinese Corpus].
http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/
34. Devkin V.D. Ocherki po leksikografii. M.: Prometei, 2000. 395 c.
35. Devkin V.D. Slovari, kotorye ne napechatali // Voprosy yazykoznaniya, 2001. № 1. S. 85-96.